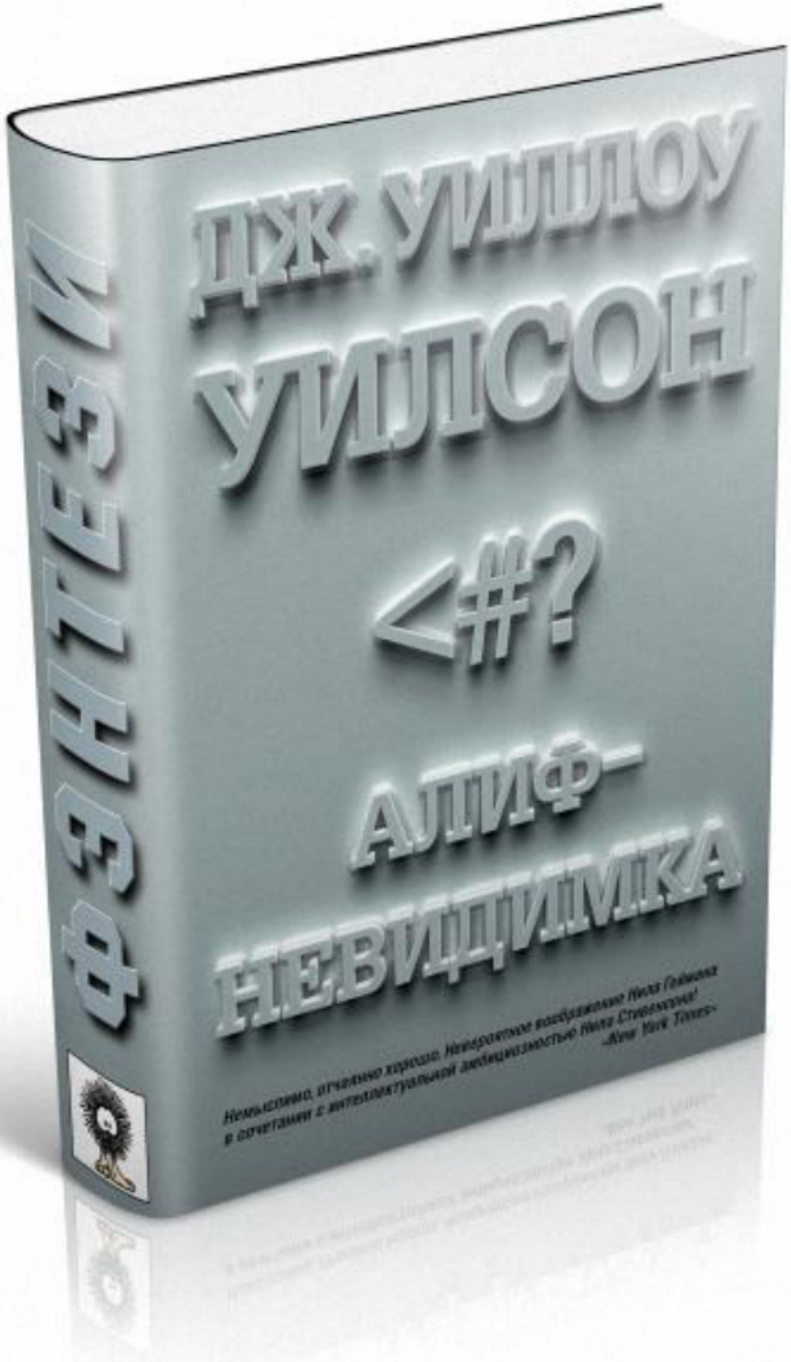
ФЭНТЕЗИ
ДЖ. УИЛЛОУ УИЛСОН
<#?
АЛИФ-НЕВИДИМКА
Немыслимо, отчаянно хорошо. Невероятное воображение Нила Геймана в сочетании с интеллектуальной дерзновенностью Нила Стивенсона!
-Нью-Йорк Таймс-

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Хакер Алиф защищает неугодные его правительству сайты в маленькой стране Ближнего Востока. Ему и так хватает неприятностей, чего стоит хотя бы охотящаяся за ним Рука Господа — глава государственной службы безопасности!

Но однажды Алиф становится обладателем «Тысячи и одного дня» — таинственной старинной рукописи, якобы продиктованной джинном.

Что это — красивая легенда или ключ к программе, способной изменить мир? Чтобы разгадать эту загадку, Алифу придется вступить в смертельно опасную игру и призвать на помощь силы не только из нашего мира…

- Дж. Уиллоу Уилсон
  - Глава нулевая
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Дж. Уиллоу Уилсон
Алиф-невидимка

Моей дочери Марьям, родившейся в «арабскую весну»

В каждом божественном Имени истинно верующий узнает все многообразие имен Господних.

Мухаммед ибн Араби

Если события и эпизоды, описанные в этих повествованиях, суть плоды воображения дервиша, его суждения делают их весьма похожими на правду, и его образы суть отражения реальных вещей.

Франсуа Пети Делакруа.

Тысяча и один день

Глава нулевая

Персия

Давным-давно

Чудище всегда появлялось в час между закатом и полной темнотой. Когда на исходе дня свет начинал понемногу меркнуть, бросая серо-лиловые тени на двор конюшни у подножия башни, где он работал, Реза начинал дрожать от тревожного ожидания. Каждый день с приближением вечера память настойчиво переносила его на шестьдесят лет назад в объятия кормилицы. В час сумерек джинны начинают беспокоить добрых людей, говаривала она ему. Она была турчанкой и никогда не выплескивала помои из окна, заранее не извинившись перед невидимыми прохожими, которые могли в тот момент оказаться внизу. Если бы она этого не делала, разгневанные чудища могли напустить на ее маленького подопечного жуткое проклятие вроде слепоты или черной оспы.

В юности, когда Реза учился и еще не познал глубин мудрости, он считал ее страхи невежественными суевериями.

Теперь же он сделался стариком, у которого осталось мало зубов. Когда солнце ослепительно сверкнуло на куполе шахского дворца, стоявшего на другой стороне площади, он ощутил знакомый холодок под ложечкой. Его ученик копошился где-то в заднем углу комнаты, представлявшей собой нечто среднее между мастерской и импровизированным кабинетом, поедая остатки обеда своего наставника. Реза инстинктивно чувствовал на себе презрительные взгляды прыщавого юнца, хотя стоял к нему спиной и смотрел в окно, следя за тем, как солнце медленно закатывается за горизонт.

— Принеси рукопись, — приказал он, не оборачиваясь. — Поставь мне чернильницу и тростниковые перья. Приготовь все для работы.

— Слушаюсь, хозяин, — угрюмо ответил мальчишка.

Он был третьим сыном какого-то мелкого вельможи и не проявлял ровным счетом никакой склонности ни к светским наукам, ни к богословию. Однажды, всего лишь однажды, Реза позволил мальчишке остаться, когда его посетило чудище. Он надеялся, что тот сам все увидит, поймет и расскажет всем, что Реза не безумец. Но его надежды не оправдались. Когда существо появилось, замерев внутри волшебного круга, очерченного Резой в центре комнаты мелом пополам с золой с целью вызывать чудище, парнишка, казалось, вообще ничего не заметил. Он с

тупым раздражением таращил глаза на своего наставника, в то время как тень внутри круга начала увеличиваться в размерах. У нее стали расти конечности, и постепенно она обрела некое карикатурное подобие человека. Когда Реза сказал видению несколько слов, мальчишка расхохотался. В его звонком смехе явственно слышались насмешка и презрение.

— Но почему? — в отчаянии обратился Реза к чудищу. — Почему ты не позволяешь ему увидеть себя?

В ответ у существа начали расти зубы. Они появлялись ряд за рядом, пока чудище не осклабилось в жуткой ухмылке.

— Он сам не хочет меня видеть, — произнесло оно.

Реза очень опасался, что мальчишка донесет о тайных занятиях своего наставника отцу, после чего обо всем узнают ярые ревнители истинной веры, сидящие во дворце, которые, в свою очередь, бросят его в темницу за колдовство. Но его ученик никому ничего не сказал и день ото дня продолжал являться на уроки. Только по его нерасторопности и презрительному тону Реза догадался, что навсегда потерял уважение мальчишки.

— Чернила окончательно высохли на страницах, что я написал вчера, — сказал Реза, когда ученик вернулся с перьями и чернильницей. — Они готовы к сохранению. Ты смешал лак?

Мальчишка посмотрел на него, бледнея на глазах.

— Я не могу, — угрюмо прохрипел он. — Пожалуйста… Это такой ужас. Я не хочу…

— Ну хорошо, — вздохнул Реза, — я сам все сделаю. Можешь идти.

Парнишка опрометью ринулся к двери.

Реза сел за стол, пододвинув к себе большую каменную чашу. Работа отвлечет его, пока не наступит вечер. В чашу он налил немного драгоценной канифольной мастики, которая с раннего утра томилась на угольной жаровне. Затем он добавил несколько капель темного масла из семян дамасской чернушки и стал помешивать образовавшуюся жидкость, чтобы она не застыла. Когда смесь достигла необходимой густоты, Реза осторожно поднял льняной холст, прикрывавший ничем не примечательный металлический горшок, стоявший на самом краю стола.

Комната сразу наполнилась ароматом: жгучим, тревожным, маняще женским. Реза вспомнил свою жену, живую, цветущую, носившую в себе ребенка, умершего вместе с ней. Этот аромат успел насквозь пропитать их ложе, прежде чем Реза приказал слугам вынести его и сжечь. На какое-то мгновение он ощутил себя потерянным. Усилием воли взяв себя в руки, он отделил то, что нужно, от вязкой массы и, подняв это металлическими щипцами, решительно опустил в остывавшую чашу с лаком. Он

выждал несколько минут, постукивая пальцами по столу, и снова заглянул в чашу. Лак сделался светлым и блестящим, как мед.

Реза аккуратно разложил страницы, написанные им после последнего посещения чудища. Он писал по-арабски, а не на фарси, надеясь, что подобная предосторожность не позволит использовать его творение во зло, попади оно в руки невежд или непосвященных. Таким образом, рукопись представляла собой двойной перевод: сначала на фарси с безмолвного языка, которым изъяснялось чудище, который звучал в ушах Резы как ночные отголоски детства, когда сну предшествовало одинокое, немного пугающее путешествие из бодрствования в мир сновидений. Затем следовал перевод с фарси на арабский, язык ученых людей, столь же четкий и ясный, сколь расплывчатой и многословной была речь чудища.

В результате получалось нечто запутанное и не совсем понятное. Рассказы и истории в рукописи присутствовали, переданные настолько точно, насколько это удавалось Резе, но что-то все же терялось, чего-то не хватало. Когда чудище говорило, Реза впадал в некое состояние транса, видя затейливые множившиеся фигуры и очертания, которые превращались то в горы, то в неведомые морские берега, то в морозные узоры на стекле. В эти моменты он ощущал уверенность, что его желания осуществились и до истинного знания было рукой подать. Но как только он переносил повествования на бумагу, они непонятным образом менялись. Как будто главные герои — принцесса, нянька, птичий царь и все остальные — делались хитрыми и коварными, ускользая от Резы, в то время как он пытался описать их и их действия доступными человеку средствами.

Реза обмакнул кисть из конского волоса в каменную чашу и начал покрывать новые страницы тонким слоем лака. Масло из дамасской чернушки предохраняло толстые листы от скручивания и трещин. Другой ингредиент, который его ученик раздобыл с сильным предчувствием чего-то дурного, надолго сохранит рукопись после того, как самого Резы не станет, защищая ее от тления. Если он не смог разгадать истинный смысл слов чудища, то когда-нибудь кому-нибудь это удастся.

Реза так увлекся работой, что не заметил, как солнце проскользнуло за куполом дворца и исчезло среди вершин видневшихся на горизонте Загроских гор. В комнате стало свежо, и это напомнило Резе, что близятся сумерки. Сердце его забилось быстрее. Пытаясь опередить момент, когда страх по-настоящему овладеет им, он осторожно положил покрытые лаком страницы сушиться на решето. Рядом на полке расположились их собратья — толстая пачка листов, замершая в ожидании финала

повествования. Когда Реза закончит свой труд, он сошьет их шелковой нитью и скрепит с обеих сторон прямоугольными кусочками обтянутого холстиной картона.

— И что потом?

Голос раздался, как всегда, в его голове. Реза выпрямился, хрустнув старческими суставами. Он старался дышать как можно ровнее.

— Потом я стану изучать их, — спокойным голосом ответил он, — я буду снова и снова перечитывать каждую историю, пока не запомню их все до единой и не познаю их истинный смысл.

Его слова, казалось, развеселили чудище. Оно появилось бесшумно и тихо сидело в очерченном мелом и золой «загоне» в центре комнаты, глядя на Резу своими желтыми глазами. Реза подавил бившую его дрожь. Вид чудища до сих пор вызывал у него смешанное чувство ужаса и торжества. Когда Реза вызвал его в самый первый раз, он едва поверил в то, что такое могущественное существо можно удержать в узде с помощью нескольких тщательно подобранных слов, начертанных на полу. Слов, которые его неграмотная домоправительница сметет безо всякой злобы или сожаления. Однако сам факт подобного «сдерживания», как полагал Реза, являлся свидетельством глубины его познаний. Ему удалось «привязать» к себе чудище, которому теперь приходилось день ото дня возвращаться до тех пор, пока оно не закончит свое повествование.

— Я стану изучать их, — говорит он. В голосе чудища сквозила злоба. — Но чего он надеется достичь? «Альф Яум» недоступен его пониманию.

Реза поплотнее запахнул халат и расправил плечи, пытаясь принять величавый вид.

— Ты утверждаешь, что это так, однако ваше племя никогда не славилось честностью.

— По крайней мере мы честны перед собой и не жаждем чужого. Человек был изгнан из райского сада за то, что съел один-единственный плод, а ты сейчас предлагаешь вырвать с корнем целое дерево, да так, чтобы ангелы ничего не заметили. Ты просто старый дурак, а Лжец нашептывает тебе в уши.

— Да, я старый дурак, — согласился Реза, тяжело опускаясь на скамью. — Но теперь уже поздно что-то менять. Единственный путь вперед — закончить работу. Дай мне завершить мой труд, и я отпущу тебя.

Чудище жалобно завыло и с силой врезалось в границу круга. Его тотчас же отбросило назад, словно оно столкнулось с невидимой преградой, которую воздвиг Реза.

— Чего ты хочешь? — захныкало чудище. — Зачем ты

заставляешь меня рассказывать тебе то, чего мне нельзя говорить? Это не ваши истории. Они наши.

— Они ваши, но вы их не понимаете, — парировал Реза. — Только Адам был наделен настоящим умением мыслить, и только человеки облечены властью давать вещам и явлениям названия и имена. Те, кого ты называешь птичьим царем, ланью и оленем, — всего лишь символы, призванные утаить скрытый смысл. Точно так же поэт может сочинить аллегорический стих о беззубом льве, чтобы высмеять слабого правителя. В ваших историях скрыта тайная сила невидимого.

— Истории — суть смыслы сами по себе, — ответило чудище, издав нечто похожее на вздох. — Вот в чем тайна.

— Я присвою номер каждой части каждого рассказа, — сказал Реза, не обратив внимания на столь угрожающее заявление, — и таким образом создам код, определяющий их количественное соотношение друг с другом. Я обрету власть над ними…

Он вдруг умолк. До него донесся прохладный ветерок, подувший в открытое окно, и запах подсыхающего лака. Реза снова вспомнил жену.

— Ты лишился чего-то очень дорогого, — лукаво произнесло чудище.

— Не твое дело.

— Никакой рассказ, код или тайна на свете не могут воскресить мертвых.

— Я не хочу воскрешать мертвых. Я просто хочу знать… Я хочу…

Чудище внимательно слушало. Его желтые глаза сверлили Резу немигающим взором. Реза вспомнил травяные настои, банки, запах ладана, чтобы очистить воздух, суетливое перешептывание повитух, сновавших у залитой кровью постели и поднимавших чадру надо ртом, чтобы поговорить с ним, стоявшим рядом, беспомощным и охваченным отчаянием.

— Власти над знанием, — закончил он.

Чудище устроилось поудобнее, обхватив подобие колен подобием рук, и посмотрело на него.

— Возьми перо и бумагу, — произнесло оно, — я расскажу тебе последнюю, заключительную историю. Только учти, в ней есть предупреждение.

— Какое именно?

— Когда ты его услышишь, ты станешь совсем другим.

— Чушь какая-то.

Чудище улыбнулось.

— Бери перо, — повторило оно.

Глава первая

Алиф сидел на бетонном подоконнике в своей спальне и купался в лучах жаркого сентябрьского солнца. Его свет преломлялся сквозь бахрому пушистых ресниц юноши. Когда он смотрел на Город, чуть прищурившись, мир казался искаженным рисунком, составленным из белых и голубых ворсинок. А если смотреть вот так слишком долго, начинал болеть лоб. Тогда Алиф закрывал глаза и сосредотачивался на расплывающихся тенях за веками. Возле его ног лежал тоненький хромированный смартфон, пиратский экземпляр. Правда, как именно ему пришлось путешествовать сюда — на запад из Китая или на восток из Америки, — сам Алиф точно не знал. Да его и не сильно интересовали телефоны. Ему доставил его другой хакер, ловко справившийся с шифрами, которыми снабдил аппарат неведомый гигант-монополия, тщательно оберегавший свой патент. На экране высветились четырнадцать посланий, которые Алиф отправил Интисар за последние две недели. Он занимался самодисциплиной и заставлял себя писать ей не более одного раза в день. Но все четырнадцать так и остались неотвеченными.

Он взглянул на смартфон сквозь полусомкнутые веки. Если Алиф сейчас заснет, она может позвонить. Он вздрогнет и проснется от звонка и, конечно, неумышленно столкнет аппарат вниз, и тот обязательно упадет во внутренний дворик. И тогда Алифу придется быстро бежать вниз и искать его в густых жасминовых кустах. Впрочем, эти маленькие неприятности могут предотвратить большую: а вдруг она вообще не позвонит?

— Закон энтропии, — произнес юноша, обращаясь к смартфону. Аппарат продолжал сверкать на солнце и молчать. Далеко внизу черная с рыжим кошка, которая весь день охотилась на жуков в кустах, быстро перебежала двор. Теперь она, сойдя с пропеченной солнцем земли, по очереди поднимала лапы с розовыми подушечками, чтобы хоть немного остудить их. Алиф позвал ее, но кошка сердито заурчала и ловко проскользнула в заросли жасмина.

— Слишком жарко и для кошек, и для людей, — заметил Алиф.

Он зевнул и ощутил во рту неприятный металлический привкус. Воздух казался сгущенным и маслянистым, словно на землю его ровно выдыхала какая-то неведомая машина. Этот воздух насильственно вторгался в легкие, не производя при этом никакого облегчения, а в сочетании с удушающей жарой создавал в организме самую настоящую панику, рожденную инстинктом.

Когда-то Интисар говорила Алифу, что город ненавидит своих жителей и пытается задушить их. Она радуется, когда они начинают задыхаться. Именно «она». Интисар почему-то была убеждена в том, что этот город имеет женский род. Так вот, она будто бы помнит еще те времена, когда чистые умы порождали чистый воздух. Это было еще в годы правления шейха Абдель Сабура, который так доблестно сражался с наступлением сюда толп европейцев. Это были годы расцвета великого университета Ямар аль Башира. Или даже еще раньше, во времена дворов Пари-Неф, Ониери и Бес. Да и названия у нее были более ласковые и приятные для слуха, чем сейчас. Ислам принес сюда святой джинн. Ну, по крайней мере так гласит легенда. Город расположен на полпути между обыкновенным миром и Пустым Кварталом, обиталищем гулов и ифритов, которые способны принимать звериное обличье. Город мог бы стать засильем потусторонних обитателей, как сейчас он переполнен туристами и нефтяниками, но этого не произошло. И все из-за того, что святой джинн услышал послание пророка, долго плакал, благословил его и впоследствии был погребен под мечетью Аль Башира.

— Я почти что решил, что ты и в самом деле веришь во все это, — сказал тогда Алиф Интисар.

— Конечно, верю, — ответила ему Интисар. И действительно, могила казалась достаточно реальной. По пятницам ее было разрешено навещать. Сверху на гробнице до сих пор оставался нетронутым тюрбан джинна.

На западе свет начал постепенно бледнеть у горизонта, там, где за Новым Кварталом начиналась пустыня. Алиф сунул телефон в карман, соскользнул с подоконника и очутился у себя в комнате. Наверное, когда окончательно стемнеет, он все же попытается связаться с ней. Интисар всегда предпочитала вечерние встречи. Впрочем, общество вовсе не возражало против того, что кое-кто нарушает общепринятые правила, главное, нужно было признавать их существование. А встречаться с девушкой после захода солнца мог только очень смелый человек. То есть они оба должны были давать себе отчет в том, что именно они совершают. И уж конечно, следовало позаботиться о том, чтобы оставаться непойманными. Аристократка Интисар, причинившая Алифу столько хлопот, черноволосая и сладкоголосая, была вполне достойна его стараний соблюдать осмотрительность.

Алиф понимал ее стремление оставить их встречи в секрете. Он сам вот уже сколько времени прятался за псевдонимом, в качестве которого выбрал одну-единственную букву алфавита. Он

даже перестал думать о себе, как о человеке. Кто он такой? Всего лишь алиф, который по написанию напоминает прямую линию или, может быть, некую стену. Сейчас его настоящее имя казалось юноше каким-то невыразительным пустым звуком. Сам акт сокрытия тайны стал важнее самой тайны. Понимая это, он потворствовал Интисар. Что ж, раз ей хочется оставить их свидания в секрете, пусть будет так. Сам он уже успел устать от всевозможных тайн. Ну а если такая секретность разжигает ее любовь еще сильней, он и вовсе не собирается сопротивляться. Он подождет еще час или даже два.

Терпкий запах овощного супа и риса проник к нему в комнату через окно. Надо спуститься вниз, на кухню, и поесть — он сегодня только завтракал, и больше ничего не съел за весь день. Он уже двинулся к двери, но тут его остановил стук в дверь. Стучали из соседней квартиры, с обратной стороны той самой стены, где у него висел плакат с изображением Роберта Смита. Алиф с досады закусил губу. Может быть, ему удастся проскользнуть вниз и остаться незамеченным? Но стук повторился, и на этот раз он услышал в нем условный сигнал. Значит, она услышала, как он спустился с подоконника в комнату. Алиф вздохнул и два раза постучал по зернистому черно-белому колену Роберта Смита.

Когда он выбрался на крышу дома, Дина была уже там. Она смотрела на восток, в сторону моря. Вернее, в ту сторону, где оно находилось и было бы видно, если бы не мешали джунгли жилых домов.

— Что ты хотела? — без предисловий начал Алиф.

Она повернулась к нему, наклонила голову набок, и ее брови сдвинулись в узкой прорези никаба, почти полностью закрывающего ее лицо.

— Вернуть тебе книгу, — ответила Дина. — Что с тобой?

— Ничего. — Он раздраженно отмахнулся. — Ну, так давай тогда книгу.

Дина сунула руку в глубь длинного халата и извлекла из глубокого кармана потрепанный экземпляр «Золотого компаса».

— А разве ты не собираешься спросить меня, что я думаю по этому поводу? — требовательно произнесла Дина.

— Мне все равно. Наверное, английский язык оказался для тебя слишком сложным.

— Ничего подобного. Я поняла там все до последнего слова. Эта книга, — тут она помахала томиком в воздухе, — переполнена языческими образами. Это опасно.

— Не будь такой невежественной. Это же метафоры. Я же говорил, что ты ничего в ней не поймешь.

— Метафоры тоже могут быть опасными. Когда ты называешь что-то ложным именем, ты меняешь его сущность, а метафора — это и есть своеобразный способ называть вещи фальшивыми именами.

Алиф выхватил у нее книгу из руки. Зашуршала ткань, Дина нагнула голову и прикрыла глаза густыми ресницами. Хотя Алиф не видел ее лица вот уже десять лет, он знал наверняка, что в этот момент Дина надула губы.

— Ну прости, — искренне произнес он, прижимая книгу к груди. — Я сегодня неважно себя чувствую.

Дина молчала. Алиф бросил нетерпеливый взгляд за ее плечи. Там, вдали, за вычурными кварталами жилых домов, на холме виднелась сверкающая в сумеречном свете часть Старого Квартала. Где-то там, в одном из домов, находилась сейчас Интисар, как бесценная жемчужина, спрятанная в своей древней раковине с моллюском, стены которой целуют морские волны. Возможно, она сейчас работает над своей диссертацией, зарывшись в книги о раннем мусульманстве. А может быть, она решила отдохнуть и поплавать в бассейне на вилле своего отца. И скорее всего она сейчас думает о нем.

— Я ничего не собиралась говорить, — раздался голос Дины.

Алиф часто заморгал.

— О чем? — поинтересовался он.

— Наша служанка вчера случайно подслушала разговор соседок на базаре. Они говорили, что твоя мама индуска, хотя продолжает это скрывать. Они видели, как она покупала свечи для пуджи в том маленьком магазинчике на улице Насера.

Алиф молча уставился на нее, так крепко стиснув зубы, что они заныли. Через несколько секунд он резко развернулся и зашагал прочь по пропыленной крыше, мимо спутниковых антенн и растений в глиняных кадках. Не остановился он и тогда, когда Дина позвала его по имени.

* * *

На кухне мама стояла рядом со служанкой и ловко шинковала зеленый лук. На ее шее сзади, там, где начинался вырез ее длинной туники, на коже скопились капельки пота.

— Мама. — Алиф осторожно коснулся плеча женщины.

— Что такое, сынок? — Нож продолжал мелькать в ее руке, не останавливаясь ни на секунду.

— Тебе ничем не нужно помочь?

— Хороший вопрос. Ты что-нибудь ел?

Алиф уселся за крохотный стол на кухне и молча наблюдал за тем, как служанка проворно поставила перед ним тарелку с едой.

— Ты там на крыше с Диной разговаривал? — поинтересовалась мать, одновременно сгребая в кучку нарезанный лук и пересыпая его в большую миску.

— И что с этого?

— Не надо больше так делать. Очень скоро ее родители будут выдавать свою дочь замуж. А в хорошей семье может не понравиться то, что она проводит время на крыше дома с каким-то посторонним парнем.

Алиф поморщился.

— Что значит «с каким-то»? Я не посторонний парень, мы живем вместе в этом дурацком двухквартирном дуплексе еще с тех пор, как были детьми. Да мы с ней все время играли у меня в комнате.

— Тогда вам было по пять лет. А сейчас она уже почти женщина.

— У нее, наверное, все такой же большой нос.

— Не надо так говорить, сынок. Это грубо.

Алиф посмотрел на еду в тарелке и лениво потыкал ее вилкой.

— А я вот мог бы выглядеть, как Амр Диаб, и все равно это бы никого не волновало, — пробормотал он себе под нос.

Мама повернулась к нему и недовольно нахмурилась. Ее круглое лицо исказилось.

— Ты говоришь, как ребенок. А вот если бы тебе удалось сделать карьеру и накопить денег, тогда нашлось бы много индийских девушек, которые сочли бы за честь…

— Но только не арабских.

— А что такого особенного ты находишь в арабских девушках? — спросила мама. — Они очень много строят из себя, а уж красятся так, как танцовщицы в кабаре. А что бы они представляли собой без своих денег? Ни красоты, ни ума. Сомневаюсь, чтобы хоть одна из них умела хорошо готовить…

— А мне и не нужна повариха! — Алиф встал со стула и отодвинул его назад. — Я пойду наверх.

— Иди! И не забудь взять с собой тарелку.

Алиф резким движением схватил тарелку со стола, да так, что вилка со звоном упала на пол. Он переступил через служанку, которая нагнулась, чтобы поднять ее.

Вернувшись в свою комнату, юноша внимательно посмотрел на себя в зеркало. Индийская и арабская кровь гармонично сочетались, по крайней мере на его лице. Кожа у него была

ровного бронзового цвета. Глаза достались ему от кочевников-бедуинов, а рот — от южноиндийских дравидов. Подбородок также казался ему вполне изящным. Да, довольно приятное, не лишенное привлекательности лицо, но его обладатель никогда не сможет сойти за чистокровного араба. Именно чистокровного, за которым бы стояли многие поколения эмиров и шейхов, — а о ком-то другом Интисар и слышать не желала.

— Сделать карьеру, — сказал Алиф своему отражению, раздраженно повторив мамины слова.

В зеркале он увидел, как вдруг ожил компьютерный монитор. Алиф нахмурился, глядя на ползущие по экрану строчки, показывавшие IP-адрес и пользовательскую статистику кого-то, кто пытался прорваться сквозь его криптографическую программу.

— Кто стучится в дверь ко мне? Ай-ай-ай, озорничать нехорошо.

Он сел за стол и внимательно посмотрел на плоский дисплей, почти новый, разве что с небольшой трещинкой, которую он сам устранил, купленный за полцены у Абдуллы в «Радио Шейх». IP-адрес злоумышленника определился как сервер, расположенный в Виннипеге, и это была его первая попытка проникнуть в операционную систему Алифа. Значит, простое любопытство. По всей видимости, «охотник» являлся таким же хакером, как и сам Алиф. Потыкавшись пару минут в системы защиты, он отступил, но с «подарком» в виде трояна, который Алиф замаскировал так, что он выглядел как дырка в брандмауэре. Если этот незваный гость хоть чего-то стоил, он скорее всего несколько раз в день запускал какой-нибудь навороченный антивирус. Однако если повезет, Алифу понадобится всего несколько часов, чтобы досконально изучить все его методы хождения по Интернету плюс любимые маршруты.

Алиф включил небольшой вентилятор, стоявший у его ног, и направил его на системный блок. Процессор частенько перегревался, и на прошлой неделе Алиф чуть не сжег материнскую плату. Он не мог позволить себе расслабляться. Один-единственный день в офлайне — и его клиенты могли подвергнуться опасности. Власти Саудовской Аравии несколько лет гонялись за пользователем с ником Jahil69, разъяренные тем, что его сайт любительской эротики никак не поддавался блокировке и ежедневно собирал больше посетителей, чем любой другой интернет-сервис в королевстве. В Турции некие TrueMartyr и Umar_Online призывали к исламской революции из таких мест, определить которые стало для сидящих в Анкаре чиновников непосильной задачей. Алиф был чужд всякой идеологии. С его

точки зрения, каждый, кто мог платить за свою защиту и безопасность, мог рассчитывать на его услуги и называться как его душе угодно.

Вот цензоры — совсем другое дело. Именно из-за них Алиф скрипел зубами во сне, из-за тех, кто душил любые новые мысли, возвышенные или циничные. Полмира жило под их виртуальным колпаком из нулей и единиц, лишившись свободного доступа к информационным ресурсам. Алиф и его друзья читали слезливые послания своих изнеженных американских и английских коллег, выставлявших себя «активистами». Но вся их «активность» сводилась к пустой болтовне и раздраженному негодованию по поводу очередного законодательного акта, касавшегося мониторинга Сети. Это не вызывало ничего, кроме смеха. Абдулла, когда ему вдруг хотелось поговорить по-английски, называл их «тупыми моноглотами».[1] Они и представить себе не могли, что значит работать именно в Городе, а не в каком-то городском раю с четкими почтовыми индексами и нормальными законами, созданными для людей. Им бы и в голову не пришло, что значит жить в мегаполисе, похвалявшемся одной из самых передовых систем отслеживания активности в Сети, но в котором обычная почта работала из рук вон плохо. Эмираты с правителями в серебряных лимузинах и районами, где нет водопровода. С Интернетом, где каждый блог, каждый чат, каждый форум отслеживается на предмет незаконного выражения чьего-то несчастья или недовольства.

— Когда-нибудь придет и их час, — как-то сказал ему Абдулла.

Они наслаждались хорошим кальяном, сидя на ступеньках позади «Радио Шейх» и наблюдая за тем, как две дико ревущих кошары спаривались на мусорной куче.

— В одно прекрасное утро они проснутся и поймут, что их цивилизацию просто вытянули у них из-под ног — сантиметр за сантиметром, доллар за долларом, — точно так же, как и нашу.

— Но нам-то это не поможет, — произнес Алиф.

— Не поможет, — согласился Абдулла. — Но я-то уж точно почувствую себя гораздо лучше.

Тем временем их одолевали кошмары куда менее вселенского масштаба. Сидя на лекциях в университете и донельзя раздраженный громадными пробелами в курсе информационных технологий, который им читали те самые правительственные чиновники, что занимались зачистками киберпространства, Алиф решил поступать им назло. Он сам научится тому, чему его не научат они. Он поможет забивать их серверы порнороликами или призывать на их головы воинов Аллаха — для него не имело

значения, что именно он станет делать. Лучше хаос, чем медленное удушение.

Всего лишь пять лет назад, даже меньше, цензоры действовали вяло и неповоротливо, стараясь вычислить их с помощью сайтов с социальным медиаконтентом и полагаясь при этом на старомодные методы розыскной работы. Однако со временем кто-то все больше и больше снабжал их самыми передовыми и вместе с тем жуткими технологиями. Бесчисленные чаты и форумы буквально взорвались: кто их так хорошо обучил? ЦРУ? Скорее всего МОССАД, поскольку у ЦРУ не хватало широты мышления, чтобы придумать столь изощренные методы деморализации интернет-смердов. Вера их уж точно не объединяла: в Сирии этим занимались баасисты, в Тунисе — госчиновники, в Саудовской Аравии — сунниты-ортодоксы. И тем не менее их методы были столь же идентичны, сколь несоразмерны были их цели. Обнаружить, взломать, подавить.

В самом Городе зачистка киберпространства шла по нарастающей. Она, словно ядовитый туман, окутывала блоги и форумы недовольных, иногда проявляясь в виде непонятных глюков или серверных сбоев, а временами в резком падении скорости коннекта. Алифу и другим городским хакерам понадобилось несколько месяцев, чтобы понять, что за этими на первый взгляд вполне банальными вещами скрывается нечто большее. Тем временем были вычислены и взломаны хостинговые аккаунты нескольких глубоко законспирированных городских оппозиционеров, что лишило их доступа к собственным веб-сайтам. Все понимали, что это дело рук правительства. Прежде чем навсегда покинуть киберпространство, самый известный в Городе блоггер NewQuarter01 назвал все происходящее деяниями Руки Господней. По поводу того, что же представляла собой эта таинственная Рука, кипели жаркие споры: это программа, какой-то человек или же группа людей? Некоторые предполагали, что «Рукой» являлся сам эмир: разве не говорили, что Его Высочество прошел хорошую школу у китайцев, авторов знаменитого «Золотого Щита»?[2] Как бы то ни было, Алиф ясно видел, что очередная волна киберзачисток закончится катастрофой. Взломанные аккаунты — только первые ласточки. В конечном итоге цензоры неминуемо доберутся до живых людей.

Как и все остальное, даже как сама цивилизация, аресты начались в Египте. На несколько недель, которые в конечном итоге привели к Революции 2011 года, интернет-пространство превратилось в поле битвы. Наиболее уязвимыми оказались блоггеры, использовавшие бесплатные программы и операционные системы. Алиф никоим образом не удивился тому,

что их быстро обнаружили и бросили в тюрьмы. После этого начали исчезать более изобретательные нерды,[3] которые шифровали свои сайты. Когда насилие выплеснулось из Интернета на улицы, превратив широкие проспекты Каира и площадь Тахрир в арену кровавых схваток, Алиф безо всяких церемоний отказался от своих египетских клиентов. Стало очевидно, что каирский режим превзошел его возможности скрывать диссидентов в дебрях киберпространства. «Отсеки руку и спаси тело», — сказал себе Алиф. Если его имя станет известно какому-нибудь ретивому офицеру службы безопасности, то разномастное сообщество блоггеров, порнографов, исламистов и активистов других движений от Палестины до Пакистана окажется под ударом. Он, разумеется, заботился вовсе не о собственной шкуре, хотя ему было, по большому счету, наплевать, что случится через неделю. Конечно же, речь шла не о его собственной шкуре.

Потом он смотрел на канале «Аль-Джазира», как его друзей, которых он знал только по псевдонимам, забирали по тюрьмам. Все они стали жертвами агонизирующего правящего режима. Каждый из них имел свое лицо, но всякий раз Алиф ловил себя на том, что они сильно отличались от тех образов, которые рождались у него в голове. Они были или намного моложе, или, наоборот, старше тех, кого он себе представлял, или удивительно бледные, или с бородой, или с глубокими морщинами возле глаз. Одним из его заочных друзей оказалась девушка. Скорее всего ее изнасилуют в тюремной камере. Она, возможно, до сих пор оставалась девственницей и должна была пережить насилие.

Лучше отсечь себе руку.

Пальцы Алифа сами собой скользнули над клавиатурой.

— Метафоры, — негромко повторил он и напечатал по-английски это слово. Как всегда, Дина оказалась права.

По этой же причине Алифу не принесла радости ни победа египетской революции, ни ряд последовавших за ней мятежей. Триумф его безликих коллег во взломе системы за системой, принадлежавших разным правительствам, только лишний раз напоминал ему о его собственном малодушии. Город, когда-то являвшийся тираном-эмиратом среди других себе подобных, будто бы оказался вне времени. Наружу всплыли воспоминания о старых временах. Это стало больше походить на сон, от которого жители Города так и не сумели пробудиться. Алиф и его друзья продолжали борьбу, неизменно ослабляя цифровую крепость, созданную Рукой в надежде защитить загнивающее правительство эмира. И все же общая аура поражения никак не покидала сознание Алифа и его товарищей. История двигалась вперед,

позабыв своих героев.

Краем глаза Алиф заметил, как загорелся где-то рядом зеленый огонек надежды. Интисар вошла в систему и теперь была доступна для связи. Алиф нервно выдохнул и приготовился к общению.

A1if: Почему ты не отвечаешь на мои послания?
Bab_elDunya: Пожалуйста, оставь меня в покое.

Юноша почувствовал, как у него мгновенно вспотели ладони.

A1if: я чем-то обидел тебя?
Bab_elDunya: Нет.
A1if: Тогда в чем дело?
Bab_elDunya: Алиф, Алиф…
A1if: Я схожу с ума, скажи мне, что случилось.
A1if: Давай увидимся.
A1if: Пожалуйста.

Минута тянулась мучительно долго, но Интисар не отвечала. Алиф прижался лбом к краю стола в ожидании негромкого звоночка, который сообщил бы ему о том, что она наконец ответила.

Bab_elDunya: На нашем месте через двадцать минут.

Алиф опрометью бросился к двери.

* * *

Он нанял такси, доехал на нем в дальний конец стены Старого Квартала, а оттуда направился пешком к заветному местечку. Стену с обеих сторон облепили любопытные туристы. Лучи заходящего солнца осветили ее полупрозрачные камни и окрасили их в ярко-розовый цвет. Это уникальное явление все приезжие пытались запечатлеть на свои мобильники и цифровые камеры, хотя и не слишком профессионально. Вдоль стены по всей улице выстроились сувенирные лавки и чайные забегаловки. Алиф с трудом протискивался через группу японок в одинаковых футболках. От кого-то из прохожих сильно несло пивом. И тут Алиф чуть не закричал от отчаяния. Прямо перед ним вырос местный гид со своим флажком, а это свидетельствовало о том, что за ним тянулась огромная группа туристов.

— Попрошу посмотреть налево! Сто лет назад эта стена

окружала весь город. Тогда к нам туристы на самолетах не прилетали. Их сюда привозили настоящие верблюды! Представьте себе, вы едете верхом на верблюде через всю пустыню, и вдруг — на тебе! Море! А на берегу моря стоит прекрасный город, окруженный стеной из настоящего кварца! Это может показаться миражом. Да и все поначалу думали, что это самый настоящий мираж!

— Прости меня, брат, — обратился к гиду Алиф на урду. — Но я вовсе не мираж. И позволь мне пройти.

Гид молча уставился на него, но потом пришел в себя и заговорил:

— Мы все приезжаем сюда, чтобы заработать себе на жизнь, брат. — Он презрительно поджал губы. — Не спугни мне барыш.

— Я сюда не приезжал. Я здесь родился и вырос.

— Маша Аллах! Извини меня. — Он расставил ноги пошире, и вся его группа послушно выстроилась позади него в линейку, как цыплята за наседкой. Алиф устремился мимо них вниз по улице. Он уже почти видел крышу из гофрированного железа той самой чайной, где они должны были встретиться с Интисар.

— Да всем уже глубоко наплевать на то, что несколько старомодных толстяков Викторианской эпохи когда-то приезжали сюда посмотреть на стену, — выпалил он, проходя мимо гида. — Они давным-давно умерли. Зато у нас теперь тут полно живых европейцев, которые наводнили наши нефтяные поля. Ты лучше туда их своди на экскурсию.

— Ты просто сумасшедший, — поморщился гид. Он стоял в стороне, одной рукой придерживая свой выводок. Алиф за пару секунд сумел доказать ему, что классовая связь куда более крепкая, чем какое-то стремление сделать свой бизнес. Прижав руку к сердцу в знак благодарности, Алиф проскочил мимо группы и помчался дальше своей дорогой.

Чайная была ничем не привлекательна и особо не запоминалась. Ее стены были разрисованы акриловыми красками с размытыми изображениями знаменитых городских пейзажей Нового Квартала. Владелец этого сомнительного заведения — малаец, который не говорил ни слова по-арабски, — потчевал своих гостей «настоящими» напитками на основе гибискуса, которые вышли из моды несколько десятилетий тому назад. Ни один уважающий себя житель Города и ногой бы не ступил в это жалкое заведение, носящее гордое имя чайной. Именно по этой причине Интисар и Алиф и выбрали его местом своих тайных встреч. Когда Алиф вбежал в чайную, Интисар уже стояла в дальнем углу спиной к залу и рассматривала маленькую витрину с пыльными открытками. Алиф почувствовал, как кровь прилила

к его голове и в висках застучало.

— Ассалам алейкум, — поздоровался юноша. Она повернулась, и бусины из черного янтаря, окаймляющие ее никаб, нежно стукнулись одна с другой, производя довольно приятный звук. Огромные черные глаза уставились на вошедшего.

— Прости меня, — прошептала она.

Он одолел небольшой зал в три размашистых шага и взял ее ладонь, закрытую перчаткой. Малаец возился с чем-то возле умывальника в другом конце чайной, низко опустив голову. Алиф подозревал, что Интисар дала ему деньги за молчание.

— Ради Бога, — начал он, с трудом переводя дыхание от быстрого бега, — что случилось?!

Она опустила глаза. Алиф провел пальцем по ее ладони в сатине и почувствовал, как девушка задрожала. Ему захотелось сорвать с нее никаб и прочитать все по ее лицу, непроницаемому и непонятному из-за черного крепа. Он до сих пор помнил аромат ее кожи. Правда, с тех пор прошло не так много времени. Но одна мысль о том, что их разделяет эта ткань, была для Алифа невыносимой.

— Я ничего не могла поделать, — пояснила девушка. — Все устроили без меня. Я пыталась, Алиф, клянусь, я пыталась сделать все возможное. Я говорила отцу, что сначала хочу окончить университет, а потом путешествовать. Но он смотрел на меня, как на сумасшедшую. Это его приятель, и отказать ему было бы равносильно оскорблению…

Алиф затаил дыхание. Он взял ее за руку и начал снимать перчатку, не обращая внимания на ее легкое сопротивление. Через несколько секунд он уже смотрел на ее белоснежные пальцы. На одном из них сияло кольцо, свидетельствующее о помолвке. Сейчас оно казалось Алифу тяжелым камнем, брошенным жестокой рукой на мягкую почву. Он чуть не задохнулся от возмущения и неожиданности.

— Нет, — замотал головой юноша. — Нет, ты не можешь так поступить. И он тоже не может. Мы сбежим отсюда… Мы уедем в Турцию. И для того чтобы пожениться там, нам не потребуется согласие твоего отца. Интисар, послушай…

Но она тоже упрямо замотала головой:

— Мой отец все равно найдет способ, чтобы уничтожить тебя.

К своему ужасу, Алиф вдруг почувствовал, как на его глаза наворачиваются слезы.

— Нет, ты не можешь выйти за него замуж, — прохрипел он. — Ты моя супруга в глазах Господа Бога и уже не можешь принадлежать никому больше.

Интисар горько рассмеялась:

— Мы просто подписали какую-то бумажку, которую ты распечатал на своем компьютере, — напомнила она. — Это была детская забава, шалость. Ни одно государство не признает ее как документ.

— Шейх признает. И религия признает тоже!

Малаец зашевелился, шаркая ногами. Ничего не говоря, Интисар увлекла Алифа в маленькое подсобное помещение в дальнем углу зала и закрыла за ними дверь.

— Не кричи, — зашипела она. — Ты нарываешься на скандал.

— Он уже начался.

— Хватит! Не надо все превращать в трагедию.

— А ты не веди себя со мной так снисходительно. — Алиф гордо вскинул подбородок. — Кстати, сколько ты заплатила этому малайцу? По-моему, он во всем готов услужить тебе.

— Прекрати. — Интисар приподняла ткань своего никаба. — Я не собираюсь сражаться с тобой. — Одна непослушная прядь волос прилипла к ее щеке, и Алиф осторожно поправил ее, прежде чем нагнулся и поцеловал девушку. Он наслаждался вкусом ее губ, ее зубов и языка. Наконец она отпрянула прочь. — Слишком поздно, — сообщила Интисар.

— Ничего подобного. Я буду защищать тебя. Пойдем со мной, и я всегда и везде стану защищать тебя.

Ее губы чуть дрогнули.

— Ты еще совсем мальчишка, — негромко произнесла она. — Но это уже не игра. Мы можем обидеть человека.

Алиф изо всех сил ударил кулаком по стене, и Интисар пронзительно вскрикнула. В течение бесконечной секунды они смотрели друг на друга. Снаружи малаец начал сам колотить по закрытой двери.

— Как его зовут? Скажи мне, — потребовал Алиф.

— Нет, не скажу.

— Мать твою!.. Как его зовут?!

Интисар побледнела.

— Аббас, — наконец сдалась она. — Аббас аль-Шахаб.

— То есть Аббас Метеор? Какое глупое имя. Я убью его. Он будет пронзен мечом, который я сделаю сам из его собственных костей…

— Ты говоришь, как какой-то герой из комиксов. Ты даже сам не понимаешь, что говоришь. — Она прошла мимо него и открыла дверь кладовки. Малаец начал что-то лепетать на непонятном диалекте. Не обращая на него внимания, Алиф последовал за девушкой в зал чайной. Интисар расплакалась.

— Иди домой, Алиф, — дрожащим голосом произнесла она, закрывая лицо никабом. — И сделай так, чтобы я больше никогда

не видела твоего имени. Пожалуйста, ради Бога, сделай это. Я… Я этого больше не выдержу.

У юноши заплетались ноги, он наткнулся на ножку стула и чуть не потерял равновесие. В тот же миг Интисар исчезла в сумерках наступающего вечера, как черное неясное знамение в темнеющем воздухе.

Глава вторая

В глубине шкафа у Алифа хранилась заветная коробка. Он прятал ее за кипой зимнего белья, которое выгладила и аккуратно сложила для юноши служанка еще весной. Отодвинув свитеры и шерстяные штаны, Алиф извлек коробку из недр шкафа и водрузил на кровать. В горле у него встал комок, но молодой человек никуда не торопился. Он терпеливо выжидал. Горло снова неприятно сдавило. Но плакать он не мог, иначе женщины насядут на него и забросают своими бесконечными вопросами. Алиф давно занимался управлением своим собственным телом. Когда он понял, что ему удалось справиться с собой, он осторожно приподнял крышку коробки. Внутри лежала сложенная в несколько раз ситцевая простыня. Развернув ее наполовину, он увидел небольшое пятнышко. Теперь оно стало бурым и совсем не напоминало кровь, а по форме походило на индийский субконтинент.

Пятно образовалось в один из дней той самой недели, когда мама Алифа сопровождала его отца в одной из его бесчисленных командировок. Алиф уговорил служанку навестить ее родителей, которые жили в соседнем эмирате, пока его собственные отсутствовали в доме. При этом он убедил ее в том, что прекрасно справится с хозяйством сам. Служанка отнеслась к его доводам скептически, но ее понадобилось чуть-чуть подтолкнуть, и она все же согласилась на время уехать в родной дом. Алиф передал Интисар ключи от ворот во двор и предупредил ее, чтобы она оделась попроще. Если соседи заприметят ее, то примут за Дину. Когда она приехала в первый же вечер, Алиф, не говоря ни слова, сразу же приподнял ткань ее никаба. Его сразило ее прекрасное лицо, которое он представлял себе много раз в течение нескольких месяцев и долго фантазировал на данную тему. В ту же секунду он позабыл обо всех ливанских поп-звездах и египетских актрисах. Конечно, у нее должно было быть именно такое лицо, и никакое другое. Эта ямочка на подбородке, то появляющаяся, то вдруг исчезающая, эти губы, может быть, даже чересчур пухлые, эти изящные изогнутые брови. Алиф и прежде подозревал, что эта женщина удивительно красива, ведь она разговаривала именно так, как это умеют только прекрасные женщины. Но даже он не был готов увидеть такую ослепительную красавицу.

— О чем ты думаешь? — прошептала она.

— Я не могу сейчас думать, — ответил он и рассмеялся.

Смущенно улыбаясь, они подписали брачный контракт,

который Алиф нашел в Интернете и распечатал для них двоих. Эта бумага вполне удовлетворяла мужчин, которые жили в зоне Персидского залива, но уже переживали за то, каким образом им придется очиститься от грехов, которые они собирались совершать в других уголках земли. И хотя этот псевдодокумент немного прибавил Алифу смелости, все же ему понадобилось еще три дня для того, чтобы он отважился обнажить другие части ее тела, не считая лица. Они оба казались себе крайне неловкими и даже неуклюжими. Алиф был сражен красотой ее тела, несмотря на то что даже без одежды кое-что все равно по-прежнему оставалось скрытым от его глаз. Девушку, в свою очередь, тоже изумил и заинтриговал вид обнаженного юноши. Итак, руководимые инстинктами, они и совершили все то, в результате чего и образовалось вот это самое пятно. Кровь принадлежала Интисар, но Алифа не оставляло странное чувство, что и капля его крови пролилась сверху пятна, как невидимое свидетельство его прежнего незнания и невежества. Уже потом он повторял и повторял, что любит ее, пока она не попросила его замолчать. Интисар сама испугалась той силы, которую приобрела над молодым человеком.

Алиф нагнулся и принялся что-то искать в ящике письменного стола. Контракт лежал под другими документами в папке без названия, между двумя пустыми коричневыми конвертами. Он вынул из папки единственный листок с текстом и пальцами на ощупь нашел то место, где бумага чуть продавилась от давления на нее шариком ручки. Здесь Интисар поставила свою подпись. Его собственная напоминала каракули первоклассника. Тогда она еще расхохоталась, когда увидела его настоящие имя и фамилию. Они казались обычными и очень скучными в отличие от его звонкого псевдонима, которым Интисар всегда называла молодого человека. Именно его она произносила уже под утро, когда они оба лежали в его кровати бок о бок и перешептывались в тусклом свете уличного фонаря в ожидании рассвета.

Алиф положил листок на место и закрыл ящик стола.

Интисар он открыл для себя несколько месяцев назад, на одном из интернет-форумов, где такие же хакеры, как и он сам, изливали желчь на эмира и его правительство, скрываясь при этом под разными умными псевдонимами. Интисар аккуратно встряла в их обсуждение, и сделала это довольно красиво. Временами она бросала в их сторону мягкие упреки, защищая эмира, а иногда, наоборот, раззадоривала и делала критику еще более изощренной. Она обладала обширными знаниями, и ее арабский был безупречен. Поэтому Алиф очень быстро опознал в

ней истинную аристократку. Но раньше ему почему-то казалось, что высший свет старается обходить Интернет стороной, полагая — и не без оснований, — что там «ошивалась» одна шпана и социальные отбросы общества. Интисар сразу же заинтриговала юношу. Он начал отсылать ей электронные послания, куда вписывал на свое усмотрение цитаты из Ататюрка и Джона Адамса, она отвечала ему цитатами из Платона. Алифа покорила такая необычная переписка. Он переслал ей деньги на новый дорогой мобильный телефон, чтобы она могла звонить ему без страха быть застигнутой врасплох своими родственниками. Затем в течение нескольких недель вечерами они подолгу разговаривали друг с другом, иногда по нескольку часов.

Потом они договорились встретиться в той самой чайной, где Интисар объявила ему о разрыве. Алиф тогда чуть было не сорвался — его нервы были уже на пределе. Но он раньше никогда не проводил свое свободное время с девушками, если не считать Дины, конечно. Когда он впервые увидел Интисар, то позавидовал ей, вернее, тому, что ее лицо скрывал никаб. Сам Алиф не мог знать, дрожат ли у нее руки, как у него самого, покраснели ли щеки и не подкашиваются ли у нее ноги, отказываясь повиноваться, как это происходило с ним самим в тот ответственный момент. Получалось, что Интисар обладала значительными преимуществами. Она могла хорошенько рассмотреть его и решить для себя, находит она его красивым или просто привлекательным. Она могла, не торопясь, принять к сведению, что он носит только черное, и отсюда сделать вывод, оскорбляет ли данный факт ее чувства или все-таки нет. Самому же Алифу не оставалось ничего другого, как влюбиться по уши в лицо, которое он еще и не видел.

Он достал простыню из коробки и вдохнул ее аромат. Она пахла нафталином, запах духов девушки давным-давно выветрился. Исчезли и напоминания от их ноющих тел и переплетенных конечностей. Юношу теперь смущало еще и то, как странно складывались для него обстоятельства. Ведь еще год назад он не был даже знаком с ней, а еще через год может получиться так, как будто они и вовсе никогда не встречались. Ярость, охватившая его в чайной у малайца, затихла, и ее место занял самый настоящий ступор. Сколько времени она планировала это формальное свидание? В какой-то из дней, когда он сидел перед своим компьютером и ни о чем не подозревал, она, оказывается, успела с кем-то обручиться! Что уже успело произойти между ней и этим незнакомцем? Успел ли он прикоснуться к ней или пока нет? От одной этой мысли Алифу становилось тяжело. Он тихо взвыл и согнулся, словно

свернувшись в комок вокруг простыни. В висках застучала кровь.

В дверь спальни кто-то громко постучал. Прежде чем Алиф успел отреагировать, в комнату вошла мать, прижимая к груди длинный конец своего шарфа.

— Боже всемогущий, сынок, что это за звуки раздавались из твоей комнаты? Что-то случилось?

Алиф одним быстрым движением швырнул простыню в коробку.

— Все в порядке, — неуверенно произнес он. — У меня что-то в боку закололо.

— Может, тебе стоит принять парацетамол? Или просто попить содовой?

— Нет-нет, ничего не нужно. — Он попытался улыбнуться, давая матери понять, что с ним ничего плохого не произошло.

— Ну хорошо. — Мама еще раз критически осмотрела его, поджав губы, потом повернулась и ушла. Алиф выпрямился и несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Затем он снова вынул из коробки простыню и аккуратно сложил ее, постаравшись при этом запрятать пятно в самую ее середину. Затем в ящике своего стола он отыскал клочок бумаги, на котором вывел: «Это принадлежит тебе. Может, оно тебе нужно».

Подписываться он не стал, а просто сунул записку вместе с простыней в коробку, которую тут же тщательно обмотал липкой лентой. Сверху обернул газетой «Аль Хали», которую нашел у себя на полке, и сразу же постучал в стену, выбивая для Дины условный сигнал.

* * *

Прошло десять минут, прежде чем Дина появилась на крыше. Алиф пристроил коробку у ног. Сам он сейчас покачивал ногой в кроссовке с развязанными шнурками, чем сразу заинтересовал черную с рыжим кошку. Это создание появилось здесь между кадками с растениями как по волшебству, словно кошке для этого даже не пришлось пользоваться лестницей. Вот он снова резко дернул ногой, невольно наблюдая за тем, как кошка метнулась вверх за взлетевшими в воздух грязными шнурками. Алифа раздражало сейчас все, в том числе и опоздание Дины, ведь он подал ей условный сигнал, означавший, что ему срочно требовалась ее помощь. И когда она появилась на крыше возле лестницы, он был готов наговорить ей много неприятного.

— Ты будь с ней поосторожней, — предупредила Дина, нагибаясь к кошке и таким образом приветствуя ее. — Все кошки

наполовину джинны, а вот эта — на три четверти, как мне кажется.

— Ты где была так долго? — потребовал Алиф ответа, перекладывая коробку под мышку.

— Молилась на Магриб, — фыркнула девушка.

— Бог велик. Мне нужна твоя помощь.

Дина подошла к самому краю крыши и присела на корточки, чтобы стряхнуть пыль с карликового бананового деревца, растущего в одной из кадок. Кошка послушно следовала за ней, успевая прижиматься к ногам девушки и громко урча от удовольствия.

— Ты довольно грубо со мной обошелся, — заявила Дина, даже не глядя в сторону юноши, — а я всего лишь хотела поговорить с тобой о книге.

Алиф присел рядом с девушкой.

— Извини. Я самый настоящий осел, — начал он. — Прости меня. Мне надо сделать одну важную вещь, и я не знаю, кого еще я мог бы попросить об этой услуге. Пожалуйста, Дина, помоги мне. Если бы у меня была сестра, я бы, конечно, доверился ей, но ведь ты…

— У тебя есть сестра. Я сама танцевала на ее свадьбе.

Алиф грустно рассмеялся.

— Она мне сестра только наполовину, да и видел я ее раза четыре в жизни. Ты прекрасно знаешь, что та, другая семья моего отца меня попросту ненавидит. Что же касается Фатимы, я для нее темнокожий дальний родственник, а никакой не брат.

Взгляд у Дины заметно потеплел.

— Да, пожалуй, я привела плохой пример. Пусть Бог простит их за все, что они успели нагрешить в отношении тебя и твоей матери.

— Грехи, — негромко произнес Алиф, легонько шлепнув ладонью по банановому листу. В воздух взлетело небольшое облачко пыли. — Но ведь ты сама совсем недавно назвала мою маму индуской.

Дина вскрикнула и закрыла лицо руками:

— Как я могла забыть! Я сердилась тогда и…

— Не надо, перестань. Ты святая. Не мучайся так.

Она положила ладонь на землю рядом с коленом юноши.

— Ты же сам знаешь, что моя семья никогда не осуждала ее за веру, — напомнила Дина. — Мы любим ее. Она для меня как родная тетя.

— У тебя есть настоящая тетя. Она меня даже как-то раз угощала своей стряпней.

Дина от досады прищелкнула языком:

— Ты всегда найдешь что ответить. — Она обхватила руками колени и теперь совсем перестала походить на женщину. Сейчас со стороны она больше напоминала какое-то ее абстрактное изображение при помощи чернил на мятой бумаге. Алифу вспомнилось, как однажды, в возрасте двенадцати лет, Дина вдруг объявила, что с этого дня будет носить никаб. Тоненькая стенка между квартирами не скрыла от ушей Алифа ни слез ее матери, ни грозных упреков отца. В Старом Квартале аристократки вроде Интисар, разумеется, носили никаб, но так было принято издавна. И этот шелковый, усыпанный дорогими бусинами кокон символизировал не религиозные убеждения, а лишь подчеркивал ее общественное положение. Что же касается Дины — она была девушкой совсем другого ранга. Это просто рабочая сила, приезжие из Александрии. В будущем Дина должна была бы стать украшением офиса какого-нибудь бизнесмена или нянькой для его детей. Она никогда бы не носила никаб, а время от времени становилась бы доступной и для своего благодетеля, который платил бы ей за работу гораздо меньше, чем она того заслуживала. Для нее объявить себя посвященной и начать носить никаб не из-за денег, а ради Господа Бога было не то что странным — это означало попросту «выпендриваться» среди равных себе. Алифу тогда исполнилось четырнадцать, но даже он — прыщавый подросток — сразу понял, почему так сильно расстроились родители Дины. Быть святым в наше время совсем не выгодно.

— И что же это за услуга? — наконец поинтересовалась Дина.

Алиф поставил коробку перед ней.

— Мне нужно, чтобы ты отнесла вот это на одну виллу в Старом Квартале и передала девушке, которая там живет.

Когда Алиф произносил эти слова, он почувствовал что-то вроде сожаления, но отступать было уже нельзя. Когда Интисар увидит, что он решил передать ей, она будет считать его мерзавцем. Может быть, именно этого он и добивался: чтобы окончательная сцена в их отношениях стала куда более отвратительной, чем та, которую срежиссировала в чайной сама Интисар. Да, он напомнит ей, кем они были друг для друга раньше, он накажет ее по-настоящему.

— Это в Старом Квартале? Но откуда у тебя знакомые в Старом Квартале? Там ведь одни аристократы живут.

— Ее зовут Интисар. Не важно, откуда я ее знаю. Адрес такой: улица Малика Фарука, дом семнадцать. Это напротив небольшого майдана с фонтаном из черепицы в самом центре. Очень важно, чтобы ты передала ей это из рук в руки. Именно ей, а не ее слуге или брату. Договорились?

Дина подняла коробку и внимательно осмотрела ее.

— Я даже не знакома с этой Интисар, — пробормотала девушка. — Она не возьмет у меня вот это из рук без разумного объяснения. Может, там бомба лежит внутри.

Алиф горько усмехнулся. Что ж, она не так уж и далека от истины.

— Интисар знает, кто ты такая, — спокойно ответил он.

Дина изучала выражение его лица из-под бахромы своих ресниц.

— Ты сегодня какой-то странный. Мне не очень нравится, что ты рассказываешь обо мне разным подружкам из Старого Квартала с такими вычурными именами.

— Ни о чем не беспокойся. После того как ты поможешь мне, мы больше никогда не будем о ней вспоминать.

Дина поднялась на ноги, отряхивая халат от пыли, и сунула коробку под мышку.

— Хорошо, я все сделаю так, как ты сказал. Но если я совершу грех и ты об этом знаешь, вся вина ляжет на тебя.

Алиф горестно улыбнулся:

— Моя голова уже гудит от огромного числа грехов. Плюс один маленький грешок уже не будет иметь никакого значения.

Дина недовольно нахмурилась: меж ее бровей нарисовалась сердитая складочка.

— Ну что ж, я все равно это сделаю, но только ради тебя.

— Спасибо.

Он наблюдал за тем, как она удаляется по крыше и скрывается в лестничном проеме. Когда ее шаги стихли, Алиф прислонился лбом к краю глиняной кадки с банановым деревом и тихо заплакал.

* * *

На следующий день Алиф не выходил из дома. Он взял свой нетбук на крышу и долго медитировал, наблюдая за мигающим курсором на пустом экране редактора Комодо. Он совсем не обращал внимания на служанку, которая медленно передвигалась к бельевой веревке и назад, вывешивая один за другим ковры, чтобы дать им возможность немного проветриться на свежем воздухе. Снова появилась все та же кошка, аккуратно вышагивая по бордюру крыши. Она остановилась возле Алифа и посмотрела на него так, словно в ее желтых глазах отразилось некое участие к молодому человеку и его незавидной судьбе. Уже ближе к вечеру на крышу вышла Дина, и они вместе с ее матерью принялись

шелушить горох. Но, завидев его, босоногого, с лицом, освещенным мертвенным голубым светом монитора, тут же перешли на противоположную сторону крыши, о чем-то едва слышно перешептываясь.

Алиф проигнорировал женщин. Он сосредоточился и ждал наступления вечера. Молодой человек наблюдал за тем, как солнце, опускаясь за пустыню, становилось все краснее. Начиналось священное время, город слово принялся мерцать в дымке пыли. Там вдали, между неровными рядами жилых домов, виднелась часть знаменитой стены Старого Квартала. В лучах заходящего солнца она окрасилась в такой изумительный оттенок, название которому было трудно подобрать. Нет, это был не розовый, как его банально называли все вокруг, а скорее золотисто-розоватый, таким цветом отливает свадебное одеяние невесты из нежнейшего шелка. И в этот торжественный миг в центре Старого Квартала, с высоты древней мечети послышался призыв к намазу. Его подхватили голоса сотни других муэдзинов со всех мечетей, расположенных за стеной Старого Квартала, и каждый следующий голос казался чуть тише предыдущего. Но Алиф выслушал только первый мягкий баритон, после чего решительно надел свои наушники. Ему даже показалось, что в голосе прозвучал некий упрек, ведь юноша желал того, о чем не смел даже думать.

Когда на улице стемнело, Алиф пошел в дом. Он умылся, побрился и взял у заглянувшей к нему служанки тарелку с рыбой под соусом карри. Наскоро перекусив, он снова вышел из дома. На углу улицы он на секунду остановился, подумав о том, не стоит ли ему нанять такси, но потом передумал. Вечер выдался чудесный, и он не мог отказать себе в удовольствии прогуляться пешком. С другой стороны улицы Алифа рассеянно поприветствовал сосед по дому. В районе Бакара (названном так из-за находившегося здесь когда-то рынка скота) селились все те, кто прибыл сюда из других стран в надежде найти работу — из Индии, Бангладеш, Филиппин и маленьких арабских государств Северной Африки. Другими словами, это был самый обыкновенный район, похожий на многие другие, тоскливо тянущиеся между Старым и Новым Кварталами и чем-то напоминающие руки просящих милостыню.

В сумерках уже вспыхнули неоном рекламы, возвращая Город к жизни и призывая посетить булочные и аптеки сразу на нескольких языках мира. Алиф быстро миновал и их тоже. Скоро он очутился в переулке, где сильно пахло озоном. Наверху отчаянно работали кондиционеры, и капли фреона попадали прямо на голову Алифа. Добравшись почти до самого тупика,

юноша постучался в какую-то не слишком заметную и ничем не привлекательную дверь жилого дома. Внутри послышались шаги. Затем Алиф понял, что этот «кто-то» начал рассматривать его особу в дверной глазок.

— Кто там? — раздался голос мальчика, который уже мог называться юношей.

— Абдулла дома? — поинтересовался Алиф.

Дверь чуть приоткрылась, в щели появился нос и свисающие вниз усы.

— Это Алиф, — послышался другой голос из глубины комнаты. — Впусти его.

Щель увеличилась. Алиф прошел мимо подозрительного мальчика-юноши и очутился в просторной комнате, до потолка уставленной вдоль стен коробками с комплектующими для компьютеров. На большом рабочем столе-верстаке в центре этой комнаты были навалены такие же запчасти: материнские платы, оптические дисководы, крошечные прозрачные микропроцессоры в бета-версии и многое другое. Абдулла сидел верхом на краю верстака с лазерной ручкой в руке и возился с печатной схемой.

— Что же привело тебя на «Радио Шейх»? — осведомился он, даже не глядя в сторону гостя. — Не видели тебя, кажется, уже несколько недель. Мы уж подумали, не схватил ли тебя сам Рука?

— Господь этого не допустит, — машинально произнес Алиф.

— Господь велик. Ну, как жизнь?

— Как дерьмо.

Абдулла поднял на приятеля удивленные глаза и глупо улыбнулся, демонстрируя крупные заячьи зубы.

— Скажи: «Брат, прости меня». Я обычно слышу в ответ только «хвала Всевышнему». Только один тип как-то раз ответил мне примерно так же, как и ты. Но у него был сифилис в последней стадии и член уже буквально отваливался. Надеюсь, у тебя причина не менее весомая.

Алиф уселся на полу.

— Мне нужен твой совет.

— Вряд ли я тебе смогу помочь. Но все равно выкладывай.

— Мне нужно сделать так, чтобы один человек никогда не обнаружил меня онлайн.

Абдулла презрительно фыркнул:

— Да перестань ты. В этом вопросе ты разбираешься лучше всех остальных, вместе взятых. Заблокируй все его ники, поставь фильтры, короче, сделай так, чтобы с его IP-адреса невозможно было проникнуть к тебе на сайты…

Но Алиф не стал дослушивать. Он уже отрицательно мотал головой.

— Нет. Это не совсем то. Я имею в виду не ники и не адрес. Это вопрос не из цифрового мира. Я имею в виду самого человека как личность.

Абдулла отложил работу и внимательно посмотрел на гостя.

— Меня так и подмывает сказать тебе, что это попросту невозможно, — медленно произнес он. — Ты хочешь научить компьютерную программу определять человека вне зависимости от того, каким компьютером, логином или адресом он пользуется.

— Да, именно это я и имел в виду, — подтвердил Алиф, и глаза его заблестели. — И кстати, этот человек не «он», а «она».

— Она? Она! Вот почему у тебя все так плохо! — рассмеялся Абдулла. — У брата Алифа, оказывается, неприятности с девчонкой! Ах ты, несчастный отшельник! Я же знаю, что тебя и из дома-то не вытащить никуда. Как же тебе удалось еще и в проблему вляпаться?

Лицо Абдуллы мелькало у Алифа перед глазами размытым пятном.

— Заткнись, — нахмурился Алиф. — Или, клянусь Богом, я вколочу тебе в горло твои никчемные заячьи зубы.

Абдулла чуть не поперхнулся от неожиданности.

— Ну ладно, ладно, я понимаю, что это все очень серьезно. Я все уже понял, — поспешно пролепетал он. Алиф промолчал, и молодой человек нервно заерзал на верстаке. — Раджаб! — позвал он второго парнишку, который отошел в дальний угол комнаты и возился там с какими-то деталями. — Пожалуйста, побудь немного хозяином, угости нас чаем.

— Чтоб твоя мама такой хозяйкой побыла, — недовольно буркнул Раджаб, но все же послушно выскользнул за дверь. Когда замок за ним защелкнулся, Абдулла снова повернулся к Алифу.

— Давай думать вместе, — предложил он. — Теоретически каждый человек обладает уникальным стилем набора текста на клавиатуре. Это и количество ударов в минуту, это интервалы между ударами и все такое прочее. Нужна хорошая программа регистрации нажатия клавиш, соответствующим образом настроенная. И тогда она, возможно, сумеет определить человека по стилю набора текста. Конечно, не надо забывать и о возможных погрешностях и ошибках.

Алиф размышлял с минуту, прежде чем заговорил.

— Может быть, — наконец произнес он. — Но для этого нужно иметь много исходного материала. Только тогда удастся распознать характерный стиль определенного человека.

— Может, так, а может, и нет. Все зависит от того, насколько уникален этот стиль. Это еще никто не изучал.

— А что, если пойти еще дальше, — увлекся Алиф,

поднимаясь с пола и начиная расхаживать по комнате. — Усовершенствовать программу так, чтобы потом она могла сравнивать этот стиль с использованием грамматических правил, синтаксиса, правописания…

— Доля использования определенных лингвистических единиц в процессе общения в Сети? Сравнить, например, английский с арабским, с урду, хинди, малайским и так далее. Это весьма трудоемкая задача, Алиф. Даже для тебя.

Они оба замолчали, думая теперь о чем-то своем. В это время в дверях появился парнишка с металлическим подносом, на котором стояли две чашки ароматного чая. Алиф взял одну и, зажав между ладонями, прокатил чашку по коже, наслаждаясь ее теплом.

— Если бы такая программа заработала… — негромко произнес он.

— Если бы она заработала и об этом стало известно, все разведслужбы на земле начали бы охотиться за тобой, чтобы заполучить ее для себя.

Алифа даже передернуло от такой перспективы.

— Может, и заморачиваться не стоит, брат? — высказал свое предположение Абдулла. Потом он вытянул из-под верстака свои огромные ступни и встал на ноги. — Это всего-навсего девица, и все.

Алиф посмотрел в чашку на темные чаинки и бросил туда кусочек сахара. Глаза его затуманились.

— Это не просто какая-то девица. Это королева, философ, красавица, достойная самого султана…

Абдулла поморщился и покачал головой:

— Никогда и подумать не мог, что этот день все же наступит. Посмотри на себя, ты же превратился в какого-то безвольного хнычущего хлюпика.

— Ты ничего не понимаешь.

— Я все понимаю. — Абдулла приподнял брови, — у тебя есть то, что отсутствует у всех нас, — благородная цель. И не надо забывать о ней во имя сиюминутной прихоти своего члена.

— А я больше не хочу служить во имя благородной цели. Я просто хочу стать счастливым.

— И ты полагаешь, что женщина сможет сделать тебя счастливым? Сынок, посмотри в зеркало. Она уже сделала тебя самым несчастным.

Алиф неспешно приблизился к коробкам у стены.

— Сколько ты хочешь вот за это? — поинтересовался он, вынимая внешний жесткий диск. — Мне понадобится дополнительное пространство.

Абдулла тяжело вздохнул:

— Бери просто так. Да пребудет с тобой Господь!

* * *

Очутившись снова в своей комнате у себя дома, Алиф извлек из ящика стола пачку сигарет, ароматизированных гвоздичным маслом. Но сначала он раскрыл пошире окно, и уже потом, удобно устроившись на подоконнике, закурил и выпустил в ночной воздух колечки голубоватого дыма. Внизу, на листьях жасминовых кустов, что росли во дворе, блестели капельки росы. Запах жасмина смешивался с гвоздикой и с легким ветерком возвращался в комнату. Алиф набрал полные легкие воздуха. В раннем детстве ему казалось, что из этого окна будто бы можно увидеть море, светящееся и чуть дрожащее огнями жилых кварталов. Теперь он понимал, что свет окон отражался не на поверхности моря, а в густом смоге Города. Тем не менее образ моря по-прежнему успокаивал его. Внизу кусты жасмина начали тихонько подрагивать. Алиф посмотрел во двор и увидел, как по нему крадется черная с рыжим кошка. Он позвал ее. Она подняла голову, окидывая его взглядом глаз-блюдец, и тихонько мяукнула. Алиф протянул вперед руку. Кошка беззвучно легким прыжком взлетела на подоконник и принялась тереться мордочкой о ладонь юноши.

— Хорошая киска, — похвалил ее Алиф. — Ласковая киска.

Он выкинул окурок в окно и отвернулся, вытирая руки о джинсы. Кошка уютно устроилась на подоконнике и продолжала наблюдать за Алифом, наполовину закрыв глаза.

— Оставайся там, — предупредил Алиф, усаживаясь за стол. — Только не спрыгивай вниз. Нашей служанке религия не позволяет разрешать кошкам ходить по комнатам. Ей от твоей шерсти может даже плохо стать.

Кошка моргнула словно в знак согласия. Алиф дотронулся до беспроводной мыши, и тут же послышались легкие щелчки, означавшие, что экран вернулся к жизни. В ящике у него обнаружилось несколько новых сообщений. Подтверждение о переводе 200 дирхем от клиента, представление некоего сирийского активиста, который заинтересовался услугами Алифа. Нашлось письмо от одного русского хакера, с которым Алиф играл в виртуальные шахматы. Русский сделал ход и теперь угрожал единственному слону Алифа. Заблокировав продвижение русского вперед при помощи своей пешки, Алиф создал новый файл и задумался.

— Интисар, — произнес он, обращаясь к кошке. — Растини. Сар Инти.

Кошка раскрыла глаза и снова зажмурилась.

— Тин Сари, — продолжал Алиф, одновременно набирая все произнесенные им слова на экране. — Да, вот это то, что надо. Я думал не на том языке. Вуаль из тины для капризной принцессы.

Почти всю ночь он модифицировал имеющуюся у него программу регистрации нажатия клавиш при помощи целого набора генетических алгоритмов. Он надеялся, что с их помощью она сможет распознавать стиль печатания на клавиатуре определенного человека. Только один раз он пробрался на кухню, чтобы сварить себе чашечку турецкого кофе, куда он добавил немного кардамона, предварительно измельчив его с помощью ложки и гранитной столешницы. Когда он вернулся в свою комнату, то заметил, что кошка с подоконника уже исчезла.

— Все они уходят, — пробормотал юноша. — Даже те, кто в кошачьем обличье.

Затем из меню он выбрал компьютер, принадлежащий Интисар. Когда он работал с ним в первое время, то использовал удаленный доступ, чтобы Голливуд, его индивидуально настроенный гипервизор, мог отслеживать ее статистические данные. Время от времени он благодушно проводил с компьютером что-то вроде профилактической работы. Алиф уничтожал все вредоносное программное обеспечение, которое не вылавливал ее коммерческий антивирус, включал свои собственные программы дефрагментации, стирал временные файлы. Другими словами, делал все то, что среднестатистический пользователь либо вообще забывает сделать, либо просто не может этому научиться по каким-то причинам. Как только он замечал, что система отслеживания активности в Интернете начинала проявлять повышенное внимание к его клиентам, Алиф мог не спать ночами и в эти дни свести общение до минимума. Интисар, как правило, обвиняла его в том, что он совсем не уделяет ей времени. Его это не обижало, но все равно он так и не признался ей в том, что, работая с ее компьютером, все же оказывает ей вот такие крохотные знаки внимания, если это можно так назвать. Она и не знала, что экземпляр ее незаконченной диссертации находится за одним из его межсетевых экранов, что гарантировало сохранность ее трудов даже в случае апокалипсиса. Вот такие действия имели для него некий смысл. Остальное казалось недосягаемым и попросту непереводимым.

Он проскользнул в ее компьютер и создал там узел для Тин Сари (версия 1.0) и соединил его с ботнетом компьютеров своих

клиентов. Ботнет будет обрабатывать поступающую от нее информацию, отсылая результаты Алифу через Голливуд. Алиф испытал что-то вроде угрызений совести за то, что без спроса использовал машины своих клиентов, да еще для таких эгоистичных целей. Но никто из них и не заметит новой программы, работающей где-то на задворках их систем. Ну а если кто и заметит, то все они давно и достаточно хорошо знают Алифа, и никто не станет задавать ему лишних вопросов. Как только Тин Сари начнет передавать свои данные, он сможет очистить алгоритмы, исправить ошибки и добавить новые параметры. Конечно, на это потребуется и время, и терпение, но если Абдулла прав, в конце Алиф получит самый настоящий цифровой портрет Интисар. Затем Алиф сможет проинструктировать Голливуд, чтобы тот отфильтровывал всех пользователей Интернета, которые подходили под ее описание, делая их, таким образом, невидимыми друг для друга. В итоге получится, что он выполнил ее просьбу — она больше никогда и ничего о нем не услышит и не узнает.

— Это взлом, — негромко произнес Алиф. — Я повешу между нами занавес. Дина сказала бы, что нам двоим не стоит смотреть друг на друга.

Да, так сказала бы Дина, но не он сам. Его собственные мотивы были попросту смехотворными, и он не стал бы говорить о них вслух. Прячась таким образом от Интисар, он делал невозможным ее возвращение. Даже если бы она и захотела все изменить, то уже ничего не смогла бы сделать. Таким образом, он исключал возможность испытать унижение от сознания того, что она и не пыталась вернуться к нему.

Боковым зрением он начал наблюдать какие-то яркие вспышки. Алиф часто заморгал. Значит, он слишком долго смотрел на экран монитора. Голова у него гудела. Небо тем временем успело поменять цвет. Скоро муэдзины начнут призывать совершить намаз. Он выключил монитор и отодвинулся от стола. Не раздеваясь, Алиф упал на кровать, чувствуя, как усталость и страшная слабость одолевают его.

Глава третья

На следующее утро Алиф проснулся от звуков музыки, несущейся из колонок, присоединенных к плоскому монитору. Он открыл глаза и увидел на экране последний клип ливанской восходящей звезды по имени то ли Дания, то ли Рания, а то и вовсе Хания. Причем сначала на экране возникла ее попка, и только потом появилась вся певица. Она перекатывалась с боку на бок на постели, усыпанной розовыми лепестками, и страдала из-за того, что ей очень хотелось персиков, а бананов почему-то нет. Алиф дотронулся до резинки своих трусов и потянул за нее. Но тут в дверь постучали, и ему пришлось вставать. Он открыл дверь ровно настолько, чтобы в образовавшуюся щель принять поднос с завтраком от служанки.

Он поел за письменным столом, слыша, как мать внизу на кухне гремит кастрюлями и сковородками. Она уже начала готовить обед, еще не закончив переваривать завтрак. Алиф попытался посчитать, сколько недель назад к ним приходил отец, и не смог. В детстве он всегда с приятным чувством ждал, когда в прихожей послышатся шаги отца. Мать заранее готовила для него кожаные тапочки, и если отец надевал их, это означало, что он явился к ним надолго. Тогда он часто приходил к ним. Теперь, когда отец оказывался в Городе, он звонил из богатой квартиры в Старом Квартале, принадлежавшей его первой жене. Несколько раз эту квартиру он называл домом. В то время, когда Алифу еще было не все равно, он поинтересовался, почему их маленькое двухквартирное жилище он не считает своим домом. Тогда отец дипломатично ответил сыну: «Это *твой* дом».

Покончив с завтраком, Алиф выпил чая и снова плюхнулся на кровать, намереваясь погрузиться в сладкий сон. За стенкой было слышно, как Дина говорит с кем-то по телефону, ее голос привычно то повышался, то понижался, в зависимости от эмоций. Он положил ладонь на отслаивающуюся штукатурку рядом с плакатом Роберта Смита и задумался. Дина тоже, как и он сам, была единственным ребенком в семье. Ее мать тщетно ждала пополнения семейства — один выкидыш следовал за другим. Мать Алифа тихим вкрадчивым голосом докладывала об этом его отцу в те давнишние времена, когда уговаривала его завести еще одного ребенка. Но Алифу, как и Дине, не суждено было обзавестись родным братом или сестрой к тому же у его отца уже была Фатима и Хазим и Ахмед — светлокожие потомки его первой жены. И конечно, ни они, ни его кошелек не выдержали бы появления еще одного отпрыска. Алиф думал о том, не стала ли

Дина чем-то вроде упрека для своей матери, напоминания о единственной радости за все долгие годы бесплодия.

Дина замолчала, потом Алиф услышал, как открылась и снова закрылась дверь в ее комнату. Алиф убрал ладонь со стены. Он встал, включил компьютер и уселся за работу.

* * *

Первая версия программы Тин Сари ничего толком Алифу не рассказала о том предмете, на который была нацелена. Интисар постоянно писала электронные письма на арабском и сидела в чатах, где общалась, как правило, на английском. То же самое с микроблогами. Но это можно было сказать почти о каждом пользователе в Городе. Ее система набора текста оказалась настолько сложной, что программа отказывалась находить закономерности. Получалось, что одни письма она писала стремительно, над другими часто задумывалась и никуда не торопилась. Вероятно, все зависело от самого текста и того факта, как срочно ей нужно было отправить то или иное послание. В течение нескольких недель Интисар словно ускользала от него. Это дало повод Алифу еще раз подумать о том, что, наверное, эта девушка была сделана из более тонкой материи, чем та, которую сумела бы распознать его компьютерная программа.

Данные продолжали поступать. Алиф четко представлял себе, как Интисар сидит за своим столом, небрежно собрав волосы в пучок, чтобы они не попадали ей на лицо и не мешали. Она одета только в футболку и легкие спортивные штаны для бега. Девушка сосредоточенно пишет письма друзьям, строя всевозможные планы, или работает над своей диссертацией. Она трудилась над ней и проводила всяческие исследования уже тогда, когда он с ней только познакомился. Девушка должна была закончить университет, получив самые высокие оценки, на какие только может рассчитывать студент. Таким образом, имея отличное образование и происхождение, она станет идеальной женой для человека, имя которого Алиф возненавидел до такой степени, что ему самому стало страшно.

Без Интисар Алиф как будто поплыл по течению. Его жизнь снова ограничилась общением с женщинами в доме и мужчинами за его пределами. Он выслушивал то, что говорила ему мать или служанка, потом так же безразлично воспринимал сальные шуточки Абдуллы и других своих приятелей. Все это уже не имело большого значения, потому что он был лишен голоса Интисар — такого высокого и соблазнительного, в особенности в

те мгновения, когда Алиф исследовал ее и обнаруживал все новые характеристики ее великолепного тела. Работа стала ему в тягость. Она как будто напоминала Алифу о его смешанном происхождении. Он считал себя нежеланным в этом мире, второсортным человеком, недостойным более интересной и высокооплачиваемой работы. Он машинально проводил диагностику, занимался рутинной работой и одновременно размышлял над тем, что теперь, видимо, его безутешное горе останется с ним до последнего дня его никчемной жизни.

Он вынимал их брачный контракт и смотрел на него каждый день, каждый раз чувствуя себя глуповато. Какая наивность — решить, будто эта бумажка может иметь хоть какое-то значение. Да, видимо, он насмотрелся всяких египетских фильмов и начитался дешевых книжек. Раньше его переполнял романтизм — как это заманчиво — устроить тайный брак. И как сейчас это казалось смешно и нелепо! Он сам почему-то составил у себя в голове целую цепочку чудесных происшествий, достойных составить волшебную сказку с счастливым концом. Отец выгоняет Интисар из дома, как говорится, в том, что на ней в ту минуту было надето. Алиф проявляет мужество и берет всю ответственность за несчастную девушку на себя. Он оставляет ее на попечительство своей заботливой матушки, а сам в это время готовит для них семейное гнездышко. Но шли недели, и эта сказка постепенно вытиралась из его памяти, вызывая теперь лишь болезненные отрывочные воспоминания.

Но затем программа Тин Сари показала ему нечто такое, чего он от нее уже и не ожидал. Примерно через месяц после того, как он установил на компьютер Интисар ее рабочую версию, пасмурным днем, ему пришло сообщение. Алиф в это время занимался переработкой некоторых кодов, куда попал вирус, и эти новости были ему совершенно ни к чему.

— Что ты от меня хочешь? — недовольно буркнул он, но тем не менее нажал на нужные клавиши, чтобы выяснить причину такой активности своей программы. Она сообщила ему, что на одном из ноутбуков нашелся паттерн, соответствующий заложенному в программе. Не желает ли Алиф присвоить ему название?

Алиф смотрел на мигающий курсор и словно не верил своим глазам. Потом он машинально напечатал «Интисар».

Создать фильтр для «Интисар» в диагностической программе Голливуда?

Ввод.

В системном блоке раздались щелчки и поскрипывание. Алиф закрыл все программы, с которыми работал, и сосредоточился на

экране.

— Не может быть! Господь всемогущий! — выдохнул он. Затем он нажал на клавишу, чтобы просмотреть отчеты Тин Сари. Программа наблюдала за Интисар в течение пяти недель и сделала вывод, что девушка пользуется арабским и английским в соотношении 2,21165 к 1, избегала сокращений и, что самое странное, когда печатала на своем родном языке, выбирала именно те слова, где буква «алиф» занимала положение в середине слова. Алиф снова задумался. Интересно, какой вывод можно сделать из такой подсознательной любовной поэзии? Словно загипнотизированный, он предложил программе изучить несколько электронных писем от его двоюродных братьев, пару статей из спортивной колонки популярного еженедельника и еще какие-то тексты, чтобы выяснить, нет ли тут ошибки, но Тин Сари безукоризненно отыскала в них все слова, которые использует Интисар.

Алиф попытался сообразить, что именно стараются сообщить ему полученные алгоритмы. Может быть, где-то в глубине мозга существует нечто похожее на лингвистическую ДНК, некий набор связанных между собой завитков и спиралей, который принадлежит только одной-единственной личности, и никому более на всем свете? Прошло несколько дней, но Алиф за все это время так и не смог взять себя в руки и начать работать. Он не написал ни одного электронного письма, ни единой строчки кодов, а только думал о том, какая же часть его души расположена на кончиках пальцев, набирающих тексты. Получалось, что любое слово, напечатанное им, вместе с другой информацией сообщало и его собственное имя. Скорее всего стать другой личностью становится невозможным, и не важно при этом, за каким аватаром или псевдонимом ты пытаешься спрятаться.

Программа вела себя так, что Алифу стало не по себе. Он писал ее, используя некую сомнительную логику, используя серых посредников в черно-белом цифровом мире программирования. Алиф умел разговаривать в черно-белом формате и заставлять нули и единицы распознавать друг друга. Наверное, поэтому он так преуспел в своей работе. Но Тин Сари не должна была сработать именно так, как у него получилось, несмотря на то что он втайне именно на это и рассчитывал. Она смогла опознать совершенно эзотерический паттерн, невзирая на свои недостатки. Алиф ничего не понимал, и законы математики ему в этом не помогали. Впервые в жизни он разработал программу и не понимал, как и почему она работает.

Когда Тин Сари безошибочно определила Интисар по одному предложению, которое та написала в день низкой активности,

Алиф позвонил Абдулле.

— Брат, — начал он, — ты должен прийти ко мне и увидеть все своими глазами.

— Что именно? — поинтересовался Абдулла. Было слышно, что он отчаянно что-то грызет.

— Ты помнишь, я тебе рассказывал про один ботнет? Языковой фильтр или что-то вроде того.

— Когда у тебя возникли проблемы с твоей девчонкой?

Алиф гневно сверкнул глазами:

— Ну да.

— И что там такого необычного?

— У меня просто душа в пятки ушла, когда программа заработала. Где-то я, наверное, допустил ошибку. Я хочу, чтобы ты сам просмотрел алгоритмы и убедил меня в том, что я еще не сошел с ума.

— Что-то не то получилось? — Тут в трубке раздался хруст, словно приятель что-то энергично жевал.

— Не совсем так. Дело в том, что… послушай, что ты там грызешь?

— Морковку. У меня теперь спортивный режим.

— Поздравляю. Короче, приходи.

Абдулла подъехал через полчаса, в старой армейской форме и с рюкзаком через плечо, который безо всяких церемоний тут же швырнул прямо на постель Алифа. Затем он так же лихо перевернул пустую корзину для бумаг и уселся на нее перед компьютером рядом с товарищем.

— Дай мне глянуть на твое творение. Ты в чем его писал?

Алиф включил для него Тин Сари (версия 5.2).

— C++, но все остальное я сделал сам, так что система совершенно новая, если можно так выразиться. Там полно всяких модификаций и усовершенствований.

— Ничего не понял, ну да ладно. — Абдулла принялся быстро просматривать строки кодов. Его глаза блестели в свете монитора. Но внезапно выражение его лица сменилось на удивленное.

— Алиф, — медленно проговорил он, — а вот это что такое?

Алиф поднялся со своего места и принялся нервно расхаживать взад-вперед по комнате.

— Не знаю. Представляешь, сам не знаю! Первая версия никуда не годилась. Но я все возился и возился с ней. Под конец я уже сам слабо соображал, что я пишу и для каких целей. Я просто решал бесконечные проблемы по мере их поступления. Параметры и исключения стали для меня одним и тем же. Я устал повторять одно и то же: «так, так, но не так» — и начал твердить

просто: «вот так, так и еще вот так». И программа стала слушаться меня!

— Мы с тобой сейчас говорим о кодах?

— Я уже запутался сам.

Абдулла в отчаянии принялся стучать ногой по полу.

— Так ты говоришь, что программа заработала?

Алифа передернуло, но он промолчал.

— Она не только работает, брат. Она меня пугает. Сегодня она безошибочно определила ту девчонку, о которой я тебе рассказывал. Причем только лишь по одному напечатанному ею предложению. По одному-единственному, Абдулла. Это невероятно, так не бывает. Ни одна математическая программа не в состоянии это сделать, потому что слишком мало исходных данных.

— Значит, ты где-то что-то сделал не так.

— Но почему такой результат?

Абдулла «подъехал» поближе к другу на корзине для бумаг.

— Это что же — такой изощренный способ напроситься на комплимент? Ты хочешь, чтобы я во всеуслышание назвал тебя гением? Если бы я знал, что ты зовешь меня сюда только для того, чтобы потешить твое самолюбие, я бы купил смазки, наверное.

Алиф со стоном повалился на кровать и потер уставшие глаза.

— Мне на него наплевать, — произнес он. — Я только хочу понять, что произошло. И может быть, мне важно мнение стороннего наблюдателя, так сказать.

Абдулла сложил губы трубочкой, закрывая заячьи зубы.

— О чем ты говоришь? о системе распознавания личности? Мы это делаем машинально, автоматически. Я, например, мгновенно узнаю твой голос по телефону. Наверное, я бы узнал твои письма даже без того, чтобы поглядеть на адрес отправителя. Так поступает каждый, у кого голова на месте и кто не страдает душевным расстройством. Но машина этого делать не умеет. Им обязательно нужен адрес или псевдоним, чтобы опознать того, кто прислал тебе то или иное сообщение. Если изменить эти показатели, человек станет для машины чем-то вроде невидимки. Но если все то, что ты мне наговорил, — правда, то получается, что ты научил бездушную машину думать. Скажу больше. При помощи своей программы ты снабдил свой комп не чем иным, как интуицией!

Алиф смотрел на Абдуллу краем глаза. Тот сидел перед компьютером, чуть согнувшись и скрючив пальцы ног там, где они касались корзины для бумаг.

— И ты так спокойно можешь об этом рассуждать? — удивился Алиф.

Абдулла поднялся на ноги.

— Да, потому что я не верю в правдивость твоих слов. Это невозможно, хотя ты и сам это прекрасно понимаешь. И тому, что твоя программа так четко сработала, должно найтись другое, вполне разумное объяснение. Но в любом случае то, что у тебя получилось, просто замечательно, и я тебя с этим поздравляю. — Он подхватил с кровати свой рюкзак и напоследок заметил: — Тебе надо почаще выходить из дома и гулять на свежем воздухе, Алиф. Ты неважно выглядишь.

* * *

Он сдержал свое обещание стать невидимым для нее. Используя созданный Тин Сари профиль Интисар, он отправил инструкции для Голливуда сделать для этой девушки невидимым свое цифровое присутствие в Сети. Если она захочет посетить его страничку (ну, если это вообще когда-либо произойдет), он спрятал ее так далеко и глубоко в Паутине, что ее браузер просто не отыщет ее и сообщит, что такая попросту не существует. Интисар может создавать тысячи новых адресов и посылать ему кучи писем, но все они вернутся к ней назад неотправленными. Поиск его имени — и данного при рождении, и вымышленного — ни к чему не приведет. Со стороны все будет выглядеть так, будто он навсегда исчез из электронного мира.

Он не мог осмелиться и повернуть против себя свое же оружие. Слишком страшно было сознавать, что она станет буквально невидимой для него. Он оставил Голливуд подключенным к компьютеру Интисар, рассчитывая на то, что дополнительная информация не помешает Тин Сари дополнить цифровой портрет девушки. Кроме того, это, возможно, каким-то образом поможет ему самому быстрей разобраться в непонятных паттернах и языке-вне-языка, который он создал. Нет, он не шпионил за ней. Он не читал ее электронную почту, не проверял ее на чатах. Он просто изучал паттерны, которые Тин Сари обнаружила в ее словах. Алиф твердо сказал себе, что перешел от состояния горестного переживания за свою судьбу в чистую науку. Иногда он даже начинал сам верить в это.

В октябре из глубины континента в Город принесло песчаную бурю. Все утро Алиф пролежал в кровати. До его слуха доносились разрозненные звуки с крыши: Дина вместе со служанками бегали взад-вперед, чтобы поскорей унести белье в

квартиру, прежде чем в него успеет набраться песок. Алиф стиснул зубы и почувствовал между ними крошечные песчинки. Не важно, как бы тщательно ты ни заклеивал окна, песок все равно проникал в квартиру через мельчайшие щели вопреки всем законам природы. Скоро ему придется встать и обработать внутренности своего компь-ютера при помощи маминого фена, включенного без обогрева воздуха. Этому его научили вот такие песчаные бури. Он закрыл глаза, чтобы не видеть этого противного тусклого серого света дня. Можно еще немного полежать.

Удар в окно заставил его мгновенно вскочить с кровати. Он в один прыжок очутился у подоконника, откуда с улицы на него жалобно смотрела черная с рыжим кошка. Она прижала уши, всю ее шерсть покрывал желтовато-сероватый слой пыли.

— Боже мой! — Алиф быстро отклеил часть липкой ленты с окна, которое плотно закрыл от песка, и кошка тут же пролезла в образовавшуюся щель и впрыгнула к юноше в комнату. Она приземлилась возле ножки кровати и тут же чихнула.

— Ты только посмотри на себя, какая ты грязная! Я тебя не узнал сразу. От тебя сейчас везде песок будет оставаться.

Кошка снова чихнула и принялась отряхиваться.

— Тебе лучше вести себя тихо, а то сюда служанка заявится с метлой, чтобы выгнать тебя прочь. И пожалуйста, не надо нигде писать. — Алиф снял длинную, до пола, рубаху, которую надевал на ночь, и выбрал себе черную футболку. Одевшись, он открыл дверь и забрал поднос с чаем, домашним сыром и аппетитной лепешкой, который оставила ему служанка. Чай давно остыл и Алиф опустошил стакан одним глотком. Присев на корточки возле компьютера, он осторожно снял корпус и принялся изучать его внутренности. Тонкий слой пыли покрывал лопасти вентилятора, и юноша дунул на него в качестве эксперимента.

— Не так уж и плохо, как могло быть, — пробурчал он себе под нос. Кошка принялась тереться о его ногу. Но как только Алиф поставил корпус назад на системный блок, из колонок раздался сигнал, означавший тревогу в системе безопасности.

— Черт! Вот черт! — Алиф бросился к столу и вернул к жизни дремавший до сих пор монитор. Скорость соединения падала на глазах. Голливуд прислал отчет о целой серии ошибок.

Значит, это снова Рука действует.

Алиф почувствовал, как его бросает в пот, и его капельки тут же выступили у него на верхней губе. Юноша попытался сосредоточиться: ему нужно было защитить всех тех, кто полностью зависел сейчас от него. Одного за другим он отключал своих клиентов от Голливуда. Это оставит их незащищенными в

каком-то смысле, но несколько таких часов лучше, чем стопроцентная гарантия быть обнаруженным. Его собственные пальцы казались сейчас Алифу до омерзения медленными и какими-то неловкими. Он выругался про себя. В тот же момент был обойден первый межсетевой экран Голливуда, и снова прозвучал сигнал тревоги.

— Но как? Как это стало вообще возможным? — Алиф в ужасе уставился на экран монитора и ничего не мог понять. — Именем Господа, скажи мне, как это у тебя получается? — Только четверо клиентов оставались подключенными к его оперативной системе. OpenFist99, отключить соединение? Да. TheRealHamada, отключить соединение? Да. За эти секунды Рука зашел еще глубже в его систему.

— Но это невозможно, — прошептал Алиф.

Jai_Pakistan, отключить соединение? Да. Алиф взглянул на список своих клиентов. Единственным подключенным компьютером оставался тот, что принадлежал Интисар. Но у Алифа кончалось время.

— Не надо волноваться, — заверил он сам себя. — Они охотятся не за тобой. — С этими словами он вынул вилку из розетки. Жалобно заскулив, компьютер выключился, монитор стал темным. Алиф посмотрел на неясное отражение в его черном экране, едва переводя дыхание. Он слышал, как снаружи бесится буря, швыряя ему в окно горсти песка. От кошки исходило приятное урчание — сигнал удовлетворения. Оказывается, на подносе для завтрака она обнаружила сыр. Время шло вперед, мир по-прежнему продолжал вращаться, как будто и не случилось ничего такого уж необычного. Алиф потряс головой, чтобы прояснить разум. Так что же все-таки произошло? Некая серия электрических импульсов, вкл-выкл, вкл-выкл. Вот и все, но это могло означать длительное тюремное заключение для кое-кого на всю оставшуюся жизнь.

Алиф выждал полчаса и только после этого снова отважился включить компьютер. Сначала он трижды проверил всю систему, шепча молитвы, и три раза ему ответили, что никаких ошибок обнаружено не было. Тогда он снова подсоединил всех своих клиентов и подумал о том, стоил ли сообщить им через электронную почту об этом происшествии. В конце концов юноша решил этого не делать. Ну, чем бы это им помогло? Они бы только начали паниковать. Лучше он сам постарается выяснить, каким образом Руке удалось пробиться через его защиту. Значит, нужно снова и снова пересмотреть каждую строчку кодов.

— Я сам справлюсь, — пробормотал Алиф, глядя на экран монитора. Тут его накрыла волна боли и тошноты. Застонав,

молодой человек нагнулся и коснулся лбом холодного края своего компьютерного стола. В доме где-то по-прежнему свистел ветер и задувал песок в невидимые щели, и этот свист напоминал некий призрачный голос, очень похожий на человеческий. Потом Алиф услышал, как Дина включила музыку у себя в комнате. Это была веселая танцевальная мелодия, как будто девушке тоже становилось не по себе от бури за окном, и она таким образом пыталась успокоиться. Алиф поднялся со своего места и прислонился к той самой стене, которая разделяла их комнаты. Когда его компьютер оставался включенным, Алиф никогда не чувствовал себя одиноким. Миллионы людей, таких же, как он сам, находились в этот момент в своих комнатах, стараясь связаться друг с другим именно так, как это делал и он сам. Теперь такая связь показалась ему надуманной и весьма обманчивой. Значит, он жил в выдуманном мире, придуманном им самим.

Кошка осторожно подошла к нему и дотронулась лапой до его колена, словно сочувствуя и жалея приютившего ее молодого человека.

* * *

В ту ночь ему приснилась женщина с волосами, выкрашенными черно-рыжими прядями. Она проскользнула в его комнату уже обнаженная и при этом ничуть того не стеснялась. Затем она начала что-то говорить Алифу на непонятном языке, но настолько успокаивающее, что его это нисколько не удивило и не насторожило. Ее глаза сверкали в темноте. Алиф слушался ее и даже не смущался, словно происходящее его не удивило. Женщина довольно урчала, а он быстро отыскал ее губы и впадинку на горле. Она провела рукой по его бедру и взглянула на юношу приглашающе. В этот момент он ощутил что-то вроде сожаления.

— Интисар, — тихо произнес он.

Женщина нахмурилась, издала какой-то неприятный звук, свидетельствующий о ее легком раздражении, и прикусила ему плечо. И тут его обуяла страсть. Он навалился на ее гибкое тело, накрыв его своим, их ноги сплелись. По его мышцам стали накатываться волны наслаждения одна за другой. Он стал действовать более энергично, и женщина вскрикнула. Он пригнулся к ней и зашептал ей на ухо слова на том же самом странном языке, на котором она сама разговаривала с ним. Алиф объяснил ей, что они должны вести себя тихо. Она послушно

спрятала лицо у него на шее и негромко застонала. Конец наступил довольно быстро. Алиф еще раз дернулся и замер на ее теплом теле. Женщина рассмеялась, и было видно, что она одержала в эту минуту свою маленькую победу. Потом она поцеловала его и улыбнулась. Алиф умолял ее назвать свое имя, но она уже исчезла в темноте, оставив после себя аромат, вызывающий в памяти теплый мех.

Алиф проснулся от непонятного звука и сразу увидел, что это кошка била лапой по стеклу. Он испытывал полное удовлетворение и был на удивление спокоен. Ветер утих, буря закончилась, и Город погрузился в глубокую тишину, словно восстанавливая силы. Юноша поднялся и сразу поморщился от боли — у него нестерпимо заныли мышцы голеней. Как только он открыл глаза, кошка, напоследок многозначительно моргнув юноше, выпрыгнула во двор. Алиф высунулся на улицу и глубоко вдохнул. Воздух стал чище и свежей и уже не казался таким жарким. На востоке заря уже раскрасила небо. Затем он услышал металлический скрежет и тут же повернулся. Дина открыла свое окно и закашляла. Одной рукой она стряхивала пыль, которая собралась на раме во время бури. Дина надела длинный зеленый шарф, который она кокетливо придерживала свободной рукой, как служанка во дворце из какого-то египетского фильма. Ее образ покорил Алифа.

Он тихо позвал ее. Девушка повернулась и удивленно поглядела на него.

— О! Ты почему не спишь?

— А мне… — Он покраснел. — Я просто проснулся так рано, вот и все.

— С тобой все в порядке?

— Да, но не совсем, в общем. — Он снова глубоко вдохнул. — Как жаль, что не всегда так хорошо. Светло и свежо.

— Это верно. — Она тоже принялась разглядывать Город. Небоскребы Нового Квартала выглядели так, будто их строили из жемчуга и пепла. Через несколько часов сюда придут рабочие и сотрут всю пыль, превращая здания в одинаковые и безымянные стеклянные строения. Но сейчас они еще казались неотъемлемой частью пустыни, естественным продолжением дюн континента.

— Это как в сказке, — задумчиво произнесла Дина. — Как будто мы очутились в городе джиннов.

Алиф усмехнулся.

— В самом деле, как в городе джиннов, — согласился он.

— Я пойду совершать намаз на крышу, — сообщила Дина. — Всего тебе хорошего.

— Пусть Господь дарует тебе рай, — отозвался Алиф.

Глаза Дины чуть сузились — она улыбалась. После этого окно в ее комнате закрылось. Алиф постоял еще с минуту, пытаясь собраться с мыслями. Сейчас он примет душ, выпьет чаю. Не было смысла снова ложиться в постель, когда впереди ждал такой ясный день. Удвоить защиту перед Рукой было делом непростым и потребовало от Алифа большого напряжения. Впрочем, можно начинать прямо сейчас, пока он чувствовал себя уверенно, а голова оставалась ясной. Не стоит задумываться над тем, какая опасность могла ожидать его уже в ближайшем будущем. В любой момент к нему могли постучаться. А когда он откроет дверь, то увидит перед собой двух сотрудников службы безопасности в форме цвета хаки. Или, что еще хуже, все это произойдет без предусмотрительного стука. Они могут явиться сюда и среди ночи, чтобы схватить его и скрутить, потом напялить ему на голову нечто вроде капюшона и уволочь в одну из безымянных тюрем для политзаключенных, выстроенных на западной стороне Города. Алиф закрыл глаза и попробовал отделаться от жуткого видения. Но расслабляться себе он тоже не позволил.

Помывшись и насытив организм кофеином, он сел за стол и открыл одну из своих программ-редакторов. Где-то здесь должно было найтись объяснение тому, каким образом Рука сумел так быстро проникнуть в его систему. Может быть, устарели некоторые функции его межсетевых экранов? Или произошла ошибка где-то в его программах? Теперь Алиф размышлял о том, была ли эта атака Руки простым совпадением или тот целенаправленно стремился узнать секреты именно Алифа? Неужели его имя просочилось и стало доступно всем? Но никаких намеков на то, что в Городе был пойман очередной хакер, он не обнаружил. Нет, никто под пытками его не выдал и не рассказал о его тайнах. Все его клиенты находились в полной безопасности. Словом, все продолжало казаться таким же, как это было до появления Руки. Нет, вряд ли именно Алиф был его намеченной целью.

— Что ж, от этого мне не легче, если не хуже, — сказал Алиф, обращаясь к своему компьютеру. Даже если Рука и не собирался прорываться сквозь защиту именно его, Алифа, все равно оставалось непонятным, как ему вообще удалось проникнуть в систему. Вероятно, этот Рука просто волшебник, раз у него это получилось без особых усилий, и при этом он практически не оставил о себе никакой информации. Поверить в такое было очень трудно. Алиф не мог бы назвать ни одного человека с подобными способностями. В сравнении с неведомым Рукой его собственный талант казался детской забавой, шалостью малолетнего. Он откинулся на спинку стула и потер глаза.

— Выход все равно есть, — уверенно произнес он. — Надо помнить о том, что выход есть, и тогда этот выход проявится сам собой. — Но как только он услышал свои слова, они показались ему наивными и неуместными.

Он работал до полудня, проверяя и перепроверяя каждую строчку кодов. Даже ему самому это показалось фанатичным занятием. Как только служанка позвала его на ленч, он остановился. Алиф неспешно спустился вниз и увидел, что мать сидит за кухонным столом и моет целую кастрюлю красной фасоли, чтобы приготовить ужин. Она напевала какую-то известную песенку из репертуара болливудских фильмов, а сама перебирала фасоль пальцами, чтобы вся грязь осталась внизу и была смыта потоком воды.

— Привет, мама. — Он остановился и поцеловал ее в макушку.

— Еду возьми на плите, — отреагировала женщина. — Служанка старалась специально для тебя. Это сыр со шпинатом, ты всегда его любил. А как сейчас?

— Да, и продолжаю любить до сих пор, — пожал плечами Алиф, хотя вопрос вызвал у него легкое раздражение. Он взял из буфета тарелку и положил себе столько еды, сколько мог съесть.

— Твой отец сейчас в Джедде, — продолжала мать. — Он прислал мне фото на компьютер. Он сильно загорел, весь день проводит на солнце, проверяет новый газопровод. Нельзя так загорать, это уже неприлично. Я велела ему пользоваться кремами от загара.

— Хорошо. Отлично.

— Ты бы ему позвонил.

— А почему он сам мне не позвонит? — презрительно фыркнул Алиф.

— Ты же знаешь, как сильно он занят. Лучше позвони ему ты.

Алиф наклонился над тарелкой, чтобы поесть, и тут же принялся рассматривать мать с такого непривычного ракурса. Она продолжала промывать фасоль, гоняя ее в миске взад-вперед с совершенно безразличным выражением на лице. Разве что только появилась вот эта складочка-морщинка меж бровей, что означало высокую степень сосредоточенности. Он подумал о том, уж не эта ли присланная фотография так расстроила ее? Это же простой снимок отсутствующего в доме мужа, ничего более… У нее оставались и другие фотографии его отца. Она хранила их у себя в комнате, в шкатулке из сандалового дерева, и показывала их сыну, когда тот был еще совсем маленький. На этих снимках эта пара была запечатлена вместе. Они ходили по улицам Старого Квартала, возле знаменитой стены, покупали цветы на рынке. И

мама выглядела на них великолепно. Она просто вся светилась. Это была обожаемая женщина, но вместе с тем вторая, а потому почти бесправная.

Алиф задумался над тем, в какое именно время жизнь женатого мужчины наскучила его отцу? Он подозревал, что это произошло одновременно с его собственным появлением на свет. Проблематичный сын, темнокожий, в жилах которого текла кровь язычника… Он родился в том браке, который был неугоден его бабушке и дедушке. С таким родством нечего было и думать о хорошем обществе. С дочкой гораздо проще, ее можно было бы выдать замуж, да и дело с концом. А вот с сыном такого не получится. Сыну самому нужно думать о своем будущем.

В этот момент Алиф услышал, как наверху зазвонил его телефон.

— Мне надо послушать, кто это там, — объяснил он, отодвигая от себя тарелку. — Передай служанке, что ленч удался на славу.

Он бегом отправился в свою комнату и тут же ответил на звонок. На экране вспыхивал номер Абдуллы. Алиф прижал трубку к уху.

— Да?

— Я не могу разговаривать. Ты не мог бы приехать ко мне?

Алиф почувствовал, как бешено заколотилось сердце у него в груди.

— Что случилось?

— Я уже сказал, что не могу сейчас разговаривать, — нетерпеливо повторил Абдулла. — Короче, я тебя жду. — И он повесил трубку. Алиф закинул мобильный телефон в карман и выругался. Затем он отыскал ботинки, обулся и вышел на улицу.

* * *

Когда Алиф приехал к приятелю, он застал его нервно расхаживающим по комнате «Радио Шейх». Здесь же находился и еще один арабский юноша с выбеленными волосами.

— Алиф, ну слава Богу! — Абдулла в два прыжка очутился рядом с другом и от души пожал ему руку. Тот насупился.

— Рукопожатие? Мы что же, стали с тобой дальними родственниками или как я должен это понимать? Что тут вообще происходит?

— Не обращай внимания, — отмахнулся Абдулла. — Я разнервничался, вот и схватил тебя за руку чисто машинально. Алиф, познакомься, это Фарис. Фарис, расскажи ему все то, что

ты говорил мне.

Араб быстро оглядел комнату бегающим взглядом.

— Ты уверен, что ему можно доверять? — осторожно начал он.

— Что значит «доверять»?! Мой дорогой, Алиф в одной связке с нами с самого первого дня. Он обязательно должен обо всем узнать, это жизненно важно.

Алиф и Фарис с подозрением уставились друг на друга.

— Ну хорошо, — сдался Фарис. — Вот что я уже успел рассказать. Я работаю в Министерстве информации.

— Это один из моих кротов, — пояснил Абдулла.

— Работа у меня не очень важная, я разбираю документы, сортирую их, отвечаю на телефонные звонки. Но во вторник мне довелось присутствовать на одном собрании…

— Там, где выступал сам помощник министра! — почему-то восторженно воскликнул Абдулла.

— …и услышал там нечто очень странное. На собрании присутствовало два человека из госслужбы безопасности. Они рассказали о какой-то чудовищной программе, которую используют для антитеррористической деятельности, и о том, какая она замечательная. Они попросили, чтобы министр лично поблагодарил разработчика этой программы за ее создание и внедрение.

У Алифа все поплыло перед глазами.

— Ты имеешь в виду…

— Я имею в виду Руку, — победно закончил за друга Абдулла. — Только вот что это? Программа? Или живой человек? Теперь понятно: это и то и другое вместе. Рука в перчатке, если можно так выразиться.

К этому времени Фарис, похоже, несколько успокоился.

— Когда они говорили об этом человеке, то называли его не иначе как «ибн аль шейх».

— Он что же, аристократ? — изумился Алиф.

— Вот именно! — подтвердил Абдулла. — Нас почти растерзал насмерть какой-то аристократишка в шелковых пеленках!

— А ты этому и рад, как я погляжу, — поморщился Алиф.

— Ничего подобного, — обиделся Абдулла. — Мне самому страшно становится. А то, что ты сейчас наблюдаешь, — самая настоящая истерика.

Алиф уселся верхом на стол-скамейку посреди комнаты и обхватил голову руками.

— Вчера Рука сумел пробраться ко мне в компьютер, — тихо произнес он.

Абдулла широко раскрыл глаза. Фарис сочувственно прокашлялся и добавил:

— Теперь это происходит все чаще и чаще. Тебе нужно сделать все, что только можно. Поменять псевдоним, сменить все пароли сразу, найти себе нового интернет-провайдера или даже сменить адрес. В общем, действовать надо очень быстро. У тебя остается самое большее двадцать четыре часа.

Абдулла побледнел и печально покачал головой:

— Алиф в этом деле соображает лучше всех нас остальных, вместе взятых. И если Рука доберется до него, мы все будем обречены.

Алиф поднял глаза на Фариса:

— Когда мы узнаем его настоящее имя?

Фарис тяжело вздохнул:

— Этого я не могу точно сказать. В министерстве должны быть какие-то записи о его работе, и мне теперь нужно их каким-то образом раздобыть. Я сейчас как раз и занимаюсь дома тем, что штудирую все их документы на своем компьютере.

— Хорошо. — Алиф поднялся со своего места. Он вспотел, и футболка прилипла к его спине. — Мне пора. Позвоните мне сразу же, как только что-нибудь прояснится.

— Держись. — Абдулла криво усмехнулся. Алиф по-дружески хлопнул его по плечу.

— Спасибо, брат.

По дороге домой Алифу нужно было успокоиться, и он выбрал окольный путь. У самого края его района находился довольно большой орошаемый участок с финиковыми пальмами. Он представлял собой остатки фруктового сада, который в свое время отказался продавать некий торговец скотом, в те давние времена, когда Город еще целиком окружала стена. Так как сделок с этим участком земли так и не было совершено, он так и остался здесь в сохранности, некое напоминание о сельской жизни среди застроек жилых домов. Затем таксист по имени Гуджарат занялся опылением пальм, и теперь все окрестные любители фиников снимают здесь небольшой урожай, сушат их и хранят, как самые настоящие сельские жители.

Правда, в этом году все финики были уже сорваны, и на участке царила тишина. Алиф бродил вдоль двух мелких каналов, прорытых в саду для орошения земли, и вдыхал свежий воздух, одновременно представляя себе, как он заряжается энергией и восстанавливает силы. Он подумал о женщине с черно-рыжими прядями, и в паху у него заныло. Легкий ветерок раздувал пальмовые листья у него над головой, а их тени метались по земле, как конечности непонятных существ. И эти деревья, и

женщина из его сна принадлежали какому-то иному миру и были не совсем реальны. Алиф лег на землю и закрыл глаза. Он пробудет здесь до тех пор, пока стресс не выйдет из его тела вместе с потом, чтобы он мог ясно соображать.

Звук топающих женских ног где-то неподалеку привел его в чувство. Алиф сразу узнал Дину по легкой неповторимой походке. Он поднялся и бросился бежать по направлению к улице, пока не услышал привычный звук городского транспорта.

— Сестра! — окликнул он девушку. Дина обернулась. Он увидел у нее под мышкой знакомую коробку, и его охватили дурные предчувствия.

— Как забавно! — без предисловия начала она. — А я как раз к тебе шла. Я иду из Старого Квартала. — И она продемонстрировала ему коробку.

Алиф нервно сглотнул.

— Что ты там делала? — прохрипел он.

— Твоя подруга позвала меня.

— Ты ей дала свой номер?

— Она попросила. А мне показалось невежливым отказать ей. Кроме того, за ней все время наблюдал ее отец.

Алиф почувствовал, как ему защипало глаза.

— Она сказала, что ей нужно кое-что передать тебе, — продолжала Дина. — Поэтому мне снова пришлось отправиться к ее дому. Она выглядела так, как будто полдня стояла на голове… Волосы спутаны, под глазами круги. Она отдала мне ту самую коробку, которую ты послал ей. Правда, теперь она намного тяжелей. Потом она сразу указала мне на дверь. Даже не предложила выпить чашку чаю или что-то в этом роде. С ее стороны это было грубо.

Алиф принял коробку у нее из рук.

— Мне не нравится, когда меня вызывают такие девушки и ведут себя так, словно я им служанка, — заметила Дина. — Не понимаю, почему она не могла позвонить тебе или написать по электронной почте письмо, если ей так уж нужно было что-то передать тебе.

— Она не может мне написать, — пробормотал Алиф. Внутри коробки что-то переместилось. Он огляделся. Несколько женщин, шедших на базар, с любопытством смотрели на него. — Пошли отсюда. — Алиф не стал даже дотрагиваться до плеча Дины, она понимала его даже на расстоянии и знала, куда он хотел провести ее.

— Что? Но зачем?

— Надо пройти в финиковый сад. Я не могу открыть это прямо здесь, на улице. — Он устремился в сад, и Дина, вздохнув,

покорно последовала за ним.

— Ты не можешь потерпеть до дома? Люди нас неправильно поймут, если мы начнем тут прятаться.

— Да пошли они…

Дина чуть не задохнулась от возмущения. Но Алиф как будто и не заметил этого. Он уселся на землю, достал из кармана армейский нож и прорезал заклеенные липкой лентой швы. Потом заглянул внутрь коробки.

— Что за черт… — пробурчал он.

— Что там такое? — Дина заглянула через его плечо как раз в тот момент, когда Алиф доставал из коробки книгу, завернутую в синюю ткань. Книга была очень старая, с шершавым переплетом и потертостями. От страниц исходил какой-то странный, едва уловимый запах. На какую-то долю секунды Алифу представилась Интисар и ее бледные руки в мягком свете после того, как они занимались с ней любовью.

— Это книга, — негромко произнес он.

— Сама вижу. Но название стерлось, я не могу его прочитать.

Алиф поднял рукопись и перенес ее на свет. Он прищурился и принялся разбирать название, которое было написано скорее всего от руки, старинным шрифтом арабской каллиграфии золотыми чернилами. Но за долгие годы чернила кое-где осыпались, и буквы стали едва различимы. Алиф очень удивился, увидев, что первое слово было его собственным именем.

— Алиф, — возбужденно произнес он. — Тут написано «Алиф».

Дина выхватила книгу у него из рук.

— Ничего подобного, — через секунду доложила она. — Здесь написано «альф». Альф Яум ва Яум. «Тысяча и один день».

Глава четвертая

Алиф сел на корточки.

— Это какая-то шутка, — неуверенно высказал он свое предположение.

— А мне кажется, что все это очень серьезно, — возразила Дина. Она продолжала вертеть рукопись в руках. — Ты видишь, какая она старая? И пахнет, как будто… как будто…

— Сам знаю, — быстро добавил Алиф и покраснел. — Но что все это означает? Зачем она передала ее мне?

Дина закатила глаза к небу:

— Ты меня об этом спрашиваешь? Я видела ее всего два раза в жизни. И мне было не очень приятно сознавать, что я связалась с этой заносчивой особой. Да еще ее отец постоянно находился рядом. Неудивительно, что ты все так странно…

— Ну ладно, хватит. — Алиф выхватил книгу из ее рук. Солнце безжалостно обжигало его темные волосы, да так, что голова у него вспотела. Ему хотелось выпить кофе и очутиться в своей прохладной спальне, среди мирного и такого знакомого гудения компьютеров. — Не обращай внимания, — спохватился он. — Спасибо, что принесла это мне. Прости, что я втянул тебя в это дело.

Дина бросила на него обиженный взгляд. Она поднялась и изящным движением поправила складки своего длинного халата.

— Ну погоди. — Алиф чувствовал себя виноватым. — Я пройдусь с тобой до дома. Если мы спокойно выйдем отсюда вдвоем, ничего не стыдясь, люди подумают, что мы и вправду собирали остатки фиников.

— Спасибо. — Дина шла по саду, не глядя в его сторону. Алиф сунул книгу в коробку и зашагал за девушкой. Они миновали пальмовый островок, и тут же их буквально оглушил шум городского транспорта, беспощадно обрушившийся на них со стороны улицы. Какой-то тощий мужчина на мопеде, проносясь мимо них, попытался сорвать с Дины никаб или хотя бы заглянуть под него. Алиф выругался вслед шутнику и бросился вслед за ним, но Дина остановила его.

— Это просто тупой осел, которого мама неправильно воспитала, — пояснила девушка, поправляя черную ткань на переносице. — В Городе таких полно.

— Не надо было меня останавливать, я бы его обязательно схватил, — недовольно пробурчал Алиф. — Я бы научил его тому, чему не смогла мамочка.

Дина подошла ближе к молодому человеку. Дальше они шли

молча по известным улицам и безымянным переулкам, пока вдали, за перекрестком, не возник их дом.

— Мне надо зайти в аптеку, — заявила Дина. — У отца снова печень пошаливает. Это займет всего одну минуту.

— Хорошо. — Алиф ждал, наблюдая, как Дина исчезла в маленькой белой аптеке, рекламирующей свои товары на тамильском языке. Как только они придут домой, он сразу же примет душ и сразу же переоденется в свою любимую домашнюю серую курту, которую ему прислала бабушка из Индии, такую мягкую, будто ее сшили из детского одеяльца. Потом он положит на глаза холодный компресс и попробует проанализировать все события сегодняшнего дня.

Из небольшой забегаловки на углу доносился аромат печеных лепешек пападам из чечевичной муки, смешиваясь с запахом бензина и пыли. Эту странную, но успокаивающую смесь запахов Алифу довелось познать и привыкнуть к ней еще в детстве. В их квартале все было по-прежнему. Казалось, никакие происшествия последних тридцати шести часов не коснулись этого благословенного местечка. Создавалось такое впечатление, что все трагедии юноши рождались в каком-то другом измерении, к которому этот район не имел ровным счетом никакого отношения.

Алиф перевел взгляд на маленький садик возле их дома, едва видимый отсюда из-за соседних домов. У ворот лениво прохаживался взад-вперед какой-то мужчина. Алиф подозрительно прищурился. Незнакомец вел себя так, словно поджидал здесь своего знакомого или курьера с доставкой заказа. Алиф и сам сотни раз стоял вот так перед домом в ожидании помощника мясника, или рассыльного из прачечной, или торговца свежими фруктами. Но в этом не было ничего странного, потому что он жил в этом доме.

— В чем дело? — насторожилась Дина, выходя из аптеки с коричневым пакетом в руке.

— Перед нашим домом стоит, вернее, прохаживается какой-то мужчина, — пояснил Алиф, — и вид у него такой, как будто он успел приобрести этот дом и является его истинным владельцем.

Дина устремила взгляд в сторону дома.

— Наверное, ждет кого-то, — высказала она свое предположение. — Может, это друг моего папы. А что, если он ищет твоего отца?

— Не думаю… — в этот момент в кармане у Алифа зажужжал мобильный телефон, и юноша замолчал. Он вынул его и чуть дотронулся до экрана. Пришло сообщение от Абдуллы. Он тут же раскрыл его и прочитал: «Фарис говорит: Аббас аль-Шахаб».

Перед глазами Алифа заплясали маленькие световые точки.

— С тобой все в порядке? — заволновалась Дина. — Ты так побледнел! — При этом она назвала его настоящим именем, но он, казалось, не реагировал ни на имя, ни на девушку и как будто не узнавал ее.

— Пожалуйста, прошу тебя. — На этот раз ее голос словно вытянул его из тумана на солнце. — Отвечай. Мне становится страшно.

Он прочитал про себя молитву, беззвучно шевеля при этом губами. Выброс адреналина в кровь походил на выстрел. Ответ сам собой пришел в голову, прояснив ее в одно мгновение. Он схватил Дину за руку.

— Ты должна кое-что сделать для меня, — поспешно проговорил он. — Только действовать надо быстро и безошибочно.

Дина перевела взгляд от его руки на лицо.

— Хорошо, — прошептала девушка.

— Постучись ко мне домой и скажи служанке, что тебе срочно нужна книга, которую ты дала мне почитать. Добавь, что она лежит в моей комнате. Зайди туда и забери мой нетбук. Он лежит на столе рядом с основным компьютером. И еще возьми, — сглотнув, продолжал он, — мою курту из шкафа, она висит с левой стороны.

Дина быстро задышала.

— Что случилось? — негромко спросила она.

— Этот человек ждет меня.

— Что ты сделал? Что ты натворил?

Алиф попытался успокоиться. Дыхание его стало более ровным.

— Клянусь, что я все расскажу тебе. Я расскажу буквально все, что только ты пожелаешь. Но только сначала сделай все то, о чем я тебя попросил. Мне теперь самому возвращаться домой небезопасно.

Дина ушла, не говоря ни слова. Алиф наблюдал за тем, как она перешла на другую сторону улицы, крепко прижимая к груди коричневый пакет из аптеки. Он затаил дыхание, увидев, как незнакомец возле ворот остановил ее. Дина переминалась с ноги на ногу, трясущейся рукой указывая куда-то в сторону Нового Квартала. Потом она повернулась и уже собиралась идти в дом, но странный мужчина схватил ее за руку.

Ничего не соображая, Алиф бросился вперед. Уже подходя к Дине, он увидел, что она старается остановить его взглядом. Это был страшный взгляд, полный предупреждения об опасности. Зрачки ее сузились и превратились в черные точки. В этот миг он

заметил, что вокруг зрачков заблестели зеленые крапинки, и в целом этот странный рисунок напомнил ему о взрыве сверхновой звезды. Алиф мог бы сам схватить араба за руку или даже ударить его, но взгляд Дины не допустил этого. Он почти почувствовал его физически. Алиф невольно попятился и очень скоро оказался на углу перекрестка.

Дина ловко выкрутила руку, отделываясь от хватки незнакомца, и отправилась в дом. Араб отвернулся и с раздражением встряхнул рукой, словно пытаясь разгладить рукав. Потом он посмотрел в сторону Алифа. И тот успел заметить, как блеснул свет на стеклах его солнцезащитных очков. Юноша быстро завернул за угол соседнего жилого дома, взволнованно дыша. Он крепко прижимал к груди коробку, в которой хранилась книга Интисар. Незнакомец, однако, за молодым человеком бежать не стал.

Проход между двумя домами был уставлен мешками с мусором, ожидавших, когда их заберут отсюда. Под ними успели образоваться лужицы вонючей желтоватой жижи, стекающие ручейками во все стороны по незаасфальтированной земле. Алиф закашлялся от мерзкого запаха, выпрямился и снова кашлянул, ощутив во рту неприятный привкус желчи. Он никак не мог успокоить дыхание. Через некоторое время Алиф почувствовал, как кто-то коснулся его плеча. Дина вернулась из дома.

— Ничего не говори, — прошептала она. — Он все еще там стоит. Иди вперед по этому переулку.

Алиф покачнулся, но повиновался ей. Они шли друг за другом по узкому проходу, стараясь не наступать на зловонные ручейки. Дине приходилось поддерживать руками подол своего халата, чтобы не испачкать ткань. Когда они дошли до конца переулка и свернули на широкую улицу, Дина больно ущипнула Алифа за руку.

— Что за черт! — Он сверкнул глазами на Дину и потер руку.

— Ты тупой эгоист и сукин сын! — дрожащим голосом произнесла девушка. — Ты всех нас подставил! И наши семьи, и наших соседей тоже. Ты хоть знаешь, кто этот человек? Это детектив из государственной службы безопасности. Да-да, именно так. — Она вложила ему в руку рюкзачок. — Вот, забирай свои вещи.

Алиф смотрел на нее с раскрытым ртом.

— Не верю собственным ушам, ты ведь только что выругалась. Я и думать не смел, что ты знаешь такие словечки.

— Не старайся казаться идиотом и не отходи от темы.

Алиф покраснел и прижал рюкзак к груди еще крепче.

— Что тут? — поинтересовался он.

— То, о чем ты просил, плюс чистые носки и зубная щетка. И еще пакет фиников.

— Спасибо, — отозвался молодой человек. — Правда. Ты просто… Я теперь переживаю за твою руку. — Он посмотрел на ее длинный черный рукав, и ему стало совестно. — Вот уже второй случай за сегодня, когда я должен был бы защитить тебя, а не смог. В общем, теперь я у тебя в долгу.

— Ты мне должен все объяснить, если помнишь.

— Прекрасно. Конечно, ты права. — Алиф огляделся по сторонам и спрятал коробку с книгой в рюкзак. — Но только не здесь. Мы пойдем к моему другу Абдулле.

Дина с тревогой посмотрела на него.

— Это не квартира, — убедительно произнес Алиф. — Ну, по крайней мере официально это так. Это что-то вроде магазина, но только для своих, что ли. Я не заставляю тебя нарушать общепринятые правила. Ну, мы оставим дверь открытой или придумаем еще что-нибудь.

— Ладно.

Алиф повел ее окольными путями через район Бакара, то и дело отступая назад и ходя по кругу. Каждый раз, когда он замечал мужчину, одетого в такой же костюм, как и тот детектив, все внутри у него сжималось. Когда они дошли до «Радио Шейх», солнце уже начало клониться к горизонту, а птицы в Городе уже усаживались на низкорослые деревья, устраиваясь на ночевку. Алиф постучался, но у него это вышло гораздо громче и настойчивей, чем он рассчитывал.

— Да? — Дверь чуточку приоткрылась, и Алиф увидел, как удивленно смотрит на него Абдулла. Глаза его сияли в розовом свете.

— Нам нужно зайти к тебе, — отозвался Алиф. — Дело срочное.

— Нам?

Алиф распахнул дверь, несмотря на неуверенное сопротивление недоумевающего Абдуллы, и втолкнул Дину внутрь. Абдулла шарахнулся от нее в сторону и вопросительно взглянул на друга.

— Это Дина, — пояснил тот, — и веди себя прилично.

— Салам алейкум, мисс, — пробормотал парень и уставился в пол.

— Алейкум салам, — ответила Дина. Тут выражение лица Абдуллы резко изменилось.

— Неужели это… это и есть… — Он не договорил и замолк, густо покраснев. Только тогда Алиф догадался, что приятель имеет в виду.

— Нет! Это не она. Это дочь моих соседей.

— А-а-а. Ну хорошо. — Абдулла облегченно вздохнул. — Кто-нибудь хочет чаю? Дина?

— Послушай, — начал Алиф, — у меня серьезные неприятности. Я могу угодить в тюрьму и сгнить там. На этот раз все гораздо реальней. Эти гады подобрались ко мне слишком близко. В общем, они меня практически уже сделали.

Дина невольно попятилась к двери.

— Это снова Рука? Что случилось?!

— За моим домом уже следит тип из службы безопасности. Вернее, за нашим домом. Семья Дины живет в этом же доме. И когда она сегодня попыталась зайти внутрь, он обошелся с ней достаточно грубо.

Абдулла дошел до стола-скамейки и сел.

— Продолжай, — попросил он товарища, стараясь сохранять хладнокровие.

— Девушка… Интисар… В общем, когда Рука добрался до моего компьютера, я был соединен только с ее аппаратом. Я подумал, что раз уж она принадлежит аристократии, то их вряд ли заинтересует. Вот почему я и не волновался. Но вот когда Фарис… — Тут Алиф нервно сглотнул. — В общем, этот тип, оказывается, ее жених, Абдулла. Аббас аль-Шахаб — именно так зовут ее жениха. Только вообрази себе его состояние в тот момент, когда он обнаружил, что к компьютеру его невесты подключился хакер. Вся наша переписка, чаты… В общем, скандал будет грандиозный.

— Погоди минуточку, — перебил его Абдулла, соединив ладони «домиком». — Я никак не пойму, что ты хочешь мне сказать. Пожалуйста, говори помедленней и начни все с самого начала. Иначе я готов подумать, что ты спишь с невестой самого Руки.

Алиф устало опустился на пол и закрыл лицо ладонями.

— Алиф, — негромко обратился Абдулла к товарищу, — в это время у тебя была включена та самая программа распознавания паттернов? Ну, которую ты недавно сочинил?

— Да, она стоит на ее компьютере. И кстати, прекрасно функционирует.

— Значит, ты сам лично передал Руке оружие. С помощью которого враг нас обязательно выследит, и не важно, сколько компьютеров и логинов мы будем менять?

— Да, — еле слышно выдавил Алиф один-единственный короткий слог. — Да.

— И ты, таким образом, дал ему повод, по которому он имеет полное право отрезать тебе не только член, но и башку тоже.

— Да.

— Вот теперь я полностью согласен с тобой. Они тебя сделали, а ты успел сделать всех нас, мать твою!

— Пожалуйста, не выражайтесь, — попросила Дина.

— И что ты теперь собираешься делать? — спросил Абдулла, начиная нервно расхаживать по комнате. — Здесь тебе оставаться нельзя. То есть, конечно, сегодня можно, но потом придется куда-то перемещаться.

— Спасибо, для меня сейчас и одна ночь имеет очень…

— Не надо меня благодарить, — перебил его Абдулла. — Это не услуга приятелю. Я так зол на тебя, что готов вмять твой полуарабский нос тебе в лицо одним ударом. Вот только все то, что с тобой теперь будет происходить, будет прямо отражаться и на нас всех. А мне очень не хочется попадать в тюрьму, кстати говоря.

— А как насчет Дины?

— А что с Диной? — ответила за себя сама девушка. — Дина прямо сейчас пойдет домой. Я достаточно выслушала, с меня хватит.

Алиф бросил на нее тревожный взгляд:

— Не думаю, что это самое лучшее решение. В особенности если учесть, что за нашим домом идет слежка. Они могут разозлиться и решить, что твой арест повлияет на мое поведение и я начну делать одну ошибку за другой. К тому же не забывай: твой сосед — террорист. А людей казнят и куда за меньшие провинности.

— Ну а что мне еще делать? Неужели ты хочешь сказать, что мне теперь нельзя вернуться в мой собственный дом?

— Пожалуйста, разговаривайте потише, — попросил Абдулла, нервно выкручивая себе руки.

— Бедная мама! — застонал Алиф. — Моя бедная мамочка!

— Надо было сначала о маме подумать, а потом ложиться в постель с чужой невестой.

— Замолчи!

Юноши притихли и молча смотрели на Дину. Она сжала кулаки и тяжело дышала.

— Прекратите говорить такие отвратительные вещи! Вы просто мальчишки, которые пытаются вести себя, как взрослые мужчины. Но вы никого не обманете своей глупой беседой! — Она еще пару раз нервно выдохнула и разжала ладони. — Надо спокойно обсудить обстановку и сообща решить, как мы должны поступить дальше.

Алиф был потрясен. Короткая речь Дины произвела на него сильное впечатление, и сейчас он смотрел на соседку поверх

своих коленей с большим уважением. Девушка присела на скамейку, разгладила свой халат и только после этого снова заговорила:

— Брат Абдулла, по-моему, сейчас самое время выпить чаю.

* * *

В течение часа они обсуждали все варианты, предложенные Алифом, отвергая их один за другим. Может быть, он мог бы сбежать из страны? Нет. Сейчас его имя уже стоит в черном списке неблагонадежных лиц во всех портах и на всех границах. Может быть, он мог бы заплатить некую сумму бедуину, чтобы тот отвез его через пустыню, и тогда Алиф смог бы незамеченным попасть в Оман или, например, в Саудовскую Аравию? Дина посчитала это фантазией чистой воды. Может быть, у Алифа есть друзья или родственники, влиятельные лица в политике, кто мог бы оказать ему протекцию? Алиф вспомнил о другой семье своего отца. У его первой жены были какие-то троюродные братья — чиновники в правительстве. Но она сама никогда бы не стала помогать Алифу.

После намаза Абдулла покинул их минут на пятнадцать и вернулся с сандвичами из шаурмы. К этому времени у Алифа уже изменилось настроение. Он успел поразмышлять о том, что в связи с последними событиями может произойти с Интисар. Или уже произошло. Все зависело от того, станет ли ее жених раскрывать карты перед ее отцом или нет. Официально Рука еще не имеет над девушкой никакой власти. С другой стороны, отец обладал всеми правами и мог бы при желании избить дочь до полусмерти. Алиф даже осмелился подумать о том, что Рука решит отменить помолвку и замять это дело, не предавая его огласке.

— Когда ты встречалась с ней, — обратился за ужином Алиф к Дине, — я имею в виду Интисар, она выглядела хорошо? Какое у нее было настроение? Ты не заметила у нее на теле или на лице ушибов или кровоподтеков? Может быть, она прихрамывала?

— Нет, — сразу же отозвалась девушка. — Она не хромала. Просто она была чем-то расстроена, как мне показалось.

— Ну, тогда, может быть, не все так плохо, — решил Алиф, продолжая рассуждать про себя. Если Интисар свободна от обязательств перед женихом, но при этом была социально унижена, не исключено, что теперь они с Алифом могли бы составить достойную пару. Он бы бросил свое прежнее занятие, устроился на хорошую работу в солидной компании и изготовлял

бы микрочипы для всяких болванов. И может быть, они с Интисар были бы счастливы вместе.

— Конечно, не страшно! — презрительно фыркнул Абдулла. — Теперь тебе до конца жизни придется нанимать личного телохранителя. Если, конечно, ты вообще останешься в живых.

— Да мне плевать на это, — признался Алиф. — Самое главное, чтобы Интисар оставалась в безопасности. Ее нельзя наказывать за то, что сделал я. Она в своей жизни ни разу не произнесла слова против эмира или правительства. Если они причинят ей боль, я убью себя. — Сказав это, он закрыл руками лицо.

— Ты говоришь, как маленький ребенок, — пробормотала себе под нос Дина.

Абдулла скатал в комок оберточную бумагу от своего сандвича и провел рукой по губам.

— Послушай, — начал он. — Вот что я придумал. Сегодня вы оба переночуете здесь. Я отгорожу занавеской один угол в комнате для Дины, а моя сестра одолжит ей пижаму или что-то еще. А завтра с утра вы пойдете на базар, зайдете в старую его половину и там отыщете себе помощника. Вам потребуется защитник.

— Но кто будет нам помогать? И с какой стати?

— Вам нужен вампир Викрам.

Алиф нервно расхохотался:

— Ты, наверное, решил подшутить надо мной? Вампир Викрам? Нам что, по десять лет исполнилось?

— А я тоже в детстве играла в эту игру со своими двоюродными братьями и сестрами. Надо было погасить свет в комнате, трижды повторить это имя, а потом сплюнуть. Но он так ни разу нам и не явился. Конечно, когда я подросла, то все поняла и еще долго ругала себя за такое ребячество.

— Он на самом деле не настоящий вампир, — обиженно начал свои объяснения Абдулла. — Просто так его называют. Ну, из-за старой легенды, как вы догадываетесь. Он самый настоящий головорез, а работает на черном рынке. Он даже знаком с моим приятелем Наргизом, который достает и перепродает контрабандные комплектующие к компам из Китая. Ну, ему тогда денег не хватало. Наргиз тогда явился сюда с выбитыми зубами и сломанной челюстью. Он клялся еще, что у этого парня желтые глаза.

— Ну и зачем мы будем его разыскивать? — удивился Алиф. — Я не хочу, чтобы мне кто-то ломал челюсть.

— Ты будешь ему платить, идиот. Ты ему платишь, а он тебя

охраняет.

— Один парень не сможет выстоять перед Рукой, даже если у него и вправду желтые глаза.

— Ты можешь спокойно меня выслушать? Наверняка у него появится такой план, о котором мы даже и не подумали. Контрабандисты, рабочие в доках… Кто знает, где у него еще есть связи. Эти головорезы такие же проныры, как и люди в правительстве. А Викрам среди них самый крутой.

— А нельзя нам найти кого-нибудь нормального?

— Нет, — решительно замотал головой Абдулла, — с нормальными теперь у вас не может быть никаких дел. Чем дальше вы от них будете отходить, тем даже лучше.

Алиф в изнеможении вздохнул:

— Ну хорошо, пусть будет так. Допустим, мне удастся обнаружить этого вампира Викрама. Остается еще проблема с книгой.

— Какой еще книгой?

Поймав взгляд Алифа, Дина чуть заметно покачала головой.

— Не важно, это я так… — запнулся Алиф. — Просто мысли вслух. Мне надо кое-что проверить.

— Ну, этим ты займешься потом, когда у тебя появится свободное время. А теперь тебе надо позаботиться о том, чтобы избежать тюрьмы и не посадить туда всех нас.

Алиф безвольно опустил голову.

— Вампир Викрам… Я сегодня утром, перед тем как проснуться, совершил грех. Это единственная причина, почему сегодняшний день заканчивается так ужасно.

— Ты говоришь совершенно непонятно, — пожурила его Дина.

В сгущающихся сумерках они вытерли со стола крошки, убрали чашки. Абдулла с Диной отправились к сестре юноши, а Алиф воспользовался случаем, чтобы загрузить свой компьютер. Он уже приготовился обнаружить в почте какого-нибудь коварного червя или таинственную программу, при помощи которой Рука смог бы выследить его при малейшем движении молодого человека. Но ничего подобного не произошло. Чуть дыша от напряжения, он вернул связь с Голливудом, который, к счастью, все еще находился в позиции онлайн. Только тогда Алиф позволил себе выдохнуть и немного расслабиться. Он установил динамичный IP-адрес, хотя это был дорогой и ненадежный способ скрыть свое местонахождение. Но зато он таким образом мог выиграть время. Рука увидит, что Алиф пользуется своим почтовым ящиком и облачными аккаунтами, но пока он не взломает его алгоритмы, ему будет казаться, что Алиф работает

то в Португалии, то в Тибете, а то и вовсе на Гавайях.

Затем Алиф принялся уничтожать собственное изобретение. Он загрузил все, что только мог, на довольно слабый жесткий диск своего нетбука, добавил еще несколько программ, бесполезных без определенных элементов, в облако, которое делил с некоторыми другими хакерами. Этого было достаточно для новой версии Голливуда. Затем он перенес программу Тин Сари на объемистую флешку, которую всегда носил с собой в кармане на всякий случай. Эту флешку в свое время благословил один беззубый дервиш из Сомали, который схватил Алифа за руку, когда тот сидел в одном из уличных кафе. Теперь оставалось только выяснить, сбывается ли такое благословение или нет.

Потом он очистил жесткий диск своего домашнего компьютера, оставив одну-единственную программу, которая должна была бы разогнать процессор, пока компьютер не расплавится окончательно. Это должно будет произойти в тот момент, когда начнется его загрузка. Агентам Руки достанется лишь груда горячего кремния. Они ничего от него не получат.

— Господи, он же плачет!

Абдулла с Диной уже вернулись и стояли в дверях, уставившись на своего друга. Только тогда Алиф осознал, что щеки его стали влажными.

— Все, ее больше нет, — печально доложил он. — Я уничтожил всю систему.

Абдулла опустился на корточки рядом с другом, сочувственно глядя на него.

— Все будет хорошо, и ты все восстановишь со временем.

— Но я уже не смогу помогать своим клиентам. Мне предстоит написать кучу неприятных писем.

— Алиф, они тебя поймут. Такая угроза всегда существовала.

Алиф рассеянно поглаживал белый пластиковый корпус своего нетбука.

— Я занимался своим делом четыре года, а свернуться мне пришлось за сорок восемь часов. Ты об этом знал? Теперь я просто призрак в машине. На следующей неделе все хакеры и компьютерные гении, которых я хорошо знаю, уже позабудут обо мне. Такова природа нашей работы. Это суть Интернета вообще.

— Но у тебя все равно остаются настоящие друзья, — напомнила Дина. В ответ на это оба юноши многозначительно засопели.

— Но друзья в Интернете тоже реальные, — поспешил возразить Абдулла. — Так как твои набожные братья и сестры уже захватили половину планеты, Интернет остался последним

местом, где можно откровенно побеседовать на любые темы.

— Даже при условии, что через пару недель они все о тебе забудут?

— Даже так.

Абдулла принес с собой два тоненьких матраса и большое легкое покрывало, которым они вместе с Алифом отгородили угол в комнате, прикрепив ткань к стенам простыми кнопками. Алиф выбрал один из матрасов, что был получше (на втором обнаружилось какое-то подозрительное пятно), и положил его в углу, в импровизированной палатке, созданной при помощи постельного покрывала.

— Иди сюда, — сообщил он Дине. — Мы уйдем ненадолго, пока ты подготовишься ко сну.

— Все это неправильно как-то, — огорчилась Дина. — Я сказала матери, что остаюсь в доме у Мариам Абдель Басит. Но если она выяснит, что я ее обманула, она сильно расстроится.

— Не лишай себя приключений. Увидимся утром. — И, обняв друга за плечи, он вышел из комнаты вместе с ним.

* * *

Когда Алиф вернулся, в комнате было совсем темно. Он снял обувь и прилег на второй матрас, чувствуя себя так, будто его подвергли физическим пыткам. Ноги у него болели, спину ломило. Как только он пытался забыть Интисар, мысли о ней тут же заполняли всю его голову. Вместе с этим его посещали чувства вины и физического возбуждения. Он как будто предвидел беду, большую беду, которая вскоре должна была обрушиться на него. Теперь жизнь самой Интисар оказалась в опасности, и сомнений на этот счет быть уже не могло. Самое страшное заключалось в том, что Алиф оказался бессилен перед болью, которую сам навлек на свою любимую. Он не мог помочь ей при помощи своих хитроумных программ, а ничего другого он делать не умел.

— Мне не нравится называть тебя Алифом.

Молодой человек бросил взгляд в дальний угол комнаты, отгороженный легким покрывалом.

— Почему?

— Это не твое имя.

Алиф перевел взгляд на потолок.

— Но могло бы запросто стать моим именем.

— Но ведь это не так. Это просто буква алфавита.

— Это первая буква суры Аль-Бакара в Коране. Ты-то, в отличие от многих других, должна понять меня и поддержать.

Он услышал, как Дина заворочалась на своем матрасе. Если учесть тот угол, под которым падал свет из окна, она в принципе могла видеть его из своего «укрытия», в отличие от самого Алифа, который никак не мог бы разглядеть девушку, даже если бы и захотел этого.

— Нет, не поддерживаю и не одобряю, — возразила Дина. — Твое настоящее имя гораздо лучше.

— Алиф, лям, мим. — Алиф принялся рисовать буквы пальцем в воздухе. — Символические замены размером в одну цифру. Бог, Джабраил, Пророк. Я назвал себя первой строкой самого первого кода, который был когда-либо написан. Для программиста это совсем неплохое имя.

— А зачем программисту нужно второе имя?

— Есть такая традиция. Это называется псевдоним, а не имя, между прочим. Стать анонимным для программиста более безопасно. Если ты будешь пользоваться своим настоящим именем, то быстрей навлечешь на себя разные неприятности.

— Но ты используешь не свое настоящее имя, а все равно попал в неприятное положение.

Алиф нервно сглотнул и помолчал, испугавшись, что у него может дрогнуть голос.

— Как бы там ни было, я желаю тебе доброй ночи, Дина.

Когда она заговорила, Алиф уже едва осознавал разницу между своими мыслями и сновидениями.

— Я совсем не то, что ты думаешь. Я не хочу быть надоедливой или казаться отсталой. Я не то, что ты думаешь.

— Я знаю, — сонно ответил он, не совсем понимая смысл сказанного.

* * *

Проснувшись на следующее утро, Алиф не сразу сообразил, где он находится. Он тут же резким движением сел на матрасе и, часто моргая, огляделся по сторонам, пытаясь поскорей привыкнуть к тусклому свету, проникающему в комнату через окно. Где-то уголком глаза он заметил Дину. Она, как таинственная птичка, порхала по комнате, напевая популярную египетскую песенку. Покрывало, которое надежно отделяло ее угол от остального помещения ночью, теперь было аккуратно сложено прямо на ее матрас. Алиф ощутил запах крепкого чая. На подоконнике стоял чайник, разогревающийся на походной плите. Рядом красовалась тарелка с яичницей и свежевыпеченными лепешками.

— Абдулла оставил нам завтрак, — пояснила Дина. — Мы не хотели тебя будить. А сейчас уже почти десять часов.

— А куда он ушел? — спросил Алиф, потирая глаза.

— Ему нужно было куда-то звонить. И еще он сказал, чтобы мы не забыли запереть за собой дверь.

Они позавтракали в тишине. Алиф в задумчивости смотрел в окно, пытаясь рассчитать свои дальнейшие действия. И этот день, и все последующие грозили стать невыносимыми, слишком уж многое от него сейчас требовалось. Он с сожалением посмотрел на свой рюкзак. Если бы ему побольше времени, он бы успел сообразить, что из вещей может понадобиться в ближайшие дни.

— Почему ты не хочешь ничего рассказать Абдулле про книгу? — вспомнил Алиф, обратив внимание на контуры четырехугольного предмета, выступающие на его рюкзаке.

Дина неопределенно пожала плечами:

— А зачем ему надо о ней знать? Чем меньше он будет знать, тем меньше ему придется лгать, когда за ним придут. К тому же твоя знакомая явно дала понять, что эта книга является некой тайной. И на это у нее наверняка имелась своя причина.

— Когда за ним придут, — машинально повторил Алиф. — Боже, мне сейчас сделается дурно.

Дина принялась убираться в комнате. Она убрала все после завтрака и расставила коробки по стенам, которые им пришлось сдвинуть, когда они устраивались на ночь. Алиф наблюдал за ней, плотно стиснув зубы.

— Ты поешь и слушаешь музыку, — внезапно произнес он.

— И что с этого?

— Мне всегда казалось, что женщины, носящие никаб, считают, что музыку им слушать запрещено.

— Некоторые действительно так думают, но я с ними не согласна.

— Почему? Вы ведь все читаете одни и те же книги. Это Ибн Таймия, да? И еще Абдул Ваххаб.

— Птицы поют, камыши на ветру создают свою музыку. Младенцы тоже. Ну как Бог мог бы запретить то, что является естественным для невинных созданий?

— Ну хорошо, — усмехнулся Алиф.

Дина выхватила у него из рук пустой стакан и прищелкнула языком:

— Ты постоянно насмехаешься надо мной.

— Неправда. Я смеюсь, когда ты удивляешь меня.

— А это разве лучше?

— Ну ладно. Я смеюсь, когда тебе удается произвести на меня впечатление.

Дина ничего не ответила ему, но пока она наливала ему новую порцию чая, Алиф почувствовал, что его ответ ее устроил. Он залпом выпил свой чай и помог девушке убраться в комнате. Когда все было закончено, он надел рюкзак на спину и осторожно приоткрыл дверь. Никого на улице, никого на крыше соседнего дома. Даже вдалеке на перекрестке он не заметил ни единого пешехода. Только на соседней улице какой-то старичок вез тележку с фруктами, запряженную ослом. Кроме него, казалось, во всей округе не было ни единой живой души.

— Пошли. — Он тихонько подтолкнул Дину вперед, а сам успел повернуть замок так, чтобы он защелкнулся и дверь, таким образом, оказалась заперта. Они двинулись вперед, то выдерживая значительное расстояние между собой, то снова сближаясь. В воздухе витал острый запах химикатов с какой-то фабрики, смешивающийся с ароматом нагретого солнцем моря. И еще тут было очень пыльно, в Новом Квартале постоянно шла какая-то стройка. Алиф шел в направлении порта по узким улочкам, ведущим к морю.

— Мы приближаемся к базару, — заметила Дина.

— Ну да. По-моему, именно таким и был наш план.

— План? Неужели ты хочешь сказать, что мы и в самом деле будем искать вампира Викрама? Даже твоя затея с бедуином была куда приятней.

Алиф сердито пнул ногой кусок сухого навоза, возникший у него на пути.

— А я не знаю, Дина, что можно еще придумать. Я действительно не представляю, что мы еще можем сейчас предпринять.

— Но это же не кино. Ты не можешь вот так запросто подойти к головорезу и попросить его сделать для тебя услугу. К тому же сам Абдулла вообще его никогда в глаза не видел. Может, он все выдумал!

— Ну а ты что хочешь? — огрызнулся Алиф, резко останавливаясь и внимательно глядя на Дину. — У нас, в конце концов, вариантов не так-то и много, черт! Не утомляй меня.

Он повернулся и продолжил путь. Через минуту до него донеслось приглушенное всхлипывание. Только сейчас он обратил внимание на то, что девушка идет, наклонив голову и прикрывая лицо одной рукой.

— Боже мой! — Алиф увлек Дину в переулок, схватив ее за руку. — Пожалуйста, не плачь. Я не хотел тебя обидеть.

— Не прикасайся ко мне. — Девушка высвободила руку. — Ты считаешь, что для меня все это не ужас? Я могла бы, например… — Тут она замолкла, и дыхание ее стало

прерывистым.

— Что такое? — нахмурился Алиф.

— Тот самый детектив, — тихо ответила Дина. — Он еще сказал, что со мной и моей семьей ничего плохого не произойдет, если мы тебя выдадим. А ты тогда стоял совсем рядом, на улице. И если бы я…

Алиф машинально снова взял ее за руку и поцеловал маленькую ладошку. Они посмотрели друг на друга, потом Дина отвернулась и вытерла слезы с глаз.

— Все в порядке, — негромко произнесла Дина. — Хорошо, пойдем и отыщем Викрама.

* * *

Базар Аль Медина находился рядом с верфью, что давало торговцам свободный доступ к рыбацким лодкам, приходящим сюда на восходе и закате. Сам базар был старинным, как и весь Старый Квартал. Он действовал еще в те годы, когда Город казался лишь крохотным знаком препинания на шелковом пути. Здесь отдыхали купцы и странники, направлявшиеся в Мекку. Алифу это место было знакомо с раннего детства. Он хорошо помнил, как цеплялся за концы маминой шали, чтобы не потеряться, пока она покупала тут живых цыплят, рыбьи головы для бульона и разные специи, которые продавались на граммы.

Они шли с Диной по улицам, которые никто никогда не мостил. Их ноги временами утопали в грязи, пахнущей навозом. Довольно часто на пути попадались арки из известняка, остатки когда-то крытого рынка. Но уже давно камень растащили на строительство разных зданий, остались лишь воспоминания о былых строениях в виде вот этих самых арок. Впрочем, никто тут не заботился об истории этого древнего места. Женщины со своими служанками пришли сюда с первыми лучами солнца, чтобы пополнить домашние запасы. Черные никабы и пестрые платья мельтешили у Алифа перед глазами, и ему приходилось то и дело оглядываться через плечо, чтобы не потерять Дину из виду.

— Мне кажется, нам сразу надо идти к верфи, — заметил Алиф, стараясь говорить так, чтобы его голос показался девушке уверенным. — Я знаю там парочку импортеров смартфонов, которые могли бы нам помочь.

— Импортеров?

— Это контрабанда.

— А, теперь понятно.

Алиф зашагал увереннее в направлении к верфи мимо торговцев рыбой, которые нахваливали свой свежий товар заезженными шуточками в стихах. За морем закрытых в черное голов Алиф увидел знакомый магазинчик с рекламой о продаже и ремонте мобильных телефонов. Молодой человек с облегчением выдохнул — у дверей маячила фигура Раджа — бенгальца-продавца, который в свое время достал смартфон и для самого Алифа. Радж стоял у дверей и скучал.

— Радж! — позвал его Алиф, вздернув вверх подбородок, что, по его мнению, было изысканной манерой. — Давненько не виделись!

Радж посмотрел на юношу безо всякого интереса, потом бросил подозрительный взгляд на Дину.

— Привет, — буркнул он, вертя в руке новенькую сим-карту.

— Послушай, — прокашлявшись, начал Алиф, — у меня к тебе есть весьма странный вопрос. Ну, то есть он поначалу может показаться странным. Тебе случайно не знаком…

— Человек по имени Наргиз? — закончила за него Дина.

Радж снова бегло оглядел ее. Алиф переминался с ноги на ногу и молчал.

— Тебе нужно что-то у него купить? — поинтересовался Радж.

— Нет, — снова ответила за юношу Дина. — Мы хотим с ним поговорить кое о чем.

— Сюда на беседы никто не приходит, — насупился Радж.

Дина вздохнула, явно выражая свое нетерпение.

— У нас мало времени, — пояснила она. — Так тебе знаком этот тип или нет?

Похоже, это произвело на бенгальца некоторое впечатление.

— Да, я его знаю. Но он обычно приходит сюда ближе к вечеру. Давайте я ему сейчас позвоню. — Он выпрямился и зашел внутрь магазина.

— Зачем ты все это начала? — зашипел Алиф на Дину. — При чем тут Наргиз?

— Давай предположим, что Абдулла все-таки сказал нам правду. Так не лучше ли побеседовать с тем, кто нам больше пригодится? А если мы будем шататься по всему базару и говорить, что ищем вампира Викрама, нас примут за парочку идиотов.

Алиф снова почувствовал прилив восхищения. Эта девушка действительно обладала незаурядным мужским умом. Он выпрямился, увидев, что Радж снова появился в дверях магазина и теперь жестом приглашает их войти.

— Наргиз скоро будет здесь. А вы пока проходите сюда.

Хотите чаю? — Последнее слово он протянул так, как обычно это делают бенгальцы, и Алифу почудилось, что здесь таится какой-то тайный смысл, граничащий с сарказмом.

— И погорячей, — подхватила Дина, присаживаясь на складной стул у стены. — И сахару побольше, — закончила она.

Радж залился краской и нырнул в одну из комнат. Через пару минут он появился снова с двумя стаканами ароматного чая. Передав их своим гостям, сам он тут же устроился за письменным столом у самого входа в магазин. Алиф молча пил чай и наблюдал за тем, как ловко Дина справляется со стаканом, быстро просовывая его под никаб. Через несколько минут в дверях показался невысокий нервный мужчина неопределенного возраста. Радж тут же поднялся со своего места.

— А вот и Наргиз, — представил он мужчину и что-то добавил на бенгальском, чего Алиф уже не смог понять.

Наргиз вошел в магазин, боязливо оглядываясь по сторонам, словно ожидая удара. Алиф обратил внимание на то, что нижняя челюсть у него была когда-то сломана, и сейчас смотрелась довольно странно.

— Привет, — поздоровался с ним Алиф.

— Что вы хотели? — поинтересовался Наргиз. — Я с вами не знаком.

— Я… Вернее, мы — друзья Абдуллы. Нам нужен один человек, и Абдулла подумал, что как раз ты и мог бы нам помочь.

Радж добавил что-то на бенгальском.

— Ты не мог бы оставить нас на пару минут? — сладким голосом пропела Дина. — И большое спасибо тебе за чай, было очень вкусно.

Радж снова скрылся где-то в глубине своего магазинчика.

— Абдулла говорил нам, что у тебя произошла одна неприятная стычка с вампиром Викрамом. Это действительно так? — без предисловий начал Алиф.

Наргиз дотронулся до своей челюсти.

— Никаких вампиров не существует, — коротко сообщил он.

— Мы не собираемся впутывать тебя ни в какие истории, — включилась в разговор Дина. — Нам только нужно отыскать его.

Внезапно Наргиз разразился каким-то тоненьким истеричным смехом. Примерно так же мерзко кричала гиена в королевском зоопарке, которую сейчас вспомнил Алиф.

— Да вы оба сумасшедшие, — вытер слезы Наргиз. — Он вас пополам разорвет, если вы его все-таки найдете. Вы не знаете, кто он такой. Вы вообще представляете, кого вы задумали разыскать?!

— Головореза, — неуверенно произнес Алиф.

— Вы точно чокнутые, — убедительно добавил Наргиз.

— Ты нам только скажи, куда идти, — продолжала Дина. — Вот и все. Больше мы тебя никогда не побеспокоим.

— Вы даже не представляете себе, что он сотворит со мной, когда узнает, что это я помог вам.

— Он тебя только поблагодарит за это. Мы заплатим ему уйму денег за небольшую помощь с его стороны.

После этих слов Наргиз немного успокоился. Он нервно облизал губы и заметил:

— Ну, так это совсем другое дело. Если вы хотите нанять его, тогда, конечно… Но он дорого запросит с вас.

— Вот и хорошо, — нетерпеливо перебил его Алиф. — Но сначала нам нужно его отыскать, верно? Итак, где он может находиться?

Наргиз долго смотрел на него, но потом заговорил:

— В западной части базара есть полуразрушенная арка. Вот где-то там он и обитает.

Алиф еле сдерживал ликование. Краем глаза он посмотрел на Дину, но та держалась на удивление хладнокровно. Девушка встала со своего места и заявила:

— Мы очень благодарны тебе за помощь. Спасибо.

Она кивнула Алифу и направилась к выходу из магазина. Тот быстро поднялся, споткнулся и тут же проклял себя за неуклюжесть.

— Ты была великолепна! — восхищенно произнес он, когда они снова очутились среди рыночной толпы. — Ты так вела себя, Дина, как будто и не волновалась совсем. Я даже на минуту забыл о том, что ты девушка.

Дина презрительно фыркнула. Солнечный свет как будто обрел физическую силу и давил на все то, куда попадал. День обещал быть жарким. Молодые люди перешли на улицу, где гофрированные крыши рядов магазинов образовывали тень. Сейчас они перемещались в сторону верфи. В конце одного из переулков они обнаружили старое бетонное здание, переделанное под молельню. О его новом назначении явно свидетельствовала обувь, выставленная у входа внутрь. Дина сняла сандалии и, извинившись, отправилась совершать намаз. Алиф остался ждать ее снаружи. Одна только мысль о том, что надо снимать ботинки и носки, а потом снова надевать их в такую жару убивала в нем всякое желание молиться. Он прислонился к прохладной стене здания и слушал заунывный голос имама, взывавшего к полусонным рыночным торговцам. Вскоре появилась и Дина среди многочисленных мужчин, разыскивающих свою обувь в большой общей куче туфель и сандалий.

Она не стала ругать его за то, что Алиф отказался от намаза,

но ему самому стало неловко за свое поведение. Они продолжили свой путь в гавани. В воздухе уже витал аппетитный запах жареной рыбы и лука, говоривший о том, что приближается время для ленча. Дина первая предложила перекусить и потом продолжить поиски, и Алиф возражать не стал. Все это время его мучило какое-то нехорошее предчувствие. Юноше почему-то казалось, что он окончательно лишился силы воли и теперь вообще не знает, как действовать дальше и довести свой план до логического завершения. Раньше он гордился тем, что знает все обо всех хакерах в Городе. Но вот встреча с самым настоящим бандитом серьезно пугала его и делала каким-то беспомощным. Он никогда не держал в руке оружия, да и вообще видел пистолет только по телевизору да пару раз, возможно, в кобуре у пограничника.

Алиф постарался успокоиться и расслабить мышцы лица. Когда он нервничал, то сильно сжимал зубы или собирал губы трубочкой. Даже Дина замечала этот его недостаток. Сейчас он заметил, что она смотрит на него, словно пытается узнать его настроение. Нет, он не позволит ей заметить свою неуверенность. Он бы не выдержал, если бы Дина сейчас вздохнула и закатила глаза к небу. Ведь это бы означало, что она поняла его страх и решила все взять на себя. Нет, он больше не будет вести себя, как ребенок. Он приподнял подбородок и постарался принять вид человека, на все сто процентов уверенного в себе.

— Рыбу на вертеле? Или с соусом карри? — предложил он.

— Пожалуйста, на вертеле. Карри у них стоит на солнце целый день.

Алиф подошел к ближайшей закусочной, где работал невысокий мальчишка, которому едва хватало роста, чтобы обмахивать решетку и поддерживать жар у поджаренной рыбы. Алиф приобрел у него две прекрасные рыбины на деревянных палочках и две баночки колы и сразу же поделился трапезой с Диной. После этого они направились к гавани, где взрослые мужчины и мальчики швыряли камни в пролетающих чаек. Алиф нашел уютное местечко в виде старомодной лодки на берегу и сел на ее борт, свесив ноги к зеленой морской воде.

— Девушки на доках не садятся, — сообщила Дина, стоя рядом с ним и переминаясь с ноги на ногу.

— Нет такого закона, который запретил бы тебе это сделать, а если кто-нибудь из этих ослов посмеет вмешаться, я его поколочу.

— Это как же?

Алиф бросил на девушку испепеляющий взгляд. Дина что-то пробормотала себе под нос, но все же присела, хотя и на

почтительном расстоянии от юноши. Она сразу же ловко приподняла край своего никаба, чтобы поместить туда рыбу. Они ели молча, потом облизывали пальцы, перепачканные маслом, и слушали, как звенят колокольчики проплывающих мимо рыбацких лодок. Один прыщавый паренек застонал и зацокал языком на Дину, когда его лодка миновала девушку. Алиф швырнул в него смятую баночку из-под колы и попал ему точно в бритую макушку. Паренек вскрикнул, но останавливаться не стал.

— Ох уж мне эти рыбаки! — рассердился Алиф. — Ты что же, специально выставляешь индийцев идиотами перед этими дерьмовыми арабами? — крикнул он вслед пареньку, но его лодка уже унеслась по морской глади.

— Неужели мы все дерьмовые? — Дина вытерла руки салфеткой и поднялась на ноги.

Алиф нетерпеливо махнул рукой.

— Ты прекрасно поняла, что именно я хотел сказать. Я имел в виду арабов Персидского залива и все такое прочее. Египтяне на самом деле и не арабы вовсе. Ну, не такие, во всяком случае. А вы приехали сюда работать, как и мы.

— Но ты сам частично араб.

— Частично не считается. Ты можешь представить, что меня взяли на работу в банк, например?

— Ну, если только чай разносить.

Алиф шутливо хлопнул ее по лодыжке, она вскрикнула и вывернулась. Алиф поднялся на ноги и осмотрелся. Несколько рыбацких лодок возвращались в гавань с уловом, вдали появился танкер, груженный нефтью. Алиф дожевал рыбу и выкинул деревянную палочку в воду, где она сразу же прибилась к куче плавающего мусора. Алифу не хотелось возвращаться на базар. Дина, покачиваясь, смотрела на него и ждала, когда молодой человек скажет ей, что они будут делать дальше.

— Ну ладно, — наконец произнес Алиф. — Пока что все идет, как задумано.

* * *

День близился к вечеру, когда они наконец нашли ту самую арку, по описанию похожую на нужную им. Она находилась на аллее, где располагались магазины тканей. Здесь на витринах были выставлены побитые молью материи, а у всех продавцов руки были перепачканы краской, которой они пользовались для окрашивания своего товара. На улице было очень тихо. Только несколько покупателей бесцельно брели вдоль магазинов, отчего

все место казалось каким-то пустынным, словно забытое Богом. Алиф ощутил во рту неприятный привкус желчи. Он пытался определить по лицам продавцов, кто же из них осмелился приютить у себя настоящего бандита, и теперь думал над тем, как будет лучше всего выяснить это.

— Смотри-ка! — Дина указала на палатку, стоявшую рядом с аркой, сделанную точно из такого же материала, которым торговали в ближайшем магазинчике. У входа в нее стояла плоская канистра, на ней лежал автомат АК-47.

Алиф колебался.

— Я не буду это делать, — заговорил он. Теперь ему было все равно, выглядит он как идиот или нет. — Давай не обращать внимания. Это же безумие какое-то. Я не могу. Я даже подумать не смею…

— А я вообще ничего этого не хотела, — перебила его Дина. — Ты сам сказал, что у нас нет другого выбора. И мы не можем просто так стоять вот тут и ничего не предпринимать.

Тем не менее они оставались на месте и продолжали пялиться на палатку. Алиф рассуждал о том, что именно сейчас о них думают продавцы тканей, пока они вот так стоят на одном месте и ничего не предпринимают. Тишина начинала раздражать его.

— Иди, — чуть слышно произнесла Дина.

Алиф приблизился к палатке так, словно подходил к неразорвавшейся бомбе. Ему показалось, что он заметил какое-то движение внутри ее. Он прищурился: внутри перемещалось какое-то крупное четвероногое, возможно собака. Он хотел поделиться своими наблюдениями с Диной, но в тот же момент услышал ее пронзительный крик.

Он резко повернулся и сразу же его буквально ослепила невыносимая боль. Он покачнулся, словно его схватила чья-то мощная рука, и в следующий миг земля стремительно приблизилась к его лицу. Он вздрогнул, а когда стал что-то соображать, то понял, что его и Дину кто-то увлекает вслед за собой в палатку.

Глава пятая

— Алиф.

Голос был мужской, ровный и низкий, с каким-то неузнаваемым акцентом. Алиф попытался сосредоточиться и сфокусировать зрение. Рукой он ощупал жесткий шерстяной ковер и даже сумел различить на нем красно-белый орнамент. Он часто заморгал. Дина находилась где-то слева от него. Она часто дышала и, судя по всему, была сильно напугана. Он протянул руку в ее сторону, машинально пытаясь хоть как-то защитить девушку. В тот же момент он услышал чей-то смех.

— Она пока что вне опасности. Так же, как и ты сам. Сядь и будь мужчиной, раз уж тебе хватило мужества явиться сюда ко мне.

Впереди мелькала какая-то тень. Алиф увидел желтые глаза на красивом мужском лице, национальность которого определить было невозможно. Кожу его нельзя было назвать ни белой, ни темной. Волосы у хозяина палатки оказались черными и длинными, как у женщины.

— В-в… — попытался было выговорить одно слово Алиф, но язык ему не повиновался.

— Ну какой же ты слюнтяй все-таки. Я же тебя даже и не ударил по-настоящему.

К Алифу протянулась рука и ухватила его за рубашку на груди, приподнимая и усаживая на ковер. Юноша сделал несколько глубоких вдохов и понял, что в голове у него начинает все понемногу проясняться. Внутри в палатке все было обставлено так, как у простого бедуина. На складной табуретке стоял медный поднос. Здесь же Алиф разглядел походную плитку и тонкий матрас на полу. В одном углу обнаружилась целая куча сваленного как попало огнестрельного автоматического оружия. Дина машинально держалась за его штанину, но смотрела она сейчас не на Алифа, а тупо уставилась на хозяина, не в силах отвести от него взгляда.

— В… Викрам? — наконец сумел выдавить молодой человек.

— Джордж Буш. Санта-Клаус, — ухмыльнулся мужчина, демонстрируя свои ослепительно белые зубы.

— Ты же не сделаешь нам ничего плохого? — тоненько пропищала Дина. В этот момент Алиф не смог даже узнать этот голос.

— Мог бы. С легкостью. Да и сейчас могу. Да так, что никто ничего и не поймет. — Мужчина зашевелился, и Алиф с ужасом обнаружил, что колени у него сгибаются не как у человека, а в

другую сторону. Он тут же перевел взгляд на лицо хозяина палатки, стараясь поскорей забыть увиденное.

— Прости, — заговорил он. — Прости, что я побеспокоил тебя, Викрам-сагиб. Я никоим образом не хотел оскорбить тебя или обидеть чем-то, я…

— Боже мой, ты только сам себя послушай! Твоя девушка потеряет к тебе всякое уважение, послушав нас. Ты явился сюда, чтобы попросить меня кое о чем. Скорее всего я откажу тебе, после чего ты сможешь убраться отсюда в целости и сохранности. Или не совсем в целости. Так что давай закончим наши дела побыстрей.

Алиф заставил себя смотреть мужчине прямо в глаза. Там он увидел задорный блеск и радость хищника. Так, наверное, ощущает себя леопард в загоне у коз.

— У меня серьезные неприятности, — начал Алиф. — Я простой программист, и я сам не могу… В общем, мне нужен кто-то такой, кто смог бы защитить меня от Руки. Так мы называем основного цензора в Интернете. Мы — я имею в виду себя и других хакеров. Мы все программисты, но работаем не в компаниях, а на частных лиц. Понимаешь? А такое имя мы ему придумали, когда еще точно не знали — кто это такой или что такое — человек или просто компьютерная программа. А может, и то и другое вместе. Я влюблен в женщину, которую он мечтает заполучить, и он об этом узнал. Теперь он может упрятать меня в тюрьму, если только этого пожелает. Я исчезну навсегда, и ты больше меня никогда не увидишь…

Мужчина поднял руку, жестом останавливая словоохотливого незваного гостя.

— Я тебе верю. Никто бы никогда не посмел явиться сюда с такой глупой историей, а следовательно, это все — правда. Но я не стану помогать тебе. Во-первых, потому, что ты не в состоянии позволить себе подобную роскошь, а во-вторых, потому, что из-за моей помощи ты попадешь в еще более сложную и опасную ситуацию. Поэтому пошел вон.

Алиф посмотрел на Дину. Казалось, еще немного, и девушка попросту потеряет сознание. На секунду он забыл обо всем, и забота о девушке победила его желание поскорей выкарабкаться отсюда и убежать куда-нибудь подальше.

— Можно сначала попросить дать ей немного воды? — осмелился Алиф.

Мужчина обернулся и выкрикнул что-то на непонятном языке. Откуда-то снаружи ему ответил кто-то женским голосом. Через пару секунд в палатку вошла женщина с глиняной чашкой в руке. На ней было надето цветастое платье со множеством ярких

юбок, какие носят дикие кочевые племена на юге, а голову и лицо закрывал спускающийся на плечи красный шарф. Она посмотрела на Алифа и тихонько вскрикнула. Алифу стало почему-то неуютно, когда по ее золотистым глазам он понял, что она узнала его.

— Это моя сестра Азалель, — пояснил мужчина. — Конечно, это не настоящее ее имя, впрочем, меня тоже зовут не Викрам, но по крайней мере оно несколько напоминает его и близко к тому, что можно выговорить на вашем языке.

— Алиф тоже не настоящее мое имя, — вставил юноша и тут же пожалел об этом.

— Я знаю. Твоя девчонка уже обо всем мне поведала, пока ты тут раскисал на полу. А еще она мне сообщила твое настоящее имя, что было непростительной ошибкой с ее стороны. Никогда не говори незнакомцу свое настоящее имя, если ты сам не знаешь, как на самом деле зовут его.

Азалель вручила Дине чашку с водой. Дина послушно выпила все содержимое и скромно поблагодарила женщину.

— А теперь вам лучше уйти отсюда, — произнес Викрам, — я весь день ничего не ел.

Алиф не стал рассуждать о том, что бы могло означать это замечание. Поддерживая Дину под локоть, он помог ей встать на ноги. Они тут же бросились к выходу из палатки и почти в тот же миг очутились на улице. Не сговариваясь, они молча быстрым шагом прошли несколько кварталов, прежде чем обменяться мнениями о происшедшем.

— Ты видел… ты видел… — Дина никак не могла успокоиться и перевести дыхание, словно бежала спринтерскую дистанцию.

— С тобой все в порядке? Он же не посмел тебя ударить, да?

— Сама не знаю. — Дина рассеянно коснулась лба. — Мне показалось, что я увидела что-то жуткое, я закричала, а потом очнулась уже внутри палатки. Может быть, я лишилась чувств. А ты валялся рядом и молча открывал и закрывал рот, как рыба. Мне стало страшно за тебя, я подумала, что тебе, наверное, очень больно.

Алиф почувствовал, как по его рукам побежали мурашки.

— Теперь самое главное — не паниковать, — заявил он, обращаясь скорее к самому себе. — Надо все хорошенько обдумать и разобрать по частям. Ну, раздробить на маленькие элементы, пока мы не сможем все разумно объяснить.

— Разумно? Ты с ума сошел! Это существо было не человеком!

— Это был самый обычный мужчина. Ну а кто же еще?

— Ты просто дитя наивное. Ты что же, не видел его ноги?!

И тут же перед мысленным взором Алифа возникли звериные колени Викрама, сгибающиеся, как у хищников. У молодого человека сразу же закружилась голова.

— Это можно объяснить как хочешь. Там освещение было каким-то странным и необычным. Мы с тобой здорово расстроились и плохо соображали. Ну а когда ты рассеян, в голову может прийти что угодно.

Дина остановилась и, нахмурившись, внимательно посмотрела на Алифа.

— Не могу поверить своим ушам. Ты читаешь романы в стиле фэнтези, то есть сплошной куфр, и при этом отрицаешь то, о чем говорится в священной книге.

Алиф присел на каменные ступеньки жилого дома. Молодые люди успешно миновали западную часть базара и вышли к окраине Нового Квартала, на чудесную опрятную улицу.

— Мы, наверное, не поняли друг друга. Так что же я отрицаю? Слушаю твои инструкции. Поясни мне, как я должен себя вести и во что именно верить.

— Ну, таким противным становиться совсем не обязательно. Разве ты не помнишь такие слова: «И джинн был создан нами в давние времена из бездымного пламени».

Алиф поднялся со ступенек и продолжил свой путь по улице. Он внезапно рассердился на Дину, а она по-прежнему шла сзади, в отчаянии время от времени тихо вздыхая.

— Ты же сам дал мне прочитать «Золотой компас»! А там очень много всего связанного с джиннами и их фокусами. Теперь ты сердишься на меня за то, что я назвала все это опасным. Ну почему ты злишься, когда сама религия подсказывает тебе, что все, что тебе хочется считать настоящим, и есть на самом деле настоящее?

— Когда все это становится настоящим, мне уже не забавно и не смешно. Теперь понятно? Когда это происходит в действительности, это страшно.

— Ну, если ты испугался, не надо просить от меня быть разумной. Страх не следует законам разума.

— Но не все же такие, как ты, Дина. Не все же святые. — Алиф привычным жестом завел руку за плечо, чтобы достать свой смартфон из рюкзака, и только теперь понял, что тот отсутствовал. Он повернулся и в ужасе уставился на Дину.

— Мой рюкзак, — прошептал он.

* * *

Алиф послушно прошел за Диной в египетское кафе, расположенное в паре кварталов, и молча выслушивал, как она заказала фасолевый суп, лепешки и крепкий кофе. Потом так же смиренно после недолгих уговоров он согласился поесть. В кафе собралась довольно пестрая толпа. Здесь были представители западных стран и местные работяги, лениво перемещавшиеся по залу. Алиф смотрел на них, но почти ничего вокруг не замечал. Он чувствовал себя крайне дискомфортно, оказавшись без своих инструментов, без удостоверения личности и даже без тех скудных пожитков, которые ему удалось прихватить с собой в эту странную ссылку.

Дина была единственной женщиной в кафе, одетой по-мусульмански. У всех остальных дам лица и головы были не закрыты, а их наряды представляли собой в основном льняные брюки и футболки. Впрочем, так одевались очень многие в теплую осеннюю погоду. Хотя здесь было много мужчин, Дина чувствовала себя довольно уютно среди всех этих инженеров и архитекторов. Она даже второй раз подозвала официанта и попросила у него добавить льда в воду и принести ей еще одну салфетку. При этом она совершенно спокойно устраивалась на стуле, поправляя свой длинный черный халат без тени смущения и подбирая его под себя.

— Разве тебе не жарко? — удивился Алиф.

— Ты, наверное, смеешься. Тут замерзнуть можно. Они, наверное, кондиционер вообще никогда не выключают.

Алиф беззвучно посмеялся и облокотился о стол.

— Ты такая храбрая, — заметил он. — Такое впечатление, что ты просто вышла в магазин за покупками. А я уже почти падаю. Наверное, он забрал рюкзак, когда я был без сознания. И мой нетбук, и книгу Интисар. Одним словом, все то, что могло бы хоть как-то помочь нам.

— Я не видела, чтобы он что-то забирал, — призналась Дина. — Но я была так напугана, что, возможно, даже и не заметила.

— Не важно. Без доступа в Интернет мне ничего другого не остается, как просто бежать отсюда. А может, мне лучше сразу сдаться? Вдруг повезет…

Но Дина отчаянно замотала головой:

— Нет, этого делать нельзя ни в коем случае. Это же служба безопасности! Они будут пытать тебя, а потом выкинут твое бездыханное тело в море. Ты же знаешь, чем такие дела заканчиваются.

Алиф оглядел изящные стены кафе лимонного цвета и желтые цветы на столиках.

— Твой джинн существует на самом деле, — негромко произнес он. — А вот это все — вымысел.

Он почувствовал, как она улыбается. Дина ничего ему не ответила, только подняла руку и подозвала официанта, попросив его дать ей счет. Алиф вздохнул. Дина расплатилась сама, а ему ничего не оставалось другого, как позволить ей сделать это и забыть обо всех принципах мужчины и галантного кавалера. Когда они вышли из кафе, на Город уже опускались сумерки. В ближайшей мечети муэдзин прокашлялся в микрофон и начал свой призыв совершить намаз. Очень скоро похожие голоса зазвучали и в стороне Аль Баширы, наполняя воздух жалобной меланхолией. Одна за другой все мечети зазвенели настоятельной просьбой: иди молись, иди молись…

— Мы сегодня можем переночевать в мечети, — заметил Алиф.

— Даже не знаю, что потом скажу своим родителям, — сокрушалась Дина. — Я даже не проверяла свой телефон. Наверняка там уже полно сообщений от них, они, наверное, так испуганы!

— Во всяком случае, не говори им, что помогаешь мне. И про Викрама тоже ничего не рассказывай, иначе они подумают, что ты сошла с ума.

Дина только покачала головой и достала из кармана своего кармана мобильный телефон. Они шли в глубь Нового Квартала, минуя жилые дома, спроектированные каким-то чудаковатым архитектором, несомненно мечтавшим о Калифорнии, и выкрашенные либо в розовый, либо в светло-зеленый цвет. Алиф редко захаживал сюда. Город, как однажды язвительно заметил Абдулла, был поделен на три части: люди с капиталом, унаследованным от предков, люди, сами сделавшие себе деньги, и люди вообще без денег. В Городе практически не было среднего класса, а если такие встречались, то это были или приезжие сюда откуда-то из азиатского государства и отсылавшие основную часть своей зарплаты отчаявшимся родственникам, либо потомки тех, кто успел разбогатеть на нефти. Хотя Алиф принадлежал к людям, которые сами зарабатывают себе на жизнь, сам он мало видел отцовских денег. Те, кто обитал в районе Бакара, больше сами заботились о себе и смотрели правде в глаза, ничего не приукрашивая.

— Я хочу домой, — внезапно произнес он. — Все это смешно даже. Я теперь буду более трепетно относиться к нашей второсортной улице и дому.

Дина громко фыркнула, но ничего не сказала.

Со стороны гавани подул, как ему и следовало, легкий

ветерок, точно во время заката. Алиф уловил в воздухе запах соли и горячего песка. Он глубоко вдохнул. Но им нужно было продолжать идти дальше и подумать о том, где найти ночлег. Он надеялся на то, что мечети Нового Квартала, которые были не такие старые, не станут отвергать бедных путников и одна из них обязательно приютит их хотя бы на одну ночь. Он продолжал рассуждать на эту тему, как вдруг заметил впереди себя человека в длинной белой рубашке и солнцезащитных очках. «Как странно видеть человека в темных очках после захода солнца», — успел подумать он. Но уже в следующий момент он вдруг вспомнил, кто это такой.

— Беги, — прошептал он Дине, увлекая ее за угол дома. — Беги скорей!

— Что случилось?

— Там тот самый детектив из службы безопасности.

Она заскулила, потом закрыла рот рукой и бросилась вслед за Алифом в переулок, обсаженный с обеих сторон кустами гибискуса. Алиф не осмелился остановиться, пока они не промчались несколько кварталов, а потом еще вернулись на пару домов назад, заметая следы. Он замер у магазина тканей и женской одежды, который уже закрылся на ночь. Дина, как тень, остановилась рядом с ним, прислонясь к запертым стеклянным дверям магазина. Алиф пригнулся и через переплетения ног манекенов у входа вгляделся в противоположную сторону улицу. Там не было никого, если не считать дворника в пыльной одежде, уныло подметающего асфальт метлой из срезанных свежих веток.

— Он там? — прошептала Дина.

— Думаю, что н…

В тот же миг где-то неподалеку раздался громкий хлопок. Взглянув вниз, Алиф увидел идеально круглое отверстие, выбитое в бетонном здании магазина, буквально в нескольких сантиметрах от его левой руки. Дина громко закричала. Ни о чем не думая, он навалился на нее всем телом, и они оба упали на землю. В следующее мгновение витрина позади них разлетелась вдребезги. Алиф почувствовал дыхание девушки на своем лице, ее грудь взволнованно вздымалась и опускалась, и на какой-то миг Алиф даже немного возбудился.

Послышалось еще три выстрела в сторону магазина. Алиф изогнулся и увидел, что детектив в белой рубашке по-прежнему стоял на противоположной стороне улицы и спокойно целился в них, как будто не делал ничего предосудительного, а просто подзывал к себе такси. Дина отчаянно барахталась под телом юноши. Наконец ей удалось выкатиться из под него. Она оттолкнула Алифа в сторону и хотела подняться на ноги, но

молодой человек тут же схватил ее за руку и крикнул:

— Пригнись!

И тут детектив снова выстрелил. Но на этот раз послышался не хлопок, а крик Дины, и она упала на землю. У Алифа перехватило дыхание, ему показалось, что сейчас у него разорвется сердце. Где-то поблизости будто зарычал дикий зверь. Алифу даже почудилось, что этот звук исходил из его собственной груди, но тут рядом откуда-то возникла коричневатая тень и метнулась на детектива, опрокидывая его прямо на асфальт. Дрожа всем телом, Алиф сгреб в охапку обмякшее тело Дина и, зарывшись лицом в складки ее никаба, принялся отчаянно молиться. Где-то отчаянно закричал мужчина, потом что-то жутко забулькало и послышался хруст костей. Крик прекратился. Алиф еще крепче прижал к себе Дину.

— Пошли, ребята, — услышал он ясный и довольный голос. Потом он почувствовал, как что-то обхватило его за шею, как будто огромные птичьи или звериные когти, от которых пахло кровью и каким-то дерьмом, и толкнуло вперед, отнимая у него Дину. Потом он то ли шел, то ли летел по улице, едва касаясь асфальта ногами. При этом его шаги становились все шире и шире, пока окончательно не оторвались от земли.

* * *

— Дай мне свою руку.

— Нет! Оставь меня в покое…

— Девочка, послушайся дядю Викрама. Руку надо перевязать. Если ты будешь сопротивляться, я все равно оторву тебе руку, перевяжу, а потом пришью назад.

Послышался такой звук, будто кто-то рвал ткань. Алиф попытался сесть, но его тут же накрыла волна тошноты. Он застонал и снова лег на прежнее место. Он не понимал, где находится, но сейчас ему было все равно. Повернувшись, он увидел Дину. Она стояла на коленях рядом с Викрамом, а один рукав ее халата был закатан до самого плеча. На руке зияла кровоточащая рана от пули, как раз между плечом и локтем. И тут Алиф испытал такой душевный подъем, что ему стало наплевать и на тошноту, и на собственный страх. Она выжила! Она жива. В глазах защипало.

Длинными пальцами Викрам держал пинцет и смотрел на рану Дины странным взглядом, не совсем напоминающим взгляд лекаря.

— Можешь покричать, — разрешил он. — Это нормально. —

И безо всяких предупреждений погрузил пинцет прямо в руку Дины. Она дернулась и сжала руки в кулаки, но не издала при этом ни единого звука.

— А вот и она. — С этими словами Викрам продемонстрировал окровавленную пулю, которую только что извлек из раны при помощи пинцета. — Видишь? Вот кусочек ткани от твоего халата, он прилип к пуле, она его втянула внутрь. Все это могло бы вызвать заражение и нагноение. — Он швырнул пулю в небольшую кастрюльку, стоявшую возле его звериных конечностей. — Теперь рану надо промыть и зашить. Ты мне обязана жизнью, но меня вполне устроит и твоя девственность.

— Только попробуй, и я убью тебя, — пробормотал Алиф.

— Боже всемогущий, оно проснулось. — Презрительный взгляд желтых глаз буквально пригвоздил его к месту. — Ты еще смеешь угрожать мне! Да у этой девушки смелости в сто раз больше, чем у тебя. Ты там чуть не обделался от страха.

Алиф сел и сглотнул, стараясь подавить тошноту. Дина смотрела на него и словно не видела, ее глаза остекленели от боли. Они находились в палатке Викрама, которая светилась сейчас розовым светом от больших светильников, стоявших у основания арки. Откуда-то неподалеку шел запах горящего дерева. Викрам согнулся возле Дины и обрабатывал ей рану куском ваты, как некая демоническая сиделка. Потом он достал из коробочки кривую иглу и вдел в нее нитку.

— Это самое неприятное, — предупредил он. — Швов десять надо будет сделать, как мне кажется. То есть двадцать уколов иглой и еще немножко я буду тянуть за нитку. Ты и в самом деле можешь покричать. — Последние слова он произнес с оттенком мольбы в голосе.

Алиф отвернулся. Дина кричала. Это была целая серия коротких воплей, от которых все мускулы Алифа напрягались в бессильном желании помочь и пожалеть.

— Маленький человечек, слепленный из глины, — негромко сказал Викрам скорее всего самому себе. — Такой же хрупкий, как глиняный горшок. Ну, теперь можешь посмотреть, брат.

Алиф поднял глаза и увидел, что рука Дины была уже забинтована, причем было заметно, что это делал весьма опытный специалист. Здоровой рукой, трясущимися пальцами она натягивала на бинт рукав халата.

— Спасибо, — прошептала девушка.

— Почему ты передумал? — Алиф старался смотреть на Викрама безо всякого страха. — Почему ты явился к нам на помощь?

Викрам криво ухмыльнулся, обнажая с одной стороны очень

острые передние зубы.

— Моя сестра сказала, что знает тебя.

— Она знает меня? — Алиф занервничал. — Я бы обязательно запомнил такую яркую личность, как она.

— Конечно. Она говорит, что ты как-то раз приютил ее во время песчаной бури.

Алиф тупо уставился на Викрама. Он открыл рот, как будто собирался что-то сказать, но потом передумал и снова закрыл его.

— Я просматривал твои вещи, — продолжал Викрам, убирая инструменты. — И тут выясняется, что ты меня в какой-то степени, оказывается, интересуешь. Ты же не сказал, что у тебя при себе имеется экземпляр книги «Альф Яум». В этом мире практически ни одного не осталось. И вообще, не предполагается, что такой книгой может обладать человек. Я полагаю, что это как раз одна из тех, что была переведена и записана древними персидскими мистиками? Как опрометчиво с твоей стороны таскать ее вот так с собой. Я бы мог тебе, кстати, предложить за нее неплохую цену.

— Ты имеешь в виду книгу в моем рюкзаке?

Викрам пробежался по палатке на четвереньках и, остановившись возле Алифа, внимательно посмотрел на него.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь, что это такое? — Он извлек из ниоткуда книгу Интисар и бросил ее на колени молодому человеку. — Мне это кажется странным, ведь кто-то уже снабдил ее для тебя примечаниями.

Алиф нахмурился, переводя взгляд от книги на Викрама и назад. Потом он осторожно раскрыл рукопись и перелистал несколько страниц, между ними он успел заметить желтые квадратики липучек-бумажек, исписанных аккуратным почерком Интисар.

— Наверное, она делала заметки для своих исследований, — пробормотал Алиф. — Ничего не понимаю. Девушка, которая передала мне эту книгу, сказала, что не хочет больше видеть меня. Зачем же ей отдавать навсегда что-то настолько важное и ценное, тем более что эта книга нужна была ей для работы?

Викрам резко и по-птичьи повернул голову:

— Может быть, она сделала это для того, чтобы книга не попала в чьи-то руки.

— Наверное. — Алиф поднес книгу поближе к свету и принялся читать первую страницу.

> В давние времена королевством Кашмир управлял король по имени Тогрул. У него были сын и дочь, являвшиеся настоящим чудом своего времени. Принца

звали Фарухрус, или Счастливый День, и его многие добродетели сделали юного героя знаменитым. Его сестра Фарухуаз, то есть Счастливая Гордость, считалась первой красавицей королевства. Короче говоря, сия принцесса была столь привлекательна и в то же время такая умница, что очаровывала всех мужчин, которые имели возможность хоть раз увидеть ее. Но любовь их была роковой, потому что кто-то из этих мужчин просто сходил с ума, а кто-то впадал в печаль и полное отчаяние, что постепенно приводило все к тому же безумию.

Тем не менее слухи о ее красоте распространились далеко на Восток, так что в скором времени послы из всех азиатских государств приехали в Кашмир, чтобы просить руки принцессы. Но незадолго до их приезда принцессе приснился странный сон, после чего все мужчины стали ей ненавистны. Ей снилось, будто бы олень попал в западню, но ему помогла лань и вызволила его из беды. Зато потом, когда сама лань попала в такую же ловушку, олень, вместо того чтобы помочь ей, убежал. Фарухуаз проснулась и была потрясена этим сном. Она поняла, что это была не простая фантазия ее мозга. Она поверила в то, что великий Кесайя, идол, которому поклонялись все в Кашмире, заинтересовался судьбой красавицы и через сон дал ей понять, что все мужчины по своей сути предатели. И за нежность и верность женщины они отплатят только лишь своей неблагодарностью.

— Дикость какая-то, — отреагировал Алиф, просматривая текст дальше. — После этого король попросил кормилицу своей дочери рассказывать Фарухуаз разные истории, чтобы она снова поверила в мужчин и выбрала одного из иноземных принцев себе в мужья. Это просто сборник старых сказок, как «Тысяча и одна ночь».

Дина поднялась и, пошатываясь, подошла к матрасу, на котором устроился Алиф. Она легла на него и сжалась в комочек, бережно прижимая к груди раненую руку.

— Глупец исключительной редкости, — прокомментировал Викрам. — «Тысяча и один день» — это не сборник сказок, недоумок ты этакий. И название это не случайное. Это инверсия, намек на «Ночи». Здесь скрыты параллельные знания моего народа, сохраненные на благо будущих поколений. Это не труд человеческий. Эту книгу наговорил джинн.

Глава шестая

Алиф настоял на том, чтобы повесить в палатке большой кусок ткани и таким образом разделить ее на две половинки, пока Дина спала. Он разбудил ее и сообщил, что теперь она может устроиться поудобней, чтобы отдохнуть. Она согласилась на это только после того, как он твердо обещал ей не оставлять ее в палатке наедине с Викрамом. Она стала снимать обувь, и он оставил ее, перейдя на другую половину и опуская за собой кусок материи. Викрам сидел в противоположном углу с задумчивым видом и, вытянув ноги, потирал мохнатые пальцы.

— Лучше сразу скажи, если ей будет что-то грозить с твоей стороны, — предупредил Алиф. — И если ты меня обманешь, я сразу это почувствую. Несмотря на то что ты… не такой, как мы.

— У меня не было намерения насиловать твою подругу, — равнодушно ответил Викрам, выглядывая на улицу и осматривая притихший на ночь рынок. — Если я бы этого хотел, то уже давно все сделал.

Алифа передернуло. Похоже, Викрам этого даже не заметил, а только принялся принюхиваться к чему-то в темно-фиолетовом воздухе.

— Мне кажется, ты многое знаешь об этой книге «Альф Яум», — заговорил Алиф, нарушая напряженную тишину.

— Достаточно, чтобы оценить ее по достоинству.

— А что ты имел в виду, когда говорил о параллельных знаниях? Это касается джиннов, да?

— Почему это тебя так волнует? я сегодня столько всего наговорил, сколько за месяц не высказываю. Я уже устал перемалывать воздух. Обычно я это делаю с мясом.

Алиф чуть зубами не заскрипел от досады.

— Мне обязательно нужно это выяснить, — продолжал он. — У моей любимой девушки могут быть серьезные неприятности. Мне важно узнать, почему она посчитала необходимым передать эту книгу мне, хотя она нужна была ей самой. И к тому же она злилась на меня.

Викрам потянулся и встал на ноги.

— Может, она боялась, что ее застигнут с этой книгой. Ваши цензоры знают только один способ, как поступить с неугодной книгой.

Алиф отрицательно замотал головой:

— Цензорам наплевать на всякую фантастику и сказки, тем более древние. Они все равно ничего в них не понимают. Они считают, что это детское чтиво. Они бы, наверное, все умерли от

удивления, если бы узнали, о чем на самом деле написаны «Хроники Нарнии».

— А ты читаешь много таких книг, маленький брат?

— Я ничего кроме них вообще не читаю.

— И ты их понимаешь?

Алиф бросил на Викрама резкий взгляд. Нижняя часть его туловища больше не казалась ему такой устрашающей, просто слияние звериного и человеческого, что-то знакомое, наверное, из другой жизни, память предков.

— Вы что же, сговорились с Диной, — начал он, — и решили вместе убедить меня в том, что я либо дурак, либо конченый атеист?

— Может, ты как раз и то и другое, вместе взятое, а вот девушка — нет. Она увидела меня сегодня, когда вы прогуливались по улице возле моей палатки. Я пытался проследить за вами. Большинство из Адамова племени, если ты помнишь, не могут видеть нас, если мы только сами не дадим им разрешения на это. И этот занавес слишком толстый. Например, когда ты идешь по Пустому Кварталу, тебе кажется, что там одна только пустыня — и все.

— Потому что Пустой Квартал и есть самая настоящая пустыня, — подтвердил Алиф.

— Да, это пустыня, но не только, это мир, повернутый вбок, так сказать, страна джиннов.

— Это только миф. — Алифа уже брали сомнения, насколько это было мудро с его стороны сидеть вот тут и проводить ночь в компании такой личности.

— Миф, миф… — передразнил его Викрам. — А кто ты такой, чтобы высказывать свое суждение? Ты сам вообще был в Пустом Квартале?

— Конечно, нет. Никто просто так туда не пойдет. Там нет ни воды, ни тени. Даже бедуинам там нечего делать.

— Вот именно. Если ты там никогда не был, то и не надо говорить, будто там нет джиннов, потому что ты их там не встречал. Ты просто не мог их встретить, потому что сам туда не ходил.

— Ну хорошо, здесь ты, наверное, прав.

— Разумеется, — довольно констатировал Викрам, словно не обращая внимания на настроение Алифа. — Были времена, когда земля кишела всякими пророками, которые запросто могли видеть нас, но эта эпоха давно прошла. Теперь все по-другому. Теперь вас интересует занавес между человеком и протоном, нежели тот, что разделяет человека и джинна.

— Ну, допустим, — пробормотал Алиф, чувствуя себя крайне

некомфортно.

— Ты только говоришь так, но твое мнение может резко измениться, когда ты обнаружишь, что все пути к познанию заканчиваются в одном и том же месте.

— Меня не интересуют твои загадочные фразы. Я хочу услышать ясный и вразумительный ответ.

Викрам затявкал, и Алиф подумал, что это, наверное, такая форма смеха. Потом хозяин палатки вышел на улицу, и вскоре юноша услышал его голос.

— Вот именно, что ж, он обладает некоторой твердостью характера, — сказал Викрам, удаляясь в темноту. — Недостаточной, конечно, но все же.

Алиф слышал, как его шаги затихают вдали.

— Ну? — вдруг донесся его голос вместе с порывом легкого ветерка. — Ты идешь со мной или нет?

* * *

Алифу пришлось перейти на легкий бег, чтобы не отставать от Викрама, который передвигался со значительной скоростью по сравнению с обычными людьми.

— Мне не хотелось бы оставлять Дину одну, — признался он, как только поравнялся с Викрамом.

— Девушка там в полной безопасности. Азалель присмотрит за ней, она бродит где-то тут неподалеку, просто, сам понимаешь, ночью она предпочитает общаться со зверьем.

Алиф испытал жгучее желание в тот же момент поменять тему разговора.

— А вот насчет этих параллельных знаний, что ты имел в виду?

— Я хотел сказать, что мой народ старше, чем твой. Мы по-разному воспринимаем мир, и мы обитаем в нем под другим углом. Мы помним давние времена, когда тут существовали только мы и ангелы, а твое племя еще не вылепили из земли и крови. Поэтому мы и рассказываем истории по-разному. Да, внешне они могут показаться одинаковыми, но при этом имеют скрытый смысл. Это точно так же, как и мы сами скрыты от людей.

Алиф почувствовал, что его интерес начинает понемногу увядать. Это было похоже на то, как если бы он слушал разглагольствования сумасшедшего на рынке. В таких случаях надо притвориться, что тебе это очень интересно, и постараться побыстрее смотаться куда-нибудь подальше.

— Но какое все это имеет отношение к «Альф Яум»? — спросил он.

Викрам вздохнул.

— Ваше племя не должно было вообще никогда читать «Альф Яум», — ответил он. — У вас есть свои истории и свои знания. Вы видимы, мы спрятаны. И так предписал Бог еще до того, как он завел часы этой странной вселенной. Но вы, человеки, постоянно влезаете во всякие тонкие и недоступные для вас вещи и пытаетесь перейти все мыслимые и немыслимые границы. И вот как-то раз случилось так, что некий бессовестный представитель моего племени позволил одному вашему представителю записать с его слов «Альф Яум». Возможно, это произошло под нажимом и по принуждению или он хотел сделать широкий благородный жест, — в общем, ты можешь верить в любую из этих версий, какая тебе больше понравится. С тех пор в видимом мире появилось несколько экземпляров этой книги. Они появлялись то тут, то там, но постепенно терялись и исчезали, поскольку многие, как и ты, воспринимали эту рукопись просто как сборник сказок. И все же несколько экземпляров осталось. Один из них — это как раз и есть твоя книга.

Алиф на секунду задумался. Где-то вдалеке уныло прочирикала ночная птица со своей ветки в зарослях гибискуса. Они забрели в самую старую часть базара. Здесь царила тишина, только изредка до них доносились одинокие крики животных, потревоженных во сне.

— Значит, это истории не просто истории, как ты говоришь. На самом деле это замаскированные под рассказы тайные знания.

— Ну, это можно сказать обо всех историях, мой маленький брат.

— И все же, откуда ты так много знаешь про эту книгу? — поинтересовался Алиф. Его мучили сомнения, уж не ведет ли Викрам с ним какую-то свою хитроумную игру. — Откуда тебе знать, что думали те люди тогда.

У Викрама в темноте блеснули зубы:

— Я всегда обращал на это внимание.

По молчаливому согласию они начали путь назад к палатке. Алиф думал о принцессе Фарухуаз в Кашмире, который он никогда не видел. Королевство изобиловало слонами с паланкинами и мужчинами, облаченными в парчовые курты, такие, какие можно увидеть на старинных картинах в музеях. Ему почему-то подумалось, что ведь были времена, когда и брак его родителей мог бы считаться вполне естественным и приемлемым, и тогда над ним самим бы не висело проклятие язычества.

— Но ты мне не веришь, — заметил Викрам.

— В каком смысле? — встрепенулся Алиф и покраснел.

— Ты считаешь, что я самый обыкновенный человек, только немного сумасшедший. Ну что ж, так мне и надо за то, что я слишком долго проболтался на границе с видимым миром. Теперь вероятность того, что меня увидят, стала для меня реальной опасностью.

— Я не думаю, что ты обыкновенный, — сказал Алиф и нервно рассмеялся. Дальше он не знал, что надо говорить в подобных случаях. Его конечности словно налились свинцом, и он перестал ориентироваться в пространстве. Теперь его собственная комната с компьютером и кроватью, казалось, переместились куда-то очень далеко, в другой мир.

Когда Алиф и Викрам подошли к палатке, по ее стене проскользнула тень Азалель. Алиф застыл на месте, ему не хотелось встречаться с ней, по крайней мере в присутствии ее брата. Викрам прошел внутрь мимо него. Он сказал несколько слов Азалель на их языке, и она ответила ему что-то такое, отчего Викрам захихикал. Алиф с облегчением увидел, как тень Азалель выскользнула из палатки и исчезла в темноте. Только тогда он пролез внутрь. Викрам сидел на полу, скрестив ноги, и пятерней расчесывал свои длинные волосы.

— Застенчивый, как молодой монах! — высказался он, увидев входящего Алифа.

— Где мой рюкзак? — спросил Алиф, не обращая внимания на его замечание.

Викрам тут же каким-то непостижимым образом достал его из-за пазухи, где тот никак не мог поместиться, и бросил на пол. Алиф нагнулся и расстегнул молнию. Нетбук, бумажник и смартфон остались нетронутыми. А вот носки, которые положила ему Дина, оказались развернутыми, и в пакете с финиками явно кто-то пошуровал и изрядно подкрепился. Алиф состроил недовольную гримасу.

Он достал нетбук, включил его и через двадцать минут подключился к вай-фай какого-то предпринимателя в Новом Квартале. Другие серые шляпы, которые делили то же самое облако и оказавшиеся в режиме онлайн, запаниковали: где ты был последние два дня? Каждый получил вирус в виде какой-то немыслимой программы, отслеживающей регистрацию нажатия клавиш, с которой никто из них раньше знаком не был. Не знает ли случайно Алиф, что все это может означать?

Алиф почувствовал, как у него на лбу выступили капли пота.

— Проклятие, — пробормотал он.

— Гм? — хмыкнул Викрам, приподняв одну бровь.

— Он обнаружил Тин Сари, — пояснил Алиф. В висках у него

застучало. — Разумеется, он снял ее с компа Интисар, как Абдулла и предвидел. Теперь он пытается разобраться в том, что это такое и как это можно использовать. Конечно, сейчас программа для него — просто путаница какая-то и полная неразбериха, но все может измениться в любой момент.

Викрам выхватил нетбук из рук Алифа.

— Пластик и электричество, — презрительно выговорил он. — Таким образом вы, люди, считаете, будто вы способны приблизиться к небесам. Но если вы вскарабкаетесь слишком далеко, маленький брат, ангелы непременно спросят вас, куда это вы собрались.

— Отдай мне его, — попросил Алиф и попытался сам забрать свой аппарат, но Викрам только поддразнивал его, держа нетбук двумя пальцами.

— Какие слабенькие эти руки из плоти. А ты вообще умеешь ими хоть что-то делать или только нажимать на клавиши и удовлетворять самого себя?

— Пошел к черту! — Алиф дернулся и отобрал свой нетбук у Викрама. Потом он повернулся к нему спиной и снова сгорбился над клавиатурой.

— А сейчас ты что делаешь?

— Открываю работу Интисар. Я запустил копию в облако. Может быть, мне удастся узнать, зачем ей понадобилось отдавать мне эту книгу и что она от меня ждет в связи с этим.

Алиф вывел документ на экран. Он был написан на арабском и состоял из пятидесяти страниц. Называлась ее работа «Трактат о мусульманской литературе в ее раннем периоде». Алиф попытался поиском найти слово «Альф Яум» и нашел его уже на последних страницах. Нахмурившись, он начал читать.

> Занятно само предположение о том, будто «Альф Яум» был продиктован джинном. В Коране есть довольно откровенные упоминания о скрытом племени, однако образованные верующие люди вряд ли станут верить в это, даже те, кто принимает наиболее непонятные и обтекаемые фразы в законе ислама. То, что Бог предписал вору расплачиваться за свое преступление рукой, что женщина наследует только половину того, что наследует мужчина, — все это считается не только просто фактами, а фактами очевидными. Но существование разумных существ, которых мы не видим, и всего того, что предполагает их существование, — все это создает дискомфорт среди той части мусульман, которые готовы сыграть свою роль в том, что

представители Запада в настоящее время называют религиозным «ренессансом». Это в основном молодые ученые традиционалисты. И все же какой ненадежной кажется традиция, если священные слова можно трактовать и интерпретировать, и одновременно с этим не до конца доверять слову Бога, когда он говорит о тех, кого создал сам.

Я не знаю, во что я сама верю.

Алиф перестал что-либо понимать. Ему стало и больно, и обидно. Почему она сама никогда не разговаривала с ним на эту тему? Почему не раскрыла ему свой духовный кризис? Ясно было одно: «Альф Яум» глубоко затронул ее, но она молчала. И если были какие-то намеки или подсказки с ее стороны, Алиф их попросту не заметил.

Последние несколько страниц занимали какие-то отдельные мысли Интисар, разрозненные аргументы, которые она так и не выстроила пока в логическую систему. Казалось, они вообще не имеют отношения к ее работе. Это были какие-то отрывочные мысли, а закончились они серией псевдоматематических логических упражнений, одно из которых, написанное по-английски, Алиф узнал.

БОГ = Бог, Одолевающий Гада. БОГ = Бог, Одолевающий Гада, Одолевающего Гада.

БОГ = БОГ, Одолевающий Гада, Одолевающего Гада, Одолевающего Гада.

— Хофштадтер, — пробормотал Алиф.

— Что там еще? — в неясном свете в палатке Викрам сам как будто сливался с тенью. Алиф уже успел забыть о его присутствии.

— Дуглас Хофштадтер, — повторил юноша. — Интисар использовала один из его алгоритмов в своей работе. Бог равняется Богу, одолевающему Гада, то есть стоит над ним. Это некая математическая модель, в которой Бог сидит на нескончаемом столпе из гада, который передает наши вопросы вверх и вверх, а ответы вниз и вниз. Это такая шутка, а может, все это и всерьез, получается, что Бог никогда не может быть полностью расширен до некоего предела. — Алиф почесал затылок и нахмурился. — Кажется, я ей сам давал эту книгу.

Викрам промолчал. Алиф посмотрел на него и понял, что ему становится трудно сфокусировать зрение. Когда он попытался сосредоточиться на лице Викрама, оно начинало дрожать и расплываться, как будто все это происходило в каком-то полусне,

вернее, между сном и состоянием бодрствования. На какую-то долю секунды Алиф даже подумал, что он разговаривает сам с собой.

— Ты можешь этого не делать? — попросил он, закрывая глаза. — Ну, то, чем ты сейчас занимаешься. Мне все это как-то дико.

— А это не я делаю, а ты сам, — раздался голос Викрама. — Ты утомился. У тебя мозги устали от того, что ты провел много времени с тем, кого, как тебя учили, ты вообще не должен видеть.

Алиф и в самом деле чувствовал себя уставшим. Он закрыл нетбук и лег на бок, прикрыв глаза рукой. Последнее, что он слышал, был отчаянный вздох. Потом одеяло само собой накрыло его. Испытав значительное облегчение, Алиф еще немного поерзал под ним, устраиваясь поудобней, и в следующее мгновение заснул.

Он спал. И во сне ему почудился запах свежести. Как будто пахло от голубой свежей воды, хрустальной и чистой. Она плескалась, а рядом кто-то тихонько дышал, наслаждаясь ею. Алиф открыл глаза. В щели под палаткой он разглядел две пары ног: одна пара красно-коричневая, как у фараонов, другая — цвета меда, с целым рядом серебряных браслетов. Рядом с ними по земле струились ручейки воды. Он понял, что женщины умываются. Потом снова послышался плеск воды, и кто-то воскликнул:

— Холодно!

Голос принадлежал Дине. Алиф сел и принялся наклонять голову во все стороны, чтобы размять мышцы шеи, затекшие от долгого лежания на земле. Азалель ворковала над Диной, она что-то ласково и нежно, как домашняя кошка, объясняла ей, и эти звуки, похожие на урчание, вдруг стали выстраиваться у него в голове в какие-то отрывочные слова и даже словосочетания некоего давно забытого языка. Она называла Дину своим драгоценным ребенком, своей темноногой девочкой, которая вот как выросла, которую она впервые увидела играющей в жасминовых кустах ее сада. Алиф не мог сообразить, каким образом он разбирает ее слова, но потом вдруг вспомнил, что хорошо понимал он ее в тот раз, когда она явилась к нему во сне.

Эта материнская ласка в ее словах почему-то возбудила его. Ему стало стыдно за эти спазмы жгучего желания, и Алиф отвернулся. Но он был голоден. Он порылся в рюкзаке, отыскал пару чистых носков и вынул их, прихватив пакет с остатками фиников. Он съел столько липких фруктов, сколько смог, и, раскрыв «Альф Яум», углубился в чтение. Юноша понимал, что пока женщины умываются, с его стороны было бы нетактично

выходить из палатки наружу. Он сразу же отыскал то место с липкой желтой бумажкой Интисар, где остановился в прошлый раз.

Принцесса Фарухуаз устроилась в беседке с фруктами и деликатесами. Сюда же ей принесли розовую воду, чтобы умываться во время жаркого дня, и она приготовилась слушать все то, что намеревалась поведать ей кормилица. Она понимал, что ее отец, добрый, но твердый человек, направил ее с тем, чтобы кормилица напичкала ее всевозможными рассказами и настроила на брак. Но сон об олене и лани и все то, что это обозначало, еще не стерлось из ее памяти. Вот почему она тоже решила проявить твердость и не поддаваться на уговоры своей кормилицы, что бы та ей ни рассказала.

«Я готова, давай начинать», — широко зевнув, произнесла принцесса, как только кормилица вошла в беседку.

«К чему же ты готова?» — невинным голосом поинтересовалась женщина.

«К твоим историям. Ты же должна убедить меня в том, что мне все же следует выйти замуж за одного из принцев, которых одобрит мой отец. Но у тебя ничего не получится. У меня было видение, и теперь я знаю истинную природу мужчин, а потому никогда не соглашусь выйти замуж».

«Это — как ты хочешь, — спокойно парировала кормилица. — Мои рассказы — это всего лишь рассказы, а не кнуты, которыми я хочу погонять тебя и при этом еще указывать направление».

«Ну, как скажешь», — равнодушно ответила Фарухуаз.

«Именно так, — подтвердила кормилица. — Начнем?»

Харун и мудрый судья из Абузилзилы

Давным-давно на арабской земле, которая называлась Аль Гарб, существовал город Абузилзила. Назывался он так из-за частых землетрясений, которые были вызваны частым перемещением джиннов в той области. Абузилзила расположился в горной местности, где было множество пещер. В одной из таких пещер жил весьма уважаемый хаким, или судья. Он происходил из

тех джиннов, советы которых очень высоко ценятся, и поэтому к нему часто приходили и люди, и его же соплеменники.

В Абузилзиле также жил один очень неудачливый земледелец по имени Харун. Харун не отличался большим умом и часто становился жертвой проделок и всевозможных выходок своих соседей, как людей, так и джиннов. Люди прятали его обувь и путали узлами белье, джинны сводили его скот с ума так, что его домашние животные начинали совокупляться с животными не своего вида. Но как-то раз они зашли чересчур далеко, и Харун, проснувшись, увидел, что весь его свежий урожай репы куда-то исчез. А так как от этого зависело его пропитание, он рассердился и решил принять серьезные меры. Нагрузив своего мула поклажей и едой, чтобы ему хватило на сутки путешествия, он отправился в дальний путь. Харун поехал в горы к той самой пещере, где жил мудрый судья. У входа в пещеру он остановился, спешился и, сняв шляпу, вежливо обратился к хозяину:

— О мудрый судья! Я явился к тебе из деревни, что стоит внизу, чтобы рассказать об ужасном случае, и скромно прошу тебя рассудить меня.

— Я слышу тебя и сочувствую тебе, — раздался голос из пещеры. — Так продолжай же!

Харун рассказал ему о проделках своих соседей и поведал о том, что они дошли до того, что своровали весь его новый урожай репы.

— Это действительно очень серьезный проступок, — донесся голос из пещеры. В этот момент Харуну почудилось, будто он увидел, как в пещере блеснули два желтых глаза. — Что ж, я с радостью помогу тебе, для меня это сущий пустяк. Скажи своим соседям, чтобы завтра вечером они все пришли сюда, к моей пещере. А если кто-то откажется, мудрый судья сделает так, что тот обязательно будет доставлен сюда, но это будет для него уже не так приятно.

Харун сердечно поблагодарил мудрого судью и поспешил к себе домой. Он стучался в каждый дом в своей деревне и доносил до хозяев слова судьи. При этом он даже не побеспокоился о том, чтобы скрыть свою самодовольную ухмылку или злорадные нотки в голосе, в особенности если видел испуг на лицах соседей.

Опасаясь, как бы угрозы судьи не стали реальностью,

соседи Харуна, как люди, так и джинны, проявив удивительное проворство, предстали перед пещерой следующим же вечером. Прибыл сюда и Харун. Ему самому хотелось посмотреть, что же придумал мудрый судья.

Наступила темнота. И великое существо показалось из пещеры — одна его часть утопала в тени, другая была человечьей, третья — звериной.

— Вот что вам сейчас нужно сделать, — сказало чудище. — Все вы проведете эту ночь в моей пещере. В центре ее я поставил медный сосуд, куда поместил страшного демона, видящего в темноте. Он умеет читать мысли людей и джиннов и поставит метку на спине вора. А наутро мы все узнаем, кто украл урожай репы у Харуна. Мы же с Харуном останемся здесь, у выхода из пещеры, чтобы быть уверенными в том, что никто из вас не захочет покинуть ее без разрешения.

Соседи сделали все так, как им было сказано, хотя все они дрожали от страха, заходя в пещеру. Их пугала сама мысль о том, что в большом медном сосуде, стоящем в ее центре, сидит злой демон. Харун устроился на ночь рядом со своим мулом и время от времени бросал опасливые взгляды на мудрого судью. А тот стоял прямо и спокойно и, казалось, так и не заснул ни на секунду за всю ночь.

Утром судья вывел соседей Харуна из пещеры. Один мужчина, мясник, который жил на одной улице с Харуном, шел позади всех остальных и был весьма взволнован. Как только он вышел из пещеры, он сразу бросился в ноги мудрому судье — вернее, тому, что у него считалось ногами, — и разрыдался, обливаясь слезами. На его спине все увидели большое черное пятно.

— Прости меня, о мудрый судья, и прости меня ты, брат Харун, — молил он. — Это я украл репу. Но это была лишь шутка. Я собирался все отдать. То есть я собирался ее продать на рынке, чтобы расплатиться с долгами, потому что я проигрался, но я обязательно заплачу тебе за весь урожай.

— Ну как, Харун? — обратился к земледельцу судья. — Что ты будешь еще требовать у него и какого наказания просишь?

— Пусть отдаст мне деньги, которые получил за продажу репы. Мне хватит и этого, — сказал Харун и тут

же отругал себя за милосердие, жалея, что не попросил больше.

— Очень хорошо. — Судья повернулся к мяснику. — Ты отдашь всю нечестно полученную выручку и будешь благодарить Создателя за то, что я не отнял у тебя еще и руку, как того требует закон.

Мясник начал бессвязно бормотать какие-то слова благодарности и дал обет никогда больше не обижать Харуна. После этого он с другими селянами вернулся в деревню, потрясенный увиденным.

— Значит, секретом твоей мудрости всегда был этот демон, умеющий читать мысли других? — спросил Харун после того, как его соседи скрылись из виду. — Какая удача — владеть таким волшебным медным сосудом!

— Никакого волшебства тут нет, — сказал судья и как-то по-особенному хрюкнул, что должно было означать, что сейчас он забавляется. — Это самый обычный сосуд для воды. Я перемазал стены пещеры сажей. Все невиновные спокойно спали всю ночь, а вор сидел, прижавшись к стене спиной, чтобы демон не мог пометить его.

— Потрясающе, — удивился Харун.

— Джинн ты или человек, на помощь не стоит привлекать ничего более сокровенного, чем собственный ум, — сказал судья. — Помни об этом, Харун, и лучше следи за своими урожаями.

Харун вернулся в деревню довольный. С тех пор он всячески хвалил и превозносил мудрого судью перед тем, кто соглашался его выслушать, но секрета мудреца никому не выдал.

«Вот почему, — подытожила кормилица, — никогда нельзя доверять своим собственным соседям, а если ты увидишь медный сосуд, сразу читай заклинания против дурного глаза».

Принцесса Фарухуаз удивленно приподняла брови.

«Ты все поняла неправильно, кормилица, — возразила она. — Мораль этой истории заключается в том, что виновный всегда сам выдаст себя, а ум всегда стоит выше предрассудков. Совершенно ясно, что ты хотела сказать мне, чтобы я не верила своим снам, а лучше бы прислушивалась к здравому смыслу».

«Возможно, ты права, — согласилась кормилица. — Но история — это только история, и каждый волен выбирать из нее то главное, что он счел нужным. И

здравый смысл тут ни при чем».

* * *

— Какая фигня! — пробормотал Алиф, громко захлопывая книгу. Непрекращающийся запах канифоли со струйкой воздуха попал ему в нос. Алиф почувствовал, как лицо его залила краска, и он рванулся к своему смартфону.

Он сразу же выключил его и снял защитную крышку, обнажив аккумулятор и сим-карту. Он ловко поддел ее ногтем большого пальца и, как только она очутилась у него на ладони, принялся гнуть ее пополам в обе стороны, пока она не сломалась. Потом он рванулся к своему рюкзаку и из бокового карманчика достал коробочку из-под зубных нитей, где хранил целый арсенал запасных сим-карт.

— Доброе утро, — поздоровалась Дина, заходя в палатку.

— Розового утра, — машинально ответил он, как это принято у египтян, потому что за годы жизни рядом с ней привык к ее выражениям. — Дай мне свой телефон, я поменяю тебе сим-карту. Так будет лучше, поскольку нас, как я понял, выслеживают.

Она передала ему свой мобильный телефон, и он невольно поднял на нее глаза. Дина была одета в синий ситцевый халат, расшитый желтыми и красными геометрическими фигурами. Вместо обычного никаба она надела черный легкий шарф, ловко обмотав его вокруг головы и лица. Глаза у нее были аккуратно подведены тенями.

— Ты выглядишь… — Алиф пытался подыскать такое слово, которое сейчас не показалось бы насмешливым.

— Как кинозвезда, вышедшая на прогулку? Я знаю. Я чувствую себя как-то глупо. — Дина присела, поглаживая больную руку. — Это все, что у нее было, а я в своей абае уже два дня подряд ходила. К тому же там рукав запачкан кровью. Кстати, она предложила мне постирать ее. Твою одежду она тоже постирает, если ты согласишься надеть что-нибудь из вещей ее брата.

— Не соглашусь, — отозвался Алиф и заерзал на месте, чувствуя себя как-то неуютно. — Я буду носить то, что у меня есть.

Он склонился над телефонами. У Дины была более старая модель без сенсорного экрана, в розовом девчачьем футляре. Он установил новые сим-карты на оба телефона.

— Набирать будешь сначала семь восьмерок, — выдал он инструкцию. — Услышишь сигнал, набирай тот номер, который

потом и будет твоим, выбери что-нибудь запоминающееся. Потом нажимаешь вот сюда, и отбой.

Дина выдохнула, издав при этом такой звук, словно она не поверила собственным ушам.

— Но как ты умудряешься все это проделывать? Это же просто безумие какое-то!

— Это вообще не мое, — отмахнулся Алиф. — Я с телефонами не работаю. Просто я знаю людей, которые умеют с ними обращаться.

Он украдкой еще раз взглянул на нее и закрыл свой смартфон. Дина уже снова казалась совершенно спокойной и невозмутимой в своем новом наряде, как будто родилась в такой одежде и давно привыкла к ней. Только ее рука, которую она бережно прижимала к груди и продолжала поглаживать, свидетельствовала о том, что девушке недавно пришлось пережить шок.

— Как ты? — спросил Алиф, кивая на ее руку.

— Слава Богу, — отозвалась девушка. В ее голосе прозвучало зарождающееся отчаяние. Этого Алифу было достаточно, чтобы у него включился инстинкт защитника. Он заставил ее присесть, а сам стал суетиться рядом с одеялом, под которым спал сам, не зная, как и куда его пристроить, пока Дина не отогнала его своей здоровой рукой.

— Мне больно, — призналась она, — но я не стала калекой. А ты заставляешь меня чувствовать себя старенькой бабушкой.

— Но в тебя же стреляли! Боже! Тебе надо отдохнуть. Я…

Он замолчал, потому что в эту минуту в палатку вошла Азалель с медным подносом, на котором стояли чашки, чайник и баночки с мятным йогуртом. Ее лицо скрывал никаб кремового цвета, который удерживался на голове с помощью изысканного обруча-цепочки из какого-то темного металла. Она была одета в халат желто-оранжевого оттенка, который, однако, ничуть не скрывал изящные изгибы ее тела. Не в силах вымолвить ни слова, Алиф отшатнулся от нее, не обращая внимания на удивленный взгляд Дины. Но Азалель, казалось, его смущение даже забавляло. Она повернулась и вышла из палатки, но перед этим оглянулась через плечо, одарив Алифа таким взглядом, что у него тут же сладко заныло в паху. Он немедленно сел на землю.

— Хочешь чаю? — поинтересовалась Дина и протянула левую руку к чайнику на подносе. Алиф мысленно уже боготворил ее способность свободно действовать в любой обстановке.

— Я сам все сделаю, — поспешно отозвался он. — А ты не суетись, отдыхай.

Он налил две чашки чаю и поставил перед девушкой баночку

с йогуртом. Они завтракали молча, время от времени шумно прихлебывая чай и всматриваясь куда-то в неведомое пространство. Алиф понимал, что ему пора браться за дело самому и объявить о своем плане, а не рассчитывать на затянувшееся гостеприимство вампира Викрама. Он про себя уже ругал Абдуллу и его сумасшедшие идеи. Было совершенно ясно, что, избавившись от одной неприятности, они успели навлечь на себя следующую. Что касается Азалель… Алиф всякий раз пытался выгнать из головы даже саму мысль о ней.

— Отлично, оно проснулось. — Перед ними возник Викрам в обрамлении солнечного света. Он тут же шагнул внутрь палатки и поинтересовался: — Как спалось? Как рука у маленькой сестры?

— С рукой все в порядке, — ледяным голосом объявила Дина.

Викрам присел рядом с Алифом и сам себе налил чаю.

— Вот что теперь нам надо предпринять, — начал он. — Мы должны отнести твой экземпляр «Альф Яум» одной моей знакомой белой женщине и посмотреть, что она нам про него сможет рассказать. Таких книг осталось немного, и то, где и каким образом твоя женщина раздобыла ее, может быть, подскажет нам, зачем она передала ее тебе. Кроме того, нам нужно стряхнуть все хвосты, которые вы уже успели насобирать. Кстати, один из них уже ошивается на перекрестке и ждет не дождется, когда же вы появитесь. А после этого мы подумаем о том, как можно безопасно вывести тебя и маленькую сестру из Города.

— Погоди-ка, погоди минуточку. — Алиф почувствовал, как запылали у него щеки. — Я ничего такого не ожидал услышать. Что еще за белая женщина?

— Американка.

— Нет. Ни за что. Я не хочу впутывать иностранцев в свои дела. Джинны — это одно дело, но когда речь заходит об американцах, тут я говорю: нет.

— Иностранцы, — презрительно фыркнул Викрам. — Да вы сами-то не очень здешние будете. Ты, как я понимаю, вообще несчастный ублюдок, жалкая помесь. Что же касается маленькой сестры, то, если не ошибаюсь, она из Египта.

— Все равно. Дело в том, что я принципиально не хочу ни разговаривать с твоей знакомой, ни покидать Город, пока я не буду уверен в том, что Интисар ничто не угрожает.

— А я вообще не хочу никуда уезжать из Города, — поддержала его Дина и сжала в кулак свою больную руку. — И вообще, все это зашло уже слишком далеко.

— Ну, как скажете. Только не пройдет и недели, как вы оба окажетесь в государственной тюрьме для политических

преступников. А это будет очень неприятно, в особенности для маленькой сестры. — И Викрам вопросительно приподнял одну бровь. — Вот тогда она пожалеет, что не отдалась мне. Я по крайней мере обошелся бы с ней очень ласково.

Дина чуть не задохнулась от возмущения.

— Что на тебя нашло? — рявкнул Алиф. — Не смей так разговаривать при ней!

Викрам рассмеялся и поднялся на ноги.

— Вы посмотрите, какой вспыльчивый у нас этот маленький монах! А я ведь только правду сказал. — Он вышел из палатки на солнце, которое продолжало раскалять воздух. — Собирайте свои пожитки, ребята, мы уходим.

Алиф выругался в сторону выхода. Дина сидела молча, подтянув колени к подбородку и опустив глаза.

— Прости, — извинился Алиф, нервно сжимая и разжимая ладони. — Мы уйдем отсюда. Это была ошибка. Он не… он не…

— Нет. — Дина пристально смотрела на юношу. — Мы должны сделать все так, как говорит он. Сейчас уже поздно менять планы.

Алиф рывком перекинул рюкзак через плечо.

— У меня создается такое впечатление, что ситуация начинает выходить из-под контроля.

— Мы живем в городе, которым управляет эмир из семейства, известного своими межродственными браками и кровосмешением, в городе, где горстка цензоров может кого угодно упрятать в тюрьму за то, что человек просто что-то написал в Интернете и влюбился не в того, в кого надо. — Дина протянула руку, чтобы Алиф помог ей подняться на ноги. — Ситуация вышла из-под контроля давным-давно.

Алиф помог ей встать и еще пару секунд не отпускал руки, выжидая, когда она будет устойчиво стоять на ногах.

— Для тебя как-то непривычно произносить такие философские вещи, — заметил он.

— Откуда тебе это известно? — И Дина склонила голову набок.

Снаружи палатки раздался такой яростный рык, означавший нетерпение, что молодые люди невольно вздрогнули. Алиф мигом выскочил на улицу, ругая себя за то, что не смог продемонстрировать Викраму чуть больше сопротивления и выдержки. Через несколько секунд за ним вышла и Дина.

— Ты, впрочем, можешь пока остаться, — предложил Викрам. — У тебя еще не совсем зажила рука, а нам предстоит долгий путь.

— Я не останусь, — уверенно произнесла Дина, и было

видно, как она гордо вскинула вверх подбородок под черным шарфом.

— Очень хорошо. — И Викрам зашагал вперед по улице, быстро и беззвучно передвигая свои босые ноги. — Не отставайте от меня. Сейчас я немного пошучу с нашим шпионом, который караулит вас вон там впереди.

Алиф выглянул из-за плеча Викрама: в конце улицы стоял невысокий коренастый мужчина с длинными усами, в рубашке поло, которая от жары прилипала к его вспотевшему телу, и штанах, которые почти не скрывали кобуру, пристегнутую к его поясу. К своему ужасу, юноша заметил, как мужчина повернулся и зашагал навстречу им, крепко стиснув зубы, так, что губы его вытянулись в тонкую прямую линию.

— Викрам…

— Спокойно, спокойно.

Рука мужчины скользнула к выступу у него на поясе.

— Вы двое, — заговорил он. — Стойте на месте. Рюкзак на асфальт.

Алиф замер. Викрам в один прыжок очутился рядом с мужчиной, который, казалось, и не замечал его присутствия.

— Это не те человеки, которых ты ищешь, — ровным голосом произнес он.

Мужчина часто заморгал. Потом лицо его обмякло, как будто он вспомнил что-то особо приятное. Он улыбнулся.

— А теперь быстрей, ребята, — приказал Викрам и запрыгал вперед. — Этот фокус не долгоиграющий.

Ошеломленный Алиф тут же повиновался. Он услышал, как Дина прыснула, едва сдерживая смех. Когда они свернули за угол и пошли уже по шумной широкой улице базара, она начала хохотать открыто.

— Дина! — Алиф никогда не видел, чтобы девушка смеялась на людях. Более того — она всегда осуждала женщин, которые позволяли себе нечто в этом духе.

— Не могу… Не могу остановиться. — Она согнулась пополам, прижимая раненую руку к животу, заходясь от смеха. Викрам шел рядом, и по всему было видно, что он доволен собой. Потом он начал напевать рагу в соответствии с временем суток, смешивая мотив с какими-то звериными подвываниями, которых Алиф прежде не слышал. В конце концов у него получилась какая-то дикая неизвестная доныне смесь мелодий без формы, которая неслась вместе со странной троицей по улице вместе с клубами пыли, поднимаемой их ногами.

Глава седьмая

Они зашли далеко в районы Нового Квартала, когда Алиф наконец посчитал, что пора бы ему проявить свое беспокойство.

— Я не хочу видеть эту белую женщину, — заявил он, едва поспевая за Викрамом, который в этот момент прыжками преодолевал выход из какого-то стерильного здания, торгующего фастфудом навынос. — Неужели мы не можем сами разобраться с этой книгой? Мне показалось, что ты все про нее знаешь сам. Зачем нам надо втягивать в это дело еще и какую-то американку?

— Такой глупый парень, как ты, не должен очень много думать. Я знаю много про «Альф Яум», но практически ничего именно вот об этом экземпляре. Эта американка — ученый-специалист по книгам или что-то вроде того. И если ты серьезно намерился узнать, откуда она могла достать эту книгу и как она вообще появилась на свет, а не просто морочишь мне голову, эта женщина, возможно, поможет нам. Кстати, она тебе не понравится. Она носит совершенно жуткие халаты из полиэстера, как сельская домохозяйка, давно плюнувшая на себя. Эти западные сестры вообще не умеют одеваться. Для них все эти костюмы — просто экзотические наряды.

Алиф помрачнел и молча скрежетал зубами. Ему казалось, что стало слишком жарко для столь раннего часа. К тому же он успел устать от долгой и быстрой ходьбы.

— У этой новообращенной есть имя?

— Скорее всего. — Викрам остановился возле аккуратного свежевыкрашенного жилого комплекса с широкими стеклянными дверьми, у которых стоял побитого вида привратник в грязной чалме.

— Мы пришли, — объявил Викрам и лихо проскочил внутрь здания, пока привратник в чалме держал дверь для какой-то девушки в никабе, расшитом стразами. Алиф и Дина засеменили вслед за ним, съежившись под недоброжелательным взглядом привратника. Они очутились в прохладном, отделанном мрамором вестибюле, по обе стороны которого виднелись лифты. Жители дома арабы сновали туда-сюда и не обращали внимания на Алифа, отчего он почувствовал себя крайне неуютно. Ему показалось, что именно сегодня он выглядит особенно неумытым, неряшливым и слишком уж темнокожим. Несколько белых иностранных специалистов вообще не смотрели в его сторону, а просто стояли в холле и о чем-то разговаривали друг с другом, хотя и слишком уж громко, как показалось юноше.

Следуя за Викрамом, опустив глаза в пол, Алиф очень скоро

обнаружил, что они находятся в коридоре квартиры на десятом этаже. Правда, как именно это произошло, он сказать не мог. Викрам вошел в нее безо всякого ключа. Ошеломленный всем происшедшим, Алиф сразу уставился на одну-единственную знакомую деталь в богатой и хорошо обставленной квартире, а именно на ноутбук фирмы «Тошиба». Это была модель трехлетней давности, судя по внешнему виду компьютера. Алиф сразу определил, что его оперативная память никак не превышала двух гигов. На крышке была приклеена виниловая картинка — звезда и полумесяц. Это могла сделать только женщина с Запада.

Женщина-неофит, сидевшая за компьютером, судя по всему, нервничала. Она переводила взгляд с Викрама на Алифа и Дину и назад, оглядывая незваных гостей бледными бегающими глазами. На ее голове был надет, скорее шарф, чем никаб. Один локон светлых волос все же каким-то образом выбился из-под него и непослушным завитком трепетал на ее лбу.

И тут Викрам смутил ее еще больше. Как только они вошли в комнату, он тут же попросил ее руки и сердца.

— У тебя все может выйти еще хуже, — продолжал он через пару мгновений. — И скорее всего так оно и будет. Мне лучше знать, что обычно происходит с вами, иностранками. Ваши собственные мужчины забывают, как нужно вести себя с вами, и вы готовы упасть в объятия к первому же темнокожему мужчине, который сделает вам комплимент. А так как ты — новообращенная сестра, ему еще придется перед комплиментом сказать «во имя Бога», иначе ничего не получится.

— Как это грубо! — отреагировала женщина. Она говорила на арабском с сильным акцентом, и было видно, что устная речь дается ей с некоторыми затруднениями. Викрам только отмахнулся от ее замечания.

— Тебе все это самой нравится. Иначе ты никогда бы не разрешила мне завалиться к себе вот так, как, например, сегодня. — Он провел пальцем по ее ладони. Алиф был поражен. Новообращенная не стала отдергивать руку. Она даже не упрекнула Викрама за такое наглое поведение. — Я успел немного изучить тебя. Новообращенной прощаются все ее прежние грехи, но она сама их не забывает. Она все еще помнит ощущение близости мужчины.

— Ради Бога! — Дина гневно сверкнула глазами. — Жалкое смехотворное животное! Тебе негоже находиться среди людей!

Женщина выглядела так, словно ей было очень больно слышать все это, однако она промолчала. Она как будто испытывала некоторую неуверенность в том, как себя вести дальше, но отчего это происходило, Алиф понять не мог. От всего

этого ему самому становилось неуютно. Он уже закипал изнутри. Он понял, что готов защищать эту бедную женщину, до которой ему в общем-то не было никакого дела.

— Извинись, — обратился он к Викраму. — Ты очень виноват, и ты просишь ее простить тебя.

— Спасибо, — пробормотала новообращенная, не поднимая на Алифа глаз.

Викрам усмехнулся, откинулся на спинку обтянутого парчой псевдофранцузского кресла из гарнитура, которым была обставлена комната. Позади него в окне ощетинились металлом и стеклом современные здания, тянущиеся куда-то вдаль на запад к нефтяным полям.

— Я очень виноват и прошу тебя простить меня, — послушно повторил Викрам. — Но я говорил чистую правду.

Американка облокотилась о стол и принялась тереть виски, как это делают пожилые больные женщины.

— Зачем вы пришли? О чем хотели спросить меня? — монотонно произнесла она.

Викрам указал на рюкзак Алифа, который лежал на паркетном полу у ног своего владельца.

— Покажи ей, — попросил Викрам.

Алиф расстегнул молнию на рюкзаке и аккуратно достал книгу Интисар, стараясь не слишком сильно давить пальцами на переплет. Женщина-неофит выпрямилась на своем стуле.

— Что это?

— Это, — торжествующе произнес Викрам, — настоящий экземпляр «Альф Яум». Ну? Теперь ты меня простила?

— Простила? Да я тебе не верю.

Американка вышла из-за стола и, приблизившись к Алифу, присела на корточки, чтобы взять из его рук книгу. Она раскрыла ее у себя на коленях, проводя по строчкам своим тонким пальцем. Алиф обратил внимание на то, что ногти у нее были обгрызены до мяса.

— Бумага, — забормотала она. — Настоящая бумага, не пергамент. Переплетена вручную. Здесь применялся какой-то клей. Что за запах!

— Можно говорить на английском, если тебе так удобней, — предложил Алиф.

— Боже мой, неужели? — Американка с облегчением и благодарностью посмотрела на Алифа. — Потрясающе! Спасибо. Мой арабский… Я многое понимаю, но когда начинаю говорить сама, то чувствую себя настоящей идиоткой. — Она снова перевела взгляд на книгу. — Удивительно. Просто удивительно. Сшито шелковой нитью, вот, видите? Вот почему эта рукопись так

долго просуществовала. Мне кажется, что запах идет от канифоли, ее использовали также для сохранения книги на столетия. Но вот именно такой разновидности ее мне еще не доводилось встречать. — Она нагнулась над книгой. Она еще раз медленно провела пальцем по строчке справа налево, тщательно проговаривая каждое слово, как это делают только дети или старики.

— Так вы специалист по старинным книгам? — спросил Алиф. Он понимал, что его английский с акцентом одновременно и англо-индийским и арабским для посторонних казался странноватым. Он прекрасно читал и писал по-английски, но старался избегать устной речи и больше помалкивал при встрече с иностранцами. Дина наблюдала за всем происходящим молча. Она отказалась от английского языка несколько лет назад. В разговоре она то и дело применяла слова из урду, в особенности когда забывала английский эквивалент. Это происходило потому, что она жила в районе Бакара, куда большинство жителей приехали с субконтинента. Урду и английский язык, как она поясняла, для нее одинаково ассоциировались с иностранцами, а потому ей было трудно делать между ними различия.

— Пока еще не специалист, нет, — вздохнула новообращенная, прерывая тем самым размышления Алифа. — Но я изучаю историю и очень люблю книги. Я приехала сюда, чтобы получить степень доктора философии по архивному делу.

— Вы учитесь в университете Аль Башира?

— Да, по программе обмена студентами с американским университетом. — И она застенчиво улыбнулась. — Да-да, классический пример, можете ничего мне не говорить. Я приехала в новую страну, чтобы общаться с интересными людьми. Такими, как вы, например. — Она часто заморгала и нависла над книгой так, будто стремилась защитить ее своим телом. Алифу стало интересно, что она думает по поводу необычных колен Викрама. А тот спокойно продолжал сидеть в странной позе, на первый взгляд напоминающей полулотос, и на фоне вычурной обивки парчового кресла казался самым настоящим демоном.

— Она видит меня не совсем таким, какой я есть на самом деле, — пояснил Викрам. — Таковы капризы американцев. Что-то они видят, а что-то предпочитают пропускать мимо. Это, конечно, высокодуховные люди, но в глубине души они почему-то считают, что во всех невидимых есть что-то позорное. Ты бы чувствовал себя в их компании как в своей тарелке, брат.

Алиф вздрогнул. Как точно угадал Викрам его мысли! А может быть, это он сам так пристально смотрел на его ноги, что тут и догадаться было несложно.

— Это не честно, — заговорила по-английски американка. — Мы на самом деле не такие уж и плохие. — Она посмотрела на Алифа, словно искала поддержки в молодом человеке. — Он так говорит про меня, потому что один раз я хотела подвергнуть его психоанализу, чтобы написать статью. Меня так захватила идея написать про одного посредника, который занимается устройством сомнительных дел и при этом сам живет на рынке чуть ли не под открытым небом и считает, что он не кто иной, как вампир Викрам, что я сама выследила его. И вот теперь никак не могу от него отделаться.

Алиф поймал на себе взгляд Дины. Судя по всему, ей тоже становилось здесь дискомфортно.

— Так оно и есть. Я — вампир Викрам.

— Ну, в таком случае ты отлично сохранился. Тебе никак не дашь две тысячи лет, как герою санскритской легенды, — ядовито заметила американка.

— Так что насчет книги? — напомнила Дина цель их посещения. Женщина-неофит покраснела и быстро пролистала несколько страниц, мельком просматривая текст рукописи.

— Ну, если она настоящая… это будет невероятно! Общее мнение специалистов таково, что книгу «Тысяча и один день» сочинил один француз семнадцатого века. Звали его Делакруа. Он пытался сделать деньги, используя безумную популярность «Арабских ночей». И вот сам Людовик XIV — король-солнце — послал его изучать Восток. А уж если посылает сам король, его приказ необходимо выполнять. И вернуться нужно не с пустыми руками. И вот он привез домой целый сборник историй, которые, по его же словам, были ему надиктованы персидскими дервишами, а те, в свою очередь, якобы слышали их от джиннов. Ну, эта часть легенды, разумеется, чепуха. Но ученые решили, что он врал в принципе насчет своей рукописи и никогда не встречался с персидскими мистиками вообще.

— Ну, это ведь только мнение ученых, а не всеобщее мнение, — уточнил Викрам.

Американка недовольно поморщилась.

— Ты сказала, будто этот француз слышал истории от персидских дервишей, — заговорила Дина, — но наша книга написана на арабском.

— После завоеваний мусульман арабский язык стал считаться языком ученых во всей Персии, — пояснила американка. — И тот, кто их записывал, считал, что сохраняет для истории некие ученые знания, которые потом будут читать шейхи и другие достойные люди, а потому записывал все именно по-арабски.

— Кодировка данных, — пробормотал Алиф.

— Что ты сказал?

— Ничего особенного.

— Поэтому можно предположить одну вещь, — продолжала новообращенная, постукивая пальцем по книге, — а именно, что эта рукопись настоящая, а не перевод с французского, выполненный в восемнадцатом или даже девятнадцатом веке, или даже с английского. Так бывает иногда. Ну в общем, в одной стране придумывается что-то, но они при этом говорят, что сама вещь была найдена в другой стране, а жители этой страны уже начинают считать ее своей. В общем, в истории много таких примеров, и не все становится ясно с первого раза.

Алифу почему-то стало обидно.

— Интисар не сомневалась в том, что эта рукопись настоящая. Она верила в это.

— Кто такая Интисар?

— Девушка этого молодого человека, — пояснил Викрам. — Это она прислала ему рукопись.

Новообращенная пожала плечами:

— Но она могла ошибаться. Если эта рукопись подлинная, значит, это первый арабский экземпляр, всплывший на поверхность за сто лет изучения данной книги.

— Изучения западными специалистами, — уточнил Викрам.

— Простите, но разве существуют какие-то другие? То есть я хотела сказать вот что. Если не считать самого Города, весь арабский полуостров все время считался интеллектуальной черной дырой, с тех пор как жители Саудовской Аравии разграбили Мекку и Медину еще в 20-е годы. Палестина представляет собой развалины, куда уходят традиционно своими корнями все научные исследования. То же самое можно сказать про Бейрут и Багдад. Северная Африка до сих пор никак не оправится от своего колониального прошлого, все их университеты прибрали к рукам автократы или социалисты прозападного образца. Персия по уши завязла в революциях. И если кто-то с Востока решил заняться изучением «Альф Яум», то ваша девушка будет первой.

Это заявление было встречено полной тишиной. Дина беспокойно возилась со своей больной рукой и, казалось, не замечала никого вокруг. Алиф боролся с внутренней неприязнью к женщине, сидящей напротив него. Ее это, похоже, вовсе не трогало. Из окна подул легкий ветерок и расправил ее сиреневый шарфик, который теперь напоминал развевающееся знамя за ее головой.

«Фальшивый цвет такого же фальшивого флага», — подумал Алиф.

— Послушайте, я вовсе не собиралась портить вам всем настроение, — заявила американка и снова попыталась встретиться взглядом с Алифом. — Я только хотела сказать… ну, если книга настоящая, это просто удивительно. Вот и все. — И она гордо выпрямилась на своем стуле.

— Ты заставила меня почувствовать себя дураком в присутствии моих юных друзей, — заявил Викрам. Было в его голосе нечто такое, что встревожило Алифа, и он с беспокойством взглянул на мужчину. — Что ж, за это я тебя поблагодарить никак не могу.

— Ну простите меня! — И американка устало вытерла ладонью пот со лба. — Я никого не хотела разочаровывать. Ни в коем случае. Вы принесли мне книгу, а я высказала вам свое мнение о ней. Она выглядит так, будто ей никак не меньше полутораста лет. Это не современная подделка, нет. Но пока мы не можем доказать того, что она была написана раньше изданий Делакруа, а потому только имеем право присоединиться к общепринятому мнению на этот счет.

— А как можно точнее определить ее возраст? — спросил Алиф по-английски, тщательно выговаривая каждое слово.

Женщина-неофит вздохнула:

— Я могла бы взять бумагу на анализ в нашей архивной лаборатории, так сказать, взглянуть на нее в микроскоп. Дело в том, что производство бумаги со временем сильно менялось, и это могло бы нам здорово помочь. А уже потом я могла бы попытаться выяснить, каким образом эта книга попала в руки твоей знакомой.

— Жаль, что я не могу с ней поговорить, — пробормотал Алиф, обращаясь скорее к самому себе. — Тогда бы я ее спросил, зачем она переслала мне эту книгу и что вообще я должен с ней делать.

— А почему это стало невозможным?

Алиф уже начал подбирать слова для адекватного ответа, как вдруг его осенило.

— Это возможно! — воскликнул он. — Боже мой, это возможно! Голливуда больше нет. И теперь, если она захочет, то сможет написать мне. Я могу придумать новый адрес, подключиться к Интернету… Она должна поговорить со мной прямо сейчас. — Позабыв о своей неприязни к американке, он повернулся и обратился непосредственно к хозяйке дома: — Ты могла бы провести нас в компьютерную в Аль Башире?

— Да, конечно…

— Вряд ли из этого что-нибудь получится, — заявил Викрам. — В этот университет вхожа только верхушка общества.

Я, конечно, мог бы справиться с одним или двумя охранниками, но не с дюжинами и не в закрытом пространстве. И если у Алифа потребуют удостоверение личности при входе, это будет для него концом.

— Не надо туда соваться, — согласилась Дина.

— Вы кое-что не учли. — Американка загадочно улыбнулась и добавила: — У вас будет исключительное сопровождение: белая американка с синим паспортом. И никому в голову не придет спрашивать какое-то удостоверение личности. Более того, о твоем посещении университета вообще никто потом и не вспомнит.

* * *

Почти полчаса ушло на то, чтобы убедить Дину остаться на время в квартире новообращенной и хорошенько отдохнуть. Она никак не желала оставаться одна. Только после того, как Алиф пообещал ей звонить каждые полчаса, она уступила, выпила сразу две обезболивающие таблетки и прилегла на диванчик. Когда с ней было все устроено, Алиф и Викрам последовали за хозяйкой дома какими-то лабиринтами лестниц черного хода и вышли на задний двор. Алиф обратил внимание на то, что здесь за домом и улицей ухаживали куда лучше, чем в его родном районе Бакара. Мешки с мусором были аккуратно сложены в стороне в большие деревянные ящики, а улицу недавно ремонтировали и асфальтировали заново.

Американка уверенно повела их на одну из шумных улиц Нового Квартала. Алиф увидел здесь и «Макдоналдс», и известное в Америке кафе с круглым зеленым логотипом, напоминающим монету. Он казался особенно неуместным здесь, если учесть, как блистал вдали на возвышенности Старый Квартал. В воздухе пахло свежей типографской краской. Алиф искоса поглядел на Викрама, тот принял важный вид и ни на кого не обращал внимания. Сейчас он стал походить на самого обыкновенного человека, и Алиф забеспокоился. Теперь ему не хватало звериной, хищнической уверенности Викрама в самом себе. Она как бы поддерживала Алифа и служила лекарством от этой реальности с ее стерильными домами и улицами.

— Давайте наймем такси, — предложила американка.

— А как мы все втроем туда сядем? Разве нас посадят? По нашему внешнему виду нетрудно определить, что мы не родственники. — С этими словами Алиф многозначительно уставился на белое лицо американки.

— В Новом Квартале еще как посадят. Они привыкли к тому,

что здесь иностранцы чем только не занимаются, так что таксисты перестали чему-либо удивляться, — с этими словами новообращенная вышла на улицу в поток автомобилей, велосипедов и мопедов и решительно подняла руку. Тут же рядом с ней притормозило черно-белое такси.

— Садись вперед, Алиф, — пробурчал Викрам.

Алиф повиновался, морщась и забираясь на разогретое виниловое сиденье рядом с водителем, которым оказался индиец в высокой чалме, которая елозила по крыше автомобиля. Американка устроилась сзади и на вполне приличном пенджаби объяснила ему маршрут. Через несколько секунд они влились в сверкающий поток дневного транспорта.

— Погоди-ка… А где же Викрам? — испуганно произнесла женщина и всмотрелась в улицу через заднее стекло. Алиф снова испытал какое-то неприятное чувство, как и накануне. Его терзало ощущение забытого слова или невыполненного обязательства, но что это было конкретно — он никак не мог вспомнить. Мысли словно разбегались в разные стороны, но что-то очень важное при этом ускользало из памяти.

— Я думаю… Я думаю, он нас встретит прямо там, на месте, — уверенно произнес Алиф, сам не понимая при этом, откуда он это взял. Потом он потряс головой, чтобы избавиться от наваждения.

— Но он не знает, куда мы едем! Смешно даже, — заметила американка и, тихонько вздохнув, откинулась на подушки, которые приветственно простонали и приятно промялись под ее весом. Алиф только неопределенно пожал плечами.

— Викрам знает все.

— И ты ему веришь? То есть ты веришь, что он действительно тот, за кого пытается себя выдать? — В зеркальце заднего обзора Алиф увидел, как подозрительно прищурилась женщина.

— Я уже и сам не знаю, во что я верю.

— Ну, если ты сомневаешься, значит, допускаешь возможность того, что он и в самом деле является злым духом.

— Злым? — Алиф повернулся и удивленно взглянул на женщину. — Это ты так думаешь?

— Все ясно! Значит, ты действительно ему веришь. Я угадала?

Алиф скривился. У него в голове завертелись десятки завуалированных обидных слов. Но из всего разнообразия он почему-то выбрал самое жестокое.

— А почему именно *ты* стала мусульманкой? — При этом он нарочито долго тянул слово «ты», позабыв о том, что и сам в какой-то степени был иностранцем и вполне разделял ее

скептицизм.

Но американку такой вопрос, похоже, ничуть не удивил.

— Ислам показался мне системой для достижения социальной справедливости, — спокойно пояснила она. — Вот я и решила обратиться в новую веру.

— Значит, Бог тут ни при чем.

— Конечно, при чем, но только как…

— Как побочный эффект? Как нечто надуманное? Или он нужен для твоих исследований?

Американка внезапно дернулась, как будто ей влепили пощечину.

— Так нечестно, — тихо произнесла она. — В самом деле нечестно.

Алиф задумался. А что бы сказала Дина, если бы сейчас ехала вместе с ними в такси? Ему стало стыдно, да так, что он даже не осмелился извиняться. Он отвернулся к окошку, щеки у него пылали. Машина мчалась по каким-то безымянным улицам между Новым и Старым Кварталами. Где-то рядом находился и район Бакара. Если Алиф сейчас выпрыгнет на ближайшем перекрестке, он через пятнадцать минут быстрой ходьбы уже окажется у себя дома. Как раз в этот момент такси притормозило, пропуская микроавтобус. Нужно было решаться. Смятение, в котором Алиф пребывал последние два дня, превращалось в нечто более стабильное: его мучила навязчивая идея выспаться в собственной кровати. И пусть даже все это приведет к тому, что будить его уже станет полиция. Но неужели ему этого не избежать? Впрочем, Алиф не мог припомнить ни одного диссидента, религиозного или политического, которому удалось скрыться от наказания. И он ничем от них не отличался — ни умом, ни хитроумным оборудованием.

Такси дернулось и помчалось вперед. Алиф с сожалением смотрел на знакомые улочки, все больше отдалявшиеся от него. Американка молчала, и тишина начинала угнетать его. Тогда он открыл свой рюкзак и вынул оттуда «Альф Яум». Аккуратно перелистав несколько страниц, он добрался до нужного места и стал читать.

> Когда-то очень давно птичий король узнал страшную новость, которую он должен был передать князю саламандр. Его помощники заметили в море огромную волну, которая при сильном ветре принесла бы огромные разрушения. Птичий король мечтал оказать услугу любому, кому только мог, и тотчас решил предупредить князя саламандр о том, что ему самому и его народу

грозит опасность. Но было одно препятствие: закон запрещал птицам непосредственно общаться с саламандрами. Вот почему птичий король не мог сам доложить обо всем князю саламандр или даже послать от своего имени другую птицу-посредника. Иначе бы считалось, что он нарушает старинные порядки.

«И что же нам делать?» — спросил он у своего главного визиря.

«Позволь мне высказать свое мнение, — ответил визирь, а был он большой черной майной священной. — Может быть, ваше величество сочтет нужным послать эмиссара, избранного среди насекомых? С ними мы можем свободно общаться, в конце концов. Искренняя стрекоза или даже саранча подойдет и справится со своим заданием не хуже птицы».

«Отличная идея, — обрадовался птичий король. — Тогда немедленно пришли ко мне командира насекомых».

Командир насекомых был польщен приглашением короля и прибыл к нему без промедления.

«Скажи князю саламандр, чтобы он предупредил свой народ, — обратился к нему король птиц. — Огромная волна идет с моря, будет сильный ветер, и если они не позаботятся заранее о своих норах, то все потонут».

«Ни о чем не беспокойся, — отозвался командир, — я пошлю к нему самую быструю осу, чтобы она передала твои слова».

Но когда командир насекомых вернулся в свой дворец, его ждало неприятное сообщение. Оказывается, насекомые больше не имели права разговаривать с саламандрами, так же как и птицы. О таком никто раньше и думать не посмел бы!

«Что же нам делать?» — спросил командир своего мудрейшего визиря, которым был толстый шмель.

«Позволь мне предложить тебе, — заговорил тот, — послать кого-нибудь из раков. Верный омар или даже краб справился бы с такой задачей не хуже насекомого».

«Превосходно, — обрадовался командир. — Тогда немедленно пришли ко мне первого среди раков».

И тот поспешно предстал перед командиром насекомых.

«Со всей возможной скоростью, — начал командир, — пошли кого-нибудь из своего народа с

сообщением о том, что с моря идет большая волна, и предупреди саламандр, что их норам на берегу грозит затопление».

Глава раков согласился выполнить это поручение, но как только он вернулся домой, его сразила потрясающая новость. Выяснилось, что отныне стало запрещено ракам опускаться так низко, чтобы общаться с саламандрами.

«Что же нам делать?» — спросил он у своего визиря, огромного рака с мощными клешнями.

«Позволь дать тебе совет, — ответил ему визирь. — Почему бы тебе не послать посредника, которого можно выбрать среди черепах? Любая черепаха, и кожистая, и даже самая маленькая, наверняка справится с этим заданием».

«Потрясающе! — отреагировал глава раков. — Тогда пришли ко мне предводителя черепах».

Предводителю было лестно получить подобное приглашение, и он явился на зов в тот же день.

«Только поторопись, — предупредил глава раков. — Пошли кого-нибудь из своего народа, чтобы он предупредил саламандр, что большая волна идет с моря, будет ошеломляющий ветер. Они должны поспешить и позаботиться о своих норах, иначе будет столько много обломков! Они должны успеть воспользоваться своим шансом!»

Предводитель черепах пообещал сразу же выполнить это поручение. Саламандры издавна дружили с черепахами и всячески помогали им. И он решил сам отправиться к князю саламандр, а заодно и поужинать вместе с ним.

«Между прочим, — сказал он за угощением, — птичий король велел командиру насекомых сказать главе раков, чтобы он передал мне, чтобы я сообщил тебе, что будет ошеломляющий вечер, они должны поспешить к своим норам на берег, иначе не успеют воспользоваться своим шансом!»

Такая приятная новость обрадовала князя саламандр. Он подумал, что, скорее всего, рядом с берегом затонул какой-нибудь купеческий корабль, и все добро волнами прибило на песок. Или, что тоже приятно, волнами вынесло на берег труп большого дельфина, которым можно было полакомиться. Он поспешил к морю вместе со своим народом, и как раз в это время на берег хлынула огромная волна, в которой

все они и потонули.

«Вот почему, — подытожила кормилица, — раки и саламандры больше не разговаривают друг с другом».

Принцесса Фарухуаз нахмурилась.

«Ты хотела сказать, что нельзя позволять старым обычаям вставать на пути прогресса. Или же нельзя искать третью сторону и посылать ее с информацией, которую легче передать лично», — заметила она.

«Ну да, и это тоже, конечно», — согласилась кормилица.

«Милая моя, я очень тебя люблю, но должна сказать, когда дело доходит до морали, ты начинаешь путаться».

«Дитя мое, у некоторых историй нет морали. Иногда в них есть только темнота и безумие».

«Как это ужасно», — вздохнула Фарухуаз.

«Ты так считаешь? А мне кажется, что это нормально. По крайней мере мне не нужно догадываться, какую мораль содержит та или иная история, которая приходит мне на ум».

Алиф вздрогнул и вернулся в реальный мир. Ему даже показалось, что он задремал. Страничка под его пальцами уже начала морщиться от пота. Он поспешно закрыл книгу и спрятал ее в рюкзак. Такси уже подъезжало к старинным воротам в стене Старого Квартала. Алиф осторожно посмотрел на новообращенную в зеркальце заднего обзора. Она вглядывалась куда-то через окошко и недовольно хмурилась.

— Тебе, наверное, Старый Квартал уже родным кажется, — заговорил юноша. — Ты изучила его лучше всех остальных иностранцев.

Она ничего ему не ответила.

— Кстати, ты хорошо говоришь на пенджаби. А я и двух слов не свяжу.

— Ради Бога, не надо больше ничего добавлять, пока совсем плохо не стало.

Обиженный и расстроенный, Алиф начал медленно сползать на своем сиденье, пока в зеркале заднего вида не стало отражаться только лишь сероватое небо. Они проехали вдоль знаменитой стены Старого Квартала, которая днем выглядела достаточно буднично и неинтересно, и загрохотали по мощенным булыжником улочкам, вдоль которых стояли изящные каменные дома. Деревянные закрытые ставни на окнах защищали жителей от любопытных взглядов прохожих. Время от времени им попадались дома с выпяченными на улицу низкими балконами

для содержания гаремов. Их решетчатые арки напоминали о тех временах, когда такие архитектурные изыски являлись единственным свидетельством публичной жизни богатых женщин.

Такси дернулось и остановилось у восточного входа на территорию университета Аль Башира. Здесь все корпуса представляли собой стеклянные коробки правильной геометрической формы. Какой-то архитектор с чувством юмора решил, что раз уж теперь женщинам разрешено здесь учиться, следует выставить их красоту напоказ. Занятия шли полным ходом. Студенты небольшими стайками входили и выходили из стеклянных дверей. Были здесь и иностранцы, заметные по оголенным частям тела в сравнении с местными студентами, сплошь закутанными в длинные одежды и никабы. Одинокий торговец чаем тащил твою тележку вдоль стеклянного здания, отчего он казался еще более потрепанным, а здание более изысканным, чем если бы их наблюдали в разных местах и в разное время.

— Пошли. — Поправив свой шарфик, американка решительно покинула машину. Алиф мысленно поблагодарил ее за то, что она разрешила ему расплатиться с водителем. Ведь если бы она до сих пор сердилась, то наверняка бы стала платить сама. Он послушно последовал за ней. Впереди у входа стояли двое мужчин из службы безопасности по обе стороны металлодетектора, которые методично осматривали сумки студентов, входящих на территорию университета. Алиф ощутил приток адреналина в крови.

— Вот здесь начинается самое интересное, — пробормотала американка и расправила плечи. — Давай сюда свой рюкзак. Он такой очаровательный, что мне будет даже приятно побыть немного в роли лакея.

— Что-что? — не понял ее юноша.

— Давай сюда рюкзак. Не волнуйся, это всего на пару минут, и я тебе его сразу верну.

Нахмурившись, Алиф отдал ей свою сумку, и она ловко перекинула рюкзак через плечо.

— Отлично. А теперь притворись измученным рабочим-иммигрантом, которому все уже здесь обрыдло. — С этими словами женщина бодро зашагала к охраннику, выбрав того, что помоложе, держа в руке свой паспорт.

— Прошу прощения, — громко начала она, нарочито усиливая в словах американский акцент. — Дело в том, что мой шофер забыл ключи там, внизу. Можно, мы быстренько сбегаем за ними? Это займет всего минутку.

Охранник уже жадно пожирал ее глазами.

— Вы мусульманка?

— Слава Создателю, да!

— Может быть, вы подыскиваете себе симпатичного мужа-мусульманина?

— Велик Аллах! — Скромно улыбнувшись и опустив глаза, американка прошла через металлодетектор. Алиф потащился за ней, не осмеливаясь посмотреть в глаза охранникам. Но никто и не думал останавливать его. Когда он искоса поглядел на них уже издали, то увидел, как один из них лениво копается в сумке бренда «Прада» одной из студенток. На их лицах не проявилось и намека на напряжение, словно они и не заметили присутствия при даме Алифа. Он был просто аксессуаром богачки, и не более того.

— Ну и ну, — послышался чей-то голос рядом с молодым человеком. — У тебя определенно есть талант, которым обладают невидимые.

Алиф просиял. Рядом довольно прыгал Викрам, и они направились дальше по длинному коридору в глубь здания. Студенты сновали мимо них, входили и выходили из кабинетов, и никто не обращал на гостей никакого внимания.

— Ты видел? — победно произнесла новообращенная. Она торжествовала. — Я была права. Они даже не стали спрашивать у тебя документы. Они вообще…

Она замолчала и остановилась на месте, завидев Викрама. Он довольно усмехнулся, оскалив острые зубы.

— А ты-то как прошел сюда? — потребовала она ответа.

— Вон через ту дверь, как и вы сами.

Американка набрала в легкие воздуха, словно приготовилась к острой дискуссии по данному вопросу, но сразу же передумала, шумно выдохнула и зашагала дальше.

— Чудесно. Как бы там ни было, я ничего и знать не желаю. Лаборатория находится вон там, надо спуститься вниз. — Она сбросила с плеча рюкзак Алифа, и он тут же подхватил его. В конце коридора находилась просторная аудитория со стеклянными стенами и модными лампами. Внутри стояли рядами компьютерные столы с плоскими мониторами, половину из столов занимали студенты. Вдоль стены располагались рабочие станции с переплетениями разноцветных проводов. Американка открыла дверь, и Алиф ощутил такой знакомый запах работающего «железа» под тихое пощелкивание компьютеров. Испытав самую настоящую радость, Алиф поспешно бросился вперед, пока дверь не захлопнулась за его новой знакомой.

Викрам хихикнул и тоже последовал в аудиторию за юношей.

— Какое счастье — видеть столько мертвого бездушного металла. Поведай мне, мой юный брат, неужели ты точно так же восхищаешься при виде живой плоти? Я буду судить о тебе по твоему ответу.

— Мне все равно, — отозвался Алиф. — Он выбрал себе никем не занятую рабочую станцию и кинул на стул рюкзак. — И ничуть оно не мертвое. Это просто другая форма живого. — Он достал свой нетбук и проверил порты в стене. — Ух ты, у них тут все по последнему слову техники, — с уважением отметил он. — Тут такая скорость, что ты не успеешь написать адрес, а сайт уже на экране.

— Что ж, я рада, что тебе тут понравилось. Кстати, студентам даже повысили плату за обучение, чтобы оборудовать этот зал. — Новообращенная стояла рядом с Алифом, уперев руки в бока, и выглядела теперь более спокойной. — Если ты отдашь мне сейчас книгу, я смогу показать ее в отделе архивов. Мне нужно будет взять крошечный образец для анализа, но я постараюсь отщипнуть от страницы совсем малюсенький кусочек, чтобы это было незаметно.

Алиф послушно извлек книгу из рюкзака и передал женщине.

— Только будь с ней поосторожней, — предупредил он.

Американка презрительно фыркнула:

— Тебе самому надо быть с ней осторожным. Это ты таскаешь такую роскошь в жару и пыль, как будто это какой-то никчемный учебник по биологии для средней школы. — Она сунула том под мышку и повернулась, готовая уйти.

— Спасибо, — успел сказать Алиф, адресуя свою благодарность уже спине американки. Она ничего ему не ответила, и он разочарованно надул губы.

— Ни о чем не беспокойся, — поддержал его Викрам, наклоняясь у ног юноши, словно намереваясь сложиться пополам. — Уверен, что таким ослом ты себя уже давно не ощущал, да?

— Сам ты осел, — пробормотал Алиф. Он подключил нетбук и стал ждать соединения с Интернетом. Очень скоро он убедился в высочайшей скорости работы местной системы, и уже через несколько мгновений сумел войти в облако. Оно гудело от информации: тут были наполовину готовые программы, закодированные шуточки, другими словами — электрические мысли отдельных людей. Алиф почувствовал, как из плеч куда-то улетучилось все напряжение, преследовавшее его уже который день. «Все проблемы представляют собой лишь перебои в передаче данных и сохранении информации», — напомнил он

себе. Он сам проецирует ненужный страх и волнение на ситуацию, а нужно сохранять хладнокровие, чтобы разумно уничтожить все барьеры между собой и своим возвращением в нормальную жизнь. И делать это методично, ликвидируя одну проблему за другой.

Изучив портал облачного сервиса, он снова испытал волнение. И хотя обмен информацией в облаке шел своим чередом, Алиф заметил несколько сообщений от своих друзей, датированных несколькими днями раньше. Многие оставляли ему послания, зашифрованные, но все равно узнаваемые.

> 26.10 в 18:44%07 Gurkhab0ss *оставил вам сообщение*
> Алиф 4тоб тебя ты где
> 27.10 в 00:17:36 Keffiyagiddan *оставил вам сообщение*
> Вот 3apa3a 4ерт 4ерт 4ерт

— Дерьмо какое, — тихо выругался Алиф, и в тот же миг с ним связался один из его знакомых, вызывая приятеля в чат.

> НовыйКвартал01: Алиф, ты?

Алиф чуть не вскрикнул от удивления. После трагического ухода с работы Новый Квартал исчез из Сети, и теперь его вспоминали только либо благоговейным шепотом, либо презрительно отшучиваясь. Кто-то говорил, что его арестовали, другие утверждали, что он сдался сам, поскольку у него оказалась «кишка тонка». Алиф сохранял нейтралитет, предпочитая не высказывать своего мнения. Теперь же ему стало стыдно оттого, что он считал, будто невозможно чувствовать себя брошенным и забытым со стороны тех, кого ты никогда не видел в реальной жизни.

> A1if: НК! я думал, 4то ты навсегда ис4е3.
> НовыйКвартал01: Так и есть, я теперь призрак. Ты говоришь с мертвецом.
> A1if: …
> НовыйКвартал01: Скажи, как сражаться с программой, которую Рука вытянул из твоего компа, она здорово мешает жить.
> A1if: А просто уни4тожить ее никак нельзя?
> НовыйКвартал01: Нет, возникает опять, проникает даже на наши сайты. А ты пропал, и у всех на4алась паника. Твой друг РадиоШейх даже решил мне Звонить по телефону, вот ведь придурок!
> A1if: Это он сказал, 4то программа моя?

НовыйКвартал01: Да. Только не бесись, по3дно беситься. Думай, как по4инить.

A1if: Это невозможно.

НовыйКвартал01: Как это? Ты же сам со4инил эту программу.

A1if: Я сам не знаю, как она работает, НК. Она не должна так работать, как сей4ас. Я ни4его не понимаю.

НовыйКвартал01: 4то за 4ерт?

A1if: Не знаю, как она работает и 4то с ней можно сделать.

НовыйКвартал01: Странно, я не понимаю, как она меня вы4ислила, меня уже давно нет в Сети.

A1if: Не знаю, 4то тебе сказать, ты уж прости, буду думать, как это сделать в жизни на самом деле.

НовыйКвартал01: Мы говорим о компах, Алиф, при чем тут реальная жизнь?

A1if: Это 4то-то другое, тут есть связь с реальной жизнью.

НовыйКвартал01: Как скажешь, только ты постарайся. Ты меня понимаешь, надеюсь.

A1if: Все понял.

НовыйКвартал01 вышел из Сети.

Алиф пятерней провел по волосам и в задумчивости с такой силой нажал на голову, что почувствовал боль.

— Вот дерьмо!

Несколько студентов неодобрительно посмотрели на него. Алиф сгорбился и просто проигнорировал недовольные взгляды. Из-под стола донеслось едва сдерживаемое шипение вперемежку с хихиканьем. Там каким-то образом, сложившись в несколько раз, пристроился Викрам.

— Только послушайте, какие он использует словечки! Тебя что же, в борделе воспитывали?

— Может быть, ты выберешься оттуда?

— Ни за что.

Алиф только скрипнул зубами и открыл новый браузер. Загрузив обычный веб-провайдер, он создал себе новый почтовый адрес, выбрав для этого случайный набор букв и цифр. Как только он написал адрес Интисар и собрался адресовать ей пустое послание, его вдруг накрыла волна нежности. А вдруг она сейчас занимается где-то буквально в соседней аудитории или прохаживается по бутикам, мимо которых они только что ехали на такси? Нет, это было слишком, и разум Алифа отказывался ему повиноваться. Он почувствовал, как весь переместился в

собственное сердце. Ему стало наплевать на риск, он позабыл о том, что его могут опознать и схватить в любой момент, даже если он попытается зашифроваться. Его мать называет это словом «Хайям». Это любовь, которая в безумном экстазе путешествует по всей планете.

Ему сразу вспомнилась тысяча самых разных мелочей, свидетельствующих о том, что она не такая, как все остальные, так же как и он тоже был другим. У нее был потрясающий ум, и она сражалась с той же рутиной и монотонностью ежедневной жизни. Все ее послания он перечитал десятки раз. Все ее комплименты она писала, сохраняя свой изысканный сдержанный стиль. Ни одна другая женщина никогда так не льстила ему. Время от времени его мать предлагала ему познакомиться с девушками-соседками, с тем чтобы потом это знакомство, возможно, перелилось бы в брак. Алиф встречался с ними, задавал одни и те же вопросы, они односложно отвечали ему, а потом наступало расставание, неизбежно смешанное с разочарованием. С Интисар все происходило по-другому. Она преследовала его с той же страстью, с какой и он сам охотился за ней. Она использовала свои женские хитрости и не раз ускользала от него, что делало ее только еще более желанной. Алифа заинтриговало ее богатство, да так, что он не узнавал сам себя. Он так часто издевался и насмехался над аристократами в Сети, что теперь его связь с Интисар казалась вдвойне грешной. Подумать только! И что еще более странно — женщина с большими деньгами сама добивалась его расположения. Впрочем, это льстило его самомнению.

Теперь им обуяло желание немедленно встретиться с ней.

«В 3:30 возле чайной на новой территории университета, — написал он. — Я люблю тебя».

Он нажал на указатель «отправить» прежде, чем успел задуматься и проанализировать свои действия. Затем он отодвинул стул и поднялся со своего места, одновременно потягиваясь и ощущая, как затекли мышцы его рук и ног. До назначенного времени встречи оставалось два с половиной часа. Затем он снова согнулся над своим нетбуком. На этот раз Алиф решил найти информацию о Делакруа в поисковике, который разработали в свое время черные шляпы. Первые два результата сообщали ему о некоем художнике девятнадцатого века. Он сразу удалил их и выбрал статью с подзаголовком «Тысяча и один день». Вот что он прочитал.

> Работая полгода над «Шахнамой» вместе с муллой Керимом, я заболел от перенапряжения и перегрузок и

провалялся в постели два месяца. Я был на грани смерти и едва выжил. Когда я поправился настолько, что снова смог приступить к работе, выяснилось, что, несмотря на то что я изучил уже двадцать томов нужной мне литературы, мне еще требовалось одолеть очень сложную книгу «Маснави», состоящую из не менее девяноста тысяч стихов (некоторые мудрецы здесь считают, что именно в ней содержится философский камень). Я стал искать кого-нибудь, кто мог бы помочь мне с этой книгой, но, даже несмотря на предложенное мной вознаграждение, я не смог отыскать такого человека. Тогда мне пришлось обратиться к Мевлеви — ордену танцующих дервишей. Среди них сразу же отыскался один человек, готовый прийти мне на помощь. В течение четырех или даже пяти месяцев он разрешил мне часто приходить к нему, чтобы изучить книгу. Его звали дервиш Моклас. Я знал, что к нему присматриваются люди из суда, а потому был сам с ним крайне осторожен. Я сразу же сообщил месье Муртазе, зятю короля, а также господину мирзе Али Резе, также принадлежавшему королевской семье, равно как и шейху Аль Исламу, главе законодательства страны, что я хожу к дервишу только затем, чтобы читать «Маснави», и они не имели против этого ровным счетом ничего.

— Викрам, — обратился Алиф к сложенному вчетверо созданию, укрывавшемуся у него под рабочей станцией, — что тебе известно о персе по имени Моклас, о котором известно только, что он жил в семнадцатом столетии?

— Ты имеешь в виду дервиша Мокласа? — Глаза у Викрама засветились, как у кота. — Он был ученым малым, интересовался старинными книгами.

— С какой стати за ним наблюдал сам шах? Чем он мог его так расстроить?

— Он был тем самым человеком, которого сейчас бы назвали еретиком.

— Но при этом ученым еретиком.

— Можно сказать и так. А почему ты о нем спрашиваешь?

— Этот Делакруа, о котором так беспокоится наша новообращенная, изучал вместе с ним одну книгу под названием «Маснави». И он уверен, что она здорово помогла ему, и еще будто бы она содержит философский камень. — Алиф посмотрел вниз на Викрама, который выкрутил себе ноги и положил лодыжки на плечи, как это могут делать, наверное, только

цирковые акробаты. — Но это же бессмыслица какая-то. Философский камень — это же физическое вещество, верно? Что-то из алхимии. Ну, какой-то волшебный химикат, что ли, который превращает любую материю в золото, или делает воду живой, или еще что-то в этом духе. Но не книга, это точно.

— Ну, такое отличие может быть уместным только для идиота из плоти и крови, такого, как ты, например. Философский камень — это знания, чистые знания, фрагмент формулы, по которой была написана вся вселенная.

Алиф удивленно потер глаза:

— И это все описано в «Маснави»?

— Да, именно в этой поэме. По крайней мере так гласит легенда.

— Что ты хочешь этим сказать? Разве «Маснави» не Руми написал? Или это другая книга?

Викрам презрительно фыркнул:

— Конечно, «Маснави» не одна. Много разных бездельников, которые думают, будто достигли высшего понимания космоса, утверждают, что тоже писали нечто подобное. Но большинство их получились отвратительными, только поэма Руми достойна внимания.

— Но ты же не считаешь, что философский камень спрятан в «Маснави» Руми?

— Если бы я все это понимал, то уже победил бы время, а не сидел тут с тобой под столом. Послушай, а что будет, если я выдерну вот этот зеленый проводок?

— Нет, даже не думай об этом!

Викрам радостно захихикал.

— Ты можешь сосредоточиться хотя бы на пару минут? — разозлился Алиф. — Мне надо кое-что уяснить для себя.

— Ты уже все уяснил. Скорее всего книга, на которую ссылается Делакруа, и есть «Альф Яум». Девяносто тысяч стихов, по длине и размеру подходит. Скорее всего Моклас и есть тот самый персидский мистик, который ввел его в курс дела и помог начать изучение текста. Он все делал точно так же, как ранее его собственные учителя, а те — как их учителя, и так далее вплоть до четырнадцатого века, когда, как уверяет один плут, он сам услышал все это от джинна. Скорее всего Моклас верил в то, что сумеет расшифровать текст и понять сущность философского камня, а после этого стать всесильным и управлять материей и временем.

Алиф скептически поморщился.

— Правда, что ли? Неужели чтение «Альф Яум» может привести к таким последствиям?

Викрам заерзал под столом, а потом неестественно выгнул шею, чтобы только заглянуть Алифу в глаза.

— Человечишка, страждущий добыть запретные знания, наверняка думает точно так же. Получится у него что-нибудь из этого? Нет, такого в истории еще не случалось. И у тебя ничего хорошего тоже не выйдет, если тебя именно это интересует.

— Нет, не это. Меня совсем не увлекают космические силы. Мне важно узнать, где Интисар добыла эту книгу и чего она ждет от меня. Что я должен делать, по ее мнению?

Вместо ответа Викрам попросту укусил Алифа за лодыжку. Тот захлопнул крышку нетбука, выругался и ударил по руке, которая уже тянулась к шнуру, чтобы выдернуть его из сети. В этот момент в дверях лаборатории показалась американка и жестом попросила их подойти к себе. Викрам выполз из-под стола и принял свой обычный вид. При этом он так выкручивал конечности, что Алифу снова стало нехорошо. Выпрямившись, он как ни в чем не бывало подошел к женщине с самым невозмутимым видом, будто сидеть скорчившись под столом было для него самым обычным делом. Американка выглядела довольно странно. Она сдвинула брови, сложила губы трубочкой, и взгляд ее блуждал где-то очень далеко. Она держала «Альф Яум» обеими руками, как большое блюдо. Теперь книга была обернута в защитную пленку и для надежности перевязана тесьмой.

— Как прошли архивные исследования? — отважился спросить Алиф.

Новообращенная осторожно провела большим пальцем по краю книги, отчего пленка чуть слышно зашелестела.

— Вы какой ответ предпочитаете: короткий или развернутый?

— Разумеется, самый полный, — подсказал Викрам. — Ты можешь нам все рассказать, пока мы подкрепимся немного. У вас в этой дыре для элиты есть какие-нибудь закусочные, где можно приобрести, например, шаурму?

— Я могу отвести вас в кафе.

— Превосходно.

— У меня через два часа важная встреча, — вмешался Алиф. — В чайной, которую мы проходили у самого входа на территорию университета.

— Что такое? Свидание? — заинтересовался Викрам. — С кем же?

— С… ну… С той самой девушкой, которая передала мне «Альф Яум».

— Что же ты сразу не сказал? — Желтые глаза Викрама радостно заблестели. — Мы все пойдем туда и посмотрим, как

пройдет ваша маленькая встреча. Это будет так романтично! Вот у нашей подруги свиданий уже давно не было…

— Скотина, — пробормотала американка.

— Никто туда со мной не пойдет, — возразил Алиф. — Мне все равно, чем вы в это время будете заниматься, но я встречаюсь с ней один.

— Ну, как скажете. А кафе находится вон там. — Окинув Викрама ледяным взглядом, американка повела приятелей из лаборатории в коридор. Как только они вышли из здания на улицу, Алиф вдохнул перегретый воздух, будто искрящийся солнечным светом, и пожалел о том, что им пришлось покинуть лабораторию. Вот где заботились и о машинах, и о людях, установив контролирующую внутренний климат аппаратуру. Снаружи, казалось, все находится в состоянии войны друг с другом: жара мучила тело, кожа страдала от нагревания, и все вокруг изнывало от невыносимого зноя. Алиф вытер пот с шеи и понял, что снова начинает раздражаться.

Новообращенная вела их к невысокому зданию у входа на территорию, ловко обходя стайки вездесущих студентов. Вскоре до них донесся аромат нагретого растительного масла и жареного турецкого гороха. В животе у Алифа заурчало, и он пожалел о том, что так мало поел утром мятного йогурта, которым его угощала Азалель. Американка уверенно вошла в стеклянные двери закусочной, и Алиф послушно последовал за ней. С одной стороны в зале стояли столики и скамейки, на другом конце смуглые девушки выдавали еду за серебристыми металлическими стойками.

— Еда студенческая, но зато все горячее, — сообщила американка, передавая Алифу поднос. Больше ничего говорить ему не понадобилось, и очень скоро он уставил его тарелками с овощами в кляре, индийскими лепешками и кабсой с курицей, которая пахла так, будто постоянно подогревалась уже много часов подряд. Новообращенная нашла пустой столик и уселась за него, пристроив «Альф Яум» на стопку чистых салфеток.

— Аккуратней с подносом! — предупредила она, отодвигая книгу подальше от Алифа, усаживающегося напротив нее. — Не запачкай жиром рукопись!

— Прости.

— А где моя ложка? — поинтересовался Викрам и выхватил ту самую, на которую уже нацелился Алиф. Юноша обиженно поджал губы, но промолчал.

— Ну хорошо, тогда начнем, — предложила американка и сложила ладони «домиком» под подбородком, совсем как на католических иконах. — Я взяла образец с одной страницы в

середине книги, где не было текста, размерами пять на пять миллиметров и попросила своего консультанта взглянуть на него. Так как это все же бумага, а не пергамент и сохранилась она достаточно хорошо, я высказала свое предположение, что книге должно быть не меньше двухсот лет.

Викрам улыбнулся, не переставая жевать. Алиф подумал, что сейчас он выглядит так, как человек, ожидающий развязки смешного анекдота.

— Но мой консультант — а я не говорила ему ничего про книгу, — так вот он со мной не согласился. Он считает, что рукописи никак не меньше семисот лет.

Алиф проглотил большой кусок лепешки, чуть при этом не подавившись от неожиданности.

— Он говорит, что бумага изготовлена по давно забытой в Центральной Азии методике уже к четырнадцатому веку. Скорее всего книга персидская, по крайней мере бумага была сделана в Персии. А эта жутко пахнущая канифоль как раз и стала причиной того, что книга так хорошо сохранилась, хотя вот так сразу он не мог определить ее состав. Поэтому он хочет, чтобы мы провели специальный дополнительный анализ в лаборатории.

— Значит… — начал Алиф и замолчал, так как сам не понял, что именно он хотел сейчас сказать.

— Значит, я ошибалась, — сухо улыбнулась американка. Она выглядела усталой. — Получается, что эта вещь настоящая. Делакруа ничего не придумал. «Альф Яум» существует в действительности.

Викрам откинулся на спинку стула и самодовольно заурчал. Новообращенная окинула его быстрым взглядом и презрительно скривилась. Но ему даже понравилась ее немая ярость. Он уставился на нее, сверкая глазами и не моргая, и в этот момент Алифу даже показалось, будто он произносит какие-то слова, хотя губы его при этом не шевелились. Как бы там ни было, но вся надменность американки разом куда-то улетучилась. Она покраснела и отвернулась, закусив губу. Сейчас она словно олицетворяла саму скромность. Алиф решил, что эта молодая женщина может казаться почти симпатичной, если она только не сердится и не хмурится.

— Теперь мне самой не терпится узнать, каким образом твоя подруга достала эту рукопись, — прокашлявшись, произнесла американка. — Это не тот артефакт, которыми завалены букинистические магазины. Или даже антикварные лавки. Или даже исторический музей. Я уже запрашивала самые престижные библиотеки в Городе и звонила известным антикварам, но нигде не могла найти эту книгу. Да про нее вообще никто никогда не

слышал.

Алиф внимательно посмотрел на книгу, тщательно укутанную в саван из защитной пленки, покоившуюся на одре из салфеток. Она весила, наверное, с полкило, но сейчас казалась невыносимым грузом, невостребованным лотом, неверно определенной ответственностью, чем-то незнакомым и непознанным. «Как это похоже на Интисар, — рассуждал юноша, — швырнуть мне вот это, как она привыкла все делать, властно и надменно, и совсем не подумать при этом о моем разбитом сердце». Его вдруг охватило негодование.

— Я устал уже догадываться, что все это может означать, — рассердился Алиф. — Теперь я хочу узнать факты.

Американка только пожала плечами:

— Я рассказала все, что известно мне самой. Результаты анализа канифоли будут готовы в лаборатории только через несколько часов. Но я все равно не смогу сказать, откуда появилась эта книга.

— Я, наверное, мог бы тут помочь, — задумчиво произнес Викрам, поглаживая свою бородку. — Но для этого придется провести вас в такое место, где вам лучше вообще никогда не бывать.

— Что такое? — насторожился Алиф.

— Я имею в виду Неподвижную Аллею. На нее имеется вход где-то в Городе, но я не был там уже много лет, и возможно, он уже передвинулся.

— Но… — Алиф попытался собраться с мыслями. — Аллеи не передвигаются. Так что вход не может быть на другом месте, а должен всегда оставаться там, где и был раньше.

— Этот передвигается.

— Но она ведь так и называется — «Неподвижная».

— Да, сама аллея остается на месте, конечно же. Это мир перемещается относительно нее. Вот почему вход туда может появиться в любом месте. — И Викрам улыбнулся, очевидно, вполне довольный собой.

— Какая чушь! — подытожила американка и наморщила нос. — Неподвижная Аллея, надо же! Он попытается затащить нас в какое-нибудь темное уединенное местечко, чтобы там ограбить. А потом, когда мы вызовем полицию, нам придется объяснять им, что мы шли за одним типом, который уверяет нас, что он самый настоящий джинн, потому что он обещал провести нас в одно такое место, которого в действительности не существует. Ну, тогда нас точно упрячут куда-нибудь подальше, как умалишенных.

— Милая моя, сколько времени мы уже знакомы друг с

другом! Меня обижает полное отсутствие ко мне доверия. — И Викрам поморщился, отчего его красивое лицо заметно исказилось.

— А мне все равно. Я больше на твою удочку не попадусь. — Новообращенная скрестила руки на груди и плотно сжала губы. Викрам тут же смешно передразнил ее, но она сделала вид, будто ничего не заметила.

— А я туда пойду, — осмелившись, заговорил Алиф, — я согласен на любую аллею, даже неподвижную или какую другую, если только там окажется кто-то такой, кто подскажет мне, что делать дальше.

— Есть другой способ, — тут же нашлась американка, говоря снисходительным тоном, как обычно обращаются смилостивившиеся родители к напроказившему малышу. — Можно просто подождать, когда ты встретишься со своей подругой, и тогда она подробно расскажет тебе и то, где достала эту книгу, и каких действий она теперь от тебя ожидает.

Алиф принялся тереть жирное пятно на джинсах, съежившись под пристальным взглядом женщины.

— Да, это возможный вариант, — едва слышно пробормотал он. — Только я не уверен в том, что она вообще придет на эту встречу. Или что расскажет мне хоть что-то, если все-таки явится.

Американка тяжело вздохнула, заправляя непослушную прядь волос под шарфик.

— Ну хорошо, — сдалась она, прищурившись и поднимаясь со своего места. — Но если меня побьют, изнасилуют или ограбят, — тут она внимательно посмотрела на Алифа, — я обвиню во всем тебя. Итак, ты теперь официально отвечаешь за мою безопасность. И помните, что я уступаю вам лишь под давлением.

— Чепуха, — отмахнулся Викрам. — Ты идешь с нами только потому, что тебя уже разбирает любопытство. Ну, пошли, ребята.

Он в два прыжка очутился у дверей кафетерия, напевая себе под нос какой-то незатейливый мотивчик. Алиф и женщина послушно засеменили вслед за ним, не забывая сохранять между собой соответствующее приличию расстояние. Очутившись на улице, Викрам выбрал путь вниз по склону холма к выходу с территории университета. Они прошли мимо знаменитой стены, окружавшей храм науки, и очутились в самом Старом Квартале. Здесь, на узких улочках, мощенных камнем, их шаги отдавались странным гулким эхом. Все тут казалось намного старше, красивее и дороже, чем в Городе, каким его знал Алиф. За деревьями вот уже более века тут был налажен специальный уход, оберегавший их от сухого воздуха пустыни. Широко раскинув

пыльные ветви и глубоко уцепившись разросшимися корнями в почву, они наполовину закрывали своей листвой арки, ведущие к домикам и виллам. Здесь, конечно, нельзя было увидеть тех однообразных и скучных жилых домов наподобие того, в котором обитали сам Алиф и Дина. Район Бакара был безразличен к красоте и вкусу, и если кому-то они требовались, нужно было заглянуть сюда. Здесь и то и другое пребывало в изобилии.

— Как я хотел бы иметь побольше денег, — вздохнул Алиф. — За деньги можно купить такую красоту!

— Как это цинично, — поморщилась американка.

— А ведь он прав, — заметил Викрам, сделав два внушительных прыжка вперед. — Как бы нам ни хотелось отрицать это. Деньги многие вещи способны сделать проще и легче.

— А там, у меня дома, все по-другому. — Новообращенная говорила как-то особенно непринужденно, как это умеют делать, по мнению Алифа, все иностранцы.

— Сильно сомневаюсь, — заметил Викрам. — Америка такая же страна, как и все остальные, там есть и бедные, и богатые. И если ты спросишь бедняка, хочет ли он оставаться таким же навсегда или мечтает проснуться с миллионом долларов под подушкой, ты будешь всякий раз получать один и тот же ответ.

Американка скептически приподняла брови.

— А ты разве когда-нибудь бывал в Штатах?

— В каком смысле?

— А разве их много?

— Естественно.

— Какой ты забавный. — Приподняв подол юбки, женщина прибавила шагу и почти побежала вперед по улице с самым решительным выражением лица. Викрам рассмеялся.

— Я не хотел задеть твое тщеславие, моя дорогая, — выкрикнул он. — Притормози. Мне так часто приходится иметь дело с представителями западных стран… Ну, я совершенно забыл, насколько ты обидчива.

— А тебе известно, сколько синонимов к слову «иностранка» я знаю? — Она не повернула голову, и теперь казалось, что голос ее плывет просто из головы, обмотанной шелком. — Очень много. Вот, например, аджнаби, ференги, кхавагга, гори, пардези. И меня называли каждым из этих слов. И все они не очень приятные, не важно, что бы вы при этом ни говорили.

— Погоди-ка, кто это «вы»?

— Люди с Востока. В общем, все те, кого нельзя назвать «представителем западных стран». Ну, или как там вы сами себя называете. Вам ведь не важно, на какие уступки нам приходится

идти. Мы одеваемся в соответствии с вашими правилами, учим ваш язык и трепетно следуем всем вашим безумным правилам, которые указывают нам, когда можно говорить, как именно и с кем. Я даже приняла вашу веру, причем добровольно, я ведь думала при этом, что поступаю мудро и благородно. Но этого, как выяснилось, недостаточно. Вы всегда будете искать тайный смысл во всем том, что я говорю, даже если при этом я рассказываю о своей родной стране, чтоб ее… В общем, я навсегда останусь для вас иностранкой.

Алифа поразила эта горькая, но вполне искренняя речь. Он взглянул на Викрама и снова удивился, заметив, что тот тоже, по-видимому, был обеспокоен подобным излиянием несчастной женщины. Он пригнулся и сгорбился, как побитая собака, потом резко рванул вперед и очень скоро нагнал американку. Он тут же взял ее под руку и тихо заговорил:

— Ну, достаточно. Прости меня.

Новообращенная отвернулась и уставилась на засохший куст роз, который торчал прямо из стены здания, как древняя мумия, превратившаяся в прах за долгие годы.

— Я не пойму, зачем тебе нужно постоянно выпендриваться передо мной, — пожала плечами женщина. — Я же не единственная, над кем ты можешь посмеиваться. Я совсем не симпатичная. И не обаятельная. Я недоступна и сделала все от меня зависящее, чтобы ты потерял к моей особе всякий интерес. И для меня остается непонятным, почему ты продолжаешь приходить ко мне.

Викрам потянул ее за рукав и приблизил к себе.

— Ты единственный человек, который настолько глуп, что совершенно не боится меня, — тихо признался он, — но при этом глупой тебя не назовешь. И это буквально сводит меня с ума. Ну, тебя такой ответ устраивает? Ты довольна?

— Ты лжешь.

— Я никогда не лгу.

Американка молчала. Викрам что-то пробормотал ей, но так тихо, что Алиф не расслышал. Похоже, его слова возымели эффект, потому что женщина застенчиво улыбнулась и наконец взглянула на своего собеседника.

— Ну, пошли дальше, юный брат мой, — обратился Викрам к Алифу и ободряюще махнул ему рукой. — Догоняй нас.

Алиф рысцой добежал до них. Похоже, американка успокоилась и сбавила шаг.

— Одного я никак не могу понять, — заговорила она примиренческим тоном. — Как это восточные люди могут так спокойно перемещаться туда-сюда между цивилизациями. Мне

кажется, западным людям этого не понять. Наверное, мы запрограммированы по-другому. То есть давайте посмотрим, например, на восточных писателей, которые пишут о западной жизни. Это Казуо Ишигуро. Никогда не скажешь, что книгу «Остатки дня, или Не отпускай меня» написал японец. И при этом мне на ум не приходит ни одно имя западного писателя, который смог бы создать талантливую книгу в восточном стиле. Ну возможно, если мы примем во внимание Лоренса Даррелла… Впрочем, я даже не знаю, считается ли Александрия родиной восточной литературы или нет?

— Ну, это очень просто выясняется, — подхватил Викрам. — Смотря о чем написана книга. Она случайно не об измученных уставших людях, которые занимаются сексом?

— Точно, — удивилась американка.

— Значит, это западная литература.

Новообращенная казалась подавленной, потом она вдруг улыбнулась, а через пару секунд и вовсе рассмеялась.

— Боже, боюсь, ты прав. Как бы там ни было, я чувствую, что сказала что-то очень глупое.

— Вовсе нет. — Викрам галантно поклонился ей. Алиф переводил взгляд с женщины на Викрама и назад, чувствуя, что тут он явно что-то упустил или просто недопонял. Сам он редко встречал в своей жизни настоящих представителей Запада, в основном это были специалисты из Англии или Америки, преподававшие в низкопробной дешевой школе, куда в свое время ходил и он сам. Все его одноклассники тоже были цветными детьми из Индии, Пакистана и Бангладеш. В этой смеси имелось несколько человек из Малайзии и пара арабов из Северной Африки, где страны не так богаты нефтью. Другими словами, это были дети тех мигрантов, которые приехали сюда на заработки и успели скопить достаточно денег, чтобы дать своим отпрыскам довольно-таки сносное образование. Алиф всегда считал своих учителей-англичан более утонченными натурами, свободными от осознания своей ущербной личности, находящейся совсем не в том месте, в каком бы им хотелось пребывать, от чего он сам постоянно страдал. И теперь, когда он увидел, что примерно то же самое расстраивает американку, он разволновался и сам. Теперь юноша наблюдал за ней краем глаза. На ее губах заиграла улыбка, которая, правда, почти сразу так же внезапно и исчезла. Она приподняла брови, потом снова опустила их. Видимо, она все же обладала неким чувством юмора. Что ж, совсем неплохо.

— Так, дайте мне теперь сосредоточиться. — Викрам остановился у высокой стены, окружающей виллу с огромным фруктовым садом. Она была выстроена из известняка, который

добывали в карьерах здесь же, в пустыне, еще столетие назад. Его раскупали богатые торговцы, которые приобрели и последние оставшиеся свободные участки земли в Старом Квартале.

— А что мы тут ищем? И почему остановились? — поинтересовался Алиф.

Викрам поднял голову и шумно втянул воздух носом, как будто принюхивался к чему-то.

— Чую целую смесь блуждающих запахов, — сообщил он. — И еще воду в бассейнах из кварца. И кажется, чеснок. Похоже, мы нашли это место.

— Прости, не поняла. Что мы нашли? — нахмурилась американка.

— Пахнет тут правильно, — спокойно продолжал объяснять Викрам. — Тут где-то рядом должен быть вход на Неподвижную Аллею. Именно здесь, где мы сейчас стоим.

Алиф вздохнул и раздраженно заявил:

— Ты хочешь сказать, что привел нас сюда по запаху? Ты, наверное, шутишь.

— Ну а я что говорила! — презрительно фыркнула женщина. — Он нас надул, а теперь еще и начнет требовать деньги.

Викрам зарычал и принялся сновать возле стены туда-сюда.

— Я начинаю терять терпение, — пояснил он. — Я предложил вам провести вас в такое место, куда таким, как вы, вообще запрещено проникать. Вы встретитесь с такими людьми, которым, я опасаюсь, мне потом будет из-за вас стыдно в глаза посмотреть, а вы сейчас стоите вот тут и пререкаетесь.

— Викрам, это же самая обыкновенная стена! — не выдержал Алиф. — Тут нет никакого входа, в стенах их не бывает. Стена, наоборот, строится для того, чтобы не пускать за нее людей.

— Господи, а это тут при чем?! — Викрам надменно оглядел своих спутников, затем прошел немного вправо и внезапно исчез. Создалось такое впечатление, что стена представляла собой не единое целое, а две части, нахлестывающиеся одна на другую и имеющие между собой крошечное пространство, куда он и протиснулся каким-то неведомым образом.

Алиф и американка изумленно глядели на то самое место, где только что буквально на их глазах испарился Викрам. У женщины очень некрасиво отвисла нижняя челюсть, и Алиф сразу отметил это про себя, хотя понимал, что сам, наверное, в данный момент выглядит немногим лучше. Ее глупое выражение лица в точности отражало его собственное состояние. Алиф тщетно пытался дать какое-то разумное объяснение увиденному.

— Так вы идете или нет? — вдруг раздался голос Викрама

откуда-то со стороны стены. Женщина встрепенулась.

— Да-да, конечно, — слабо отозвалась она, а Алиф в это время обдумывал, как бы лучше отреагировать на происшедшее.

— Это скорее всего оптический обман, — заявил он уже более спокойным голосом. — Викрам прекрасно чувствует глубину, вот он и нашел то, что мы искали.

— Правильно, — сразу же согласилась американка. Она неуверенно шагнула вперед и, очутившись вплотную к стене, повернула вправо. Затем на ее лице отразилось удивление. А в следующий миг она точно так же исчезла между блоками стены, как это минуту назад произошло с Викрамом. Оставшись один, Алиф занервничал. Он рысью подбежал к тому месту, где только что находилась женщина, и изумленно заморгал, увидев, что тут им впрямь имелось узенькое пустое пространство. Стена как будто бы и вправду состояла из двух независимых частей, но они стояли так близко одна к другой, что практически сливались воедино.

Но проход между ними оказался длинней, чем это можно было предположить, глядя на стену. Алиф медленно продвигался вперед. Он прошел, наверное, с целый квартал, но проход уводил его еще дальше, и тогда молодого человека охватила паника.

— Викрам?! — растерянно выкрикнул он.

— Спускайся вниз, идиот.

Алиф посмотрел себе под ноги и понял, что буквально через шаг от него начиналась каменная лестница, ведущая куда-то вниз. Но ведь мгновение назад ее тут не было, как, впрочем, не было изначально и самого прохода в стене. Если бы он сейчас не посмотрел вниз, то наверняка кубарем полетел бы вниз по ступенькам. При этом самих ступенек он не видел, а то, что тут должна была находиться лестница, он понял лишь потому, что Викрам и его спутница стояли у ее подножия и сейчас выглядели удивительно маленькими. Собравшись с духом, Алиф начал свой спуск, стараясь казаться при этом равнодушным и совершенно беззаботным, будто все происходящее ничуть не удивило его.

— А вот и я, — сообщил он. — Приятно снова увидеться. Я уж было решил, что потерял вас.

Викрам рассмеялся:

— Ну вот, видишь, все получилось так, как я и говорил. Теперь ты не жалеешь, что так долго расстраивал меня? — Он отошел в сторону, и Алиф увидел нечто такое, чего ранее ему встречать еще не приходилось. Перед ним, безусловно, открывалась аллея, но вела она себя крайне необычно. Центральный коридор с обеих сторон ограничивали стены, сверху пестрели какие-то разноцветные навесы из ткани, и все это

уходило куда-то вдаль. Куда-то на середину обеих стен вели каменные лестницы, которые внезапно прекращались или, наоборот, уходили дальше, но только под самыми неожиданными углами и в самых непредсказуемых направлениях. От этого странного зрелища у Алифа очень скоро разболелась голова. Многочисленные двери тоже располагались в нескольких футах от земли, а некоторые перпендикулярно, и при этом так, что видны были сразу обе их стороны.

На Неподвижной Аллее находилось много народу. Мужчины сидели на подушках прямо в пыли маленькими кружками, курили кальяны и о чем-то спорили. Женщины в халатах и никабах или, напротив, почти раздетые, выкриками расхваливали свой товар и заманивали в маленькие магазинчики, прижимающиеся к стенам с обеих сторон аллеи. Кроме того, тут были существа, не похожие ни на мужчин, ни на женщин, а представляющие собой некие полутени, перемещающиеся вдоль аллеи и сливающиеся одна с другой, а потом вдруг обретающие форму двуногих тварей. Над всем этим царил невероятный шум, смешение всех языков мира, насколько сумел понять Алиф. Он то затихал, то усиливался, как шум прибоя на берегу моря. Молодому человеку показалось, что он просто находится под гипнозом.

Викрам провел их к небольшому магазину с левой стороны, расположившемуся в нескольких сотнях футов от входа на эту странную аллею. Внутри их встретила женщина с каштановыми волосами, заплетенными в несметное число косичек. Она лениво облокотилась о деревянный прилавок и рассматривала проходивших мимо. Глаза у нее были такие же желтые, как у Викрама, а по ее внешности нельзя было даже отдаленно предположить, к какой народности она относилась. Когда Викрам подошел поближе, она приветливо улыбнулась ему, как старому другу.

— Ассалам алейкум, — приветствовал ее Викрам, чуть коснувшись пальцами своего лба.

— Валейкум салам, — ответила женщина. Голос ее прозвучал негромко, но очень мелодично. Потом она принялась так пристально разглядывать Алифа, то тот невольно покраснел, а она все продолжала сосредоточенно рассматривать гостя сверху вниз и снизу вверх попеременно.

— Зачем ты привел их сюда? — обратилась она к Викраму на арабском. — На Аллее сейчас не так безопасно, как это было раньше, и ты прекрасно это знаешь сам. Кроме того, мне кажется, что девушка не слишком адекватно все это воспринимает.

Алиф повернулся к новообращенной и увидел, что глаза ее остекленели. Она мерно раскачивалась из стороны в сторону, как

будто засыпала, но потом вздрагивала и приходила в себя всякий раз, как только начинала дремать по-настоящему.

— Она из Америки, — заявил Викрам, словно это должно было что-то объяснить хозяйке магазина.

— Ах вот оно что. — И она с жалостью посмотрела на незваную гостью. — Она почти выключилась. Наверное, потом почти ничего и не вспомнит об этом приключении.

— То, что надо, то и запомнит. Но мы сюда пришли, главным образом, вот из-за этого мальчика. Алиф, познакомься, это Сакина. Сакина, а вот этот приятель называет себя Алифом.

— Алиф, — произнесла Сакина и прищурила свои солнечно-желтые глаза. — Единое вертикальное движение пера сверху вниз. Первая буква. Интересное имя.

— Благодарю вас, — произнес Алиф и тут же осознал, что это было уже излишне.

— Зачем ты пришел сюда? — осведомилась Сакина, вопросительно приподнимая бровь. Алиф посмотрел на Викрама и сразу же встретился с его взглядом. Викрам чуть заметно улыбался.

— Я… Я… В общем, мне досталась одна книга, и мне нужно узнать, откуда она взялась, — наконец, высказался Алиф, понимая, что от Викрама ему помощи не дождаться.

— Правда? Давай посмотрим на нее.

Алиф поставил рюкзак на пол и расстегнул его, после чего аккуратно извлек «Альф Яум» и положил книгу на деревянный прилавок перед Сакиной. Глаза ее округлились, и она в смятении посмотрела на Викрама.

— Ах, Викрам, Викрам, ты всегда считался смутьяном и нарушителем спокойствия, но сегодня ты превзошел самого себя.

Викрам неопределенно пожал плечами:

— Старею. А вообще я давно разрешил беспокойной земле приводить меня в самые неожиданные места. И даже если она доведет меня до беды, кто будет горевать об этом?

Сакина прищелкнула языком и снова обратила свой взор на аллею.

— Вам всем троим лучше зайти ко мне сюда, — велела она, пропуская троицу в свой магазин. Первым зашел Викрам, за ним Алиф, а потом и американка в полубессознательном состоянии. Внутри было довольно мило и светло, здесь повсюду виднелись арки, а вдоль стен расположились глубокие витрины. На одной из них дремала серая в пятнышках кошка, которая, услышав гостей, лениво приподняла голову, будто приветствуя их.

Алиф, к своему удивлению, обнаружил, что несколько деревянных полок в магазине поровну занимали книги и

комплектующие к компьютерам. Тут были и древние тома в кожаных переплетах, и современные романы на нескольких языках, «тормозные матери» начала девяностых и оптические дисководы третьего поколения меньше года после бета-версии.

— Это книжная лавка, или компьютерный магазин, или что-то еще? — изумился Алиф. — Кто сюда приходит и за каким товаром?

Сакина беззлобно рассмеялась.

— С третьего раза вопрос удался, — кивнула она. — Это и не книжная лавка, и не компьютерный магазин, Алиф. Я торгую информацией, и не важно, в какой форме она находится. Люди приходят сюда тогда, когда им нужно приобрести или обменять какие-то знания.

— А, понятно, — заметил Алиф и снова пожалел о том, что раскрыл рот. Сейчас его внимание привлек четырехъядерный процессор, лежавший на полке как раз на уровне его глаз. Сакина посмотрела на Викрама.

— Компьютеры и книги, — медленно проговорила она. — Неужели это означает, что, кроме этого, он тут больше ничего не видит?

— Наверное, так, — согласился Викрам и осторожно хлопнул Алифа по шее сзади. — В конце концов, он был создан из глины, и все еще остается таким.

Алиф тихо выругался и вывернулся из-под руки Викрама.

— Перестаньте говорить обо мне в таком тоне в моем присутствии, — огрызнулся он.

Сакина добродушно улыбнулась ему.

— Прости нас. Все дело в том, что ты не до конца находишься здесь, понимаешь? Другими словами, мы не полностью видны друг другу. Это как будто мы с тобой разговариваем по телефону, а я и Викрам сейчас находимся рядом друг с другом. И нам, конечно, хочется поговорить между собой о тебе.

Алиф в изнеможении опустился на пол, не в силах спорить дальше.

— Ну хорошо, — сдался он. — В конце концов, эта идея целиком и полностью с самого начала принадлежала Викраму.

— Какое красивое место, — впервые за все время заговорила по-английски американка. — Спасибо за то, что ты пригласил нас сюда.

Алиф понял, что имеет смысл как-то оправдать эти глупые слова женщины, ну и свою реакцию на данную действительность, и потому произнес:

— Мне кажется, ее телефон тут вообще не пропускает никаких сигналов.

Сакина снова вежливо рассмеялась.

— Все в порядке, — поспешила она успокоить юношу. — Адамово племя в своем большинстве ведет себя тут именно таким образом. Но если бы она вообще ничего не видела, то не смогла бы и пройти сюда. Поэтому она еще что-то представляет собой.

Алиф кивнул, сделав вид, будто понял, о чем говорит Сакина. А та уселась на пол и положила перед собой «Альф Яум», глядя на него так, будто ей уже удалось извлечь из него скрытую информацию. Викрам устроился рядом с американкой и по-волчьи наблюдал за ее стеклянным взглядом.

— Значит, это правда. Ее все-таки нашли. Это же рукопись Мокласа, да? — обратилась Сакина к Алифу.

Алиф даже обрадовался, услышав вопрос, на который он мог дать более или менее вразумительный ответ.

— Да, — быстро сказал он и поспешил добавить: — По крайней мере это можно предположить из моих недолгих расследований по данному вопросу.

— Думаю, ты в своих поисках не ошибся, — понимающе кивнула Сакина. — Когда «Альф Яум» впервые был продиктован смертному, такому, как ты, несколько веков назад, этот человек — а его звали Реза — успел сделать четыре экземпляра книги. Он был членом секты персидских еретиков, которая называлась «баттини». Может быть, тебе доводилось о них что-то слышать. Как бы там ни было, эти книги передавались от мастера ученику. Каждое поколение стремилось познать скрытую истину, которая якобы хранилась в этих книгах, посредством которой можно было бы обрести сверхъестественную власть. Однако это не удалось никому из них.

— Разве такое возможно? — перебил ее Алиф. — Неужели можно заполучить какую-то власть, просто отыскав загадку в книге? Если, конечно, такая загадка вообще существует.

— Никакой загадки тут нет, — расхохоталась Сакина. — Все дело в том, что вы и мы видим мир по-разному, вот и все. Трансцендентный аспект «Тысячи дней» очевиден только для невидимых и спрятавшихся. Хотя… — Она замолчала и посмотрела на лежащий на полке микропроцессор.

— Хотя что?

— Я подумала о том, что ты, наверное, тоже близко подошел к разгадке, — медленно проговорила Сакина. — Многие мои коллеги со мной не соглашаются, но я верю, что с наступлением того, что вы называете цифровой эрой, вам удалось пробить брешь в барьере символов и того, что они символизируют. Это, конечно, не означает, что «Альф Яум» от этого станет тебе более понятным, но все же можно сказать, что тебе удалось ухватить

саму суть представленной информации. Ты избранный. В конце концов, мы издавна поклонялись вашему создателю. И «Различение» тоже было создано не нами, а вами.

— Что еще за «Различение»? — поинтересовался Алиф, подавшись вперед от напряжения.

— Я была уверена, что ты все знаешь, — удивилась Сакина. — Особенно если вспомнить твое настоящее имя.

— Но я… но откуда тебе известно мое настоящее имя? Я не слышал, чтобы Викрам произносил его вслух.

— А этого и не требуется, — вступил в разговор Викрам, который до сих пор развлекался тем, что перебирал пальцами подол юбки новообращенной. Правда, она этого, похоже, не замечала. — Так как это имя известно мне, оно подразумевается всякий раз, когда я произношу выбранное тобой. Вот почему опасно сообщать свое имя джинну, если ты не хочешь, чтобы о нем узнали многие другие.

— Это Дина во всем виновата, — пробормотал Алиф. — Она не хочет называть меня по-другому.

— Это благословенное имя, — подхватила Сакина. — Не понимаю, почему ты так стыдишься его.

— Оно слишком часто встречается, и я его постоянно слышу. Мне не хочется быть таким же, как все.

— Даже если так.

Алиф нервно провел пятерней по непослушной шевелюре.

— Да это не важно, сейчас не об этом разговор. Что еще за «Различение»?

Сакина указала на одну из полок:

— Это Аль-Фуркан, разумеется. А вон и сама книга.

Алиф повернулся и увидел на подставке экземпляр Корана в зеленом кожаном переплете.

— А, понятно, — кивнул он.

Наступила тишина, и Алиф почему-то почувствовал себя в этот момент каким-то маленьким и уязвимым. Сакина и Викрам молчали и только загадочно улыбались, будто объединившись в какой-то тайне.

— Прости, — прервала затянувшуюся паузу Сакина. — Мы задумались о чем-то своем. Так на чем я остановилась?

— Вы говорили что-то про баттини, — напомнил Алиф. — И еще упомянули Мокласа.

— Совершенно верно. Два экземпляра из четырех существовавших были уничтожены в Исфахане, когда шах Аббас закрыл школу баттини в самом начале семнадцатого века. Еще один был утерян при пожаре спустя полвека в Каире. к концу семнадцатого века оставался всего один экземпляр. Именно его и

унаследовал Моклас. Говорят, что он продиктовал текст французу, который перевел его на свой родной язык, хотя, как я слышала, этот перевод никто всерьез не воспринимает.

— Делакруа, — проговорил Алиф. — Все полагают, что все он сам сочинил.

— Сам сочинил, — эхом отозвалась американка.

— Все переводы — это своего рода сочинения, — выдал свое заключение Викрам. — Все языки разные. И нельзя передать мысли одного языка на другой, ничего при этом не потеряв. Только арабы это понимали. И поэтому все неарабские версии «Различения» они называют не переводами, а интерпретациями.

— Вернемся к французскому переводу, — попросил Алиф. — Значит, его нельзя назвать настоящей книгой «Альф Яум»?

— А разве что-то французское вообще можно считать настоящим? — презрительно бросил Викрам.

— Когда Моклас умер, пропал и последний существующий экземпляр «Альф Яум», — продолжала Сакина. — Все ученики баттини постепенно деградировали и превратились в бродячих курильщиков гашиша, жаловавшихся на свою печальную судьбу. Больше о рукописи никто ничего не слышал. Ну, то есть до самого недавнего времени. Она снова всплыла буквально несколько месяцев назад.

У Алифа затекла левая нога. Он зашевелился, чувствуя, как закололо в стопе и голени.

— И что же случилось? — Сейчас он ощущал себя ребенком, которому рассказывают на ночь интересную сказку.

— Прошел слух, что какая-то богатая юная дама из какого-то эмирата отыскала рукопись в Дамаске у продавца редких книг и заплатила за нее целое состояние. Правда, эти сведения никем подтверждены не были. Хотя нашелся один человек, по имени «Падающая звезда», которого заинтересовали данные сведения, и он даже нанял каких-то головорезов, чтобы они отследили перемещение этой рукописи. И девушки, кстати, тоже.

— Интисар. — Алиф почувствовал, как запылали его щеки. Сколько всего угрожает ей, и он не в силах помочь своей возлюбленной! Значит, он не постарался защитить ее. Имя «Падающая звезда» показалось ему знакомым, но сейчас он не мог сообразить, где он слышал нечто подобное. Он был бессилен, находясь вдали от всего остального мира. Да и вообще все его способности были ограничены предложением оказывать услуги путем программирования компь-ютеров. За пределами своей спальни, где он просиживал день за днем в своей Сети, как паук, он был бесхребетным и беззащитным. Вместо щита он носил черную футболку и джинсы и совсем не был подготовлен к

физической опасности. Сейчас его мозг отчаянно сопротивлялся и полностью отрицал телесную немощность.

— Наверное, ей стало страшно, и она решила переслать эту книгу мне, — сказал он вслух и сам же ужаснулся, услышав эти слова. — Кем бы ни был этот «Падающая звезда», он наверняка угрожал ей. Вот поэтому она и переправила книгу мне. Она пыталась защитить таким образом саму себя. — Он горько рассмеялся. — Только вот я никак не могу понять, отчего она решила, что у меня эта книга окажется в полной безопасности. Я уже накосячил предостаточно. Меня настигает Рука, и я сам в бегах. У меня и без нее по уши проблем хватает. А в общем, я вел себя как последний дурак.

Сакина сочувственно дотронулась пальцами до его стопы. И Алиф в тот же миг ощутил прилив спокойствия и приятной прохлады, разливающейся по всему телу. Его начинало клонить ко сну. Он подумал о том, уж не является ли такой эффект следствием его внушаемости или, возможно, это Сакина обладает какими-то скрытыми сверхъестественными способностями? И то и другое было вполне допустимо.

— А что это за человек, который охотится за ней? — поинтересовался Алиф. — Я имею в виду книгу. Откуда он взялся? И что за банду он создал?

Сакина быстро заморгала, словно в смущении.

— Я сама его ни разу в жизни не видела, — призналась она. — Говорят, что сюда к нам он приходил сам по себе. У него не было ни карты, ни проводника. Среди людей он пользуется определенным авторитетом, имеет какое-то отношение к властям в области закона и наказания. Но как ему удалось проникнуть сюда — остается неизвестным. Тем не менее ему удалось уговорить кое-кого из наших помогать ему в его делах.

Алиф взглянул на Викрама. Тот напрягся и, казалось, тоже почувствовал себя неуютно под внимательным взглядом юноши.

— Что это все значит? — насторожился Алиф.

— Джиннов много, и они отличаются один от другого, — негромко пояснил Викрам. — Так же, как и люди. Одни из них хорошие, как Сакина, другие не очень, как я. Большинство — просто жалкие трусы, как ты. Но есть еще и плохие, причем очень плохие.

— Как кто, например?

— Ну например, как изгнанный шайтан. А дальше додумывай сам.

Алиф сжал ладони в кулаки и поднес их к лицу.

— Но я не могу управлять демонами, — в отчаянии выдавил он.

— Конечно, нет, — согласилась Сакина. — Но от тебя это никто и не требует. Оставь книгу нам. Здесь, на нашей Аллее, она будет находиться в большей безопасности, чем там, в видимом мире у вас. Да и вообще никогда и не предполагалось, что ею будет владеть кто-либо из смертных. Вы слишком небрежно относитесь к своим инструментам, чересчур рьяно стремитесь к прогрессу, забывая о том, какой стоимостью обладает ваш инструмент.

Алиф с облегчением осмотрел рукопись, по-прежнему лежавшую между ними. Если он отделается от книги, для Интисар вряд ли что-то сильно изменится, но сам он окажется в куда большей безопасности, чем сейчас. Кроме того, это было бы разумно и благородно — вернуть ценный артефакт тем, кому он принадлежит по праву. И тогда он смело заглянет ей в глаза и скажет, что он поступил правильно. Она поймет, что он достойный человек, именно такой, каким она всегда его сама и считала.

— А тот человек, который приходил сюда за книгой, — начал Алиф, — он ведь даже не знает, что она находится у меня, верно? То есть откуда бы ему об этом знать? И если я оставлю ее здесь, на этом мое участие во всей этой заварушке и закончится. Я же для всех — человек без имени.

Сакина нахмурилась, но лицо ее выражало крайнее сомнение.

— Я не уверена, что все так просто. Тот человек, может быть, и сделан из глины, как вы все, но у него есть свои ходы и связи. Его союзники скорее всего уже доложили ему о том, что ты здесь. А если он сумел попасть на Аллею самостоятельно, значит, у него огромный доступ к любой информации в видимом мире. И на твоем месте я не стала бы делать скоропалительные выводы и заключения.

В этот момент имя таинственного незнакомца, которое все это время вертелось на языке Алифа, вдруг стало ясным и понятным. Теперь все в его голове прояснилось.

— Боже! — воскликнул он. — Это же метеор. Падающая звезда и есть метеор. Аль-Шахаб. Аль-Шахаб означает «падающая звезда».

— И что? — Викрам лениво зевнул, обнажая целую пасть острых, как у хищника, зубов.

— Это и есть Рука. — Алиф едва сдерживался, чтобы не расхохотаться в истерике. — Его настоящее имя — Аббас аль-Шахаб. Значит, это Рука охотится за книгой «Альф Яум».

Глава восьмая

Хотя Сакина попыталась оставить Алифа погостить у себя, он упрямо поднялся со своего места и, уложив рукопись в рюкзак, ловко закинул сумку себе за плечо.

— Я должен встретиться с Интисар и предупредить ее, — пояснил он. — Мне давно надо было уходить, а сейчас я могу и опоздать.

— О Аллах! — воскликнул Викрам. — Да, и будь мужественным! Прими судьбу достойно!

— Не надо его ободрять, — махнула рукой Сакина, — он может попасть в большие неприятности.

— Он уже влип по горло, так что еще немножко уже не помешает.

— Вот это верно. — Алиф печально улыбнулся. — Зато теперь все встало на свои места. Рука наверняка уже знал о том, что Интисар собирается отдать книгу мне, когда пытался взломать мой компьютер. Слишком уж продуманными были его ходы. Я догадался об этом сразу, наугад у него бы так никогда не получилось. Он хотел узнать, получил ли я уже книгу, и если да, то находится ли она у меня или я куда-то уже успел ее перепрятать. Ему не нужна Интисар, ему наплевать и на мою программу Тин Сари. Ему нужен только «Альф Яум».

— Ты все это придумал сам, — отреагировала американка. И Алиф бросил на нее недовольный взгляд.

— И все равно я считаю, что книгу ты должен оставить здесь, у нас, — повторила Сакина. — Так будет безопасней и мудрей.

— Не знаю, как там с мудростью, но, если Рука действительно ищет эту книгу, я обязательно должен узнать, зачем она ему понадобилась. Я отвечаю за многих людей, которым он может повредить, и еще как! — И он с болью в сердце вспомнил всех тех, кто остался без его защиты в тот самый миг, когда он сам отключился от Голливуда.

— Очень мудро, — констатировала американка.

— Ты сможешь пока что о ней позаботиться? — обратился Алиф к Викраму, кивая в сторону женщины.

Викрам приложил руку к груди:

— Я буду следить за ней, как за собственными очами. Но где мы встретимся после твоего короткого свидания?

— Сам не знаю. — Алиф раскрыл свой телефон. Никаких посланий для него не было. Он снова захлопнул крышку. — Позвони мне. У новообращенной есть мой номер, если она, конечно, вспомнит, как надо звонить.

Викрам отмахнулся:

— Не переживай. Как только мы снова окажемся в Городе, она сразу придет в себя. Эффект от пребывания на Аллее проходит очень быстро. Потом она будет помнить только то, что мы прекрасно провели время в каком-то очаровательном местечке в Старом Квартале, где она раньше никогда не бывала.

Только сейчас Алифу вдруг пришло в голову, что он не знает, как ему самостоятельно выйти с этой таинственной Аллеи.

— А где тут… м-м-м… Выход?

Сакина неопределенно пожала плечами:

— Наверное, там, откуда вы сюда и вошли. Так мне думается, — высказала она свое мнение и добавила: — Викрам проводит тебя, раз уж ты не в состоянии сам найти путь. А я пока что присмотрю за вашей подругой, пока он не вернется. Но только помни, что тот вход, через который вы сюда пришли, может выплюнуть тебя в совершенно неожиданном месте, совсем не обязательно там, откуда вы в него попали сюда.

— Как это — в неожиданном? Насколько неожиданном? В центре Тибета, что ли?

— Трудно сказать.

Алиф с сомнением посмотрел на Викрама.

— Что это за объяснение: «трудно сказать»? Может быть, ты сам мне посоветуешь что-нибудь толковое?

— К сожалению, не смогу, — с напускной беззаботностью улыбнулся Викрам. — Если Сакина права насчет тех головорезов, которых нанял твой Рука, то тебе есть о чем беспокоиться. А маленькое отклонение от маршрута может оказаться даже полезным. Забирай свои вещи и вперед.

Алиф решил не задумываться над его словами предупреждения. Он помахал рукой на прощание Сакине, она в ответ прижала ладонь к сердцу, и заспешил на улицу вслед за Викрамом. Краски здесь казались удивительно яркими и сочными. Внезапно ноги у Алифа отяжелели. Его потянуло в сон, и он с трудом обогнал какого-то рассыльного мальчишку со стеклянным горшком на голове, полным разноцветных бабочек.

— Ты начинаешь терять нить, — донесся откуда-то голос Викрама. — Вот, держись лучше за меня.

Алиф послушно уцепился за его руку, при этом его пальцы впились во что-то теплое и мягкое, похожее на звериную шкуру. На какое-то мгновение ему даже показалось, что он заснул и больше ничего не видит.

— Самый младший брат мой, так дело не пойдет.

В следующее мгновение Алифу почудилось, будто кто-то с легкостью поднимает его с земли и сажает себе на плечо, такое

же меховое и пахнущее диким зверем. Ему почему-то захотелось засунуть себе в рот свой большой палец и начать сосать его. Потом ему вспомнилось детство, потом какое-то далекое прошлое, когда на границе сна и бодрствования почему-то всегда присутствовали дикие звери.

— Проснись! — негромко, но настоятельно произнес Викрам. — Здесь не безопасно.

Алиф заставил себя раскрыть глаза. На него смотрело сразу несколько темных силуэтов, сливающихся с тенями и с горящими, как фонари, глазами. Какой-то слон проковылял мимо них, закрывая своим золотистым телом витрины магазинчиков. Тут Алиф окончательно пришел в себя и выбрался из объятий Викрама. Он отвратительно чувствовал себя.

— Вот этого делать уже не надо было, — нахмурился он, расправляя свою скомканную рубашку. — Не надо постоянно виться возле меня. Как будто все действительно так уж плохо, как пыталась мне это доказать Сакина. Боже! Я всего-навсего как-то раз позволил кошке провести у меня ночь во время песчаной бури. Нормальный мужчина убил бы меня за то, что я переспал с его сестрой.

— Нормальные мужчины не любят своих сестер так сильно, как я, — пояснил Викрам со своим обычным пренебрежительным видом по отношению к Алифу. — Ну какое же передо мной неблагодарное создание! — Он с досады крутанулся на месте и помчался вперед по Аллее, да так быстро, что Алиф едва поспевал за ним.

— Погоди… Я не имел в виду ничего плохого. — Алиф бросился бежать со всей мочи. В этот момент перед его взором возникло лицо симпатичной девушки с многочисленными цепочками на лице, продетыми в колечки пирсинга, и юноша застыл на месте. Она повернулась к нему и улыбнулась, обнажая ряд острых, как у акулы, зубов. Молодой человек чуть не задохнулся от ужаса и помчался прочь. Вдали уже появилась почти невидимая лестница, которая совершенно случайно попалась ему на глаза в нужный момент. Рядом с ней уже бродил взад-вперед Викрам, как лев по клетке в зверинце.

— Нормальный мужчина, — бормотал он себе под нос. — Идиот. А я как ненормальный нянчусь с ним и пеленаю его, а он только и знает, что гадить в пеленки да орать.

— Прости меня, — искренне попросил Алиф. — Я действительно запутался и уже не знаю, что мне делать. А здесь так прикольно, и все такое яркое, что даже глазам больно. Я не могу ни на чем сосредоточиться. Мне кажется, что я спятил.

— Глазам больно, глазам… Лучше поскорей линяй отсюда,

пока кто-то не оскорбил твой взор своим присутствием. Вон там лестница. — Алифу показалось, что Викрам слишком сильно втянул голову в плечи и начал пятиться назад, к Аллее, да так, что очень скоро стал напоминать какого-то отвратительного упыря. Из горла у него рвались какие-то звериные звуки, похожие на те, что мог бы извергнуть обиженный хищник. Пораженный, Алиф наблюдал за ним еще пару секунд, а потом приготовился к решительным действиям. Он в несколько прыжков нагнал Викрама и положил ему руку на плечо. Тот обернулся и грозно зарычал. Алиф извернулся и поцеловал его в обе щеки, как родного брата.

— Я хотел сказать тебе спасибо, — пояснил он. — Вот что я на самом деле хотел.

На лице Викрама отразилось искреннее удивление, которое, впрочем, тут же переросло в широкую добродушную улыбку.

— Уходи, маленький брат, — сказал он, немного выпрямившись. — Если Богу будет угодно, мы встретимся позже.

Алиф снова бросился к потайной лестнице, слыша за собой удаляющийся шум Неподвижной Аллеи. Нельзя было терять ни минуты. Он собрался и очень скоро очутился перед высокой стеной особняка в Старом Квартале.

Однако прохода в стене на этот раз не оказалось, и Алиф с трудом заставил себя успокоиться и не паниковать. Он замедлил шаг и одной рукой начал ощупывать камень за камнем, как слепой, выбирающий путь. Так он шел минуту, потом другую, а затем его пальцы нащупали провал в стене. Он повернулся к ней лицом и прищурился. Неясная тень подсказала ему, что именно в этом месте и находился тот таинственный провал, где стена представляла собой как бы две нахлестывающиеся одна на другую стены. Он проскользнул в образовавшееся отверстие, и очень скоро очутился на какой-то незнакомой немощеной улице. Пахло жженым мусором.

— Вот проклятие, — прошипел он сквозь зубы. — Проклятие! Он завертелся на месте, пытаясь определить, где он находится. Позади него высилась громадная бетонная стена, у основания которой выстроился целый ряд каких-то навесов. Посреди дороги высилась громадная куча горящего мусора, куда то и дело сбрасывали мешки босые мужчины в форме городских служащих по уборке мусора. Рядом с костром, по такой же куче мусора, но еще не горящей, бродили женщины по щиколотку в отбросах и выуживали у себя из-под ног пластиковую и стеклянную тару. Вонь стояла неописуемая.

— Послушай, дядя, — обратился Алиф к какому-то пожилому мужчине неподалеку, сутулому, но с шикарной золотистой

шевелюрой только начинающих седеть волос. — Это что за район? Как здесь достать такси?

Старичок кашлянул и чуть не рассмеялся, обнажая то, что у него осталось от зубов:

— Это место, кажется, и названия никакого не имеет. Мы зовем его «Мусорная Яма». А тебе куда нужно попасть?

— В Старый Квартал, — в отчаянии произнес Алиф и принялся вглядываться в даль в надежде увидеть заветное черно-белое такси.

— Это далеко. Я сам могу отвезти тебя туда за тридцать динаров.

Алиф неуверенно оглядел босоногого старика.

— На чем ты меня отвезешь? На мусоре и на навозе?

— На Абрикосе.

И он указал куда-то в сторону, где стояла небольшая повозка с впряженным в нее отвратительным ослом, по-видимому, тем самым Абрикосом.

Алиф в отчаянии закусил губу. Он определенно опоздает на встречу.

— Отлично, — отреагировал он и поднял вверх обе руки. — Поехали!

* * *

Через полчаса Алиф подъехал к знаменитой стене Старого Квартала, окончательно одуревший от запаха, исходящего от повозки и самого осла. Он быстро расплатился с возницей, опасаясь, что старик коснется рукой его ладони, на которой лежали смятые купюры. Едва очутившись на земле, Алиф бросился бежать. Мчась что было сил по вымощенной камнем дороге, что вела к университету и в самое сердце Старого Квартала, он ни разу не остановился, чтобы перевести дух, и неустанно думал об Интисар. Он помнил запах ее духов столь отчетливо и ясно, что ему казалось, что он перебивает все, даже куда более резкий «аромат» Абрикоса. Он резко свернул влево на боковую улочку, ведшую к главному входу в университет. Студенты шумными говорливыми группками расходились после дневных занятий, вынимая мобильные телефоны и сигареты и укладывая ноутбуки в рюкзачки. Алифу они казались как-то неестественно расслабленными, не имевшими ни малейшего понятия о нависшей над ним катастрофе и смотревшими на него как на обреченного, несчастного глупца, взвалившего на себя неподъемное бремя безо всякой надежды когда-нибудь сбросить

его.

Вдали Алиф услышал голос продавца чая, пробивавшийся сквозь болтовню студентов и еще более подчеркивавший их академический сленг. Крепкий молочный чай, услада вкусу и здоровье телу!.. Если учесть, что Мишель Фуко определил постмодернистский дискурс, надо помнить о его склонности к эмпирике… Крепкий молочный чай, подходи, пока есть!.. Ты, очевидно, полагаешь, что социальный капитал со временем обретет рыночную ценность… Крепкий молочный чай, божественный напиток за пару монет!.. Ты никак не избавишься от колониальных предрассудков, старик… Последнюю фразу он услышал от парня, внешне похожего на индийца, но одетого в мешковатые штаны с накладными карманами и футболку с изображением какой-то волосатой западной группы. Алиф прошмыгнул мимо него, ориентируясь по голосу продавца чая.

Выйдя на условленное место, он не увидел там Интисар. Алиф купил у торговца чашку чаю, сказав, что сдачи не надо. Потягивая горячий, приправленный молотыми специями напиток, он размышлял, придет ли она вообще. Она проверяла электронную почту не так часто, как он. Возможно, она боится встречи с ним. Вероятно, ей нравится капризничать подобным образом, то отвергая его, то одаривая опасными подарками. Именно из-за нее он подверг себя и своих друзей смертельной опасности, именно из-за нее он написал программу, за которую они все могли угодить за решетку. А Интисар оставалась холодной и отстраненной, что сводило его с ума.

Когда он пытался отрепетировать, что и как он ей скажет, в его мозгу одновременно прокручивались два разных сценария. В первом он бросал ей в лицо обвинения, во втором — нежно ее обнимал. Оба сценария кончались тем, что Интисар, дрожа, прижималась к его плечу, бормоча извинения и признаваясь в нерушимой любви. Он залпом допил чай и почувствовал недовольное урчание в животе. Он не должен надеяться, одна лишь надежда могла бы убить его.

Алиф помотал головой, чтобы избавиться от видений, и приказал животу замолчать. День становился все жарче, и солнце приближалось к испепеляющему зениту. Из-за угла вышел мужчина и неспешной походкой приблизился к торговцу чаем. Взяв свой чай, он расплатился мелкой купюрой, махнув рукой, когда торговец протянул ему сдачу. Повернувшись спиной, он осторожно вылил горячую жидкость на землю. Алиф напрягся. Еще двое мужчин, изо всех сил пытавшихся выглядеть раскованными, направлялись к нему со стороны мощенной брусчаткой улочки, ведшей к университетскому городку. Один из

них потянулся к какому-то предмету, заткнутому за брючный ремень.

Алиф не стал дожидаться, что они сделают дальше. Бросив пустой стаканчик на землю, он ринулся вперед мимо тележки торговца. Вслед ему кто-то что-то строго рявкнул, видимо, приказывая остановиться и поднять руки. Но он и не думал подчиняться. Набрав в легкие побольше воздуха, он рванулся в проулок, отделявший университетский городок от ближайшего к нему частного дома. Проулок оказался узким (но разве Амидаб Бачан не ускользнул узкими переулками в фильме «Месть и закон»?), так что преследователям придется бежать друг за другом. Он промчался мимо полуразвалившейся кучи досок, оставшихся от какой-то стройки, и взмолился, чтобы случайно торчащий гвоздь впился в ногу кому-нибудь из преследователей. У самого же Алифа ноги жутко болели — он не привык к подобного рода пробежкам. Тяжело дыша, он выскочил из проулка.

Улица, где он оказался, была широкой и в какой-то мере импозантной, ее вымощенную камнем мостовую недавно вымыли. Она уходила вверх в центр Старого Квартала. Прищурившись, Алиф увидел громадный силуэт мечети Аль Башира, четко читавшийся на фоне побелевшего от жары неба и нависавший над старым, эпохи Средних веков, университетским городком. На нестерпимо гудящих ногах Алиф двинулся вверх по улице, лихорадочно соображая, где бы ему спрятаться. Конечно же, из Аль Баширы они не смогут вытащить его в наручниках. У него в кармане запищал телефон. Он не стал отвечать, продолжая мучительное восхождение на вершину холма. Позади он слышал топанье ног по каменным плитам и крики: один из преследователей вызывал подкрепление. Алиф смахнул навернувшиеся от бессилия и отчаяния слезы.

— Эй, ты! Мальчик! Ты почему бежишь?

У ворот богато украшенной виллы путь ему преградило необъятное и не терпящее возражений брюхо привратника. Одет он был в некое подобие униформы: псевдооттоманский халат и украшенный пером тюрбан, что делало его похожим на артиста в цирке или на официанта в стилизованном под старину ресторане. Сходство было комичным и в то же время невыносимым. Алифа охватило желание ударить его, поставить ему подножку или хорошенько врезать ему по пузу — лишь бы убрать его с дороги. Но помешало врожденное чувство уважения к старшим, и привратник схватил его за плечо.

— Будь ты проклят! — взвизгнул Алиф, чувствуя себя преданным.

В ответ привратник надул щеки. Алиф сопротивлялся, но схватившая его мясистая рука все сильнее сжимала его плечо, пока он не ощутил, как там судорожно бьется пульс. Агенты приближались, под мышками их спортивных курток виднелись огромные темные пятна пота.

— И в этом вся твоя жизнь — наряжаться, как обезьяна, на потеху богатым уродам? — заорал на привратника Алиф, обнажив зубы. — Вся жизнь в этом? Вся до капли? Ты думаешь, они перестанут обращаться с тобой, как с дерьмом, если ты сдашь меня?

Привратник словно остолбенел. Его щеки опали. Рука, сжимавшая плечо юноши, ослабила хватку, и Алиф тотчас же вырвался. Рванувшись вверх по улице, он чуть замедлил бег, чтобы оглянуться. Им овладело смешанное чувство вины и презрения, когда он увидел смотревшего ему вслед привратника: тот как-то весь обмяк, а перо на опереточном тюрбане бессильно поникло.

У самой вершины холма улица заканчивалась развилкой. Алиф свернул влево и споткнулся сначала о «лежачего полицейского», а потом о выступ мостового камня, беспрестанно бормоча проклятия. У самого его уха что-то просвистело. Он взвизгнул и рванулся в сторону, уверенный, что это была пуля. Справа от него из открытой двери магазинчика доносились женские голоса. Ни о чем не думая, Алиф резко свернул и влетел внутрь, вызвав крики возмущения. Его глазам предстало море дамских принадлежностей: стойки с туфлями, полки с сумочками, столики с перчатками. Ища запасный выход, он споткнулся и опрокинул витрину с бижутерией. За этим последовал оглушительный визг и мощный удар по затылку.

— Дайте мне выйти отсюда, черт вас подери! — взревел он, отбиваясь от шквала ударов.

Невидимые руки толкнули его к подпертой камнем открытой двери с надписью «Служебный выход». Он ринулся в нее, ударившись о низкую притолоку, и снова оказался в каком-то проулке. Задние дворы домов загораживала мечеть. Он в отчаянии огляделся, стараясь найти хоть какой-то ориентир, но безрезультатно. Уже не пряча слез, он понесся куда глаза глядят мимо усевшихся в ряд кошек, бесстрастно наблюдавших за ним с мусорной кучи.

Он повернул за угол, потом юркнул куда-то еще, на бегу рассекая группки людей в изысканных одеяниях, явно сшитых на заказ. Он уже два дня не брился и не переодевался и в полной мере осознавал, что похож на пустившегося в бега вора. Все эти нарядные мужчины и женщины без малейших колебаний укажут

людям из службы безопасности, куда он побежал, а потом продолжат жаловаться друг другу на дерзость и вороватость служанок и шоферов. Останавливаться было нельзя. В районе Бакара все может оказаться по-другому: там люди знали, что такое несправедливость. Здесь же он был одиноким чужаком.

— Держите, держите его!

Алиф обернулся и увидел, как трое его запыхавшихся преследователей бегут по улице. Он снова ринулся вперед, словно подстегиваемый страхом, и чуть не сбил с ног старика, перебиравшего четки.

— Извините, — прохрипел он.

Старик что-то ответил, помянув Аллаха. Алиф поскользнулся и упал. Пребольно ударившись коленом о камень, он подумал, не сглазил ли его старик.

— Тьфу ты! — выругался Алиф, до конца не уверенный, к кому обращался: к старику или Всевышнему. — Я ни в чем не виноват!

Боль тисками сжала его правое колено, пульсируя в такт с бешено бьющимся сердцем. Он кое-как поднялся, стараясь не обращать на нее внимания. Агенты службы безопасности наверняка сейчас схватят его. Нетвердой походкой он завернул за угол, пройдя под старинной, украшенной резьбой аркой, и в отчаянии мысленно воззвал к Всевышнему, хотя в голове у него царил полный сумбур.

Мечеть вдруг возникла прямо перед ним в конце узенькой улочки. Каждым своим камнем она стремилась к солн-цу, словно то призывало ее к себе. Алиф издал хриплый вздох облегчения. Он изо всех сил потрусил к мечети, морщась от боли, с трудом прохромав последние метры, отделявшие его от массивных, обитых медью дверей. За многие годы медные листы окрасились в ровный зеленый цвет, так что древние песни о сияющих вратах Аль Баширы потеряли всякий смысл, однако Алиф приветствовал их, как давно забытых друзей. Он с трудом отвалил одну из створок и протиснулся внутрь.

Внутри мечети царил полумрак. Свет проникал лишь сквозь пять круглых люков в куполе, отчего геометрически правильные светящиеся колонны словно стояли в центре молитвенного зала. Все электрическое освещение было выключено: полуденный намаз закончился больше часа назад, и никого из молившихся не осталось. Алиф отдышался и скользнул вдоль стены. Откуда-то из темноты доносился странный шум — совершенно неуместные здесь звуки скрипки. Это была египетская народная песня, но звучала она в совершенно непривычной и какой-то робкой тональности, что заставило Алифа на мгновение вспомнить, как

Дина пожимает плечами, когда ей задают вопрос, на который она не может ответить.

— Да помилует нас Аллах, молодой человек! Вы не сняли обувь!

Алиф в ужасе обернулся. Из противоположного конца молитвенного зала к нему приближался шейх с испещренным морщинами лицом, в коричневой накидке и с тюрбаном на голове.

— Что означает подобная непочтительность? Вы что, с ума сошли?

Шейх остановился напротив Алифа и с негодованием бросил на него косой взгляд слезящихся подслеповатых голубых глаз.

— Вы мусульманин, молодой человек? — спросил он, переходя на урду.

— Прошу прощения, — заикаясь, по-арабски ответил Алиф. — Да, я мусульманин, но я попал в страшную беду и совсем забыл об обуви.

— В беду?

Снаружи с силой застучали в двери. Алиф замер. На какую-то долю секунды шейх впился в него острым взглядом.

— Ступай, — пробормотал он. — Мой кабинет за аркой в дальнем конце молитвенного зала. Придя туда, попроси у Аллаха прощения за свои грязные ноги.

Алиф поспешил подчиниться. Проскользнув под аркой, он услышал, как открылись огромные двери и чей-то власт-ный голос спросил, не видел ли шейх, как молодой человек в черной футболке входил в мечеть. Вжавшись в пологую стену арки, Алиф обратился в слух.

— Мои глаза уже не те, что прежде, — отвечал шейх. — Боюсь, я только что закрыл мечеть. Вам придется вернуться на полуденный намаз.

— Вздор. У нас есть полномочия обыскать мечеть в любое время, — возразил низкий утробный голос.

— Чьи полномочия? — поинтересовался шейх.

— Государственные, дерзкий старик, чьи же еще?

— Аллаха, — кротко ответил тот. В воздухе повисла пауза.

— Может, нам сначала согласовать это с Советом по надзору за чистотой веры? — спросил второй голос более спокойным тоном.

— Обыскивайте тут все прямо сейчас, если вам угодно, — продолжил голос шейха. — Однако я настаиваю, что сперва вы должны снять обувь и совершить омовение. Это священное место, и я не допущу, чтобы его осквернили грязными ногами или нечистыми помыслами.

— Он не хотел тебя обидеть, дядя, — виновато пробормотал второй голос.

— Неужели? У него, наверное, к этому врожденный талант.

И снова пауза. Алиф услышал шарканье ног.

— Это что, *музыка*? — донесся утробный голос.

— А если и так?

— Музыка в *мечети*?

— Как хорошо, что вы вдруг снова обрели благочестие, — язвительно отозвался шейх. — Я начал служение в Аль Башире гораздо раньше, чем вы появились на свет, и никто никогда не жаловался. Итак, я сказал вам, что мечеть закрыта и мои глаза изменяют мне. Совершенно ясно, что я ничем не смогу вам помочь. Надеюсь, вы найдете того, кого ищете.

— Если нет, то мы вернемся с ордером Совета по надзору за чистотой веры, — заявил утробный голос. — И да поможет тогда тебе Аллах.

— Он часто так делает, — произнес шейх.

Двери мечети с грохотом закрылись. Алиф медленно сполз на пол по пологой стене арки, понимая, что находился на волосок от гибели. Теперь все кончилось. Он вытер потное, заплаканное лицо краем футболки. Шейх быстро подошел к нему по вытертому ковру молитвенного зала, лишь однажды со вздохом нагнувшись, чтобы рассмотреть комочек грязи с обуви Алифа.

— Твой путь грехопадения должно очистить, — возвестил он, дойдя до дальнего конца зала. — Надеюсь, ты сам вызовешься сделать это.

— Конечно, — ответил Алиф. — Все что угодно.

Шейх внимательно посмотрел на Алифа слезящимися глазами.

— Да ты совсем мальчишка! — воскликнул он. — Или юноша, в любом случае. Чем же ты успел так насолить службе безопасности? Ты что, террорист?

— Я программист. Я помогаю… помогаю всем, кто попросит о помощи.

— То есть исламистам?

Алиф устало уронил голову на колени.

— Исламистам, анархистам, атеистам — всем, кто попросит.

— Аллах всемогущий, помилуй нас. Человек с принципами. Меня зовут Биляль, шейх Биляль. Не называй своего имени, мне лучше его не знать. Пойдем ко мне в кабинет — тебе нужно помыться и выпить чашку чаю.

* * *

Кабинет шейха находился за молитвенным залом и представлял собой комнату с каменными стенами и решетчатым окном, выходившим во внутренний дворик. У одной из стен стоял письменный стол с убирающейся крышкой, заваленный книгами, бумагами и россыпями скрепок. По словам шейха, эта комната носила название «марокканской», поскольку в стародавние времена здесь собирались студенты медресе из Северной Африки, чтобы слушать лекции на своем диалекте. После того как Алиф пристроил свой рюкзачок в углу, шейх проводил его в маленькую ванную, помещавшуюся в конце коридора.

— И обязательно вымой ноги, — приказал он, подавая Алифу полотенце. — Открой нижний кран, он для этого и предназначен. Тебе сахар класть? Я завариваю чай по-египетски: черный с мятой. Никаких дамских штучек вроде молочного чая, который привнесли с собой вы, индийцы. Я подожду тебя в коридоре.

Он повернулся, потуже запахнувшись в свое одеяние, и направился к кабинету. Алиф закатал брюки и открыл кран. Чуть теплая вода хлынула на его горевшие ноги. Это было так приятно, что он разделся догола и наскоро ополоснулся, видя, как грязь и пыль двух последних дней стекают с него темными ручейками. Юноша прислонился лбом к стене, отделанной потускневшим от времени кафелем. Прямо перед глазами он увидел узор из зеленых восьмиконечных звезд — стандартное украшение мечетей, непритязательное, но добавившее ему уверенности. Он позволил себе ощутить некое чувство безопасности. Звуки скрипки отдавались эхом от стен ванной, становясь то громче, то тише, в зависимости от того, как Алиф поворачивал голову, прислушиваясь к ним.

Посвежевший и немного успокоившийся, Алиф оделся и зашлепал босыми ногами по коридору, осторожно держа свою обувь двумя пальцами. В кабинете шейх Биляль накладывал сахар в чайные стаканы. Жестяной чайник, кипевший на стоявшей в углу плитке, испускал струи пара. Алиф снял пачку газет со стула, стоявшего у стола, и сел.

— Вот так-то лучше!

Шейх подал Алифу стакан темно-красного чая с плававшей в нем веточкой мяты.

— Теперь ты гораздо меньше похож на разбойника и гораздо больше на того, за кого себя выдаешь. Я думал, ты постараешься одурачить старика и ограбить это богоугодное заведение.

— Я не вор, — ответил Алиф.

— Верю. Однако что заставило тебя прийти именно сюда? Было бы куда умнее найти хорошего адвоката.

Алиф беззвучно рассмеялся.

— Адвокат мне уже не нужен, уважаемый шейх. Скорее всего пора начать обустраивать собственные похороны. Я подумал… да ну, чушь это все…

— Возможно, но все-таки скажи мне.

— Мне казалось, что из мечети они никак не смогут меня вытащить. Особенно из этой мечети.

Лицо Биляля сделалось серьезным. Он отхлебнул глоток чаю, изрядно посмаковав его, прежде чем проглотить.

— Было время, когда ты, возможно, оказался бы и прав, — ответил он. — Но не теперь.

Он перевел взгляд на решетчатое окно. Яркий солнечный свет отбрасывал узорчатые тени на пол и на полы его одеяния.

— Видишь ли, на протяжении многих веков эмиры ответствовали перед нами, — продолжал шейх, — книгочеями из Аль Баширы. Тогда эти стены и вправду служили защитой. Мы преподавали в университете и выступали как судьи для простого народа. Говорят, что в Средние века мы даже возглавляли снискавший уважение банк. Кредит, мой мальчик, — арабское изобретение.

— Я араб только наполовину, — раздраженно возразил Алиф.

— Да? — Шейх удивленно заморгал глазами. — Возможно, что и так. Во всяком случае, эмиры были защитниками. Они охраняли Город, охраняли нас и посылали молодежь воевать, когда та становилась слишком непокорной.

— И что же случилось?

— Нефть, — покачал головой шейх. — Великое и проклятое богатство, лежащее у нас под ногами. Пророк предвидел, что оно погубит нас. И государственность — что это за жуткая мысль, а? Для этих краев она неприемлема. Здесь слишком много языков, слишком много племен, движимых идеями, которые не могли понять лощеные картографы из Парижа. Не понимают теперь. И никогда не поймут. Ну, да хранит их Аллах — им же не приходится жить в этой каше. Говорили, что современному государству нужен один правитель, светский человек, и эмир больше всех соответствовал этому. Поэтому вся власть перешла к эмиру. И всякого, кто подумает в этом усомниться, ловят и бросают в тюрьму, как ты сам недавно убедился. Всё для того, чтобы какой-то изнеженный племянник эмира, на которого всем глубоко наплевать, мог заседать в ООН и нести флаг на Олимпиаде.

— Но это же измена! — изумился Алиф, не в силах сдержать нервного смешка.

— Как будто я этого не знаю! Но ты не бойся, я совсем домашний. Я больше не выступаю перед верующими во время

пятничного намаза, но в свое время я не упускал случая упомянуть брошенного за решетку журналиста или бесследно исчезнувшего диссидента, при этом вознося молитвы за здравие эмира и принцессы в придачу. Да, я знаю, что мне во благо.

Шейх Биляль залпом допил чай и со звоном поставил стакан на стол.

— Теперь, если ты закончил, я найду тебе ведро и немного мыла, и ты можешь вплотную заняться ковром.

* * *

Шейх Биляль сидел в кресле и «дирижировал» работой Алифа, в то время как тот отскребал свои следы щеткой с конским волосом, то и дело указывая на грязь, которую Алиф пропустил. Юноша и подумать не мог, что на его обуви столько грязи. С все большей покорностью судьбе он вспоминал отбросы и ослиный навоз на городской свалке, а также хорошо политую землю в финиковой роще в районе Бакара, служившей местом свиданий. Постепенно он миновал более десятка молельных квадратов, впечатанных в устилавший весь молельный зал ковер и служивших неким заменителем молельных ковриков ручной работы, которые верующие некогда приносили из дома. Его колени довольно быстро устали, а брюки насквозь промокли, пока он медленно продвигался в сторону главного входа в мечеть.

— Не понимаю, зачем нужно такое усердие, — бормотал Алиф, налегая на щетку. — Это же просто грязь. Приходящие сюда молиться, не задумываясь, идут по ней, вот и все.

— Духовные технологии, мой мальчик! — отвечал шейх Биляль. — Грязь на твоей обуви является ритуально нечистой, даже если ее практически невозможно избежать. Ритуал не обязательно должен иметь смысл для нас, смерт-ных. Достаточно того, что он имеет смысл для Аллаха. Когда ты молишься, все твои действия должны четко соответствовать одно другому, словно шестеренки в большой машине — как в твоих компьютерах.

— У компьютеров нет шестеренок.

— Не своевольничай. Молодым людям вроде тебя не подобает так себя вести. Я знаю, что ты понял смысл моих слов. Мог ли кто-нибудь двести лет назад, даже ученейший из ученых, поверить в то, что когда-то люди станут разгуливать по Луне или посылать информацию сквозь воздух? Я тебе отвечу: нет. Но нынче это вполне обыденные явления. Возможно, то же самое применимо и к ритуалу: в Великий День вся глубина замысла

Аллаха станет тебе столь же понятна, как коды в твоих программах.

Алиф сел, вытянув ноги.

— Это не совсем так. Я прибежал сюда потому, что… что… — Он запнулся, решив сказать полуправду. Не было никакой необходимости вставлять в уравнение джинна. — Я написал программу и сам до конца не понимаю, почему она работает, и теперь она оказалась в руках государственной службы безопасности.

Шейх Биляль подался вперед.

— А вот это интересно. Что же она делает, эта программа?

— Она может определять людей, анализируя то, что они набирают на клавиатуре.

— Да, такая штука непременно понравится государственной службе безопасности. Однако здесь еще и девушка замешана, в чем я ни секунды не сомневаюсь. Девушка, носящая дивную шелковую чадру; и ее благопристойность не мешает ей носить больше косметики, чем несколько кинозвезд.

Сбитый с толку, Алиф скользнул взглядом от мыльной пены на ковре на шейха и обратно. Он подумал, а не шпион ли этот старик и сможет ли мокрая щетка послужить ему оружием, когда он попытается сбежать.

— Не удивляйся моим словам. У тебя такой же угрюмый вид, как и у всех молодых людей, которых только что бросила девушка. Вот почему мужчины должны носить бороды — после отращивания и ухода на уныние просто не остается сил. К тому же борода добавляет благородства.

Алиф робко провел рукой по щетине на подбородке. Шейх Биляль усмехнулся, засучил рукава своего одеяния и смочил кисти рук маслом из небольшого пузырька.

— Освежишься лотосовым маслом? В жару очень помогает. Так я прав насчет девушки?

— Мне она казалась такой прекрасной, что я даже не замечал, что на ней много косметики, — пробормотал Алиф.

— Нисколько не сомневаюсь. Так что она сказала, что не выйдет за тебя? Недостаточно денег, квартирка тоже так себе, да и лицом ты не очень вышел. Жаль, что в тебе слишком много индийского. Девушки нынче такие несерьезные.

— Это все ее отец, — ответил Алиф. — Он заставляет ее выйти за другого. За кого-то, кто не любит ее, а хочет лишь использовать для усиления своей власти и влияния.

Лицо шейха вдруг сделалось серьезным.

— Хм-м. Вполне возможно… А может, и нет… Насколько мне известно, любимая дочь всегда может добиться своего в подобных

делах.

— Я знаю, что Интисар не хочет за него замуж! — горячо воскликнул Алиф. — Она плакала, когда мы в последний раз виделись, просто рыдала…

— Ну хорошо, хорошо. — Шейх Биляль откинулся на спинку кресла. — Она помолвлена с другим, а с тобой разрывает все отношения. Что же ты думаешь делать дальше?

Алиф щелкнул пальцем по мыльному пузырьку. Когда его так жестко подставили, реакция на предательство Интисар казалась истеричной и ненужной. Зачем он только написал Тин Сари? Зачем он просто не стер ее номер из телефона и не удалил ее электронные письма? Тогда было бы куда проще держаться от нее подальше.

— Она сказала, что даже имени моего никогда не хочет видеть, — произнес он. — Поэтому-то я и написал программу, способную засечь ее вне зависимости от используемого компьютера или электронного адреса. Затем я так настроил операционку на блокировку, если система обнаружит ее, чтобы это выглядело, словно меня не существует.

— А потом государственные цензоры обнаружили эту программу, и на тебя началась охота.

— Ну, что-то в этом роде.

Алиф предпочел не упоминать другую причину вражды с Рукой.

— Да уж, намерения твои весьма благочестивы для человека, выглядящего закоренелым язычником. Немногие используют Интернет для столь высоких целей, как благоразумие и осторожность.

— Не такой уж я праведник, — ответил Алиф, бросив щетку в ведро с мыльной водой. — Я все еще мог видеть ее, ну, в смысле онлайн. У меня был доступ к ее машине.

— И это явилось твоим главным огрехом. Лишь женщинам дозволено видеть, оставаясь невидимыми; мужчины же должны действовать в открытую или не действовать вовсе.

— Вас тянет на метафизику. Может, мне хватит скрести? У меня колени болят.

Шейх Биляль внимательно посмотрел на мыльный след, тянущийся от его кабинета.

— Нет-нет. Тебе до двери осталась пара метров. Если ты соберешься с силами, то управишься за десять минут.

Алиф плеснул на пол воды и начал описывать щеткой круги над очередным следом.

— Да не дуйся ты так — глазом не успеешь моргнуть, как все закончишь. Расскажи-ка еще о своей работе. Когда я смогу

отправить электронное письмо своему внуку в Бахрейн, лишь только подумав о нем?

— Подумав о нем? — переспросил Алиф с презрительной улыбкой. — Полагаю, что никогда. На очереди квантовые компьютеры, но я не думаю, что они смогут преобразовывать мысли в знаки.

— Квантовые? Аллах милосердный, я и не слышал о таких.

— Они станут использовать кубиты вместо… мм, это довольно сложно. Обычные компьютеры используют двоичный код для обработки информации и обмена ею, то есть единицы и нули. Квантовые компьютеры могут использовать комбинации единиц и нулей в неограниченном количестве состояний и, конечно, теоретически будут хранить куда более обширные массивы информации и выполнять задачи, которые не по силам обычным компьютерам.

— Состояний?

— Положений в пространстве и времени. Способов существования.

— Вот теперь тебя потянуло на метафизику. Позволь перефразировать сказанное тобой более близким мне языком. Говорят, что каждое слово в Коране имеет семь тысяч смысловых слоев, каждый из которых, хотя и кажущийся противоречивым и просто непостижимым, в равной степени существует во все времена безо всяких космологических противоречий. Это похоже на то, что ты имел в виду?

Удивленный Алиф прервал работу и взглянул на старика.

— Да, — ответил он. — Именно это я и хотел сказать. Я еще никогда не слышал, чтобы кто-то высказал подобное сравнение.

— Возможно, ты просто не хотел его услышать. Похоже, ты из тех молодых людей, кто манкирует своим религиозным образованием.

— Почему все твердят мне одно и то же? — Скорчив гримасу, Алиф снова окунул щетку в мыльную воду. — Вы, Викрам, Дина…

— Умоляю, никаких имен! — Шейх Биляль закрыл уши руками. — Если эти жирные идиоты из службы безопасности вернутся, я хочу, чтобы они застали меня в полном неведении. Они не постесняются поднести зажигалку к бороде старика, если решат, что подобным образом смогут заставить его говорить.

От страха у Алифа засосало под ложечкой. Он весь обмяк, к горлу подступила тошнота, и все оттого, что он не хотел становиться причиной потенциальной опасности для приютившего его старика.

— Извините, — пробормотал он.

— Не стоит. В глазах Аллаха все, чему суждено случиться,

уже случилось. Не надо выглядеть таким виноватым.

— Я не знаю, как мне еще выглядеть.

Алиф нагнулся над очередным следом. Он приближался к огромным обитым медью дверям, откуда начиналась грязная дорожка его следов. Он вдруг ощутил тишину, царившую в мечети, которую камень и металл ограждали от суетного уличного шума. Тишина создавала в мечети атмосферу сочувствия и благожелательности, как будто ее стены могли говорить, но предпочитали слушать. Он вдруг вспомнил детство. Ему было лет шесть, и отец, тогда еще часто появлявшийся дома, решил, что сын достаточно подрос, чтобы брать его на пятничный намаз. Они приходили сюда, взявшись за руки, и молились в этом самом зале. И вполне возможно, что к верующим обращался тот же шейх Биляль, только тогда он был моложе. Алиф помнил только проникновенное «аминь», взлетавшее под сводчатую крышу. Вот тогда он был счастлив. Переполненный воспоминаниями, он отложил щетку и лег на бок, свернувшись калачиком. Щекой он чувствовал влажную поверхность ковра.

— Бедный мальчик! Так не пойдет!

Алиф услышал шелест одеяния шейха, и вскоре рука Биляля легла ему на плечо.

— Тебе нельзя отчаиваться. Еще слишком рано для этого. Ты совсем выбился из сил. Так, давай-ка встанем. Оставь работу, ее доделает кто-нибудь из уборщиц. Тебе нужно отдохнуть.

Алиф позволил старику вывести себя из молитвенного зала. От шейха Биляля пахло нафталином, лотосовым маслом и стиральным порошком — эти запахи детства немного успокоили юношу. В комнате напротив кабинета, где они пили чай, старик, бормоча что-то себе под нос, разложил старую раскладушку. На стене, у которой она стояла, осталась полоска ржавчины.

— Вот так. Теперь ложись. Будем считать, что ты здесь в безопасности. Это в общем-то так, по крайней мере сейчас. Вечерний намаз начнется через несколько минут. Я тебя закрою, так что спи и ни о чем не думай.

Алиф кивнул, почти засыпая. Услышав, как щелкнул в замке ключ, он поудобнее устроился на пахшей плесенью раскладушке и закрыл глаза. Но сон почему-то не шел. Сердце трепетало в груди, подстегнутое адреналином и крепким черным чаем. Сунув руку вниз, он вытащил из рюкзачка «Альф Аум» и с каким-то странным нетерпением начал перелистывать страницы. Его взгляд вдруг наткнулся на странную транслитерацию знакомого слова.

— Фа-каф-ра-мим, — прошептал он по буквам. — Викрам.

Вампир и царь Викрам

В краю Инда, что на нашем языке означает меч столь острый, что рубит без звука, некогда жил великий царь по имени Викрам. Был он и красив, и благороден, как подобает государям. Подданные любили его, когда он успешно воевал и снижал налоги, и ненавидели, когда он терпел поражения и повышал подати, как и подобает простолюдинам. Многие годы владения его процветали, а царствование его было благословенным.

Однако однажды к нему явились селяне, жившие в одном из отдаленных уголков его царства. Лица их были бледны от страха, ибо в окрестностях их деревни на смоковнице поселился дух-кровосос из племени джиннов, прозванный народом Инда «веталой». Пришедшие умоляли царя избавить их от духа. Будучи столь же великодушным, сколь и храбрым, царь обещал лично разделаться с веталой.

— Какая глупость! — воскликнула принцесса Фарухуаз. — Царь никогда бы не стал рисковать жизнью, чтобы избавить какую-то захолустную деревушку от злого духа.

— Однако, — возразила кормилица, — этот царь поступил именно так. Не все цари столь жестокосердны, чтобы посылать других исполнить то, что тебе самому по силам.

— Ты стараешься заманить меня в сети, чтобы сердце мое размякло и мысли мои обратились бы к замужеству, — заявила Фарухуаз. — Но у тебя ничего не выйдет. Однако продолжай.

— Хорошо, — покорно ответила кормилица.

Царь Викрам взял самого быстрого коня и тотчас же поскакал в отдаленную деревню. В полночь, при свете полной луны, он оказался лицом к лицу с веталой, который висел, уцепившись ногами за ветвь смоковницы. Хотя чудище имело жуткий вид, будучи скорее тенью, нежели чем-то телесным, и приняло обличье шакала, царь Викрам обуздал свой страх.

— Тебе здесь не место, — грозно произнес царь Викрам. — Как властелин этой деревни, я повелеваю тебе вернуться в невидимые земли, откуда ты явился.

Ветала рассмеялся.

— Я не признаю никаких властелинов, — ответил он, — к тому же мне нравятся это дерево и это селение. Я полагаю остаться здесь.

Царь вытащил меч. В ответ ветала расхохотался еще громче.

— Не храбрись, — сказал он. — Я мог бы убить тебя, прежде чем ты нанесешь удар. Но поскольку ты доказал свою храбрость и упорство, я соглашусь покинуть эти места, если ты превзойдешь меня в состязании в остроумии.

— Я с радостью попытаюсь, — ответил царь Викрам.

Ветала закинул лодыжку на колено, приняв «позу висельника», как ее называют йоги, чтобы обрушить на Викрама шквал остроумия.

— Очень хорошо, — начал он. — Я — могучая крепость, закованная в камень.

Царь Викрам на мгновение задумался.

— Я катапульта, — ответил он. — Разбивающая камни и сокрушающая твердыни.

— Я лазутчик, — парировал ветала. — Нарушитель клятв, портящий орудия.

— Я невезение, — сказал царь Викрам. — Срывающее заговоры и нарушающее планы.

Ветала был приятно удивлен, что встретил сильного соперника.

— Я удача, — заявил он, — я венчаю везение судьбой.

— Я свободная воля, — отвечал царь Викрам. — Я своим выбором бросаю вызов судьбе.

— Я вышняя воля, — провозгласил ветала, — для которой выбор и судьба суть одно и то же.

— Я — своя суть, — объявил царь Викрам. — Единственное, что могу отдать по воле случая или судьбы.

Ветала молчал. Он вытянул ноги и оказался на земле напротив царя Викрама.

— Ты очень умен для человека, даже слишком, — произнес он. — Ты победил, но этим самым загнал себя в ловушку. Кажется мне, ты знал, что так случится.

— Я был готов к этому, прибыв сюда, — с достоинством ответил царь. — Иначе я даже бы не отправлялся в путь.

— В таком случае ты столь же честен, сколь и умен, — заметил ветала. — Жаль, что ты мне попался.

— Ты сдержишь свое обещание?

— Даю тебе слово. Я покину это селение и никогда сюда не вернусь. Но и ты тоже.

Царь Викрам снял перевязь с мечом и привязал ее к седлу своего коня. Затем он свистнул, и скакун помчался к дороге, ведшей в столицу царства. Викрам снова повернулся к ветале.

— Делай то, что ты намерен сделать, — произнес он.

— Прекрасно, — отозвался ветала. — Я воздаю тебе честь, царь Викрам, как и все племя мое, ибо ты выказал истинное благородство: желание пожертвовать главнейшим из того, чем владеешь, ради блага ничтожнейших из подданных.

С этими словами ветала вселился в тело царя Викрама и принял его облик. Верный своему слову, он покинул селение и отправился на запад, в земли хиксосов, ныне известных как арабы.

С той поры память о царе Викраме чтят как джинны, так и люди, и с его именем связано множество сказаний.

— Просто смешно! — воскликнула принцесса Фарухуаз, откидываясь на подушку. — Великий царь сгинул зазря, всего лишь ради того, чтобы ублажить каких-то селян, которым бы вполне хватило обычного изгоняющего духов заклинателя. Благородство здесь явно преувеличено.

— Возможно, — отвечала кормилица. — Однако с другой стороны, Викрам мог бы сыграть куда более значительную роль как ветала, нежели как царь. Поступить правильно и поступить умно — не всегда одно и то же. Все ведомо лишь Аллаху, и он создал мир с тремя невидимыми частями.

* * *

Алиф закрыл книгу со смешком, который даже ему показался истеричным. На него вдруг навалилась смертельная усталость пополам с головокружением. Слишком поздно сражаться с верой или неверием; он был выжат как лимон. Алиф свернулся калачиком и наконец провалился в сон.

Ему снилось, что он бредет по пустыне. Его окружали дюны желтовато-молочного цвета, а на небе не было ни звезд, ни луны. Он шел по дороге, по построенному на насыпи шоссе, которое вело на запад от Города к нефтяным полям. Однако в какой-то момент он заблудился, и теперь там, куда он шел, исчезли даже огни Нового Квартала. Глубокой ночью песок становился холодным, как лед. Алиф брел босиком, и пустыня буквально

высасывала тепло сначала из ступней, потом из лодыжек и голеней, пока его ноги не окоченели до колен и он не начал волочить их, словно лунатик.

Он кого-то ждал. Она появилась на кромке бархана. Лицо ее скрывал никаб Интисар с оторочкой из черного янтаря.

— Принцесса!

Алиф изо всех сил замахал руками; он сомневался, что сможет подняться по склону бархана на вконец окоченевших ногах.

Принцесса Фарухуаз обернулась и посмотрела на него, ее глаза сверкнули — она его узнала. Затем она грациозно скользнула вниз. Она также была босиком, ее ступни отливали золотисто-белым цветом.

— Ты во многом ошибаешься, — обратился к ней Алиф. — Со сферой можно произвести те же операции, что и с прямой.

Она покачала головой. Бусинки на ее чадре мелодично звякнули.

— Я смог бы это сделать, — с жаром продолжал Алиф, начиная терять терпение. — Моя программа превзошла бы твою книгу. Я знаю все нужные коды, хотя и не до конца понимаю их.

Она рассмеялась холодным и сухим, как песок, смехом.

— И мы вовсе не такие, — сказал Алиф. — Для Интисар я бы сделал все что угодно. Для меня ее любовь была, как три кебаба с кунжутом и красным перцем. Я никогда не принимал ее на веру. Никогда.

— Ты всегда говоришь о ней, когда я пытаюсь поговорить о чем-то еще.

Алиф с изумлением осознал, что женщина под чадрой — это Дина. Ступни, видневшиеся из-под подола, минуту назад светившиеся золотисто-белым, теперь стали цвета красной меди.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он, окончательно сбитый с толку.

— Я не впущу его, — ответила она каким-то чужим голосом. — Если вы действительно его друзья, то ладно, но это… это чудище не переступит порог мечети.

Повисла мучительная пауза.

— Я сказала прочь! — взвизгнула Дина.

* * *

Алиф моментально проснулся и рывком сел на раскладушке. За дверью раздавались шум и гам. Он часто заморгал, пытаясь сбросить остатки сна. Снаружи говорили на повышенных тонах:

слышался строгий голос шейха Биляля и два жалобных женских голоса. Перебранка сопровождалась взрывами зловещего, саркастического смеха.

— Не волнуйся, старик. Обещаю, что не сожру тебя. Стены не станут сочиться кровью. Посланец прошел среди нас в наших краях, и мы слышали Пророчество. Впусти меня.

Все еще полусонный, Алиф доковылял до двери и потряс замок. Тот открылся снаружи. Перед юношей стоял шейх Биляль, бледный как полотно.

— Там какие-то девушки хотят тебя видеть, — прошептал он. — И они привели с собой… Спаси нас, Аллах…

Алиф проскользнул мимо него в коридор и пошел через молитвенный зал. Было очень темно. Через отверстия в потолке пробивались тонкие розоватые лучики — отсветы уличных фонарей. Одна из обитых медью дверей была чуть приоткрыта, и в проеме Алиф увидел бледное, чуть одутловатое лицо американки.

— Алиф! — прошипела она. — Ради Христа, скажи мне, что ж это такое?! Почему ты не отвечал на мои сообщения?

— Привет, — пробормотал он по-английски.

— Видите? Я же говорил, что он здесь.

Желтые глаза Викрама сверкнули, плывя двумя огнями над головой девушки.

— Как ты меня нашел? — ошарашенно спросил Алиф.

— По запаху, — ответил Викрам. — От тебя пахнет электричеством и разогретым металлом. Никогда не вдыхал ничего подобного. Сестричка впала в истерику, когда мы потеряли тебя, так что я обнюхал весь Город, прежде чем напал на твой след.

У Дины влажные черные пряди волос выбились из-под никаба. Через приоткрытую дверь она проскользнула в молитвенный зал и испуганно вскрикнула. Она снова была в своей прежней одежде; ее одеяние и никаб казались свежевыстиранными.

— Не делай этого! — произнесла она дрожащим голосом. — Не оставляй меня с людьми, которых я не знаю, и исчезни.

— Прости меня! Агенты службы безопасности подстерегли меня, когда я ждал Интисар…

Дина вдруг пронзительно закричала. Алиф обернулся и увидел, как шейх Биляль через открытую дверь замахнулся шваброй на Викрама.

— Стой! Стой! — Алиф успел перехватить швабру обеими руками. — Он с нами! Он мне помогает!

Тяжело дыша, шейх Биляль отпустил ручку швабры.

— Я не знаю, во что ты там ввязался, — произнес он глухим голосом, — но если это означает, что ты оставил молодых девушек в Городе одних, да еще ночью, вдобавок с этим… этим чудищем, то я не уверен, что и дальше смогу позволить тебе пользоваться моим покровительством.

Осторожно взглянув на швабру, американка проскользнула в молитвенный зал. Алиф перевел взгляд с Викрама на шейха.

— Что значит — чудищем? — спросил он.

— А то и значит! Эта тварь на пороге! Собакам не должно говорить или ходить на двух ногах. Они ходят на четырех лапах.

— Смотри-ка, какой святоша попался, — весело заметил Викрам.

— Он не такой грозный, как кажется с виду, — ответил Алиф с нотками мольбы в голосе. — Он спас нам жизнь.

— Простите, вы сказали «собака»? — перебила новообращенная. — Мой арабский заставляет желать лучшего.

Шейх Биляль вытер рукавом пот со лба.

— Ну хорошо, — произнес он, — прочти Фатиху, о ты, скрытый внутри, и тогда я тебя впущу.

— Во имя Аллаха, Всемилостивого и Милосердного, — замурлыкал Викрам. — Хвала Аллаху, Господу миров. Всемилостив и Милосерден Он один. Дня Судного один Он Властелин. Лишь пред Тобой колени преклоняем и лишь к Тебе о помощи взываем. Направь прямой стезею нас, что Ты избрал для тех, кто милостью Твоею одарен, убереги нас от пути разгневавших Тебя и тех, которые в неверии блуждают. Ами-и-инь! — Он довольно осклабился. — Видишь? Язык мой не сгорел.

— Это ничего не значит, — пробормотал шейх Биляль, открывая дверь пошире. — Иблис слывет мудрым и изворотливым.

— Я не Иблис, — ответил Викрам, прыгая внутрь. — А вот так, старик? Так лучше?

Шейх Биляль прижал ладонь ко лбу, как будто у него вдруг разболелась голова. Совладав с собой, он посмотрел на Викрама хмурым и вместе с тем удивленным взглядом.

— Ты можешь принимать человеческий облик, — изумился он. — Как тебе это удается?

— Я оборачиваюсь.

Шейх Биляль лишь покачал головой. Идя по молитвенному залу, он бормотал что-то о том, что надо заварить еще чаю. Алиф опустился на колени рядом с Диной, которая сняла обувь и сидела на ковре, прижав колени к груди.

— Как твоя рука? — участливо спросил он.

— Болит, — ответила она. — Я хочу домой.

— Я не знаю, можно ли туда, все ли там в порядке.

— Мне уже все равно. Это какое-то безумие. Если за мной придут, я расскажу им все. Может, они сжалятся, когда поймут, что я не причастна к твоим махинациям.

Алиф почувствовал себя уязвленным.

— И ты вправду сдашь меня службе безопасности? Вот так просто?

Дина взглянула на него. Ее веки блестели от пота. Алиф с тревогой осознал, что ей, очевидно, нужна квалифицированная медицинская помощь и что швов, наложенных Викрамом в палатке, совершенно недостаточно для лечения пулевого ранения. Он сказал себе, что она слишком переутомилась.

— Тебе надо еще отдохнуть, — произнес он. — Вот, пойдем… В одной из комнат есть раскладушка, совсем неплохая. Я спал на ней, когда вы появились.

Дина шла за ним через молитвенный зал, не говоря ни слова. Он провел ее в комнату напротив кабинета шейха Биляля, откуда доносился аромат мяты. Дина буквально рухнула на раскладушку, тяжело застонав.

— Мне так тебя жаль, — сказал Алиф. — Если бы я знал, что случится нечто подобное, я бы ни за что…

— Ты все время извиняешься и жалеешь меня, но в твоих словах пустота. Я так боялась, когда лежала совсем одна в квартире этой девушки, и когда они вернулись, выглядя страшнее смерти, и сказали, что упустили тебя, я думала, что упаду в обморок. Или закричу. Это было ужасно. А тебе меня совсем не жаль.

Алиф почувствовал, что начинает терять терпение.

— Ну, знаешь… Думай, что хочешь. Я делал все, что было в моих силах. Как будто ты никогда не ошибалась, хотя и строишь из себя непогрешимость. Если бы ты пригнулась, когда он в нас стрелял, тебя бы не ранили.

— Я запаниковала!

— Я тоже, но даже я знаю, что нельзя стоять, когда в тебя стреляют.

— Ты лежал прямо на мне! Я… мне надо было что-то делать!

Алиф смерил ее скептическим взглядом.

— Ушам своим не верю. Я пытался защитить тебя от пуль. Неужели ты на полном серьезе говоришь мне, что ты встала, потому что лучше погибнуть, чем коснуться меня на несколько секунд? Неужели я столь отвратителен и грешен?

Из ее горла вырвался хриплый, усталый стон.

— Нет! Ты ничего не понимаешь и ничего не хочешь понять.

— Ты права. Мне на все наплевать.

Алиф вышел из комнаты и с силой хлопнул дверью, не обращая внимания на ее горькие рыдания.

* * *

В молитвенном зале шейх Биляль разливал чай по стаканам, стоявшим на медном подносе. Викрам лежал на боку, непринужденно развалившись на ковре, а американка сидела, поджав под себя ноги. Она явно нервничала.

— Как там другая сестра? — спросил шейх Биляль, когда Алиф вошел в зал. В его голосе звучали холодные нотки. Алиф сжимал и разжимал кулак.

— Ей нужно хорошенько выспаться, — лаконично ответил Алиф.

— Пожалуйста, пожалуйста. А сидящая здесь сестра может расположиться на лежанке в кладовке. Тебе же придется спать здесь, в молитвенном зале. А тебе… — Шейх недружелюбно покосился на Викрама.

— Не волнуйся, — ответил Викрам с улыбкой. — Я не сплю.

— Как угодно. Однако все вы должны уйти отсюда до завтрашнего полуденного намаза.

Алиф опустился на колени рядом с чайным подносом.

— Простите меня, уважаемый шейх, — робко начал он. — Я не знал, что все так обернется, и тем более не хотел этого. Викрам не такой уж и плохой. И я понятия не имел, что они объявятся посреди ночи. Вы были так добры ко мне, и мне не хочется, чтобы вы попали в беду.

Взгляд шейха немного смягчился.

— Ну ладно, ладно. Я пойду немного отдохну — через три часа утренний намаз. Вы услышите призыв муэдзина.

Он поплотнее запахнул свое одеяние и направился в дальний конец молитвенного зала, бросив взгляд на Викрама, прежде чем скрылся в коридоре, ведшем к его кабинету.

— Зачем ты каждый раз устраиваешь представление? — недовольно спросил Алиф, когда шейх ушел. — Почему он решил, что ты собака?

— В его глазах я был единым целым, — ответил Викрам, устраиваясь поудобнее и потягивая чай.

— Это просто смешно.

— Может, мы снова перейдем на английский? — спросила американка.

— О'кей, ладно, — сказал Алиф, протирая глаза.

— Спасибо. Я волнуюсь за Дину, — продолжила она. — По-

моему, она начинает «спекаться». Ну, в том смысле, что она ранена. Может, ей нужны лекарства или еще что-то.

Викрам положил голову на ногу американки.

— Ты меня обижаешь. Неужели ты сомневаешься в моих способностях врачевать раны?

Американка рывком отодвинулась от него.

— Честно говоря, да. Мне кажется, что сейчас нужен врач и хоть какой-то план дальнейших действий.

Хотя в душе он был согласен с ней, Алиф почувствовал, что надо сменить тему.

— У тебя есть какие-нибудь новости от твоего руководителя? Ну, насчет книги?

Американка покраснела.

— Ты разве не получил мое первое сообщение?

Алиф сунул руку в карман, где он носил телефон, и нащупал теплый знакомый прямоугольный предмет. Как странно было думать, что до совсем недавнего времени он полагался на эту коробочку с электронной начинкой больше, чем на свои ноги.

— Я не проверял сообщения, — признался он.

— Ах, вот оно что. Ну ладно. Самое главное — они определили состав этой смолы с ужасным запахом.

Алиф ждал. Новообращенная смущенно улыбалась, боясь продолжить.

— Так из чего же она состоит? — спросил юноша.

Американка откашлялась.

— В состав входят канифольная мастика и дамасская чернушка, точнее, ее сок. Они довольно часто встречаются среди ингредиентов древних смол, однако немного странно, что ими обрабатывали бумагу. Но еще они обнаружили следы амниотического материала. Человеческого амниотического материала.

— Что это за материал такой?

— Околоплодные воды, — подсказал Викрам по-арабски.

Лицо Алифа исказилось гримасой.

— Вот гадость-то! Кто же на такое решится? Я три дня таскал с собой эту жуткую книгу, прикасался к ней и держал ее в руках. Надо будет сжечь рюкзак.

— Я бы этого не делала. Книга обладает огромной ценностью. Бьюсь об заклад, что ее легко можно продать какому-нибудь западному исследовательскому институту за полмиллиона зеленью.

В голове Алифа проносились мысли одна ужаснее другой.

— Этот амнио… как его там… — пробормотал он. — Уж не думаешь ли ты, что детей?..

Американка бросила на него раздраженный взгляд.

— Что? Приносили в жертву? Поедали живьем? Ни то, ни другое, по крайней мере не в средневековой Персии. Они, возможно, считали, что плодный пузырь защитит книгу так же, как и ребенка.

— Да уж, круче некуда.

— Оставь свои словечки при себе.

— В те времена это было в порядке вещей, — констатировал Викрам, покатывая чайный стакан между ладонями. — Живые книги. Алхимики не оставляли попыток создать их. Ведь был Коран, разрушивший язык и воссоздавший его таким способом, который никому не удалось повторить. В нем использовались слова, чьи значения менялись со временем, хотя все буквы и даже точки оставались прежними на всех уровнях. Алхимики полагали, что, выражаясь современным языком, они смогут осуществить обратное проектирование в отношении живого слова с использованием химических соединений. Если бы им удалось создать живую книгу в буквальном смысле этого слова, она, возможно, породила бы высшее, вневременное знание.

— Звучит довольно богохульно, — заметила американка.

— И даже очень. Они все еретики, дорогая моя. Творили такое, что гашиш выглядел халяльным.

— Что значит «слова, чьи значения менялись со временем»? — недоуменно спросил Алиф. — Бессмыслица какая-то. Коран есть Коран.

Викрам положил ногу на ногу (Алиф старался не смотреть, как он это делает) и улыбнулся своим слушателям.

— Вот новообращенная это поймет. Как вы переводите слово «зарра» на английский?

— Атом, — ответила американка.

— Тебе это не кажется странным с учетом того, что в шестом веке никто не имел ни малейшего понятия о том, что такое атом?

Девушка смущенно закусила губу.

— Я никогда не думала об этом, — призналась она. — Ты прав. «Атом» никак не может быть первоначальным значением этого древнего слова.

— Ага! — Викрам поднял два пальца, словно кого-то благословляя. Алиф подумал, что он похож на какую-то демоническую карикатуру на святого. — Однако так оно и есть. В двадцатом столетии атом стал первоначальным значением «зарры», поскольку атом являлся самой малой частицей, известной человеку. Сегодня первоначальным значением может быть адрон. Но зачем же останавливаться? Завтра, возможно, им станет кварк. А через сто лет — куда более мелкая частица,

настолько чуждая человеческому разуму, что только вышнему разуму ведомо ее имя. Каждая из этих частиц и будет первоначальным значением «зарры».

Алиф недовольно фыркнул:

— Но это же невозможно. «Зарра» должна относиться к чему-то фундаментальному. Она привязана к объекту.

— Именно так. К малейшей неделимой частице. Это и есть значение, «упакованное» в слове. Ни одна часть не является преобладающей — ни «малейшая», ни «неделимая», ни «частица». Только все части вместе. Например, на заре человечества «зарра» была песчинкой. Затем пылинкой. Потом клеткой. Чуть позже — молекулой. После нее — атомом. И так далее. Знания человека о Вселенной могут расти и шириться, но «зарра» остается неизменной.

— Это… — Американка вдруг умолкла, подыскивая подходящее слово.

— Чудо. Так оно и есть.

— Все равно не понимаю, — заявил Алиф. — Какое все это имеет отношение к «Тысяче и одному дню»? Это же не священная книга, даже для джиннов. Это просто сборник сказок с двойным толкованием, в которых мы никак не можем разобраться.

— Как поверхностно и как буквально. Я-то думал, что там заключены более глубокие мысли.

— Сам ты поверхностный, — устало отмахнулся Алиф.

— Меня породила пена на поверхности моря. Но сейчас не об этом. Истории состоят из слов, Алиф, и в словах, как в «зарре», скрыт куда больший смысл, нежели кажется на первый взгляд. Люди, к которым впервые попал «Альф Яум», полагали, что он наделит их огромной властью. Поэтому в их интересах было как можно лучше сохранить рукопись всеми известными им средствами. Таким образом, даже если сами они и не сумели разгадать коды, книги окажутся чрезвычайно важными и полезными для грядущих поколений, которым сможет сопутствовать успех.

Американка зевнула, прикрыв рот шарфиком.

— Все, я выдохлась, — призналась она. — Пойду спать. Там есть свободная комната?

— Да, — сказал Алиф, на мгновение отвлекшись от своих раздумий.

Его преследовала какая-то смутная, неясная мысль, возникшая на самом краю сознания. Викрам исчез из виду. Юноша свернулся комочком на полу, подтянув колени к груди и закрыв глаза. Мысли подождут, он снова почувствовал страшную усталость. Если он заснет, то выкроит себе пару часов отдыха до

утреннего намаза. Шаги американки стихли где-то вдали, послышалось тихое «спокойной ночи», затем скрипнула закрываемая дверь. Он ничего не ответил.

Через его сомкнутые веки прыгнула лань, преследуемая оленем. Ландшафт, по которому они бежали, представлял собой платформу Линукс. Он знал, что лань должна попасться в западню, — так говорилось в «Днях» — и бесстрастно наблюдал, как животное споткнулось и сломало ногу, угодившую в скрытые тиски команд из косых черточек. Троян, подумал Алиф, умело поставленная ловушка. По всей вероятности, лань сама навлекла его на себя, даже не подозревая о нем. Возможно, она запустила какой-то опасный контент из-за границы. Олень продолжал движение, не замечая ничего вокруг. Он был просто утилитой, не способной ответить на отчаянные крики лани, созданный для более простых задач, нежели сочувствие и сострадание.

Алиф выругался. Пакетик единиц и нулей — вот чем он был, так что это его проблема. А вот Дине с копытцем, раздробленным в капкане, действительно нужна помощь. Это все его вина. Почему он не мог повернуться? Врача, врача…

— Алиф.

Казалось, голос Викрама звучал где-то у него в голове.

— Проснись, глупая кукла из плоти. Что-то происходит. Перестань думать о дичи и шевели ногами.

Алиф медленно разомкнул сонные веки. На щеке он чувствовал чье-то горячее дыхание. С огромным трудом он пошевелил пальцами, хлопнув по тому, что дышало ему уже в загривок. Удар пришелся по шерсти.

— Тьфу ты!

Алиф сел одним резким рывком, вытаращив глаза. Перед ним, припав к земле, лежала большая собака (или шакал, или еще какое-то чудище). Ее желтые глаза внимательно смотрели на него.

— Да не будь же ты таким ребенком. — Фигура мигнула дрожащим светом, словно мираж, превращаясь в привычного Викрама. — Тебе это приснилось.

— Не надо так, — прохрипел Алиф, протирая глаза. — Я серьезно. Никогда больше так не делай.

— А я ничего такого и не сделал. Надо было привлечь твое внимание. Здесь какая-то женщина хочет тебя видеть. Ты должен отослать ее прочь.

— Что-что?

— За ней по пятам идет что-то ужасное. Если она приведет это что-то сюда, нам всем конец. Я не всесилен и не могу защитить от всех опасностей ни тебя, Алиф, ни девушек. Ты

понял?

Алиф с трудом поднялся на ноги. Выражение лица Викрама встревожило его. Он поплелся к обшитым медью дверям, приказывая себе проснуться. Он открыл замок и потянул вверх поперечную балку, навалившись плечом на левую створку. Она со скрипом приоткрылась. Снаружи на ступенях мечети спиной к нему стояла женщина в черном никабе. Лица Алифа коснулось дуновение ночного ветерка. Он был влажным, пахнувшим морем и близившимся рассветом. В окнах вилл и витринах магазинов на прилегавшей к мечети улице горели крохотные огоньки.

— Эй! — произнес Алиф неуверенным голосом.

Женщина обернулась и посмотрела на него знакомыми, черными, как ночь, глазами. У Алифа перехватило дыхание.

Это была Интисар.

Глава девятая

— Да пребудет с тобой мир, — прошептала она.

У Алифа пропал дар речи. Он не мог даже ответить ей на приветствие.

— Какого черта? Что ты тут делаешь? — наконец сумел выговорить юноша.

— Я не могла оставаться в стороне, — сказала Интисар, проигнорировав его вопрос. — Я прочитала твое послание. Я собиралась встретиться с тобой в университете, о чем ты просил меня, но Аббас… Аббас узнал об этом. Он все узнает каким-то образом. Ему известно все, о чем я пишу в электронной почте или о чем говорю по телефону. Тебе не стоит искать со мной встреч.

— А я их и не искал, — надломленным голосом произнес Алиф. — Я честно хотел забыть тебя, но эта книга…

Интисар быстро заморгала и потупила взор.

— Мне надо было просто отдать ее ему. Я уже сделала все необходимые выписки из нее для своей диссертации, но мне было непонятно, чем она могла так заинтересовать его. Но я сердилась. Как я сердилась! И на него, и на отца. И я решила отдать ее тебе. Мне показалось, что ты один способен разгадать, чем она так его заинтересовала. Ты же должен разбираться в таких вещах. В общем, я решила его наказать таким образом.

— А ты сама знаешь, что это за книга? Тебе хотя бы известно, Интисар, кто ее написал?

Взгляд ее черных глаз поверх шелковой ткани никаба изумил его.

— Я уж и не знаю, во что верить, — прошептала девушка. — Я случайно узнала о существовании рукописи «Альф Яум». О нем говорилось в одной из статей о французских исследователях Востока и их переводах. Мне захотелось найти оригинал этой книги, но как только я занялась поисками вплотную… тут началось что-то весьма странное, что ли.

Алиф затаил дыхание.

— Со мной связался владелец книжной лавки из Сирии и сказал, что у него есть интересующий меня том и он готов продать книгу за пятьдесят тысяч динаров. Я поначалу колебалась, ведь это же целое состояние. Я спросила, как давно был отпечатан тираж, потому что надеялась найти еще один экземпляр по более приемлемой цене, но книготорговец только рассмеялся. Он объяснил мне для начала, что эту книгу вообще никто и никогда не издавал. Потом он добавил, что оригинал вообще писал не человек. Мне показалось, что он просто

сумасшедший. Но он так заинтриговал меня, что в конце концов я согласилась на его цену.

— И ты прочитала книгу, — кивнул Алиф, ловя себя на том, что он, вопреки своим обещаниям, продолжает жадно оглядывать плечи девушки. Шелк оказался таким тонким, что под ним явно проглядывались контуры ее ключицы. Как ему хотелось получить разрешение девушки поцеловать ее!

— Да, прочитала, — подтвердила она. — Я сразу поняла, что это не совсем обычная коллекция историй. Когда я добралась до последней главы, меня охватила паника, настолько взволновал меня текст. Потом как-то ночью я внезапно проснулась и увидела, что со мной в комнате находится какой-то человек. Он сидел на стуле рядом с моей кроватью и смотрел на меня жуткими желтыми глазами. Тогда я поняла, что это никакой не человек. Это было какое-то другое существо. Как только я зажгла верхний свет, он как будто растворился. А на следующий день Аббас отправился к моему отцу за официальным согласием на нашу свадьбу.

— Шпион, — еле слышно проговорил Алиф. Сердце бешено колотилось у него в груди. — Сакина была права. У него есть союзники. Именно так он и вычислил тебя, Интисар. — В порыве страсти он схватил ее за руку. — Ты ему больше не нужна. Ты отделалась от той вещи, которая его так заинтересовала. Теперь ты могла бы расстаться с ним. Я отдам «Альф Яум» тем, кто знает, как с ним обращаться. А потом мы с тобой уедем куда-нибудь подальше отсюда. К черту этот Город. Мы могли бы жить в Стамбуле, или Париже, или даже каком-нибудь занюханном Тимбукту. Я согласен обитать в хижине, если при этом я буду видеть тебя каждый день.

Он увидел, как интерес гаснет в ее глазах, и его тут же охватило отчаяние.

— Все не так просто, — негромко произнесла девушка. — Он уже потратил немало денег на меня, это что-то вроде выкупа невесты. Мне кажется, он настроен серьезно, Алиф. И дело тут даже не в книге, как тебе кажется. Если бы он гонялся только за ней, он оставил бы меня в покое сразу после того, как я переправила ее тебе. Ведь я предала его таким образом. Но он так не поступил. И вообще он стал ко мне относиться гораздо лучше. Вот буквально сегодня он приходил ко мне, мы сидели рядом, и он сказал, какие красивые у нас могут быть дети, потому что я прекрасна. Потом он спросил меня, как идет моя работа над диссертацией, и добавил, что он очень рад, что у него будет образованная жена. Он заботится обо мне. Другие женихи, которых предлагал мой отец, вообще не обращали внимания на

то, что я думаю. Им было даже неинтересно узнать, способна ли я вообще думать и делать свои собственные заключения.

— Он просто подмазывается к тебе. — Алиф понял, что начинает раздражаться, но сейчас ему никак нельзя было терять над собой контроль, и он попытался успокоиться. — Он считает, что если будет ласков с тобой, то ты выдашь ему меня, и тогда он добьется всего, чего хотел. У него будет и девушка, и книга, а несчастный хакер, за которым он гонялся столько времени, замолчит навсегда.

Интисар промолчала.

— Скажи мне, — Алиф тяжело дышал, — скажи, что ты все равно хочешь меня, а не его. Скажи, что ты не обманывала меня, когда говорила, что любишь.

— Конечно, я тебя никогда не обманывала, — огрызнулась Интисар. — Но любовь — это еще не все в жизни, Алиф. Подумай, где мы стали бы жить? На какие средства мы бы существовали? Я не могу остаток жизни прожить в двухкомнатной квартире в районе Бакара и сама себе стирать белье.

Эти слова Алифу показались камнями, попадающими прямо в него и оставляющими после себя страшные синяки и кровоподтеки.

— Неужели ты думала об этом, когда мы были вместе? — удивился юноша. — А когда мы лежали у меня дома на моей кровати и считали уличные фонари, словно звезды, у тебя в голове возникали вот такие вопросы? И ты, наверное, сама не верила в то, что согласилась встречаться с бедняком Рафиком из нищенского квартала.

Она отдернула руку и нахмурилась.

— Ничего подобного. Разумеется, я хотела быть с тобой. Я пыталась сопротивляться отцу, когда он заявил, что хочет поженить меня с Аббасом. Не забывай, что я спрятала от них «Альф Яум» и переслала его тебе, чтобы досадить Аббасу. Просто… — Она замолчала, вглядываясь в пустую площадь.

— Просто я много чего передумала потом, — уже более спокойно продолжала девушка. — Я разговаривала с отцом, и не раз. И с Аббасом тоже. И они не собираются заставлять меня делать то, что я не хочу и что мне неприятно. Но они оба твердо уверены в том, что жениться надо на равном и выбирать себе пару из своего же круга, иначе могут начаться серьезные неприятности. И тебе это известно лучше, чем кому-либо. Возьми, к примеру, своих родителей.

Алифу показалось, что она выучила свою речь наизусть и не раз уже репетировала ее. Конечно, тут он не мог обвинить ее «заготовку» в отсутствии логики, все же ему было очень больно

слышать такие слова. Одно дело, когда он сам говорил о своих родителях, а Интисар слушала его и сочувствовала. И совсем другое — получать их назад, как пощечины. Ему казалось, что она предает его, причем даже больше с моральной точки зрения, нежели с физической.

— А как же я?

Интисар снова опустила глаза, и сейчас трудно было сказать, о чем она думает, потому что лицо ее по-прежнему скрывала черная ткань никаба.

— А как же я? — еще раз спросил Алиф, на этот раз с еще большим напряжением в голосе. — Ты выходишь замуж за этого монстра за моей спиной, ты взваливаешь на меня жуткое бремя в виде старинной рукописи с отвратительным запахом, и теперь я вынужден бегать по своему собственному городу, как какой-то преступник. И чем в это время занимаешься ты? Тебе хотя бы известно, что именно мне пришлось пережить за последние пару дней?

— Прости меня, — прошептала девушка. — Я думала… Впрочем, какая сейчас разница! Я боюсь за тебя. Я не знаю, что он задумал. Он сказал мне, что и без книги у него имеется уже слишком много доказательств против тебя, и он в любой момент может отправить тебя в тюрьму до конца твоих дней. И что такое Тин Сари, Алиф?

Алиф нервно сглотнул и коротко ответил:

— Программа.

Интисар окинула его взволнованным взглядом:

— Еще он говорит, будто ты связался с преступниками, с самыми настоящими преступниками. Это правда?

— Нет. — Теперь его захватило чувство презрения, перекрывшее даже гнев. — Это ложь. Мои клиенты никакие не преступники. Они просто пытаются избежать того золотого дерьма, в котором мы все давно увязли по уши. Они такие же, как и все остальные люди, но только они нашли в себе смелость заявить о том, во что они искренне верят.

— Ты говорил, что любишь меня, — тихо произнесла Интисар. — Как же ты мог связаться с этими людьми, если знал, что и я буду втянута во всю эту историю?

Этот вопрос показался ему каким-то нелепым. Эта странная встреча, поздний час, ступени мечети, отсутствие автомобиля Интисар вместе с шофером — все это начинало тошнотворно влиять на юношу.

— Интисар, — заволновался он, — откуда тебе стало известно, что я прячусь здесь?

Она отступила на шаг.

— Я должна была выманить тебя отсюда, — честно призналась девушка. — Так, чтобы тебя стало видно. Они вынудили меня, Алиф, я не хотела…

На виске юноши засветился красный огонек лазерного прицела. Он едва успел скрыться за массивной железной дверью и выкрикнуть:

— Стерва! Ты продалась дьяволу!

Внутри, в молитвенном зале, зашевелились тени. За спиной Алифа возник Викрам.

— Забирай девочек и старика и запирайте все остальные двери.

Алиф смотрел на него и ничего не понимал:

— Зачем? Что мы будем теперь делать?

— Мы будем оставаться здесь по возможности дольше. Новые приятели твоего дружка не могут проникнуть внутрь мечети, но это не значит, что они просто так оставят свои попытки. И я должен предупредить тебя — конец этой истории уже предрешен.

— Да? И каким же он тебе видится?

— Ты попадешь в тюрьму.

Алиф провел дрожащими пальцами по волосам:

— Может быть, имеет смысл добровольно сдаться им? Как ты считаешь, если я соглашусь сотрудничать с ними, может, они проявят определенную долю милосердия?

— Сильно сомневаюсь.

— Вот черт! — Алиф с досады сел прямо на пол.

— Все это было известно заранее, — подтвердил Викрам, цепляясь когтями за стены мечети и путешествуя по внутренней части купола. Потом он завис на одном месте, как летучая мышь, изучая один из пяти световых люков купола. Как только он приблизился к нему, таинственные тени словно растворились. — И я уже говорил тебе, что не смогу защитить тебя от всех невзгод. Ну, по крайней мере постоянно обеспечивать твою безопасность. Хотя, лучше хоть сколько-то, чем ничего, а потому я приложу все усилия и сделаю для тебя все, что только сумею. — Его голос заполнил все помещение мечети, а потом замер где-то в сознании юноши.

И тут Алиф внезапно спросил его:

— Викрам, а ты можешь умереть?

Тот беззвучно опустился на пол.

— Конечно.

— Как?

— Так же, как и ты. От голода, от жажды, от старости, от пуль и ран, если мне отрубят голову, от разбитого серд-ца, в конце концов.

— Но люди не умирают из-за того, что у них разбиваются сердца, — возразил Алиф.

— А вот некоторые могут, например, ты сам, — фыркнул Викрам.

Алиф испуганно посмотрел на свою грудь, но ничего необычного не обнаружил. Он с силой сжал пальцами виски, пока в голове у него не зазвенело.

— Забирай девочек и старика, — повторил Викрам. — Если, конечно, они уже не проснулись от твоих криков и ругани.

Алиф вскочил на ноги и бросился в заднюю часть молитвенного зала. Шейх Биляль как раз выходил из своего кабинета и застегивал пуговицу на воротнике своего халата дрожащими пальцами.

— Что тут происходит? — зашипел он. — Почему молитвенный зал по-прежнему пуст? Почему никто не пришел совершить утренний намаз?

— Я думаю… Сегодня… Сюда вообще вряд ли кто-то осмелится прийти, шейх, — запинаясь, сообщил Алиф. — Рука, то есть люди из службы безопасности, и еще неизвестно кто явились сюда за мной. Викрам требует, чтобы мы надежно заперли все двери.

Шейх Биляль принялся важно раздувать щеки.

— Я был здесь и смотрителем, и сторожем в течение тридцати двух лет, — сообщил он. — И никогда я не отказал ни одному мусульманину, которые приходили сюда совершать намаз. А твои странные дела и проблемы…

— Меня предали, — жалобно проскулил Алиф, чувствуя, что начинает терять самообладание. — Она обманула меня, и теперь мы все очутились в ловушке. Да-да, шейх Биляль, именно так… Теперь мы все по уши в дерьме. В самом настоящем дерьме!

— Господь, прости нас! Как ты можешь произносить подобные слова в таком месте? Разве ты цитируешь «Гамлета»? Или мы сейчас на сцене в театре? Перестань ругаться, иди и соверши омовение. Если больше никого нет, мы сами будем молиться.

Алиф скривил лицо:

— А как можно думать о намазе в такую минуту?!

— А разве можно НЕ думать? Иди и вымой ноги.

Алиф не верил своим ушам, но ему ничего другого не оставалось, как повиноваться. Из комнаты с раскладушкой доносились возбужденные женские голоса. В тот же момент дверь распахнулась, и легкий ветерок достиг юноши. Перед ним стояла американка и испуганно озиралась по сторонам.

— Что тут происходит? — спросила она на английском. —

Мы слышали какие-то крики.

— Нас окружили, — простонал Алиф, закатывая штанины и готовясь к омовению.

— Кто окружил и зачем? А что ты делаешь?

— Мне надо вымыть ноги перед тем, как совершать намаз.

— Боже мой… Ну, ты держись. — Она исчезла в комнате, но очень скоро появилась снова вместе с Диной, которая едва успела надеть свой никаб.

— Что ты натворил на этот раз? — ледяным тоном поинтересовалась Дина.

— Ничего. Но эта сучка выдала меня тем самым агентам службы безопасности.

И хотя Алиф не видел лица подруги, он будто почувствовал, что на нем отразилось некоторое удовлетворение.

— А я говорила, что от нее исходят все беды. Да любая богатая девушка, которая прячется за спину папочки, в нашем районе Бакара принесла бы с собой несчастье.

— Я понимал, что она чувствовала себя неуютно рядом со мной, ей приходилось терпеть неудобства, она будто сама становилась бедной! — сердился Алиф. — И не надо мне это объяснять. Но она же хотела стать моей женой… Она любила меня…

— Как скажешь.

Алиф снова выругался и побежал дальше, торопясь совершить омовение. Вода, которая текла из крана в стене, оказалась довольно прохладной, и он вскрикнул от неожиданности, когда струя ударила по его воспаленной потной коже. Где-то вдалеке, в коридоре, раздались чьи-то невнятные голоса, потом они эхом отдались от стен, создавая какую-то неведомую гармонию. Здесь смешались негодующие вопли шейха Биляля, мелодичный возмущенный тон Викрама и гнусавый протестующий глас новообращенной. Дина хранила молчание, но Алиф легко представил себе, о чем она в данный момент думает. Его охватило чувство вины. Конечно, он не имел никакого права вмешивать ее в свои темные делишки. Зачем он выдернул ее из привычного, пусть и скучного мира района Бакара, где она была как раз на своем месте? Да и там она наверняка уже пострадала из-за его дурной славы. Скорее всего уже не один ухажер с маленькой аккуратной бородкой и приличной зарплатой отвернулся от нее. И все это произошло тогда, когда Алиф послал ее в дом Интисар с этой проклятой простыней в коробке, а потом встретил в финиковой роще тем незабываемым жарким днем. Как мало требуется для того, чтобы навсегда испортить судьбу женщины!

В этот момент шейх Биляль позвал его по имени. К этому времени Алиф уже закончил совершать омовение и быстро направился по длинному коридору в молитвенный зал. Шейх стоял в узорчатой нише лицом в сторону Мекки на две ступеньки ниже пола, демонстрируя таким образом смирение совершающего намаз. Дина и женщина-неофит находились рядом и держались плечом к плечу в дальней части помещения, возле огромных дверей. Алиф поспешно отвернулся. Он знал, что Дина не сможет поднять никаб для молитвы, если он будет смотреть на нее. Алиф занял место возле шейха и краем глаза принялся выискивать Викрама, который куда-то запропастился незадолго до этого, а потом склонил голову и сам.

В это время кто-то начал громко колотить в двери снаружи. Шейх Биляль проигнорировал страшные звуки и только прокашлялся, после чего нараспев произнес приглашение совершить намаз. Со стороны его голос прозвучал довольно молодо и уверенно. Алифа потрясла музыка этих знакомых слов. Однако стук в двери не прекращался. Алиф сильней стиснул зубы и заставил себя больше не оглядываться. Только сейчас до него дошло, что те, кто ворвется в мечеть, первыми встретят девушек. Было просто смехотворно стоять вот тут и ничего не предпринимать. Алифу показалось, что сейчас они все больше напоминают жертвенных баранов, которые наполняют улицы накануне Праздника жертвоприношений, которые тупо вертят головами и наивно строят планы на следующую неделю.

Впереди него шейх Биляль начал бить поклоны, и Алиф принялся повторять за ним все движения. Шум на улице усилился, а потом вдруг внезапно затих и сменился жутким завыванием. У Алифа волосы встали дыбом. Он встал на колени и коснулся лбом старого ковра. Во рту у него стало горько от поднявшейся желчи. А вой не стихал, и только теперь стало понятно, что к нему присоединилась ревущая полицейская сирена. Стук возобновился. Шейх Биляль стал читать Коран громче, но молитву не прервал. Алиф стоял на коленях. Внезапно что-то слева от него шевельнулось, он невольно повернул голову и увидел так же стоявшего на коленях рядом с ним Викрама. От неожиданности Алиф чуть не задохнулся.

— Тише, — шикнул на него тот. — Не веди себя, как маленькая девочка.

— Ты что там снаружи делал? Убивал кого-то?

— Нет, — поморщился Викрам. — Я подумал, что старику вряд ли доставит удовольствие созерцать чьи-то выпущенные кишки на ступенях его мечети. Правда, испугать их мне все же удалось. Парочка до сих пор в себя никак прийти не может.

— Сколько их там всего?

— Они оцепили всю улицу. Есть над чем призадуматься. А что касается других помощников, сказать трудно, они ведут себя как единое целое. Впрочем, я сомневаюсь, что их видит кто-либо из людей. Ну, кроме того самого, который их, собственно, и призвал на помощь. Агенты, похоже, даже не подозревают об их присутствии рядом с собой.

Из дальней части помещения появилась Дина и уселась на ковер рядом с Алифом.

— Как ты полагаешь, если я сейчас выйду на улицу и заявлю, что меня держит в заложницах террорист, меня отпустят домой?

Алиф попытался встретиться с ней взглядом, но она избегала этого.

— Вряд ли, ты ведь ввела их в заблуждение, пытаясь защитить своего похитителя. — Викрам вопросительно склонил голову набок. — Кстати, как там твоя рука, сестренка? Я чую кровь.

— Все в порядке, мне уже лучше.

К ним подошла американка, которая все это время заламывала себе руки от отчаяния. Часть лица, которую не скрывал ее шарф, была бледной и опухшей.

— Вот уж не предполагала, что тут все так плохо, — призналась она, переходя на английский. — Разве я могла знать, что вы так влипли? Мне вообще не стоило сюда приходить. Ну что я тут потеряла? У меня вообще сегодня занятия… — Она едва сдерживалась, чтобы не впасть в истерику. Алиф в отчаянии пробормотал что-то невнятное.

— Сядь сюда. — Решительный голос шейха не допускал возражений. В одной руке он нес раскладной стул, в другой — томик тафсира. — Хватит хныканья. Сейчас я буду читать вам то, что приготовил для своих учеников. Между прочим, они не пришли ко мне сегодня только из-за ваших выходок, не забывайте.

— Что? Зачем это? — Алиф нервно поглядывал то на шейха, то на большие двери мечети. Оттуда послышался металлический звон, что означало одно: агенты службы безопасности перестали надеяться на свою физическую силу и перешли к использованию специального оборудования, помогающего вскрывать двери. — Это же просто какое-то безумие. Они сейчас вломятся сюда, а вы хотите, чтобы мы все встали на колени, как прыщавые ученики из медресе? Тогда мы точно пропали!

— Мы пропадем, если скроемся отсюда. По крайней мере, увидев нас, они поймут, что я тут ни при чем и предлагал вам только чай да свои религиозные советы. По крайней мере моя

шкура будет спасена. — Шейх уселся на стул и принялся разглаживать складки халата. Викрам рванулся вверх и через пару секунд снова исчез где-то в световом люке. В отверстие просачивался неясный свет, предвестник утренней зари.

Шейх Биляль спокойно раскрыл тафсир на отмеченной странице.

— Начнем с вопроса, — предложил он, — который весьма важен в нашем с вами положении. Милосердный Бог говорит, что хороший поступок засчитывается сразу же, как только человек соберется совершить его, а плохой поступок засчитывается только после того, как он уже был совершен. Но мир сейчас стал намного сложней, чем он был когда-то. Поэтому я хочу предложить на ваше рассмотрение следующую дилемму, которую придумал один парнишка из моей конгрегации. Когда кто-то играет в компьютерную игру и его аватар поедает кусок цифровой свинины, совершает он при этом грех или нет?

Алиф выждал и, когда шейх ничего не добавил к сказанному, удивился:

— Это вы меня спрашиваете? Это вы взялись нас учить, а я тут при чем?

— А мне важно узнать и ваше мнение тоже. Я так мало что понимаю в компьютерных играх. Как мне помнится, тот мальчик увлекался какой-то игрушкой под названием «Мир сражений».

— Не знаю, — устало отмахнулся Алиф. — Да и какая разница? — В этот момент дверь завизжала, как будто ее резали пилой. — Я не могу сосредоточиться при таких условиях! — пожаловался юноша.

— А вот моему пареньку было очень интересно узнать правду. Тогда я пояснил ему, что раз он так сильно волнуется по данному поводу, значит, это был грех или по крайней мере будет считаться как грех в его случае. Потому что Бог еще говорит о том, что когда вы совершаете действие, которое считаете грехом, оно и будет грехом, даже если в вашем случае оно и могло бы считаться допустимым. Сознание, только сознание — вот что определяет человека.

— Ну ладно, пусть это будет грех, — застонал Алиф. — Мне все равно. Я не играю в такие игры. Это для школьников.

— А я и не ждал какого-то определенного ответа. И не ждал, что ты начнешь во всем соглашаться со мной. Мне интересно узнать, что ты думаешь.

— Я думаю, что людям надо отдыхать. И не обязательно при этом обращаться к тем, кто продает алкоголь и бекон. Просто иногда хочется забыть о том, что мы живем в жутком месте и на нас давят с одной стороны набожные болваны, а с другой —

агенты службы безопасности. При этом мы продолжаем по-дурацки улыбаться, а нефтяные компании по-прежнему выкачивают нефть, и их владельцы набивают себе карманы деньгами. Конечно, Бог не станет возражать, чтобы человек притворялся, будто жизнь не так уж и плоха, даже если при этом будет присутствовать некая виртуальная свинина.

— Но разве это не опасно? Виртуальная свинина — это одно дело, мы не можем ни вкусить ее, ни даже понюхать, а потому возможность того, что мы все же отправимся к мяснику за настоящей свининой, невелика. Соблазн тут сомнительный. А вот если бы речь шла о виртуальном прелюбодеянии, это уже был бы совсем другой вопрос. Многие люди позволяют себе сквернословить, находясь в компьютерной сети, да и не только бросаться словами, а также и совершать кое-какие непристойные действия. То есть на мониторе могут высветиться их настоящие скрытые желания. Кто знает, сколько адюльтеров было совершено, когда все начиналось в Интернете, а заканчивалось уже в постели?

Алиф побледнел.

— И даже если этого не происходит, — продолжал шейх, — кто может утверждать, что духовное разрушение ничего не значит? Когда два человека начинают отношения онлайн, это не вымысел, основанный на реальной жизни, это реальная жизнь, основанная на вымысле. Вы начинаете верить в то, что человек, которого вы не видите и не чувствуете, идеален, потому что этот человек показывает только ту свою сторону, которую вы хотите в нем увидеть. Разве это не опасно?

— То же самое можно сказать и о тех браках, которые устраивают родители для своих детей, не слишком беспокоясь об их чувствах, — заметил Алиф.

Шейх Биляль печально улыбнулся:

— Да-да, конечно. Ты меня подловил.

Звук пилы поднялся еще на несколько децибел, но потом резко прекратился. Зато теперь стал ясно слышен ропот собравшихся снаружи.

— Этим дверям четыреста лет, — грустно констатировал шейх. — Это подарок принца Катара, который как-то проезжал мимо наших мест, совершая хадж. Они уникальны.

— Это я один во всем виноват, — вздохнул Алиф и вытер трясущейся ладонью пот со лба.

— Да, это верно. Но… Ты тоже по-своему уникален. — Шейх Биляль пролистал несколько страниц в своем томе. — Мне кажется, твой приятель что-то сделал с их пилой, и она испортилась.

Новообращенная, которая все это время ходила по молитвенному залу взад-вперед, теперь остановилась возле стула шейха.

— Все это меня очень сильно тревожит, — начала она на арабском. — Я больше не выдержу. Я хочу поскорей уйти отсюда.

— Не сомневаюсь, — понимающе кивнул шейх. — Только сейчас, как мне кажется, это невозможно. Ты не будешь ничего иметь против, если я попрошу тебя приготовить нам всем чаю и принести коробку с печеньем. Она у меня в кабинете. Да будут благословенны твои руки!

Американка несколько секунд молча смотрела на него, потом повернулась и отправилась выполнять странную просьбу шейха. Дина поднялась и последовала за ней, придерживая больную руку. Алиф с волнением наблюдал за ее движениями.

— Надо прекращать все это, — забормотал он. — Надо как-то вытаскивать ее отсюда. Ему вспомнились и слова его друга под ником НовыйКвартал01. Он написал Алифу на прощание: «Только ты постарайся. Ты меня понимаешь, надеюсь».

Шейх Биляль вздохнул и закрыл свою книгу.

— Как много страхов и сомнений окружают сейчас компьютерные программы. Сейчас даже не обязательно совершать преступление. А оно все же будет совершено. Мы как будто живем не в реальном мире, а в мире каких-то иллюзий. В моей мечети находится джинн, а в двери рвутся агенты службы безопасности — нате вам! Ну кто бы мог в такое поверить? Скоро мы потеряем нить истории, а птицы и звери начнут говорить нам, что реально, а что — нет.

Слова шейха всколыхнули память Алифа. Он спал в мечети на раскладушке, и ему приснился сон. Там присутствовали птицы и звери. Там были олень и лань, совсем как в сказке из книги «Альф Яум». Но только олень был не совсем олень, не настоящий. Это был аватар, замена…

— Компьютерная программа, — прошептал Алиф. Щеки у него запылали, и он снова почувствовал, как на лбу выступила испарина. Какая-то мысль уже некоторое время не давала ему покоя. Она застряла где-то в мозгу, как воришка, который прячется в темном переулке и только ожидает момент, когда можно будет лишить вас бумажника. Эта мысль наполняла его уравнениями и командами, какими-то бесконечными кодами и другой информацией. Он уставился на шейха стеклянными глазами.

— Послушайте, — обратился он к старику, — помните, вы сказали мне, что я все пытаюсь объяснить через компьютеры?

— И что же тебя так взволновало?

— Те слои значений, которыми полон Коран…

— Ах вот оно что… Каждое слово имеет семь тысяч слоев значений, и все они существуют одновременно и не входят в противоречие.

Алифа охватила волна эйфории.

— Я все понял! Теперь мне ясно, зачем ему понадобилась эта книга «Тысяча и один день»! — обрадовался юноша. — Вот, значит, почему ему так не терпится заполучить ее в свои руки!

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду то, — сообщил Алиф, — что Рука намеревается создать компьютер.

Глава десятая

К счастью, в кабинете шейха Биляля обнаружилась цифровая абонентская линия. Он быстро подключил провод к старенькому ноутбуку «Тошиба», заполненному таким же древним барахлом, но зато оперативной памяти тут хватило для того, чтобы Алиф мог сделать все то, что задумал. После того как он проверил свою почту и сохранил в облаке нужные сообщения, юноша убедил шейха разрешить ему стереть все с жесткого диска аппарата, чтобы иметь перед собой совершенно чистую машину, в которую он мог бы загрузить все то, что ему требовалось, то есть самого себя. Линукс он взял со своего нетбука, а потом испытал чуть ли не физическое возбуждение, увидев, как на мониторе вспыхнула такая знакомая домашняя картинка. Аппарат привычно щелкал и похрустывал, и от этого тоже становилось теплей внутри. Потом Алиф установил «Альф Яум», прижав его полупустым ящиком из-под бутылок с питьевой водой, который нашел на захламленном столе шейха, и открыл книгу на истории про оленя и лань. Это стало его исходной точкой. Алиф набрал в легкие побольше воздуха и так же медленно выдохнул, собираясь с силами.

— Прости меня, мой мальчик, — раздался голос шейха Биляля от дверей. — Я до сих пор никак не возьму в толк, что же ты надумал сотворить. Ты говоришь, что твой цензор намеревается создать компьютер. Но мой компьютер не только уже создан, но уже успел порядком устареть.

— Если только я прав, это не имеет никакого значения. — Алиф прищурился от розового света зари, проникающего в комнату через решетчатые окна. — Я заново научу его думать, и делать он это будет тоже совершенно по-другому. Я подарю ему второе дыхание.

— Прости, я не совсем понял.

Алиф повернулся и бросил на старика взгляд, полный теплоты. Наконец-то он посмотрел на него дружелюбно. Алиф хорошо понимал, что теперь ему понадобится огромное терпение. Но его переполняли новые знания, он буквально горел изнутри, и огонь этот был даже ярче света красной зари. Сейчас Алифу казалось, что он способен объяснить что угодно и кому угодно.

— Вы помните наш разговор о квантовых компьютерах?

— В общих чертах.

— Теоретически квантовый компьютер может исполнять функции по обработке информации, используя ионы, которые, конечно, нелегко предоставить, управлять и манипулировать ими. Вот почему в основном, конечно, квантовый компьютер по-

прежнему остается только мечтой. Даже у Руки нет такого оборудования. И все же. И все же… — Глаза у Алифа заблестели, и он продолжал: — Но ведь можно заставить делать почти то же самое и обычный кремниевый компьютер, только он должен начать мыслить метафорически.

Шейх насторожился, он внимательно смотрел на юношу:

— Если учесть, что каждое слово имеет слои значения…

— Вот именно. Вы все понимаете, да! Я знал, что все так и будет. И впервые я подумал о такой возможности, когда мы разговаривали о Коране. Я размышлял над метафорами. Что они значат по своей сути? Это же некие знания, которые существуют в нескольких состояниях одновременно и при этом не создают противоречий. Я вспомнил про оленя, про лань и ловушку. И вместо того чтобы работать с линейными цепочками, с единицами и нулями, можно сделать так, чтобы компьютер начал работать с более сложными понятиями, с группами единиц и нулей и точек между ними, причем делать это он будет одновременно. Если… если только научить его преодолеть бинарную зависимость, заставить его пойти еще дальше, в корне изменить его природу.

— Ну, для меня это звучит сложновато.

— Не то что сложновато, а просто невероятно, наверное, — подхватил Алиф. — Но это возможно. — И он принялся быстро печатать. — Все современные компьютеры — самые настоящие педанты. Для них весь мир разделен на белое и черное, на «вкл.» и «выкл.», на правильно и неправильно. Но я научу ваш аппарат различать множество самых разнообразных элементов, взаимозависимых генезисов, систем мультивалентных причин и следствий.

Он услышал, как шейх нерешительно зашаркал тапочками, переминаясь с ноги на ногу.

— Когда мы говорили о Коране, — заговорил старик, — я тоже пытался понять, что ты хочешь сказать мне о компьютерах. Но я не думал, что ты поймешь все настолько буквально и даже начнешь работать прямо здесь…

— Коран тут ни при чем, — быстро отозвался Алиф. — Мне нужна совсем другая книга. Я использую «Альф Яум». Коран статичен. В нем запрещено что-то менять, даже одну-единственную точку. И нас учат наизусть читать его, чтобы мы правильно произносили слова, потому что если хоть один звук будет произнесен неверно, то это уже будет не Коран, а что-то совсем другое. А вот «Альф Яум» — это динамичное произведение, оно меняется, то есть я хочу сказать, что меняется сама книга, и все зависит от того, кто именно ее читает.

Например, дервиши увидели в ней философский камень, а для меня это определенные коды, которые я могу использовать в новой программе.

— Знания должны быть закреплены каким-то образом, чтобы потом можно было сохранить их, — продолжал шейх. — Вот почему Коран нельзя менять. Существовали и другие пророки, которые были посланы к другим народам, но из-за того, что их книги менялись, их знания в конце концов были утеряны.

— Это можно поправить, — произнес Алиф, но на этот раз уверенности в его голосе было уже намного меньше. — Скорее всего это тоже возможно. Во всяком случае, Рука в этом просто уверен. Он был готов перевести строки этих метафор в цепочки команд.

— Но ведь это очень древняя книга! И тот, кто сочинил ее, не мог ничего знать о компьютерах.

— А этого и не требовалось. Главное даже не то, что они говорили, а метод, которым они доносили информацию, то есть кодировка. Они запихнули все, что имели, в один котел и разработали систему перевода информации, которая могла бы адекватно справляться с возможными возникающими противоречиями. И вот именно такую систему я собираюсь смоделировать в вашем компьютере.

Пальцы Алифа внезапно застыли в воздухе над клавишами. Где-то в голове возник навязчивый образ, от которого у него даже заломило в висках и затылке одновременно: силуэт Дины, ясно вырисовывавшийся черным на фоне неба на их крыше в районе Бакара. Черная ткань ее никаба развевается, а горизонт составлен из ряда бледных и покрытых пылью минаретов. В руке она держит экземпляр «Золотого компаса», и она размахивает им, как вражеским знаменем. Алиф быстро и часто заморгал, сосредотачивая взгляд на мониторе.

— Впрочем, я до сих пор до конца не уверен, как нужно связать отдельные части моей системы между собой.

— Ну, в таком случае я бы на твоем месте проявил крайнюю осторожность, — заявил шейх Биляль. — Самая главная победа шайтана заключается в том, что он умеет создавать иллюзию, будто у тебя все получается. Он всегда подстерегает нас там, где дорога раздваивается. Он поджидает тех, кто становится чересчур уверенным в себе и теряет верный путь. Вот тогда он рискует по-настоящему заблудиться.

— Мне нужно начать кодировать, — объявил Алиф. После этого он услышал шорох халата шейха и понял, что старик благоразумно удалился, не желая мешать молодому человеку. Солнце становилось все более настойчивым, и теперь от его

лучей, проходящих сквозь решетки на окнах, на полу образовались затейливые узоры. Голова продолжала болеть, но Алиф решил не отвлекаться от работы. Несколько раз до его слуха доносились ружейные выстрелы, а один раз что-то прогремело, как будто где-то далеко начиналась гроза. Но этот шум всякий раз прекращался и сменялся прерывистым чириканьем воробьев во дворе. Один раз Алиф услышал, как кто-то говорил в мегафон и при этом настойчиво советовал укрывшимся сдаться, обещая, что тот, кто добровольно отдаст оружие, останется целым и невредимым.

— …думают, что мы тут все вооружены, — послышался откуда-то из коридора голос Дины вместе с шарканьем ее ног в сандалиях.

— Я не знаю, дочь моя, — негромко ответил ей шейх Биляль. — Может быть, только твой друг. В любом случае, они не могут зайти сюда. Эта мечеть была выстроена очень давно с тем учетом, чтобы сдерживать набеги бедуинов.

Голоса затихли в глубине коридора. Алиф закрыл глаза и зажмурился до боли. Потом, когда он резко раскрыл их, его словно ослепили какие-то огни перед глазами. Но, кроме солнечного света, в комнате присутствовало еще что-то, как будто воздух начинал сгущаться рядом с ним. Это чувство было не постоянным, оно находило на юношу волнами и сразу же отступало. Очень скоро он заметил рядом с собой едва видимого невооруженным глазом Викрама, который материализовался в виде темной субстанции, словно свернувшейся, защищаясь от серьезной опасности. Алиф даже не увидел, а осознал, что Викрам сильно устал и был уже на пределе.

Тем не менее молодой человек продолжал активно работать. Он знал, что ему нужно делать, и выполнял действия одно за другим даже раньше, чем успевал реагировать на это его мозг. Он все еще мог пользоваться какой-то частью Голливуда и потому быстро и ловко вкладывал коды в память компьютера Биляля, с удовлетворением наблюдая за тем, как буквально у него на глазах вырастали башни алгоритмов. Потом он отвлекался от клавиатуры и переходил к «Альф Яум». Он читал очередной отрывок из книги и сразу же делил его на две линии кодировок. Фарухуаз, темная принцесса, стала набором алгоритмов из булевой алгебры, а няня, ее иррациональный аналог, заняла противоположную позицию. И не было в книге ничего такого, что он не сумел бы выразить в числах. Причем сами цифры, как и рассказы, были исключительно показательными, подменой того, что лежало гораздо глубже и было вмуровано в электрические импульсы внутри компьютера и в работающие нейроны в мозгу у

самого Алифа. И эти события вместе со своими определяющими элементами сливались и спаивались воедино, в то время как молодой человек упорно продолжал свою нелегкую работу.

Солнце начинало припекать еще сильней, время близилось к полудню, когда решетка на окне наконец-то самостоятельно исполнила свое предназначение. Из-за нее в комнате образовалась какая-то узорчатая тень и в кабинете шейха сразу стало прохладно и сумрачно. Алифа поразило умение старинного плотника так искусно все рассчитать, ведь тень появлялась здесь именно в полдень, и при этом она ничуть не мешала ученому, занимавшемуся в комнате, обозревать двор мечети. Все было выстроено мудро и элегантно. Алиф даже позавидовал этому безымянному мастеру, ведь его собственное творение, когда оно, разумеется, будет закончено, окажется вовсе не элегантным и, конечно же, далеко не простым. Оно могло стать неуклюжим, выделяющим ядовитые испарения простором, увековечивающим давящую на него информацию. Возможно, его изобретение будет способно выполнять самые невероятные расчеты. А может быть, само по себе оно вообще не будет иметь никакого значения.

* * *

Ближе к вечеру к нему пришла Дина. Она принесла стакан чаю и тарелку с тушеной фасолью, которая, видимо, очень долго находилась в перегретой консервной банке. Алиф долго принюхивался к ней, прежде чем рискнул попробовать на вкус.

— Больше все равно ничего нет, — грустно сообщила Дина. — Мы не можем никого отправить за едой.

Алиф внимательно посмотрел на нее. Девушка уставилась в пол, но он успел заметить, что под глазами у нее образовались темные круги от недосыпания. Он протянул тарелку ей.

— Лучше ты поешь, — предложил он. — Тебе надо набираться сил. И вообще сейчас ты должна лежать и отдыхать.

Дина нетерпеливо махнула здоровой рукой.

— Я уже поела. Там, снаружи, вроде бы все стихло. Но Викрам говорит, что улица по-прежнему перекрыта, а на крышах засели снайперы. Мы в осаде.

— В новостях про нас говорят?

— Только про тебя. И называют тебя фальшивым и… то есть твоим ником. И террористом.

Алиф закинул голову назад и закрыл глаза. Его имя. Он вспомнил, как шептала Интисар в темноте его имя, как она боготворила его. И теперь узнать, что его так очернили перед

публикой, было даже хуже, чем новость о том, что юношу обвинили в терроризме. Тем более что террористами часто называли и более благородных людей.

Дина вложила стакан с чаем ему в ладонь.

— А ты ведь никогда не рассказывал мне о том, что работаешь на исламистские группировки.

— Я ни на кого не работаю. Я работаю против цензоров.

— Но ведь ты помогал исламистам.

— И коммунистам тоже. И феминистам. Я помогаю всем, у кого есть компьютер и обида на государство.

— Ну хорошо, я просто хочу напомнить тебе, что в новостях журналисты таких философских тонкостей не сообщают.

— Конечно, нет. А когда было по-другому? — Алиф зачерпнул ложку фасоли и сунул ее себе в рот. Дина чего-то ждала и, оставаясь на месте, оглядывалась по сторонам, рассматривая многочисленные книги и папки с документами в кабинете шейха.

— И чем же ты здесь занимаешься? — поинтересовалась она.

Алиф сжал губы.

— Рука украл мою идею, — наконец произнес он. — А теперь я ворую кое-что и у него.

— И какой в этом смысл? Ты все равно сможешь покинуть мечеть только в наручниках и с черным мешком на голове.

— Не важно. К этому времени я успею разгромить всю их систему. Все данные, которые они собрали против меня и моих друзей, превратятся в жуткое месиво, больше похожее на неудавшуюся яичницу. Больше он никогда не сможет использовать Тин Сари против кого бы то ни было. Конечно, если они захотят, то убьют меня, но я уже победил их. — По его телу прошла дрожь. Запах, исходящий от книги «Альф Яум», почему-то будоражил его, вызывая какие-то новые и непонятные чувства, отчего хотелось куда-то бежать, что-то рвать и уничтожать до тех пор, пока противник не будет побежден окончательно. Какая-то часть его самого перепугалась такого прилива агрессии, и Алиф заставил себя успокоиться.

— Мне не нравится, когда ты начинаешь так разговаривать, — заметила Дина. — Как будто ты один из героев из твоих книг, которые ты постоянно читаешь. — Голос ее дрожал, и Алиф поднял глаза на девушку. На ее ресницах блестели слезы, и Алифа накрыла волна раскаяния, а его агрессия тут же бесследно исчезла. Он хотел встать, но одна его нога застряла между ножками кресла шейха Биляля.

— Прости меня, — негромко произнес он. — Я не хотел так расстраивать тебя. Прошу тебя, не плачь. Ты не представляешь

себе, как это несправедливо — когда ты плачешь. Я ничего не могу сделать больше того, что уже делаю.

— А я не могу справиться с собой, — слегка запинаясь от волнения, пояснила Дина. — Я так устала. Я не хочу здесь больше оставаться. Мне страшно даже подумать о том, что здесь скоро может случиться, но теперь мне даже хочется, чтобы все это произошло поскорее, как бы ужасно все это ни было…

— Дина…

— А когда вдобавок ко всему ты начинаешь говорить вот так, как будто тебе все равно, что произойдет. Как будто рядом с тобой нет никого, кто волнуется и переживает за тебя… Вот тогда мне хочется кричать во весь голос. Иногда ты бываешь таким глупцом…

Алиф снова уселся на свое место, чувствуя себя опустошенным. Он допил остатки чая. Повинуясь какому-то непонятному импульсу, он дважды поцеловал край стакана, прежде чем передать его назад Дине. Она тут же дотронулась пальцами до того места, которого только что касались его губы.

— Да будут благословенны твои руки, — прохрипел юноша. Дина повернулась и тихо вышла из комнаты.

С наступлением вечера Алифа начало трясти. В комнате не было холодно, так как каменные стены уже начали излучать приятное тепло, собранное в них за долгие дневные часы, пока солнце разогревало их снаружи. Однако напряженная работа, страх и бессонная ночь сделали свое дело. Алиф понимал, что эта усталость может плохо сказаться на его организме. Теперь он опасался сделать ошибку, нечаянно создать цифровой вирус, который потом спрячется так глубоко в коды программы, что его трудно будет извлечь оттуда. При других обстоятельствах такая усталость не причинила бы никакого вреда его работе. Он бы просто позволил себе отдохнуть. Он мог, например, выспаться, поесть или принять душ, справедливо полагая, что торопиться в таких случаях нельзя. Тогда ему позволительно было пожертвовать временем — только бы не совершать ошибок! Сейчас же он чувствовал, как на него буквально давит каждая предоставленная ему минута. Что-то подсказывало ему, что это настоящая глупость — тратить свои последние часы свободы вот так, сидя за компьютером и создавая то, что он может не успеть закончить. Но он старался не задумываться над этим, да и вообще ни на чем другом не останавливаться, а только войти в подобный трансу ритм и продолжать разрабатывать свою идею.

Наступила ночь, и ему стало то ли сниться, то ли мерещиться, будто программные коды на экране его компьютера превратились в башню из белого камня. Эти каменные ряды

росли и росли вверх, а он все продолжал печатать. Потом он украсил свою башню желтыми жасминами и ползущими вверх пыльными гибискусами, точно такими же, как те, что росли у него во дворе перед маленьким двухквартирным домом в районе Бакара. Затем Алиф представил себе, будто он стоит на вершине этой башни и озирает свои владения оттуда, как некий генерал рассматривает поле боя. В полночь где-то на грани его бокового зрения появилась крохотная золотая ножка.

«Ты вернулась», — начал Алиф.

«Я вернулась», — подтвердила принцесса Фарухуаз. И маленькая ножка тут же скрылась под полой полупрозрачного черного халата. Алифу стало жаль, что она исчезла. После этого Фарухуаз склонилась над его столом, или, может быть, она встала на колени на белый камень парапета, — Алиф уже не видел между ними разницы и потерял способность следить за течением времени. Она положила ладонь ему на колено. Ее тонкие пальцы были унизаны золотыми украшениями, а ногти сияли красной хной. Дрожь в теле Алифа усилилась.

«Ты строишь башню, — негромко произнесла она. — Все вверх, и вверх, и вверх, а на ее вершине буду ждать тебя я. И там, на вершине, будет возможно все. Любая вещь приобретет любую форму, какую только захочет. Пусть они называют тебя преступником, я же назову тебя свободным».

«Именно так, — согласился Алиф. — Это и есть то, чего я хочу».

«Ты уже близок к победе», — подбодрила его Фарухуаз.

Он зашел в главный компьютер Государства, почти не думая. Брандмауэры, поставленные для защиты официальной интрасети, теперь казались ему ничтожными, такими же декоративными и легко преодолеваемыми, как стена в Старом Квартале, окружавшая их некогда могучую крепость, а теперь превратившаяся в достопримечательность для туристов. Алифу казалось, что он смотрит на Сеть с большой высоты. Четкие сетки кодов расходились внутри главного брандмауэра, представляя собой учетные записи правительственной электронной почты, муниципальную службу безопасности и комитет бюджета Города. Самым большим из всех был разведывательный отдел, занимавший огромный объем оперативной памяти в скрытом где-то далеко зале с хорошим кондиционированием, заполненном ячеечными серверами.

Алиф пришел в некоторое замешательство. Все эти годы он «отписывал» свою браваду. Ведь он, Абдулла, Новый Квартал и все остальные были по большому счету хакерами, а не революционерами. При всей его ненависти к Государству, от

одной мысли о реальном физическом столкновении ему становилось не по себе. Все его усилия являлись некой реализацией страха, анонимным кукишем под нос тем, с кем ему никогда не придется столкнуться лицом к лицу. Он всегда считал, что Государство расправляется с людьми вроде него просто потому, что может это сделать, а не оттого, что видит в них реальную угрозу. Разветвленная, поглощающая львиную долю энергии разведывательная сеть убедила его в том, что он глубоко заблуждался. Это было правительство, смертельно боявшееся собственного народа.

Где-то там притаился Рука, постоянно рыскающая математическая сущность, миллионами запускавший червей в цифровой Город. Алиф сразу узнал, что именно они разносили. В них была «вшита» Тин Сари, готовая к внедрению на жесткие диски диссидентов, подобно паразитной ДНК.

Алиф сделал паузу, чтобы по достоинству оценить искусство и мастерство, с которыми создавался Рука. Сравнение с хищной системой не подходило — с тем же успехом можно назвать пирамиды набором камней. Он функционировал как единый, централизованный интегрированный пакет прикладных программ. Обычные протоколы по обнаружению пакетных данных заменили на нечто куда более динамичное: на программу, которая могла засекать и адаптироваться к пользовательской модели каждой индивидуальной жертвы, исключая ложные тревоги, часто возникавшие, когда подобные параметры поиска использовались с отрицательным пороговым элементом. В разработке и оформлении явно прослеживались черты отдельной сильной личности: написавший программу был изобретателен и очень скрупулезен, его ум совмещал в себе ортодоксальное мышление и инновации. Было очевидно, что он понимал не только физический, но и метафорический потенциал машин: он интуитивно включил в программы некоторые основные элементы, которые Алиф использовал для построения своей башни.

«Именно так он и залез в мою машину, — сказал Алиф. — Он говорил на языке, непонятном ни одному из моих брандмауэров. На языке, который я сам тогда еще не понимал».

«Да, — ответила Фарухуаз. — Но у тебя есть то, чего нет у него. Что он жаждет заполучить».

«У меня есть „Альф Яум“».

«У тебя есть я».

Алиф взглянул на лежавший внизу цифровой массив, своего рода равнину. Легче ударить отсюда, сверху, поскольку двоичный мир пока что оставался плоским. Он отстранился от него, в ушах у него звучала музыка сфер. Башня слегка подрагивала у него под

ногами.

«Действуй, — произнесла Фарухуаз. — Сровняй их с землей».

Алиф ввел серию исполнительных команд. Равнина тотчас же расцветилась огоньками активности. Тревога следовала за тревогой, в то время как антивирусы и брандмауэры ринулись минимизировать ущерб, пытаясь отключить некритичные функции, чтобы блокировать продвижение Алифа, ставя нечто вроде огневого заслона между ним и наиболее важными и чувствительными кодовыми блоками Государства. Алиф рассмеялся, Фарухуаз тоже. Сейчас все стало так просто. Он стоял наверху. Находившийся внизу заслон представлял собой круг с размытыми краями, детский рисунок карандашом на бумаге, лишенный всякой глубины. Алиф смело нанес удар в самое сердце интрасети Государства.

Рука словно восстал ото сна. Он с грохотом поднялся на ноги, источая запах ионизированного воздуха и сухих металлических остовов и демонстрируя новый уровень функциональности, который не далось засечь Алифу. Он чуть откатился назад, перенастраиваясь. Вырвавшись за пределы интрасети Государства, Рука обрушился на основание башни Алифа, срезая целые слои кодов с помощью зеркального протокола, которого Алиф раньше никогда не видел.

«Раздави его», — прошептала Фарухуаз.

«Я не знаю как!»

Алифа охватил приступ паники, когда его творение начало содрогаться. В отчаянии он начал усложнять операцию переключения кодов, меняя статус данных, которые атаковал Рука, быстрее, чем тот мог атаковать. Содрогание начало стихать. Алиф перевел дух. Охватившая его паника, порожденная адреналином, которому некуда выплеснуться, быстро сменилась жгучей, всеразрушающей яростью. Рука отнял у него любовь, свободу, даже имя! Однако сейчас все это значило для него гораздо меньше по сравнению с единственной целью — уничтожить отнявшего. Это казалось соизмеримой жертвой.

Алиф включил электронного зверя. У него были слабые стороны. Они есть в любой системе. Его зверь менял сам себя и свои методы, пока не находил эти уязвимые места: ошибки, которые Алиф видел не как ограничения объема вычислений, а как недостаток воображения. Его программа была лучше, выше по уровню; она работала на околосознательном уровне, не связанная никакой двойственностью. Башня приподнялась. Она впилась корнями в самое нутро Руки, внедряя туда базовую инфраструктуру зверя с многовалентными операторами, которые Рука не мог обработать. Рука повернул назад, издав электронный

вопль, отступая за огневой заслон интрасети.

Воодушевленный успехом, Алиф было бросился в погоню, как вдруг обнаружил, что поле боя уменьшилось в размерах, причем уменьшилось весьма подозрительно. Высота вызвала у него эйфорию. Руки Фарухуаз обнимали его за спину, ее покрытая никабом голова покоилась на его плече. Она едва слышно уговаривала его, но он не мог дышать: высота, ее руки, недостаток кислорода в насыщенной электричеством атмосфере — все это как-то сразу навалилось на него. Он вдруг увидел неясные световые пятна. Он мотнул головой, чтобы сбросить наваждение, но вместо этого пятна слились в нечто, что охватило весь горизонт, выгибаясь вверх в сторону какого-то невероятного ядра — не лица с глазами, носом и ртом, а ярко светящуюся массу, каким-то ужасным образом походившую на некий облик.

На Алифа вдруг нахлынуло воспоминание. Он плавал в тесном бассейне, голышом и свернувшись калачиком. Разум его был притуплен, словно он еще не сформировался; он не ведал различия между своим телом и окружавшим его соленым миром. Внезапно бассейн со всех сторон осветился этим ядром, этим обликом: время начало свой бег, и он осознал, что живет.

Облик становился все ярче. При виде его Алиф съежился, охваченный странным, дотоле неведомым чувством.

«Куда ты идешь?» — спросил облик.

Алиф словно лишился дара речи. Он совершил непоправимую ошибку. Код оказался нестабильным. У него кружилась голова, когда он поднимался вверх, уже не уверенный в том, что может контролировать созданное им. Он осознал, что в своем стремлении к инновациям он пожертвовал целостностью своих знаний. Основание башни размывалось, когда данные не могли корректно воспроизвестись, что приводило к недостоверности и разрывам в их изначальном ДНК. Башня долго не продержится. Он приближался к некоему потолку, когда сверхадаптивные свойства его системы кодирования уже не смогут компенсировать присущую ей нестабильность. Если сказать знанию, что оно сможет стать всем, чем пожелает, существует риск того, что оно выродится в полное невежество.

«Ты провела меня», — дрожа всем телом, сказал Алиф Фарухуаз.

Та не ответила, а лишь наклонила голову, отчего раздался звон крохотных колокольчиков на оторочке ее никаба. Она стала фикцией. Алиф в отчаянии пытался зацепиться за что-нибудь реальное, за что-то, что помогло бы ему вспомнить землю, превратившуюся в лежавший внизу малюсенький пятачок. Он попытался думать об Интисар. Но та тоже превратилась в идола,

сотканного из пепла. Он увидел свою жизнь, отравленную ее неопределенностью и капризным отношением: сначала к их призрачной женитьбе, потом к этой странной книге. В обоих случаях ее цель была окутана покровом совершенно бессмысленной таинственности.

Он ошибочно принимал эту таинственность за некую избранность, за свидетельство того, что его посвятили в какую-то высшую истину, которую не дано понять другим. При вознесении на такую высоту его самомнение оказалось мишурой. Он не прятался, поскольку считал себя лучше всех, а начал скрываться потому, что испугался. В этом не было вины Интисар: все началось с его имени, с псевдонима, за которым он спрятался, одной-единственной черточки, казавшейся столь же прямой и несокрушимой, как башня, взмывавшая вверх вокруг него. С имени, без которого у него бы недостало смелости приблизиться к ней. И тем не менее он во всем винил Интисар.

Он вдруг подумал, что, возможно, не любит ее.

Облик приближался. Излучаемый им свет проникал прямо в мозг Алифа, несмотря на то что тот зажмурил глаза. И тогда юноша завопил, охваченный новым приступом паники.

«Куда ты идешь?!» — повторил облик.

В тот же момент башня начала с треском рушиться.

Алиф услышал, как с треском распахнулась дверь в кабинет шейха. В воздухе запахло паленым мясом. Он чуть не задохнулся от этой вони и отпрянул от клавиатуры: она раскалилась докрасна, а на подушечках его пальцев образовались волдыри, как от ожогов. Монитор представлял собой расплавленную массу, которая еще потрескивала и сверкала голубоватыми электрическими искрами. Боль пронзила защитный слой адреналина. Алиф застонал и свернулся в комочек, оберегая поврежденные руки. В дверях послышались голоса. Запах сгоревшей кожи сменился другим — смесью пота, звериной шкуры и крови. К столу прохромала какая-то непонятная мохнатая тень, принимавшая то шакалий, то человеческий облик, и тут же уставилась на Алифа, заглянув ему прямо в глаза.

— Ну ты натворил дел, маленький брат, — задыхаясь, произнесло существо. Из уголка рта у него стекала какая-то жидкость.

Алиф повернулся и зарылся лицом в мохнатое плечо.

— Я все так запутал, и теперь плохо стало всем сразу, — прошептал юноша. — Дина была права, и шейх был прав… И ты тоже оказался прав.

— Как правило, я всегда бываю прав. — Существо закашлялось, и Алиф почувствовал, как его лохматая грудь

затряслась у него под щекой.

Алиф поднял голову и посмотрел на своего друга:

— Тебя ранили.

Викрам бережно поглаживал одну конечность, которая заканчивалась звериной лапой, а может, и ладонью, и сгибалась под неестественным углом. По его шкуре стекала кровь.

— Их там сбежалось огромное количество, — сообщил он. — И они уже проникают внутрь.

За Викрамом показался шейх Биляль, за ним следовали американка и Дина. Алиф машинально потянулся к Дине. Она остановилась и не стала даже дотрагиваться до его руки, хотя ее пальцы зависли в воздухе всего в дюйме от его ладони.

— Храни нас Боже! Ради всего святого, скажи мне, что произошло в этой комнате? — Шейх Биляль с опаской осматривал бурлящие останки монитора на своем столе. — Ты что же, решил устроить тут пожар? Здесь не обошлось без огня.

— Без адского огня, — уточнил Викрам и рассмеялся, но его смех закончился приступом кашля. — Мальчик неудачно развлекался с весьма опасными вещами. А что до запаха — так это сера, без сомнений. — И он снова расхохотался над своей собственной шуткой.

— У нас нет времени на пустые разговоры. Мы должны вывести отсюда женщин. Одному Богу известно, что с ними может произойти, если их тоже арестуют.

— Я гражданка США, — дрожащим голосом напомнила американка. — Я покажу им свой паспорт. Они не имеют никакого права допрашивать меня без представителя из моего посольства…

Алиф не сводил глаз с Дины. Один вид ее фигуры, облаченной в черное, вытягивал страх из его груди. Она смотрела прямо на него, и глаза ее напоминали два огненных солнечных кольца вокруг ярких и таких мужественных зрачков. В этих глазах не было и намека на слезы.

— Я не допущу, чтобы с тобой произошло хоть что-то неприятное, — пообещал он.

— Конечно. Не допустишь, потому что ты сдашься им добровольно, — вмешался в их разговор шейх. — Ты спокойно объяснишь властям, что вынудил этих девушек помогать себе, и они не имеют отношения ни к каким темным делишкам, в которые ты успел втянуться сам.

Алиф разжал кулаки и поморщился.

— Где они сейчас? — поинтересовался он.

— Они прошли внешние двери, — сообщил шейх Биляль. — Я закрыл на засов двери в молитвенный зал, чтобы выиграть еще

немного времени. Я подумал, что если девушек спрятать в подвале, может быть…

— Какая глупая мысль, — нахмурился Викрам. — Там их найдут в течение первого же часа. Нет, лучше я заберу их с собой.

— Заберешь? Куда?! — завизжала побледневшая американка.

— В Пустой Квартал, — устало вздохнул Викрам. — В страну, где живет мой народ.

— О чем ты говоришь? о чем таком он говорит, может мне кто-нибудь пояснить?!

— А там будет безопасно? — спокойно осведомилась Дина, но Викрам многозначительно покачал головой:

— Говорят, что только святые могут войти туда и не помешаться при этом. И конечно, очень трудно бывает протолкнуть туда ваши тела, слепленные из грязи. Это очень непросто. — Он поморщился. Из уголка его рта вытекла очередная порция жидкости и брызгами упала на колено Алифа. — Но это лучше, чем если бы вы оставались здесь.

Алиф стал искать источник кровотечения на шкуре Викрама. Ему показалось, что он заметил рану между ребрами, которая раскрывалась и закрывалась при вдохе и выдохе, как отвратительная маленькая звериная пасть.

— А ты… достаточно здоров, чтобы увести их туда? — спросил он.

Викрам чуть поник головой, но быстро воспрянул духом и заметил:

— При лучших обстоятельствах это могло бы стоить мне жизни. Сегодня это обойдется мне куда дороже.

— Нет! — решительно произнесла Дина. — Не надо!

— Не визжи так пронзительно на меня, сестренка, — раздражительно фыркнул Викрам. — Дай мне самому выбрать, какой подвиг я совершу напоследок, чтобы ангелам было что записать на финальной странице моего жизнеописания.

Вдали, со стороны молитвенного зала, уже доносились сердитые голоса ворвавшихся в мечеть.

— Мне нужно пять минут, — попросил Алиф. — Всего пять минут наедине с Диной.

Викрам встал на ноги.

— Тебе повезет, если ты туда попадешь, — сообщил он и заковылял к двери. Шейх Биляль жестом пригласил новообращенную следовать за ним.

— Я буду ждать тебя там, снаружи, — обратился он к Алифу. Попробуй планировать свои дальнейшие действия с максимальной осторожностью. Салам алейкум.

Когда дверь за ним закрылась, Алиф встал перед Диной на

колени.

— В моей голове удивительный свет, — признался он. — Так много хочется сказать, но все так ярко, что мне трудно думать и сосредотачиваться. Помоги мне, пожалуйста. Ты единственная, кто знает, что надо делать. Просто… просто сделай так, чтобы не было слишком ярко…

Дина колебалась. Потом она встала на колени рядом и накрыла его голову тканью своего никаба.

* * *

Темнота успокоила воспаленные и слезившиеся глаза Алифа. Через несколько секунд они привыкли к мраку, облегчая невыносимую головную боль. Ему и в голову не приходило, что за мир она создала для себя. В изнанку ее длинного одеяния были вшиты лоскуты из яркого шелка: узорчатые, украшенные бисером и усыпанные блестками; они нависали над ним, словно свод шатра, поддерживаемого ее неприкрытой, перевязанной рукой. Они лежали на полу лицом друг к другу. Он прижался лбом к изгибу ее шеи, вдыхая аромат ее волос. Она наблюдала за ним. Она не была красавицей, никоим образом не подходя под стандарты журналов, спрятанных у него дома под кроватью, и совсем не похожа на Интисар. Насколько он помнил, у нее был довольно большой нос. Кожа у нее была не по-модному темной, из чего Алиф заключил, что она и не думала пользоваться осветляющими тональными кремами, которыми травили себя так много девушек. Конечно, нет. У нее оставалась гордость.

— О чем ты думаешь? — спросила она.

— О том, что ты есть все хорошее в этом мире, — ответил он.

Она покраснела. У нее были нежные, выразительные губы и гладкая смуглая кожа. Он со стыдом признался себе, что самая красивая и привлекательная часть ее лица всегда находилась у него перед глазами. Зеленые неподведенные глаза на фоне смуглой кожи теперь казались еще более прелестными.

Нет, не красавица, но такое лицо нескоро забудешь.

— Я изменил тебе, — прошептал он. — Прости меня.

— Прощаю.

Ее дивные губы чуть изогнулись кверху. Он хотел поцеловать ее, но сдержался. Он не прикоснется к ней, пока она сама этого не позволит, пока он не поговорит с ее отцом и не сделает все, как положено. А теперь он должен был расстаться с ней и идти.

— Постарайся остаться в живых, — прошептала она.

— Ты тоже. Я вернусь за тобой.

— Повтори.

— Я вернусь.

* * *

Шейх Биляль ждал в коридоре. Лицо его выглядело туча тучей. Викрам, словно огромная собака, лежал у его ног, тяжело дыша, мокрый от пота и покрытый пятнами запекшейся крови. Он неуверенно поднялся, когда Алиф и Дина вышли из комнаты.

— Пойди подожди вон там, сестрица, — сказал Викрам Дине. — И успокой другую сестру. У нее небольшая истерика.

Американка стояла в дальнем конце коридора, прислонившись к стене, и тихонько хныкала. Дина бросила на Алифа испытывающий взгляд, прежде чем повернулась и отправилась делать то, что ей сказали. Алиф смотрел ей вслед, при этом у него как-то странно перехватило горло.

— Если ты ее когда-нибудь обидишь, я вернусь и стану ходить за тобой по пятам, — обратился Викрам к Алифу. — Береги ее как зеницу ока. Она, возможно, прошла обряд обрезания, так что ты должен быть очень терпелив и осторожен, когда возляжешь с ней.

— Да простит нас всех Аллах! — Шейх Биляль в ужасе уставился на Викрама. — Уж в этом-то мире веди себя прилично!

— Я просто говорю ему то, что он должен знать, — угрюмо ответил Викрам.

Алиф обнял его за широкие, с размытыми очертаниями плечи, менявшиеся от животного к человеку и к тени, что говорило о терзавшей его боли.

— Спасибо, — пробормотал он, смущенный таким скомканным и неловким проявлением чувств.

Викрам хлопнул его по спине здоровой лапой.

— Не вешай нос, братишка, — произнес он. — Думаю, в этой жизни нам не суждено встретиться вновь.

Алиф сухо кивнул, надеясь, что губы у него не дрожат.

— Тогда увидимся в другой жизни.

— Все в руках Аллаха.

Викрам захромал по коридору в сторону Дины и американки, которая смотрела на него, ломая руки, словно ожидая поезда, который, вполне возможно, так и не придет. Алиф отвернулся, чувствуя, что может как-то испортить то, что должно произойти, если увидит это. Он вознес немую молитву, чтобы у Дины все было хорошо. Немного подумав, он помолился и за новообращенную, цинично рассудив, что ей молитвы гораздо

нужнее.

— Я сейчас открою дверь, — сказал шейх Биляль, также стараясь не смотреть на то, что происходило в конце коридора. — На твоем месте я бы вынул руки из карманов. Этим людям ничегошеньки не будет, если они сразу же тебя пристрелят. Ну, во имя Аллаха.

Он поднял рассохшуюся деревянную балку с двери, отделявшей молитвенный зал от классов и других комнат.

— Подождите! — крикнул Алиф. — А как же вы? Они ведь не станут стрелять в имама Аль Баширы, да?

— Будет прелюбопытно это узнать, — фыркнул шейх Биляль.

Алиф вынул руки из карманов и вытер их о брюки. Деревянная дверь открылась, за ней в два ряда стоял полицейский спецназ в полной экипировке. Спецназовцы начали в едином ритме стучать дубинками по пластиковым щитам. Алиф едва не хихикнул, но вовремя совладал с собой. Его нервы, напряженные и вымотанные до предела, не смогли адекватно отреагировать страхом. Он оглянулся: Викрам и девушки исчезли. Единственным свидетельством их «ухода» был тонкий кровавый след с несколькими размытыми пятнами, похожими на отпечатки лап огромной собаки, которые внезапно обрывались в метре у каменной стены в дальнем конце коридора.

Повернувшись к полицейским, Алиф снова засунул руки в карманы.

— Привет, — сказал он по-английски.

Спецназовцы расступились, и к нему подбежали три агента службы безопасности. Алиф услышал крик шейха Биляля. Не успел он оглянуться в сторону старика, как на его голову обрушилась дубинка. Жгучая боль мгновенно разлилась от макушки до шеи. Алифа вырвало, он хрипло застонал.

— Ничтожный мозгляк заблевал мне туфли! — воскликнул низкий и странно знакомый голос. Алиф вспомнил, что он принадлежал одному из тех, кто гнался за ним от университета.

— Тупой придурок. Надо бы тебя заставить все слизать. Жрать тебе не придется очень даже долго.

— Д-д… п-п-п…

— Что-что?

— Да пошел ты…

Алиф выплюнул изо рта остатки желчи. Затем он вдруг словно ослеп. Ему на голову натянули черный мешок, и окружающий мир превратился в плоскую пустоту.

Глава одиннадцатая

Очнулся Алиф в темноте. Часто поморгав, он так ничего и не понял: он не мог различить ни контуров каких-либо предметов, ни объема помещения, где он находился, ни какого-либо источника света. Проведя рукой по лицу, он обнаружил, что черный мешок исчез. Окружавшая его тьма была более глубокой. На какое-то мгновение Алифу показалось, что его похоронили заживо. Он отчаянно закричал и замахал руками. Руки касались только воздуха, а его крик отозвался эхом на некотором расстоянии, отразившись скорее всего от стены. Значит, он не в гробу. Неужели он ослеп? Он с силой потер глаза и увидел цветные пятна. Это несколько ободрило его, но ненадолго. Алиф понял, что не знает, что именно должен ощущать слепой: видел ли он пятна в темноте или же у него отсутствовало всякое зрительное восприятие? Этот вопрос занимал его несколько мучительных минут. Затем вернулся страх, «отдохнувший и посвежевший», и впрыснул ему в кровь свежую дозу адреналина.

Ощущение контакта с воздухом чувствительных частей тела подсказало ему, что он лежит голышом. Алиф провел руками по груди и животу и с облегчением обнаружил отсутствие повреждений. Голову саднило, и в результате болезненного ощупывания выяснилось, что в месте, куда его ударили дубинкой, кожа была рассечена. Рану не обрабатывали: малейшее прикосновение к ней вызывало жгучую боль. В волосах он нащупал сгустки запекшейся крови. Он поднялся на ноги и осторожно двинулся вперед, вытянув перед собой руки, пока не наткнулся на холодную стену. Он прошел вдоль нее, считая углы, пока наконец не нащупал петлю и некое металлическое пространство, что могло представлять собой дверь. Удары по железной поверхности и крики не дали никакого результата. Прислонившись спиной к холодному металлу, он сполз на пол и дал волю громким рыданиям, которые отнимали у него последние силы.

Когда слез уже не осталось, он свернулся калачиком на полу лицом к двери. Легкое дуновение воздуха коснулось его лица. Это означало, что в месте стыка двери с полом имелся зазор, крохотный, но все же выход во внешний мир. Как он ни старался, но света разглядеть не смог. Или за дверью тоже было темно, или он действительно ослеп. Мысль об этом грозила новой истерикой. Алиф захотел к Дине, в священный сумрак ее никаба, столь непохожий на леденящее душу полное отсутствие света. Тот сумрак напоминал предрассветный час, уготованный Аллахом

для молитвы. Алифу хотелось вдохнуть лимонный аромат ее волос и увидеть звездочки, сверкавшие на изнанке ее никаба. Он подумал о том, чем она рисковала, и его охватила тревога: Алиф знал, что ее обостренная приверженность следовать правилам поведения не позволит ей быть с кем-то другим после того, как она показала ему лицо. Он просто обязан вернуться к ней. Алиф снова забарабанил в дверь.

Ответа не последовало. Когда руки вконец устали, он прекратил свои бесплодные попытки и перебрался в противоположную часть комнаты, с растущей тревогой убедившись в том, что создал себе еще одну проблему в дополнение к разбитой голове и обожженным пальцам.

— Я обречен, — объявил он равнодушному воздуху и вздрогнул от звука собственного голоса.

Алиф вдруг ощутил желание облегчить пузырь. Идя на ощупь вдоль стены, он остановился у первого же угла. Несколько мгновений Алиф колебался, прежде чем он облегчился, дрожа от стыда. Все прочитанные им в Интернете истории о тюрьмах в восточной пустыне казались лишь умозрительными заключениями, подстегивавшими его ненависть к правительству, а не реальными случаями из реальной жизни. Они представляли собой часть выдуманного мира, в котором он жил. Но это помещение никоим образом не являлось выдумкой, в нем отсутствовало воплощенное зло, в борьбе с которым он мог проявить свою храбрость. В нем присутствовало лишь душное черное безмолвие, обострявшее его мысли до степени полного отчаяния.

Он отошел от угла, надеясь, что запомнит его, чтобы потом не наступить в отходы своей жизнедеятельности. Воздух вокруг него становился каким-то неприятно теплым. Значит, сейчас день? Алифу казалось, что лучше всего постараться поспать. Он на ощупь добрался до двери и лег, вытянувшись вдоль нее. Легкое дуновение воздуха снаружи было чуть прохладнее и свежее, чем душный и спертый воздух в глубине помещения. Закрыв глаза, Алиф глубоко вдыхал тянувший из-под двери ветерок, приказав себе расслабиться.

Быстрота, с которой он терял чувство времени, напугала его. Проснувшись, он не смог определить, сколько он проспал — несколько минут или несколько часов. Добравшись до угла, из которого в нараставшей жаре начало исходить зловоние, он снова справил малую нужду и подумал, не сможет ли периодичность его позывов хоть как-то подсказать ему, сколько он здесь находится. Алиф начал ощущать жажду. Он снова постарался заснуть, но безуспешно. Лежа без сна, он мысленно писал коды,

постукивая по двери в такт ударам по клавиатуре, чтобы легкий шум не позволил ему потерять чувство реальности. В какой-то момент он снова задремал.

Он проснулся от какого-то странного, непонятного звука. Сначала он подумал, что это шумит пар, пробивающийся сквозь вентиляционное отверстие или из спрятанной над потолком трубы. На мгновение Алифа охватил ужас от мысли, что его травят газом. Однако звук был ритмичным и в то же время неравномерным, прерывавшимся через некие казавшиеся естественными промежутки времени. Напряженно прислушиваясь, Алиф с ужасом понял, что именно он слышит.

Это был смех.

Он лихорадочно пытался определить его источник, но вязкая мгла сводила на нет все его попытки и лишала его уверенности в чем-либо. Доведенный до ужаса, Алиф тяжело задышал, прислонившись спиной к двери и прижав колени к груди. Смех делался громче. В нем слышалось что-то неуловимо знакомое. Алифа вдруг осенила безумная надежда.

— Викрам? — прошептал он.

Смех прекратился.

— Нет, — ответил шипящий, бездушный и бестелесный голос. — Не Викрам. Тебе не спастись. Викрам мертв. Мертвее не бывает.

— Кто ты? — с трудом прохрипел Алиф.

В другом конце комнаты произошло движение, послышалось сухое шуршание ткани.

— Ты не узнаешь меня? — спросил приблизившийся голос. — После всего, что мы вместе создали, Алиф.

Он услышал звон колокольчиков. По его ступне скользнуло что-то гладкое, похожее на шелк. В голове у него застучало.

— Фарухуаз?! — выдохнул он.

Смех раздался снова. Алиф плотно закрыл уши ладонями.

— Ты не существуешь, — произнес он, — я тебя выдумал, чтобы ты помогла мне закончить с кодами. Ты фантазия, ты у меня в голове.

— Я очень даже существую, — ответил голос откуда-то изнутри его черепной коробки. — И я действительно у тебя в голове.

Алиф придавил пальцами глаза, пока снова не увидел цветные пятна.

— Ты мог бы достигнуть очень многого, — продолжал голос, — если бы позволил мне сделать это. Ты был так близок к успеху. Еще несколько минут, и ты бы преодолел небесный покров. Все видимое и невидимое предстало бы перед тобой как

на ладони.

— Произошла ошибка, — сказал Алиф, еще плотнее прижимаясь к двери. — Ничего бы не вышло. Код был слишком нестабилен.

— Ты боишься своей собственной мощи.

Алиф почувствовал, как рука скользнула между его голыми коленями. Он рывком отстранился.

— Ничего бы не вышло, — повторил он. — Все стало рушиться у меня на глазах. И у тебя тоже. У информации не было целостности, движущего принципа. Все уже почти рассыпалось на части еще до того, как сгорел компьютер.

— Трус, — ответил голос. — Дешевка. У тебя духу не хватило довести дело до конца.

Алиф старался увернуться от назойливых пальцев Фарухуаз. Он то и дело содрогался от отвращения.

— Прекрати, — прохрипел он. — Перестань, пожалуйста.

— Что, к тому же и не мужчина? Так, поросенок какой-то.

Алиф наугад ударил в черную пустоту. Его руки наткнулись на ткань, звенящие колокольчики и что-то отвратительно липкое и вязкое, похожее на слизь. Он закричал и ударил сильнее, загнав липкую тварь подальше в темноту. Его вдруг осенило прочесть вслух символ веры. Тварь завизжала. Ободренный успехом, Алиф громогласно декламировал все суры, которые только помнил, свидетельствующие о единстве Аллаха, Его неделимости и коварстве Иблиса. Визг перешел в какой-то оглушительный свист, эхом отдававшийся в комнате, пока не слился со звоном в ушах Алифа.

Алиф задыхался. Комната вдруг наполнилась светом, настолько ярким, что его череп тотчас стянули тугие обручи боли. Он согнулся пополам, с хриплым стоном закрыв лицо руками.

— Уже несешь чепуху? Это не говорит о твоей силе духа. Встань.

Это был не голос Фарухуаз. Алиф украдкой посмотрел на говорившего. На пороге стоял мужчина в столь ослепительно-белоснежном одеянии, что Алифа как будто хлестнули по глазам. Он был высокого роста, с тщательно ухоженной бородкой; его гордая осанка внушала какое-то подсознательное уважение. У Алифа все плыло перед глазами, он не мог определить возраст мужчины, поскольку его глаза начинали слезиться, если он открывал их дольше, чем на пару-тройку секунд.

— Встань. Я хочу посмотреть тебе в глаза.

Алиф с трудом поднялся на ноги. Комната, как он увидел, представляла собой бетонную коробку с выкрашенными дешевой

белой краской стенами, на которых виднелись размытые грязные следы пальцев, крови и чего-то похуже. В одном из углов находился сток — совсем не в том, с сожалением понял Алиф, который он использовал как писсуар.

Мужчина в белоснежном одеянии окинул его критическим взглядом.

— Ты выглядишь моложе, чем я ожидал. Разумеется, мне известна дата твоего рождения, и тем не менее я рассчитывал увидеть куда более зрелого молодого человека. Но ты даже не возмужал как следует.

Алиф вспомнил, что стоит нагишом, и залился краской, попытавшись отвернуться и прикрыть свой стыд. Находиться в подобном виде было не по-мужски.

— Не стоит беспокоиться, — сказала фигура в белом. — Это стандартная процедура. Очень эффективная — полная изоляция, никакого освещения, никакой одежды. Теперь нам даже и прикасаться нечасто приходится к таким, как ты. Однако некоторые исламисты проходят психологический тренинг, причем довольно суровый. Весьма жесткие ребята. Но у любого мужчины есть свой предел.

Алиф недоуменно смотрел на него, часто моргая.

— И у любой женщины тоже, — продолжал гость, проведя рукой по стене и растерев беловатую пыль между пальцами. — Но ведь Аллах создал женщину чрезвычайно уязвимой, не так ли? Это же несправедливо. Ты не согласен с этим?

Алиф то открывал рот, то закрывал его, все время гадая, содержалась ли в вопросе скрытая угроза.

— Мне этого не понять, — наконец ответил он хриплым голосом. Он боялся, что снова начнет плакать, и заскрипел зубами.

— Тебе этого не понять, — усмехнулся гость. — Ты еще совсем мальчишка. Я немного разочарован, поскольку всегда хочется уважать противника. Особенно такого талантливого, каким оказался ты. Удивляюсь, почему она так к тебе привязалась. Я полагал, что у нее более изысканный вкус.

— У нее?

— Вижу, что у тебя начинаются провалы в памяти. Ну что ж, прекрасно. Речь об Интисар, Алиф. Помнишь Интисар? Думаю, что да, поскольку ты забрал у нее то, что по праву было моим. Один из нас должен был получить от этого удовольствие или повод для гордости.

У Алифа бешено заколотилось сердце. Он чувствовал себя раздавленным, какой-то смешной голой куклой. Он всегда представлял себе этот момент совсем по-другому: с руками,

сомкнутыми на горле стоявшего перед ним человека.

— Это ты, — прохрипел он. — Ты и есть Рука.

Мужчина улыбнулся.

— Если угодно. Мне никогда не нравилось это прозвище, как бы лестно оно ни звучало. Немного напыщенно. Диссиденты вроде тебя обожают дешевые театральные эффекты.

— Ты… Ты… — Алифа затрясло от ярости. Он не мог подобрать подходящих проклятий.

— Собачий сын, сукин сын, что там еще? Я все это слышал. Оставим ругань и поговорим, как культурные люди. Настанет момент, и очень скоро, когда твой гнев перегорит и сменится отчаянием. Ты станешь валяться у меня в ногах, и с этой точки зрения ты горько пожалеешь, что в свое время не соблюдал приличия. Делаю тебе одолжение и заранее предупреждаю тебя.

— Мне не нужны твои одолжения, пидор-свиноед.

— Очень, очень креативно. Видишь, как быстро восстанавливаются умственные способности после включения света? Свет стимулирует активные центры в лобной доле мозга. Без света даже самый тонкий философ оказывается во власти примитивной задней доли. Я видел, как уважаемые университетские профессора теряли дар речи после нескольких месяцев пребывания здесь. Ты не поверишь, но подобные методы эффективны даже в отношении слепых. Они не видят света как такового, но их мозг на каком-то уровне все же воспринимает его. Это не относится к недавно ослепшим или ослепленным — в этих случаях долговременная невральная адаптация не требуется. Чрезвычайно ускоряет процесс.

Алиф почувствовал, как у него внутри все затряслось.

— Давно я здесь? — спросил он совсем другим тоном.

Рука усмехнулся:

— Если бы я тебе это сказал, то добровольно бы перечеркнул все положительные результаты усилий по твоей психологической обработке.

— Что вам от меня нужно?

Улыбка исчезла с лица Руки.

— Ну что за банальный вопрос, — тихо произнес он.

Одной рукой он поправил выступавший край своего головного убора. Он зажал его между пальцами с каким-то странным выражением лица, которое Алиф не смог определить, внимательно рассматривая складку на белой материи.

— Сколько мы играем в эту игру, Алиф? Туда и сюда, Государство и бунтовщики, брандмауэры и вирусы. Всю твою взрослю жизнь. Многие мои драгоценные годы. Никаких подвижек, никаких побед с обеих сторон. Наконец мне

показалось, что у меня появилось преимущество: я выяснил, что «Тысяча дней» существует, и интуитивно знал, почти явственно видел, что я мог бы с этой книгой сделать. Накурившиеся гашиша средневековые мистики сами не знали, что имели в виду, когда толковали о философском камне. У них не было таких интеллектуальных и технологических ресурсов, как у нас. Человеческий мозг просто не приспособлен для выполнения огромного количества вычислений, необходимых для того, чтобы извлечь пользу из такого многослойно кодированного манускрипта, как «Дни». Но теперь есть компьютеры.

— Но ничего же не вышло, — возразил Алиф.

Рука не обратил внимания на его реплику. Он рассматривал Алифа с каким-то отстраненным любопытством, задержав взгляд на поросшем щетиной подбородке юноши.

— Нас обоих «цепляет» одно и то же, вот в чем проблема, — продолжал он. — Тебе в общем-то наплевать на революцию. Мне в общем-то наплевать на Государство. Наш единственный общий интерес — сам код. Я создал, как мне казалось, самый совершенный пакет защитных программ, в некотором роде ставший продолжением моей сущности. Я думал, что одержал победу. Он, безусловно, помог мне вычислить множество твоих друзей. Но только не тебя — ты беспрестанно ускользал и скрывался. А потом ты выкрал мою ценнейшую идею и использовал ее для того, чтобы разрушить плоды трудов всей моей жизни.

— Я лучше тебя, — пробормотал Алиф. Он пытался понять, действительно ли Рука был прав насчет влияния света на мозг.

— Скорее всего ты прав, — ответил Рука без язвительных ноток в голосе. — Для меня программирование никогда не было интуитивным процессом. Я корпел над учебниками и много занимался, в то время как мои сокурсники прогуливали и веселились, зная, что их ждут теплые местечки на госслужбе вне зависимости от их успеваемости. Я отличался от них не потому, что у меня был какой-то особый талант к программированию, а потому, что передо мной стояла четкая и ясная цель. Тогда я ненавидел Государство не меньше твоего, только по другим причинам, но все же ненавидел. Я не испытывал ни малейшего желания валяться на роскошной вилле и трахать нескончаемую череду запуганных служанок или заседать в роскошном зале в компании разжиревших полусонных принцев, делая вид, что управляю эмиратом. Я видел, какой мощный карательный аппарат можно создать при наших обширных ресурсах, и я решил использовать их. Аллах свидетель, что никто другой не взвалил бы на себя такое бремя.

— Ты просто мерзкий тиран, — констатировал Алиф.

— А какого еще человека уважают феллахи в этой части света? Ну же, Алиф, скажи мне честно, каким ты видишь будущее Города? Демократией? Республикой Платона? Ты насквозь пропитан западной пропагандой. Предоставь гражданам нашего дивного приморского города реальное избирательное право, и они проголосуют за одно из трех: за свое родное племя, за исламистов или за любого, кто больше всех заплатит. — Глаза Руки вдруг сверкнули. — Не хочешь ли пари, как исламисты обойдутся с тобой и тебе подобными, если придут к власти?

— Они, наверное, сделают меня халифом, — пробормотал Алиф. — Я с нуля создал систему шифрования их электронной почты.

— Да они побьют тебя камнями за супружескую измену. И не воображай, что они озаботятся поиском четырех свидетелей для доказательства твоей вины.

Алиф почувствовал, как к нему возвращается гнев.

— Я никогда никому не изменял, — парировал он. — Интисар моя жена перед лицом Аллаха.

Его слова прозвучали богохульно, едва он произнес их. Он не любил ее. Обещание, данное им Дине, обещание, порожденное его нутром, чреслами и сердцем после того, как она открыла ему лицо, значило гораздо больше, чем его тайный союз с другой женщиной.

— Ах да, ты же подписал драгоценную бумагу. Не думаю, что ты также озаботился поиском свидетелей.

Алифу пришлось признаться, что нет.

— Вот видишь? Ты такой же лицемер, как и твои бородатые друзья. Твой брак не значит ничего ни перед лицом Аллаха, ни перед лицом кого-либо. Почему мы не можем быть честными перед самими собой — вот что меня убивает. Почему мы должны приплетать Аллаха к каждому прегрешению? Тебе хотелось переспать с Интисар, и ты это сделал. Лучше быть честным блудником, чем лживым праведником.

Резкий ответ не успел сорваться с губ Алифа, подавленный каким-то невольным чувством облегчения.

— Значит, я должен восхищаться твоей честностью? — наконец спросил он. — Так, да?

— Я надеялся, что так и произойдет. — Рука выглядел немного погрустневшим. — Я совсем по-другому представлял себе наш первый разговор. Мне казалось, что ты гораздо быстрее догадаешься, почему я доставил тебя сюда.

Алиф смигнул слезы, навернувшиеся от яркого света.

— Ты здесь, потому что я победил, — сказал Рука. Его губы

сжались в тонкую, как лезвие, линию. — Ты спросил, что мне от тебя нужно; я полагал, что ты сам все поймешь, но поскольку это не так, я скажу тебе. Я выиграл, даже несмотря на то, что ты выкрал у меня главный козырь и использовал его против меня. Я хочу, чтобы ты прочувствовал это так же, как и предчувствие смерти. Я хочу, чтобы твое поражение насквозь пропитало тебя, пока ты сидишь нагишом в темноте и наблюдаешь, как твоя жизнь и твой рассудок рассыпаются в прах и превращаются в ничто. Я хочу видеть, как все твои интеллектуальные способности поочередно исчезают, пока ты не станешь дрожащим вонючим существом, ползающим у моих ног. К тому времени я получу от тебя те крупицы информации, что нужны мне для восстановления системы. Ты станешь мне ненужным. В тот момент я позволю тебе умереть. Возможно, я даже прикажу казнить тебя, хотя с наибольшей вероятностью я уморю тебя голодом. Картина того, как ты будешь в отчаянии поедать собственные ногти, кажется мне весьма привлекательной.

Алифу стало трудно дышать. Он смотрел прямо в зрачки Руке, не обращая внимания на слезы, лившиеся из его воспаленных, широко открытых глаз. Его страх был столь всеобъемлющим, что граничил с эйфорией, и это придавало ему сил.

— Я доживу до того дня, когда тебя бросят на растерзание собакам, — тихо произнес он.

Рука расхохотался:

— Хотеть не вредно.

Он повернулся и постучал в дверь, находившуюся в дальнем конце комнаты. Она открылась снаружи с громким лязгом.

— В следующий раз, — бросил он через плечо, — мы подробнее поговорим о книге.

* * *

После визита Руки его начали кормить. Время от времени в двери открывалась заслонка — за ней царила та же непроглядная тьма, — и в камеру Алифа проталкивали поднос. Он не верил, что пищу, состоявшую из хлеба и чечевичной похлебки, приносили ему регулярно. Иногда ему совсем не хотелось есть, когда откидывали заслонку, а временами он ощущал зверский голод, длившийся, как ему казалось, несколько дней, прежде чем заслонка открывалась снова. Он подозревал, что подобная нерегулярность являлась частью замысла Руки, имевшего целью держать его в напряжении или вовсе лишить его чувства времени.

Алиф научился вскакивать и подбегать к двери при звуке откидываемой заслонки — если он не делал этого или вовремя не успевал, то поднос с грохотом падал на пол, и пища превращалась в несъедобные помои. Его охватила какая-то параноидальная уверенность, и он был убежден, что каждая «кормежка» станет последней, поскольку помнил угрозу Руки уморить его голодом.

У него выросла борода. Он пытался определить, сколько же он находится в заключении, по ее длине, но это оказалось невозможно. Единственный раз, когда он достаточно долго не брился, был тогда, когда он писал коды для Голливуда. Так что борода просто росла, и в какой-то момент он проснулся и обнаружил, что она вымахала на ширину ладони. Вскоре после этого снова включился свет, и появились два агента службы безопасности, которые потащили его по коридору в другую комнату с голыми стенами, где обдали его водой из шланга и стали скрести широкой щеткой, скорее всего от швабры. Алиф выл от боли, потеряв самообладание; он снова взвыл, когда к его лицу поднесли бритву, а затем сбрили бороду и обрили голову, бросив его в камеру с кровоточащими порезами на лице и на голове. Какое-то время ему казалось, что они прочли его мысли, и перестал щупать лицо в поисках щетины.

Он начал разговаривать сам с собой, пытаясь разогнать вязкий туман, все больше и больше окутывавший его мозг. Ему казалось, что эти разговоры явились своего рода защитным механизмом, некой гимнастикой для ума. Он нараспев проговаривал тексты песен, всех, которые только мог вспомнить. Он подстегивал свою вялую и быстро становившуюся невербальной память, ища в ней отрывки радиопередач, после того как он вслух «прогнал» несколько альбомов Абиды Парвин и группы «Кьюр». Он останавливался, когда начинал хрипеть, довольный тем, что выполнил «норму» умственных упражнений. Однако очень скоро тональность и содержание этих монологов изменились, и он просыпался от собственного бормотания, обрывая высказывания, которые, казалось, состояли не из слов, а из набора звуков.

В этот момент вернулась паника — тихая, вялотекущая, которая, казалось, сочилась из пор зловонным потом. Он обнаружил, что зовет Викрама в какой-то безумной надежде, что это чудище вылезет из трещин в стенах и вызволит его из этого каменного мешка. Но Викрам не приходил, и с горечью, исходившей из какого-то неиспорченного уголка его души, Алиф понял, что Фарухуаз сказала правду. Он искренне скорбел и горевал, благодарный сам себе за то, что испытывает чувства

более высокие, чем вызванные примитивным выбросом адреналина. Темноту оглашали молитвы о душе Викрама и о женщине, которую он забрал с собой. Он не называл ее имени, опасаясь, что камера прослушивается, но изо всех сил вызывал образ ее открытого лица, пока не начинал чувствовать, что оно смотрит прямо на него.

Присутствие Фарухуаз он тоже ощущал. Она — или оно, ее изначальное воплощение, выдуманное и в то же время вечное — затаилась где-то на самом краю его сознания, словно осторожный хищник, выжидающий, пока его жертва ослабеет. Именно Фарухуаз он боялся больше всего, поскольку теперь Алиф точно знал, кто или что она есть на самом деле. И когда он мог вспомнить, *пока* он мог вспомнить, он шепотом читал суры. Он чувствовал себя обманщиком, поскольку знал, что Фарухуаз видит его равнодушие к вере. По мере угасания его способности облекать мысли в слова он чувствовал приближение Фарухуаз, чье зловонное присутствие окружало постоянно уменьшавшуюся зону его рассудочного восприятия.

Когда Рука появился снова, Алиф был даже рад его видеть.

— Тощий и отвратительный, — с одобрением констатировал Рука, в то время как Алиф исходил слезами, не в силах открыть глаза при внезапно вспыхнувшем свете.

— Но живой, — прохрипел Алиф.

— Да, пока мне это угодно. Смотри, я принес тебе стул.

Рука развернул металлический предмет и поставил его напротив Алифа. Тот внимательно посмотрел на него и, решив, что это именно то, за что его выдавал Рука, сел. Обтянутое пластиком сиденье было прохладным под его сведенными судорогой мышцами.

— Итак. — Рука достал еще один стул, уселся поудобнее и скрестил руки на груди. — Чем ты тут занимался? Надзиратели говорят, что ты поешь. И несешь чепуху.

— Надо же чем-то занять себя, — ответил Алиф.

— Да, неплохая мысль. Галлюцинации начались?

— На меня смотрит Иблис.

Рука усмехнулся:

— Ну разумеется. Он здесь очень частый гость. Многие заключенные видят его. И еще — действительно безумные видят ангела Джебраила, а еще более безумные — самого Аллаха.

— Я видел Иблиса до того, как вы заперли меня в этой яме с дерьмом. Он вышел из той книги.

Лицо Руки сделалось недовольным.

— Ну-ну, не надо строить из себя праведника. Дурного знания не существует.

— Я тоже так когда-то думал, — сказал Алиф.

— Значит, ты правильно начал, но неверно закончил. У меня все наоборот — когда я только приступил к познанию невидимого, я испытывал столько угрызений, сколько и не снилось моему духовному наставнику, когда я был ребенком, к тому же мое знакомство со скрытым народом произошло почти случайно. Я начал изучать магию с чисто интеллектуальной точки зрения. Я надеялся на то, что это поможет мне лучше понимать программные коды. Наше стремление накапливать и использовать данные, применяя шифры, старше компьютера на тысячи лет. В этом и заключается волшебство. И я просто искал свежие перспективы. Когда я впервые попробовал вызвать демона, я, если честно, вообще не надеялся на то, что из этого действительно что-то получится.

— И что же произошло?

Улыбка Руки была натянутой и какой-то вымученной. Его зубы при ярком свете сверкали, как будто были сделаны из металла.

— А ты сам как думаешь? Все сработало.

Алиф невольно дернулся, потому что по его коже пробежал холодок. Рука подцепил ногой нижнюю перекладину стула, на котором сидел Алиф, и придвинул его поближе к себе.

— Теперь мне нужно, чтобы ты сосредоточился, — пояснил он. — Я хочу у тебя кое-что уточнить.

— По-моему, я уже все сказал, — воинственно начал Алиф. — «Альф Яум» — это совсем не то, что ты о нем думаешь. Или, наоборот, это как раз и есть то, что ты думаешь. Но, так или иначе, эта книга опасна.

— Конечно, опасна. Вот именно поэтому я так хочу раздобыть ее. А то, как тебе удалось благополучно обмануть всех моих агентов, только доказывает, что код, заложенный в «Альф Яум», срабатывает даже еще лучше, чем я мог предполагать. Я был так впечатлен всем тем, что тебе удалось вытянуть из этой книги, что я даже не нашел в себе сил рассердиться на тебя. Ну может быть, тут я несколько преувеличил. Но даже если я и рассердился, моя злость была смягчена уважением.

— Моя программа не работает настолько хорошо, как ты можешь себе представить, — продолжал Алиф свои объяснения. — Она нестабильна. Когда требуется адаптировать информацию к новым параметрам, и делать это достаточно быстро, фундаментальные команды почему-то теряются. Есть проблемы с сохранением информации, она почему-то то искажается, то вообще меняется на что-то непонятное. Короче, у меня создалось такое впечатление, что система словно забыла о

своей первоначальной функции и уничтожила сама себя. Она расплавила машину, на которой я работал. Я никогда еще не видел, чтобы компьютер разогревался до такой степени.

— Да, я тоже это видел. Он представлял собой бесполезную гору металла, когда мы туда ворвались. И починить его или восстановить информацию не представлялось возможным. Но такой результат, как мне кажется, имел другую причину, а именно недостаточную оперативную память. Такой убогий допотопный компьютер не мог бы справиться с огромным потоком информации.

Но Алиф отчаянно замотал головой.

— Это не имеет ничего общего с оперативкой. К тому же я полностью очистил старый компьютер от всех программ, которые были там первоначально загружены.

— А какая разница? Все равно ты тогда работал на несовершенном компьютере. Если бы ты получил тогда доступ к нашим сверхсовременным компьютерам, да и всей системе в целом, тогда твой маленький научный эксперимент мог бы изменить будущее компьютеров во всем мире.

— Нет.

Рука раздраженно отмахнулся.

— Ну, если ты так яростно отстаиваешь свои идеи, значит, ты еще недостаточно долго пробыл здесь. Мне не нужна фальшивая скромность и напрасные предупреждения от тебя. Я понимаю, что ты хочешь избавиться от меня, поэтому я не буду целиком и полностью полагаться на твой труд, я собираюсь превзойти тебя. Ты ведь до сих пор не вышел из игры, Алиф. Ты продолжаешь играть, так и не поняв, что игра-то давно закончилась и выиграл ее я.

Алиф стиснул зубы до боли.

— Я ни во что не играю, — через несколько мгновений ответил он. — Могу только повторить тебе, что «Альф Яум» — это своеобразное идеологическое заболевание наподобие раковой опухоли. Джинны правы — мы не в состоянии понять их образ мышления и, если пытаемся его осознать, можем натворить такого, что потом окажется непоправимой ошибкой. И если ты попробуешь использовать эту методику на какой-то значительной и важной системе — например на электросети, дело может закончиться всеобщим хаосом. В Городе погаснет свет, исчезнет связь, люди начнут сходить с ума.

Рука вздохнул. Свет странным образом отражался в его глазах, отчего казалось, что они состоят из одних только зрачков. Алифа затошнило.

— Давай сейчас немного поговорим с тобой как коллеги, —

предложил Рука. — Надеюсь, ты отчетливо видишь ограниченность двоичной системы, и мы быстро приближаемся к потолку ее возможностей. И что же будет дальше? Неужели это предел того, что способна предложить нам цивилизация? Неужели путь вперед завершен и теперь нам придется только деградировать? Кванты — это несбыточная мечта, что-то вроде воздушного замка. Но если прогресс человечества будет продолжаться, нам придется заново научиться пользоваться теми инструментами, которые мы имеем на сегодняшний день. Переучить заново все машины. Посмотри на то, что умели делать древние египтяне, а ведь они пользовались примитивными колесами и блоками. Вот что позволяет нам сделать «Альф Яум», Алиф. Выстроить пирамиду при помощи колеса и блока. К черту всех демонов — у них есть что-то весьма ценное и могущественное, но они не собираются делиться с нами своими тайнами. Вот к этому, кстати, и сводятся все их туманные предупреждения.

Алиф ничего не ответил ему. Он понял, что ему знакомо чувство, которое попробовал описать Рука. В какой-то момент он осознал, что сумел понять разработанный им самим код. Он будто бы видел все насквозь и понял саму суть языка программирования, причем он знал его досконально. Правда, этот язык никак не было связан с «Альф Яум».

— Ты ошибаешься, — решительно произнес Алиф. — Мы еще не исчерпали все возможности бинарной системы. Компьютеры еще очень долго будут совершенствоваться. Нам осталось сделать куда больше того, что было уже сделано.

— Почему ты так считаешь?

Алиф вспомнил букву, которую представляло его имя и которая многократно повторялась в словах, которые печатала Интисар, даже не сознавая этого факта.

— Иногда, когда ты просишь Бога дать тебе нечто большее, он может чуть-чуть отодвинуть для тебя горизонт. Ровно настолько, чтобы тебе было комфортно дышать.

Рука скривился.

— Я не понял — мы говорим о компьютерах или ты снова начал погружаться в свои галлюцинации? Наверное, в кашах, которые тебе дают, зерно было заражено спорыньей. Тут вообще пища не отличается свежестью и качеством.

— Я говорю о таких вещах, которые имеют большое значение.

Рука в одно мгновение вскочил со своего стула, и тот, повинуясь законам физики, отъехал от него назад по гладкому мраморному полу.

— Ну хорошо, я сдаюсь. Я пришел сюда вовсе не для того,

чтобы брать у тебя уроки философии. Я почему-то решил, что ты еще будешь благодарить меня за то, что я решил поболтать с тобой на профессиональные темы. Мне от тебя, кстати, нужно узнать одну-единственную вещь, и тогда я спокойно уйду. Скажи мне: где в данный момент находится «Альф Яум»? Мои агенты так и не смогли, как ни старались, обнаружить книгу в мечети, там, где мы нашли тебя.

Алиф нахмурился.

— Я не знаю, — честно признался он. — Когда я работал, книга лежала рядом со мной на столе. Я даже не прикасался к ней.

— Даже после того, как отказал компьютер? И ты не стал спасать книгу?

— Я сжег себе подушечки пальцев, боль была страшная. К тому же я не спал двое суток подряд. Я ни о чем важном в тот момент думать просто не мог.

— Если ты пытаешься убедить меня в том, что не стоит повторять твои действия и вновь создавать твой код, ты ведешь себя неправильно. К тому же все бесполезно: мои люди уже трудятся над теми материалами, которые ты оставил после себя за годы работы в Интернете.

— Пожалуйста, мне не жалко. Только все у вас закончится так же, как у меня, — вы все окажетесь по уши в дерьме. Но теперь я не знаю, где находится книга, и мне на это наплевать.

— Как печально! Значит, мне придется продолжить допросы шейха. Правда, я уже не уверен, что он долго протянет. Он ведь уже не молод…

Алиф почувствовал, как кровь отлила у него от лица.

— Значит, шейх Биляль тоже здесь? — прохрипел он.

— Да-да, конечно. Там, чуть подальше по коридору. Странно, что ты до сих пор не слышал его. Он всегда начинает сильно шуметь, когда мы работаем с электрическими разрядами. Наверное, здесь очень толстые стены, намного толще, чем я мог предположить.

Алиф начал дышать быстро и неровно.

— Но он ничего не знает, — тут же сообщил молодой человек. — Я поклянусь. Я готов присягнуть на любом предмете, который вы положите передо мной. Он даже не знает, как меня зовут по-настоящему. Он просто старик, у которого имеется совесть.

— Значит, совесть — это когда старик может позволить себе приютить террориста. Боюсь, что это именно так.

— Но я не террорист. И никогда им не был. Все, что я делаю, — защищаю тех людей, которым нужна свобода, чтобы

сказать все то, что они думают на самом деле.

Рука сделал шаг в сторону двери. Его глаза по-прежнему как-то странно смотрелись при свете — два сплошных черных диска, и больше ничего.

— Какая наивность! Чушь это все. Люди больше не рвутся к свободе, даже те, для кого свобода — это что-то вроде религии. Они ее боятся, как боялись богов доисторические люди. Они дрожат и преподносят различные жертвы своим идолам. Людям нужно, чтобы правительство не раскрывало им всех своих секретов и держало их при себе. И при этом они мечтают о том, чтобы рука закона была суровой. Они так напуганы своей собственной властью, что будут голосовать за кого угодно, только чтобы у них эту власть забрали. Посмотри на Америку. Посмотри на страны шариата. Свобода — мертвая философия, Алиф. Мир возвращается в свое естественное состояние, и сильные должны править слабыми. И хотя ты молодой, это ты не в теме пока что, а не я.

Алиф на секунду приложил руку ко лбу. Голова у него буквально раскалывалась.

— Пожалуйста, оставьте шейха в покое, — жалобно заскулил он. — Я скажу все, что ты захочешь. Я могу подтвердить, что ты победил. Мне уже все равно. Только не причиняйте ему боли. Если он умрет, это останется на моей совести. Да и вообще все то, что произошло, — это ведь все из-за меня. Нет, мне этого уже не выдержать.

Рука вытаращил глаза, и от этого безумного взгляда маньяка Алифу стало не по себе.

— О чем ты подумал, — пробормотал он, — когда я сегодня зашел в твою камеру? Какие мысли родились у тебя в голове в тот момент, когда ты увидел меня?

Алифа затрясло.

— Я очень обрадовался тебе, — тут же ответил он. — Я испытал значительное облегчение. Мне очень захотелось, чтобы ты оставался здесь подольше. И мне до сих пор хочется, чтобы эта встреча продолжалась. Мне очень не хочется снова возвращаться в темноту.

Рука выдохнул и закрыл глаза. Мышцы на его лице расслабились.

— Очень хорошо, — кивнул он. — Да. Это очень хорошо. Именно этого я и ждал.

Алиф подумал о том, что именно могло означать всеобъемлющее слово «это». Он представил себе, что может заставить его сделать Рука, и во рту у него стало горько от поднявшейся желчи. А ведь теперь ему придется уступить и не

жаловаться. Впрочем, что бы там ни было, оно наверняка окажется лучше, чем снова очутиться в вечной темноте один на один с этой тварью, которая оказалась вовсе не принцессой Фарухуаз, за которую себя выдавала, шлепая своими мягкими лапами вокруг Алифа и все больше суживая свои круги.

Но ничего подобного не произошло. Рука просто повернулся к двери и постучал в нее.

— Я рад, что ты смог откровенно поговорить со мной и рассказать о своих истинных чувствах, — сказал он. Дверь открылась. — Мне как раз и хотелось, чтобы наши отношения закончились вот на такой ноте. Надеюсь, что ты хорошо покушал в последний раз, потому что больше есть тебе уже не придется.

Алиф нервно сглотнул. Рука внимательно посмотрел на него, как будто даже немного сочувствовал парню.

— Прощай, Алиф. Мне даже почему-то кажется, что я теряю друга. Я буду вспоминать тебя всякий раз, отправляясь в спальню вместе с Интисар. Какое странное совпадение — ведь мы с тобой желали одну и ту же женщину. Правда, цели у нас были разные. Это логично, конечно, но все равно очень странно.

* * *

Очутившись в полной темноте, Алиф сразу почувствовал сильный голод. Он ходил по камере, одной рукой придерживаясь за стену, чтобы хоть как-то ориентироваться и обходить место туалета, и попытался думать о чем-нибудь отвлеченном. Он начал вспоминать дневной свет и представил себе, как он сидит на подоконнике у себя в комнате в прекрасный весенний день, а его конечности, расположенные на теплом бетонном выступе, постепенно подогреваются. Потом ему вспомнилась Дина в летних нарядах, серых или зеленых, в отличие от привычных черных одеяний. Вот она возвращается с рынка, нагруженная пакетами с фруктами, ее сандалии шлепают ее по пяткам при каждом шаге, пока она проходит через двор. Значит, сегодня суббота. Алиф в смущении припомнил и то, что подобное зрелище раньше наполняло его ужасом, страхом перед этим безысходным ритмом жизни простой женщины. Он старался спрятаться от будней за экраном своего компьютера, скрыться в облаке, в цифровом мире, где обитали в подавляющем большинстве, конечно же, мужчины.

Теперь мысль о таком полудне казалась ему восхитительной. Сколько же таких дней прошло мимо него незамеченными, и он не обращал на это никакого внимания! Теперь же он мысленно

соскочил с подоконника и отправился навстречу Дине, чтобы помочь ей донести ее тяжелые пакеты. Потом он обязательно проверит, не требуется ли чем-нибудь помочь матери. Он будет разговаривать со служанкой полными предложениями, а не отрывочными «да» и «нет». И разумеется, он всякий раз будет протирать свою обувь от пыли, возвращаясь с улицы домой. Очутившись в полной темноте и вспоминая страшные змеиные глаза Руки, Алиф понял, что именно такой мир, полный традиций и ритуалов, мир, в котором присутствовала женщина, наверное, и был настоящей цивилизацией.

Время снова смазывалось в его мозгу, и он занялся тем, что начал заново в голове переписывать свою собственную историю. Но теперь он не избегал своего отца и не испытывал по отношению к нему жгучей ненависти. Вместо этого он в вежливой форме, хотя и решительно, потребовал от него, чтобы тот уделял достаточное количество времени его матери. При этом он не забыл аккуратно напомнить ему, чего стоило матери согласиться на такой брак, да еще потом и родить ему сына, которого она потом в общем-то воспитывала одна. Сам Алиф был чутким и любящим сыном, он помогал по дому и вообще никогда не сидел без дела. Он прилично зарабатывал и отдавал большую часть своих доходов матери на ведение домашнего хозяйства. Наконец, он представился родителям Дины, как только понял, что именно хочет сама девушка. Впрочем, об этом он мог бы догадаться давным-давно, еще когда они были детьми. Ведь он был единственным мальчиком, общество которого она искала, и тем верным другом, с которым она могла искренне говорить и доверять все свои секреты. Ему снова захотелось вернуться в те дни, когда они встречались на крыше. Он готов был слушать ее рассказы каждый день. Как же он был тогда невнимателен к ней, как поверхностно и несерьезно относился к ее доверчивым исповедям. Потом она надела никаб. О, как это раздражало его! Почти так же, как это раздражало и ее собственную семью. Но Алиф был так занят своими делами, что ничего не понял. Он так и не осознал, что ее затянувшаяся дружба был своего рода мольбой вернуться к прошлой жизни, которую она оставила далеко позади.

Необходимость вернуться к Дине заставляла Алифа жить дальше и укрепляла его силы и стойкость. Он выпил всю воду, которая у него оставалась, потому что не собирался ускорить свою смерть тем, чтобы вдобавок к голоду испытывать еще и жажду. Спазмы в его желудке превратились в постоянную режущую боль. Ему было невозможно больно сидеть, потому что казалось, что кости бедер давят на плоть до такой степени, что

обязательно оставят на коже синяки и кровоподтеки. Он ухватил себя за пояс и сжал пальцы изо всех сил, чтобы как-то избавиться от боли. Поначалу Алиф думал, что очень испугается перспективы умереть от голода, но ничего подобного не произошло. Он не испугался. Его мысли, хотя иногда и путались, все же обладали определенной логикой. А его тело оставалось на удивление живым. Он был озадачен тем, что человеческий организм оказался куда более сложной и совершенной машиной, чем самый современный компьютер. Вот где сказывалось эхо творения Господа. Создатель проявлялся не в мыслях, а в клетках, в тех его частях, которые не могли лгать. Его плоть как будто переступила свои собственные пределы.

Фарухуаз в последний раз пришла к нему, когда он лежал на боку, чтобы кости бедер не так сильно давили на мышцы.

— Кости, кости, ручки, ножки — умирают понемножку, — проскрипела она. — Ты начал переваривать свои собственные внутренности.

— Я живой, — возразил Алиф. — И теперь я знаю, кто ты такая на самом деле. Никакая ты не принцесса. Это просто иллюзия, которую ты мне внушила, чтобы заставить меня сделать то, что я в конце концов все-таки сделал. Но ты гораздо, гораздо хуже!

— Пусть так. Закончи все достойным образом.

— Но я не планирую умирать.

Послышался шипящий скрипучий смех. Он отскакивал от всех стен сразу, и создавалось такое впечатление, что этот звук вообще не имел источника своего происхождения.

— Ты глупец, — скрипнула тварь, выдававшая себя за принцессу Фарухуаз. — Ты уже умираешь. Здесь нет никого, кто похвалил бы тебя за храбрость или оценил твою жертву. Твоя смерть останется незамеченной. Так имей же хоть немного гордости и закончи все так, как хочется тебе.

Что-то влажное и теплое проскользнуло по его стопе. Алиф отдернул ногу. Впервые он вдруг почувствовал какие-то сомнения в своей решимости выжить. Даже если он протянет еще какое-то время, пусть даже невероятно долгое, все равно ведь дверь в его камеру останется запертой. Короче говоря, у него не было никакого конкретного плана.

— Есть один способ, — прошептала Фарухуаз. — Я могла бы вытащить тебя отсюда.

Алиф с опаской всматривался в кромешную тьму. У него не оставалось сомнений в том, что эта тварь попросту читала его мысли.

— Это было бы достаточно легко, — продолжала Фарухуаз. —

Тебе всего-то и надо сказать своим тюремщикам, что ты готов сообщить им то, что они хотят услышать. Сдай им своего приятеля Абдуллу или парочку известных тебе диссидентов. Дай им коды доступа, клички, пароли. У тебя имеется много информации, на которую ты запросто можешь поменять свою жизнь. Они, между прочим, удивляются, почему ты до сих пор еще ничего им не предложил.

Алиф свернулся калачиком.

— А я помогу тебе. — Голос звучал у него над ухом, — я расскажу тебе, как ими можно управлять и сделать все это наилучшим образом. Для меня это вообще сущий пустяк.

Алиф снова подумал о дневном свете. Он думал о том, что, когда он вернется к Дине, они обязательно будут лежать под звездным небом и чувствовать себя в полной безопасности.

— Нет, — услышал он вдруг свой собственный голос.

— Почему нет? — Голос послышался сзади, возле его шеи, да так близко, словно он прочувствовал его затылком. — Похоже, ты твердо решил выжить.

— Так оно и есть, — подтвердил Алиф. — Но если единственный путь спастись связан с тобой, я предпочитаю продолжать голодать.

Внезапная ярость, почти ощутимая физически, распространилась по всей комнате и заставила юношу невольно вскрикнуть. Это походило на что-то необычное, как будто земля постепенно приходила в чувство после сильного землетрясения и совершала время от времени такие вот странные толчки.

— На кого ты пытаешься произвести такое впечатление? — На этот раз голос зазвучал внутри его головы, но был гораздо громче всех собравшихся там мыслей. Тогда Алиф хлопнул в ладони на уровне своих ушей и резко и протяжно закричал.

— Неужели ты действительно считаешь, что тот, кто зажигает звезды и пожирает кишки дизентерийных младенцев, заботится о том, умрешь ли ты как предатель или как мученик? Неужели ты полагаешь, что это вообще имеет какое-то значение?

Алиф едва сдерживал слезы. Он не мог ответить «да». Его сомнение находилось прямо перед ним, как мокрый беззащитный мяукающий котенок, его робость и недоверие, которые так никогда и не выросли и не превратились в веру или неверие. У него не осталось оружия, с которым он мог бы продолжать свою борьбу.

— Бедное маленькое создание! — смягчился голос, — я нахожусь здесь только для того, чтобы ты чувствовал себя в безопасности. Ты считаешь, что мы только что познакомились, но я была с тобой всю твою жизнь. Это я была легким шепотом в

твоих жилах и успокаивала тебя, удерживая в четырех стенах твоей комнаты, когда мир еще казался таким большим и страшным. Это я была звоном в ушах, который будил тебя по ночам и напоминал о том, какой же ты все-таки жалкий и никчемный. Ты одинок, и я — твой единственный фанат и помощник.

Алиф еще сильней сжался, стараясь успокоить дыхание. Воздух в камере стал какой-то плотный, как будто здесь надышала толпа народа, вытянув из воздуха весь кислород.

— Я тебе не верю, — мрачно отозвался юноша.

— А ты вообще не понимаешь, во что можно верить, а во что — нет.

— Не важно, во что бы я ни верил — ты к этом не имеешь никакого отношения, дерьмо собачье.

Тварь злобно зашипела.

— Будь разумным. Единственный способ выбраться отсюда — это положиться на меня.

— Тогда я остаюсь здесь до тех пор, пока не превращусь в отвратительную кучу грязи на полу. Я устал тебя слушать.

— Но ты ведь втайне все равно надеешься на то, что выбраться отсюда можно и другим путем. И ты рассчитываешь на то, что дверь вдруг отворится сама собой и ты спокойно выйдешь отсюда, свободный и в полном сознании. Но тебе придется убить в себе эту надежду, если ты действительно хочешь выжить.

Алиф почувствовал, как снова заколотилось сердце, и на этот раз он серьезно рассердился.

— Нет, нет и нет. Эта надежда — единственный светлый луч для меня на сегодняшний день.

В камере как будто стало холодней.

— Как скажешь.

Он напрягал слух, чтобы в ближайшие минуты снова услышать этот противный зловещий смех и омерзительное шарканье лап. Но в камере было пусто и как-то непривычно одиноко. Он задрожал от недостатка тепла. Он был изможден, его тело изголодалось. Но в одном тварь была абсолютно права — Алифа никто не поддерживал, он был одинок в своих страданиях. На него нахлынула противная волна жалости к самому себе, унося прочь покой. Он хотел спать. Закрывая глаза, он обратился к безразличной выдуманной ночи.

— Пожалуйста, — попросил он. — Пожалуйста, сделай так, чтобы это не было правдой. Пожалуйста, открой дверь.

Какое-то время он действительно ожидал, что вот сейчас обязательно что-то произойдет. Но темнота и тишина продолжали безраздельно царить в камере, и тогда, в полном

отчаянии, Алиф все же позволил себе отключиться.

Его пробудил скрежет железа о железо. Алиф вскочил на ноги и заморгал. В комнате блеснул луч света от фонаря, потом он запрыгал по периметру камеры и наконец осветил фигуру в белом одеянии и таком же головном уборе.

— Кто ты такой? — прохрипел Алиф, привычным жестом защищая глаза от света.

Человек подошел поближе к Алифу и высветил свое лицо: молодое, надменное, с благородными чертами и модной трехдневной щетиной на щеках и подбородке.

— Кто ты такой, господин? — поправил Алифа странный посетитель.

Алиф попытался в уме скорректировать свое предложение и сделать правильный вывод.

— Так ты отпрыск монарха? — спросил он с нотками скептицизма в голосе.

— Совершенно верно, — спокойно ответил владелец фонаря. — Я принц Абу Талиб Аль Мухтар ибн Хамза.

Безвыходное положение прибавляло Алифу храбрости: они не могут с ним сделать ничего хуже того, что уже успели сотворить.

— Интересно, это имя должно мне что-то говорить? — с вызовом осведомился он.

— Нет, наверное, нет. — И молодой человек робко улыбнулся. — В очереди на трон передо мной стоят еще двадцать шесть принцев. А ты знаешь меня под именем Новый Квартал.

* * *

Алиф чувствовал себя так, будто мотор в его мозгу заработал, но скорость он не переключил, а потому голова пока что работает вхолостую.

— Ты никак не можешь быть тем, кого зовут Новый Квартал, потому что Новый Квартал — это… это…

— Простой крестьянин, как и все твои остальные друзья? Ну хорошо. А мне казалось, что я прекрасно вписался в вашу компанию. Я не хотел, чтобы все подумали, будто я выпендриваюсь. Хотя, наверное, в этом тоже есть доля истины. — Новый Квартал взял Алифа под локоть и помог ему снова устроиться на полу.

— Ты действительно выглядишь отвратительно. Не ожидал, что они отберут всю одежду, теперь мне придется вернуться домой и прихватить что-нибудь для тебя. Наверное, мои наряды будут тебе немного коротковаты, но сойдет и такое, пока мы не

вытащим тебя отсюда.

— Пока… что мы сделаем? — Алиф заворочался, чтобы сместить вес с ноющих ягодиц.

— Не тупи. Я пришел, чтобы спасти тебя. — Новый Квартал поставил фонарик на пол так, что он высветил голубоватое пятно на потолке.

Алиф от неожиданности прикусил губу и начал дико орать. Новый Квартал в ужасе скривился и как-то неуклюже похлопал приятеля по плечу.

— Я сам не… В общем, не надо так громко реагировать и кричать. Я просто предупредил тебя. Особенно когда ты голый и грязный.

— Прости, — всхлипнул Алиф. — Просто я уже было решил, что так и умру здесь.

— Если не будешь питаться, так оно и случится, — подтвердил Новый Квартал и тут же извлек из кармана плитку шоколада. — Вот, возьми пока это.

Дрожащими руками Алиф взял угощение, развернул шоколадку и откусил краешек от плитки. Она оказалась такой сладкой, что он не сразу сумел проглотить ее.

— Спасибо, — пробормотал он с полным ртом.

— В следующий раз я принесу что-нибудь более существенное, — пообещал Новый Квартал. — А теперь мне пора уходить, пока сюда не нагрянула охрана.

— А сколько их там? Как ты прошел мимо них?

Новый Квартал присел на корточки и напряженно улыбнулся.

— В этом коридоре их пятеро. По два в каждом конце и один посередине. К счастью, в камерах напротив содержатся женщины, и я сказал, что хочу хорошо провести время с одной из заключенных. Тогда они попросту передали мне связку ключей, а сами пошли покурить.

Алифа передернуло.

— Они разрешили тебе это? Вот так просто?

Новый Квартал отвернулся в сторону. Циничная улыбка немного состарила его.

— Есть такие шейхи, которым очень хорошо платят… Так вот, они уверяют, что женщины-заключенные — это все равно что рабыни с точки зрения законов шариата. Таким образом, аристократы, например, имеют полное право трахать их, когда им захочется. И если у тебя есть официальный титул, ты можешь входить сюда и благополучно выходить сколько угодно.

Алиф только на секунду представил себе Дину и неведомого распутника голубых кровей, и его сразу затошнило. Викрам был прав, когда настоял на том, чтобы девушек спрятать подальше,

несмотря на большой риск и дорогую цену этого убежища. Алиф сглотнул сладкую жидкость, поднявшуюся по пищеводу до самого горла. Как жаль, что благородство Викрама стало очевидным только после его смерти!

— Я тебя понимаю, — тихо заметил Новый Квартал, видя, как мучается его товарищ. — Тебе сейчас хочется разрушить все вокруг. Вот почему я и стал хакером. Мне очень не хотелось очутиться не в той команде. — Он поднялся и потряс полы своего одеяния, с отвращением озираясь вокруг. — Надеюсь, ты не успел подцепить какую-нибудь редкую заразу и не принесешь ее ко мне домой. Я вернусь за тобой завтра. А твоя задача — выжить до моего появления.

Алиф смотрел на него с немой благодарностью. Новый Квартал улыбнулся и дотронулся до своего лба, как это делали в старину в знак приветствия. Затем он повернулся к двери. Как только он вышел из двери, Алиф вспомнил нечто важное и выкрикнул вслед товарищу:

— Шейх Биляль! Мы не можем бежать отсюда без него. Пожалуйста…

Новый Квартал замер на месте и нахмурился.

— Кто это такой? Кто такой шейх Биляль? Я планировал спасти только одного человека.

Алиф снова поднялся во весь рост, немного покачиваясь от слабости, и посмотрел Новому Кварталу прямо в глаза.

— Он имам Аль Баширы и уже очень старый. Они пытают его, стараются выведать у него то, что он вообще никогда не знал. Рука сказал, что он заперт в камере где-то рядом, но дальше по коридору. Этот человек рисковал своей жизнью, пытаясь защитить меня. И теперь, наверное, я не смогу спастись, оставляя его здесь на верную смерть.

— Наверное?

Алиф покачал головой:

— Наверное, все же нет. Это не вариант.

Новый Квартал раздраженно вздохнул.

— Хорошо. Тогда я должен все переосмыслить и еще раз продумать свой план. Увидимся завтра. — Он снова повернулся к выходу.

— Послушай, а сколько сейчас времени? — внезапно поинтересовался Алиф. — Какой сейчас месяц? И какая там, снаружи, погода?

Новый Квартал сочувственно и добродушно улыбнулся:

— Примерно десять вечера, приятный прохладный вечер, конец января.

Алиф закрыл глаза и расслабился, испытав истинное

облегчение.

— Благодарю тебя, — тихо произнес он.

* * *

Ощущение течения времени вернулось к Алифу с оглушительной внезапностью. Оказывается, сейчас уже заканчивается январь. Значит, он томится в тюрьме у Руки почти три месяца. Этот период казался юноше по очереди то невероятно и мучительно длинным, но благословенно коротким. А вот тот единственный день, который ему осталось ждать до прихода Нового Квартала, тянулся, как резиновый. Он резко отличался от всех тех безымянных одинаковых дней, которые Алиф благополучно прожил здесь, в темноте, чередуя сон и бодрствование. Сахар в крови сделал его нервным, пульс заметно участился, началась бессонница. Тогда Алиф принялся расхаживать по камере взад-вперед, стараясь не обращать внимания на ноющие подошвы ног.

Попытка заняться подсчитыванием секунд скоро наскучила ему и вызывала одно только раздражение. Вместо этого юноша сосредоточился на своем дыхании, вспомнив какую-то передачу про технику дыхания. Эта мысль разожгла в нем надежду на то, что очень скоро он вернется к своей прежней жизни и тогда, может быть, опять позволит себе роскошь смотреть ерундовые телевизионные передачи. Он даже в уме составил список подобной чепухи. Это обязательно будут дневные египетские драмы, которыми он увлечется в свободное от работы время. Все эти стычки между матерями и дочерьми, слезливые мелодрамы с такой отвратительной сюжетной линией, что можно было догадаться, какую реплику произнесет тот или иной герой еще до того, как актер успевал раскрыть рот. Когда-то такие сериалы вызывали в нем отвращение, убеждали в собственном умственном превосходстве. Теперь же они только скромно напоминали ему о существовании другого, безопасного и уютного мира.

День продолжался, напряжение росло. По подсчетам Алифа, ночь прошла и уже наступил рассвет, а сон к нему так и не шел. Но хотя он мог догадаться о том, какой сейчас был час, солнце давно перестало влиять на его тело каким-либо образом. Тогда молодой человек принялся напевать старинные египетские рыбацкие песни. Дина очень любила их. В них говорилось о красивых судах, о надежной гавани и, конечно, о добром и щедром Средиземном море. Дина пела их, когда выходила на крышу, чтобы развесить выстиранное белье, считая, что никто ее

здесь не услышит. Но ее пение доносилось до Алифа через открытое окно. Ее голос с годами становился более глубоким и мягким, а девочка постепенно превратилась в молодую женщину. Алиф удивлялся тому, как она до сих пор хранила в сердце любовь к Египту, ведь она покинула его, когда была еще младенцем. Наверное, им нужно будет съездить туда и немного пожить в ее родных местах после того, как они поженятся. Они могли бы снять квартиру с видом на александрийский порт. Там обязательно будет большой балкон, и Дина сможет сидеть на нем, не закрывая головы. Он попросит ее об этом. У Дины еще оставались некоторые стороны, которых он еще не узнал, и те части тела, которые были бы для него желанны. Оказывается, он совсем не знает ее, хотя они знакомы всю свою сознательную жизнь.

Вот так, незаметно для самого себя, мечтая о Дине и стране, где он никогда не был, Алиф заснул. Когда он проснулся, ему показалось, будто он чувствует, что вот сейчас все и начнется, и буквально через минуту он услышал, как в дверном замке поворачивается ключ. Скоро в камеру проскользнул Новый Квартал.

— Ну слава Богу, — вздохнул Алиф. — Мне кажется, я еще никого в жизни так не ждал, как тебя. Я хочу сказать тебе большое, огромное…

— Да, да, пожалуйста. Только давай сейчас не отвлекаться. — Новый Квартал поставил на пол набитый вещами рюкзак. — Здесь одежда. Два комплекта. Один для твоего друга. Это длинные восточные халаты, и я надеюсь, что ты не будешь возражать. У нас в семье как-то не принято носить западные костюмы.

— Я и не собирался жаловаться. — Алиф быстро расстегнул молнию на рюкзаке и извлек оттуда белоснежное одеяние наподобие того, в которое вырядился сам Новый Квартал. От одежды пахло удивительной свежестью и чистотой.

— Там еще есть головной убор, тебе лучше надеть его тоже, а то ты выглядишь, как бездомный. Если мы собрались выехать отсюда на «БМВ», надо иметь более или менее солидный вид для достоверности.

— Так мы уедем отсюда на «БМВ»?!

— Сначала я хотел взять свой «лексус», — спокойно пояснил Новый Квартал без намека на иронию в голосе, — но все-таки «БМВ» — более анонимный автомобиль. Кстати, все принцы на них рассекают.

— Вот как…

— Давай поторапливайся. Если мы еще собираемся прихватить с собой шейха, нам надо шевелиться поактивней.

Алиф послушно оделся. Ткань больно обжигала его саднящую кожу, которая в некоторых местах больше напоминала чешую рептилий, а в других была ободрана до мяса. Новый Квартал ловко надел на него головной убор, да так, что закрыл тканью весь лоб вместе с бровями, закрепив двумя специальными колечками из черных плетенок.

— Боже мой! — огорчился он. — Ты все равно выглядишь далеко не лучшим образом. Ладно. Ты только не слишком задирай голову вверх да все время помалкивай, а то твой акцент выдаст нас. Твой арабский какой-то странноватый, в нем прослеживается индийский говор, что ли…

Алиф послушно кивнул, выслушав все инструкции товарища. Первым из камеры вышел Новый Квартал. Он оглядел коридор, держа свой фонарь на уровне плеча.

— Все тихо, — доложил он. — Пошли.

Алиф последовал за ним в коридор. Им тут же овладела какая-то отчаянная эйфория, как только Новый Квартал закрыл за ним дверь камеры. Слишком противоречивые эмоции захватили все его сознание. С одной стороны, он был свободен, но с другой — все еще находился на территории тюрьмы, и о безопасности говорить было еще слишком рано. Он тут же постарался взять себя в руки и часто заморгал, чтобы стряхнуть с себя остатки головокружения и побыстрей прийти в себя.

— Ты знаешь, в какой именно камере они держат твоего приятеля? Или нам все же придется ходить взад-вперед по коридору и в каждую щель для еды кричать и звать его по имени? — Новый Квартал осветил длинный коридор с многочисленными дверьми камер.

Алиф попытался сосредоточиться.

— Ты же говорил, что на другой стороне содержат женщин, значит, диапазон сужается.

— Надеюсь на это. И все равно остается ровно шесть дверей.

Алиф посмотрел в коридор и прикусил губу.

— А мы не можем просто открыть их все? С обеих сторон. Женщины… — Он не смог закончить фразу.

Новый Квартал постучал фонарем по его ноге.

— Я тебя понимаю, — тихо сказал он. — Но если говорить честно, Алиф, чем больше мы будем строить из себя благородных героев, освобождающих пленников, тем меньше у нас останется шансов смыться отсюда самим. Если исчезнете только вы двое, охранники могут не заметить этого еще в течение нескольких часов. А если мы спровоцируем массовый побег из тюрьмы, тут начнется полный хаос. Ну и каким образом тогда мы отсюда вырвемся?

— Ради Бога, — продолжал Алиф, — пойми же ты: мы как раз ради этого все и затеяли! Мы же не просто забавлялись со своими компьютерами, мы боролись за дело! Разве не так?

— Но ведь их же всех обязательно поймают снова! Отсюда нельзя просто вот так взять и уйти, Алиф. Тут стены толщиной в два метра, высоченные, с колючей проволокой наверху, а дальше — на восемьдесят километров вокруг — одна только пустыня между нами и Городом. И, как ты понимаешь, большинство людей в этих камерах находятся не в лучшей физической форме.

Алиф еще раз посмотрел на поблескивающие в свете фонаря металлические двери камер, и у него снова закружилась голова.

— Значит, мы их бросим здесь? — уже более спокойно осведомился он.

— У нас нет выбора. Ты гораздо больше поможешь этим людям, если выйдешь на свободу, чем пока сидишь тут.

Новый Квартал сделал несколько шагов по коридору и постучал в первую же дверь рядом с камерой Алифа.

— Шейх Биляль? — негромко позвал он. Голос изнутри осторожно ответил ему отрицательно. В двух последующих камерах шейха тоже не оказалось. Когда он постучался в четвертую дверь, ответом был знакомый голос, произносящий проклятия на классическом изысканном арабском языке.

— Это он, — пробормотал Алиф. Тогда Новый Квартал достал большое кольцо с ключами и начал перебирать их, освещая лучом фонарика. Наконец, отобрав один, он быстро отпер замок и распахнул тяжелую дверь камеры. Алиф навалился ему на плечо, стараясь разобрать обстановку внутри. Шейх Биляль, сморщенный и замученный до последнего старик, беспомощно моргал красными глазами, стараясь привыкнуть к свету. Алифу стало неловко оттого, что перед ним стоял обнаженный уважаемый мужчина преклонных лет. Его непокрытая голова сильно расстроила юношу. Он невольно поморщился. Ему было больно видеть шейха, его покрытую пятнышками лысую макушку, лишенную даже права надеть крошечную ермолку. Все это было так унизительно, что Алиф лишился дара речи и некоторое время просто молчал.

— Вот, уважаемый, возьмите это, — произнес Новый Квартал, неловко предлагая шейху свой рюкзак. — Здесь лежит одежда для вас. А еще там есть вода и пища. Только времени у нас очень мало.

Шейх Биляль принял рюкзак дрожащими руками.

— Что это? — прохрипел он. — Это очередной ваш фокус, псы проклятые?

— Нет, это не фокус, шейх Биляль, — сказал Алиф, чувствуя,

как у него от волнения перехватывает горло. — Новый Квартал из семьи монарха, а сюда он пришел, чтобы спасти нас обоих.

Шейх Биляль хотел плюнуть, но во рту у него все пересохло.

— Та капля верности, которую я, возможно, и хранил семейству монарха, умерла вот в этой самой камере, — пояснил он. — И мне ничего не нужно от этих людей, занимающихся кровосмешением.

— И вы ничего не получите, — грустно улыбнулся Новый Квартал, — кроме меня самого. Одного-единственного, рожденного при кровосмешении ублюдка с вендеттой в сердце.

Шейх уставился на незнакомого юношу.

— Откуда мне знать, что вы собрались со мной сделать? Может, вы переведете меня в такое место, где мне будет еще хуже?

Новый Квартал неопределенно пожал плечами:

— Да вы ничего и не могли знать. Вообще-то я явился сюда за Алифом. Это он настоял на том, чтобы я спасал еще и вас в придачу.

Шейх повернулся к Алифу, сверля его взглядом своих помутневших глаз.

— Значит, ты не погиб, — пробормотал старик. — Что ж, это замечательно. Тебе здорово везет.

— Простите меня, шейх Биляль, — взмолился Алиф. — Я так виноват перед вами!

Шейх ничего ему не ответил. Новый Квартал некоторое время смотрел на них обоих, потом взял старика под руку:

— Вы его потом отругаете как следует. А сейчас нам надо выбраться отсюда. Позвольте, я помогу вам одеться.

* * *

По коридору они тихо двинулись по одному. У Алифа сердце замирало всякий раз, когда он шел мимо двери очередной камеры, размышляя о тех, кто находился по другую ее сторону. Один раз ему даже показалось, что из-за одной двери доносится приглушенный плач. Он невольно остановился.

— Мы не можем вот просто так…

— Можем, — решительно прервал его Новый Квартал. — Алиф, сейчас мы не можем сделать для них ровным счетом ничего. Только не отсюда, не здесь и не сейчас.

Алиф послушно двинулся вперед, напрягая слух в надежде услышать еще какие-нибудь звуки, но вокруг царила полная тишина. В самом конце коридора Новый Квартал остановился и,

высоко подняв руку, другую положил на ручку двери.

— Охранники находятся внизу у лестницы, — тихо начал он. — Там и есть выход. Подождите здесь, пока я отправлю их за своей машиной. Я постучу вам снаружи, когда все будет готово.

Алиф слушал и не верил собственным ушам.

— Тюремные сторожа подгонят тебе машину ко входу, как какие-то лакеи? — изумился он.

— Тебе лучше сейчас просто поверить мне и не задавать больше никаких вопросов, — усмехнулся Новый Квартал и исчез за дверью, там, где находилась заветная лестница. Шейх Биляль покачнулся на месте, и Алиф быстро схватил его под руку, чтобы тот сумел удержать равновесие.

— Простите меня, — прошептал юноша.

Шейх только фыркнул.

— Я сейчас не могу тратить силы, я едва дышу, — пояснил он. — Поговорим попозже. После того, как поедим, ладно?

Алиф отвернулся, щеки его пылали. Так они простояли молча еще несколько минут, вздрагивая всякий раз, когда в других крыльях здания раздавалось гулкое эхо. Вскоре они услышали где-то снаружи шум идеально работающего и хорошо смазанного мотора. Сразу после этого в дверь стукнули ровно три раза. Алиф почувствовал, как у него в один момент вспотели ладони.

— Пойдемте, — прошептал он и открыл дверь. Однако нужно было помогать еще и шейху Билялю — старик самостоятельно ни за что бы не спустился по крутым металлическим ступеням. Алиф еле сдерживался сам, чтобы не закричать сейчас во весь голос. Вместо того чтобы открыто ликовать, он храбро вел старика вперед. В самом низу лестницы он толкнул еще одну тяжеленную дверь и тут же ощутил в свежем и удивительно чистом ночном воздухе то, что можно было бы назвать ароматом глубины и прохлады…

— Давайте же! — прошипел Новый Квартал из черного лимузина. — Давайте, давайте!

Алиф впихнул шейха на заднее сиденье, а сам быстро забрался на пассажирское.

— С именем Аллаха Милостивого, Милосердного! — скороговоркой произнес Новый Квартал, нажимая на газ. Алиф почувствовал, как тревожно забилось его сердце. Новый Квартал объехал тусклое приземистое здание без окон. Алиф не сразу догадался, что это и было как раз то место, где он жил последние три месяца, именно это и была его темница в прямом смысле слова. Со стороны она выглядела одновременно нереальной и какой-то уж слишком будничной, будто обычное офисное здание, в котором вдруг выключился свет и теперь его обитатели ничего

не видят.

Здание выходило на асфальтированный двор, окруженный толстой стеной высотой этажа в два и обвитой сверху отвратительной колючей проволокой. По внутреннему периметру двор объезжали парами конные охранники. Алиф присмотрелся и не без интереса отметил, что лошади были подобраны по масти: пара вороных, пара гнедых и даже пара светло-песочных с белыми гривами и хвостами. Это показалось ему признаком окончательной стадии извращения: кони, подобранные в масть перед входом на бойню. Он устало закрыл глаза. В голове стучало, как будто сосуды мозга готовы были разорваться.

— Поехали, — буркнул себе под нос Новый Квартал. Они приближались к металлическим воротам, запертым на засов. С обеих сторон стояла охрана, вооруженная автоматами. Новый Квартал резко сбавил скорость.

— О, капитан! — радостно воскликнул Новый Квартал и залихватски щелкнул пальцами, обращаясь к охраннику слева. — Можешь открывать, я уже закончил.

Охранник быстро подбежал к машине, к окошку со стороны водителя.

— Да, господин, конечно. Сейчас я все сделаю.

И тут его взгляд упал на Алифа, разместившегося на пассажирском сиденье. Алиф уставился куда-то вперед и не поворачивал головы.

— Простите, господин, но вот эти люди…

— Это мои персональные сопровождающие, — огрызнулся Новый Квартал. — Ты что же, решил, что я буду путешествовать в такие места один, как какой-то мальчик на посылках?

— Нет, господин, конечно, нет. Просто тут… какой-то запах…

— Ну, а кто не будет пахнуть после того, как провел у вас здесь целый час, скажи мне?! Ну, открывай ворота.

Охранник отошел от машины и что-то скомандовал в рацию, висящую у него спереди на рубашке. Потом он махнул рукой другому охраннику, и тот, стоя у ворот, принялся набирать какие-то цифры на маленьком ящичке кодового замка. Металлический засов отодвинулся в сторону и ворота распахнулись.

— Ну слава Богу! — тихонько проговорил Новый Квартал. — Я пропотел насквозь, должен вам признаться.

Машина тронулась вперед. Алиф услышал, как тяжело вздохнул шейх Биляль. У самого Алифа заныли плечи, и он только сейчас осознал, что они были напряжены с того самого момента, когда они вышли из здания тюрьмы.

— Вот так, друзья мои, и совершаются побеги из тюрьмы, — победно произнес Новый Квартал, нажимая на кнопку, чтобы

закрыть окошко со своей стороны.

И тут в зеркальце заднего обзора он вдруг увидел, как рядом с машиной метнулось какое-то черное пятно. Алиф нахмурился, почуяв неладное. Со стороны тюремного комплекса к ним бежал еще один охранник, отчаянно размахивая руками. Через стекла автомобиля не было слышно, что он кричит. Алиф повернул голову и увидел, как охранник нажимает на красную кнопку у ворот, и они начали медленно закрываться.

— Вот дерьмо! — Шины взвизгнули, когда Новый Квартал вдавил в пол педаль газа. Машина рванулась вперед, и Алиф услышал несколько довольно громких хлопков. Он повернулся и увидел, как охранник с другой стороны ворот целится в их автомобиль.

— Они в нас стреляют! — пронзительно закричал юноша. Машина уже миновала ворота и выехала на дорогу за территорией тюрьмы. Новый Квартал сгорбился над рулем и нервно скрежетал зубами. Шейх Биляль на заднем сиденье произносил нараспев какую-то молитву, прося Бога защитить их от зла.

Еще один хлопок, и на заднем стекле появился узор, похожий на морозный. Шейх кинулся на сиденье и залег на нем, стараясь больше не шевелиться.

— Аллах Акбар! — кричал он во весь голос. — Аллах Акбар!

— Вот черт! Они вас задели? — Алиф повернулся к старику, и в следующий момент, когда машину занесло на повороте, его чуть не задушил пояс безопасности.

— Нет, я не ранен, если ты это имел в виду, — успокоил его шейх, крепко держа обеими руками свой головной убор.

На дороге сзади вспыхнули огни: к беглецам стремительно приближались два черных «пежо».

— Да чтоб они!.. — с этими словами Новый Квартал резко крутанул руль налево, съезжая с дороги. Автомобиль начал подпрыгивать на песчаных ухабах. На фоне звездного неба тут и там высились огромные песчаные дюны. Новый Квартал решительно повел машину к одной из них.

— Ты что делаешь? — заскулил Алиф, но машина начала уже постепенно набирать высоту.

— Отправляемся на сафари, трусишка. Как тебе вид отсюда?

Алиф обхватил руками голову, когда машина очутилась на вершине дюны. В какой-то момент он не видел ничего, кроме бескрайнего неба. Оно было темным, с мерцающими точечками звезд. Казалось, что оно окружало машину со всех сторон, отделяя их каким-то образом от земли, пыли и силы притяжения. Алиф чуть не задохнулся от неожиданности, в животе его все

сжалось в единый комок нервов.

Со страшным треском автомобиль перевалил через верхушку дюны и начал сумасшедший спуск по противоположной ее стороне. Новый Квартал тщетно давил на тормоз. Машина начала вилять задом, вертя задними колесами вперед и назад по скользкому песку.

— Держись! — И снова нога на газу. Они помчались вниз по дюне, с грохотом шлепнувшись на ровную поверхность пустыни. Алиф больно ударился головой о потолок автомобиля.

— Куда мы…

— Прочь, просто подальше отсюда. Может быть, они разобьются или просто заблудятся. — Новый Квартал объехал следующую дюну, огромными веерами распыляя песок до уровня окошек и даже выше. Алиф увидел, как черный силуэт машины нарисовался на вершине дюны, но уже в следующую секунду начал спускаться вниз. Время замерло.

— Они у нас на хвосте!

— О'кей, о'кей!

Они промчались по узкому коридору между двумя песчаными холмами. Здесь почва стала каменистой, и машину несколько раз сильно тряхнуло, когда они наезжали на особенно крупные скопления окаменелых ракушек, свидетельствовавших о том, что когда-то очень давно на этом месте было море. Алиф снова обернулся. Два «пежо» уже прошли поворот и, преследуя беглецов, начали свое путешествие по коридору. Новый Квартал переключил скорость и свернул к очередной дюне. Она высилась перед ними, как древняя пирамида, громадная и непоколебимая, пережившая сотни, а может, и тысячи лет и столько же песчаных бурь. У Алифа от неожиданности отпала нижняя челюсть.

— Нам туда ни за что не подняться!

— Заткнись, чтоб тебя! Значит, и они тоже не поднимутся!

Машина ревела, поднимаясь все выше под угрожающим углом. Алиф подался вперед, как будто бы его вес мог изменить баланс, и теперь они уже не перевернутся ни за что. Шейх Биляль начал методично шлепать себя по голове.

— Боже мой! — запищал Алиф. — О Боже!

Наконец, перед ними появилась верхушка дюны. Они находились почти перпендикулярно земле. Машина взрывала песок и разбрасывала его колесами во всех направлениях. Мотор ревел. Проклиная все на свете, Новый Квартал снова переключил скорость. Видимо, этого импульса хватило, чтобы автомобиль перевалил через верхушку песчаной пирамиды и завис в космосе.

На какую-то долю секунды Алиф подумал, что, возможно, они поступили правильно и все у них получится. Передние колеса

очень мягко опустились на песок на дальней стороне дюны, поднимая в воздух песчаное облачко. Но уже в следующее мгновение заработали законы физики. Переворачиваясь и крутясь, машина полетела вниз. Новый Квартал вытаращил глаза и убрал руки с руля. Алиф почувствовал, как тревожно нарастало давление у него в мочевом пузыре, и изо всех сил сжал ноги, чтобы не случилось ничего неприятного. Ему показалось, что он больше не в состоянии управлять своими мышцами. Затем началось свободное падение, и вес стал ненужным. Машина продолжала лететь куда-то в бездну.

Когда они ударились о землю, у Алифа как будто встряхнуло все кости сразу. Стекла задрожали, металл загудел, и машина зарылась в песок передними крыльями. Кто-то истошно кричал. Алиф закрыл лицо руками, потому что ему показалось, будто осколки стекла летят на него со всех сторон сразу и жалят его руки сквозь тонкую белую ткань одежды. Он подумал о Викраме. Он вспомнил Дину и еще крепче закрыл глаза.

Неожиданно все погрузилось в тишину. Ночь ворвалась в машину через разбитые окна, ощупав лицо Алифа свежим уверенным ветерком. Машина «уселась» по диагонали на том месте, где начиналась крутая дюна, задрав задние колеса вверх и уткнувшись носом в песок, как помятая консервная банка. Новый Квартал, бледный как полотно, часто моргал, стараясь поскорей прийти в себя.

— Вот это да, — прошептал он.

Сзади послышался робкий кашель. Шейх Биляль прочищал горло и одновременно стряхивал с халата мелкие осколки стекла.

— Ну что я могу сказать, сынок. Обещаю, что никогда не буду просить тебя показать мне свои водительские права.

Этим он даже обрадовал Алифа, потому что сейчас юноша начал узнавать старика Биляля, он становился прежним, таким, каким они познакомились в мечети.

— Спасибо, уважаемый, — отозвался Новый Квартал, продолжая смотреть куда-то далеко вперед. Алиф возился с ремнем безопасности. Потом он открыл дверь, которая сначала сопротивлялась, видимо, из-за того, что при ударе металл кое-где деформировался, но все же со скрипом распахнулась. Алиф прыгнул в песок. Он оказался мягким и прохладным под стопами и поблескивал в отраженном от неба свете. Низко над горизонтом плыла луна.

— Как тут темно, — пожаловался Новый Квартал, словно нехотя выползая с водительского места.

— Ничего подобного, — пробормотал Алиф. Его поразило разнообразие красок: здесь были темно-синие тона, багровые и

фиолетовые, серебряные и даже черные блестки сверкали на земле. — Совсем не темно, даже наоборот.

— Ну и где же мы находимся? — поинтересовался шейх Биляль. Он положил на плечо Алифа дрожащую руку, и юноша сейчас размышлял о том, может ли этот жест старика означать то, что он наконец был прощен.

Новый Квартал стянул свой головной убор и швырнул его на землю, после чего пятерней прошелся по своей роскошной, смазанной маслом темной шевелюре.

— Как мне кажется, мы подъехали к самому краю Пустого Квартала.

— Боже милостивый, неужели так далеко? — Шейх медленно поворачивался, пожирая глазами необычный пейзаж.

— Уважаемый, эта тюрьма выстроена перед огромной пустыней. Они специально так задумали, чтобы тот идиот, который задумает сбежать оттуда, обязательно бы умер от жажды или жары прежде, чем сможет добраться до каких-то следов цивилизации. — Новый Квартал с досады пнул шину, которая спускалась у него на глазах. — И вот именно это скорее всего с нами теперь и произойдет.

— Надо иметь веру, — произнес шейх таким тоном, что Алиф никак не смог прокомментировать его высказывание.

Новый Квартал усмехнулся и, достав ключи, отпер багажник машины.

— Да, именно вера сейчас нам так необходима. Вот, я захватил для нас воды и немного еды. Если нам суждено голодать, начнем это делать завтра. — И он продемонстрировал им большую бутыль с родниковой водой и сумку-холодильник, подняв их высоко в руках. Потом он открыл сумку и извлек оттуда виноград и апельсины, консервированное мясо, нарезанное кусками и обернутое тонкими плоскими лепешками, а также большой кусок сыра фета, который плавал в растительном масле в отдельном контейнере.

Алиф заключил Нового Квартала в жаркие объятия, при этом издав какой-то короткий ликующий звук победителя.

— Спасибо, — восхищенно произнес он. — Тысяча «спасиб» тебе. Ты даже не представляешь себе, что…

— Вот тут ты абсолютно прав. Не представляю. — Новый Квартал выпутался из объятий товарища и отряхнул свою одежду. — Все в порядке. Я никогда не совершал ничего героического за пределами своего компьютера. Похоже, у меня получилось неплохое начало.

— Но ты же рисковал своей жизнью!

Новый Квартал удивился:

— Дорогой мой, это ты у нас настоящий герой. В Городе тысячи диссидентов и хакеров готовы выстроиться в очередь, только чтобы познакомиться с тобой, и я уж не говорю о том, сколько человек мечтают помочь тебе. Про твой арест раструбили по всем программам новостей. В государственных средствах массовой информации тебя упорно называют террористом, конечно же, но кто же верит в то, что говорит Государство? Отсидеться в Аль Башире, выбрать ее из всех возможных потенциальных убежищ — это ж надо было такое придумать?! Просто мастерский ход, как говорится. Ты же выбрал нашу самую знаменитую мечеть как символ против тирании. Гениально! У твоих друзей-коммунистов и исламистов, наверное, слезы на глазах выступили одновременно. Такого еще в истории не бывало, как мне кажется.

Алиф зарделся.

— Я сам ничего такого не планировал, — признался он. — Я просто убегал от группы агентов службы безопасности, и Башира показалась мне самым надежным и безопасным местом, вот и все.

Новый Квартал удивленно поднял брови:

— Ну, как бы там ни было, все сработало наилучшим образом. Все это время Город только и говорил что о тебе и твоих злоключениях. Правда, когда ты исчез, многие почему-то решили, что ты погиб.

Алиф с ужасом подумал о своей матери.

— Что? Это правда? А что происходит в моей семье?

Новый Квартал неопределенно пожал плечами:

— Не могу тебе ничего рассказать. Я и сам не был до конца уверен в том, что ты уцелел. И мне пришлось напрячься, чтобы выяснить, где ты находишься. Вообще-то тут дело случая, мне повезло, и я тебя нашел.

— Что ты имеешь в виду? Как повезло?

Новый Квартал выкладывал на блюдо лепешки, фрукты и сыр, присев на корточки на песок рядом с сумкой-холодильником.

— Оказалось, что мы с тобой что-то вроде родственников, — пояснил он. — Первая жена твоего отца родом из очень хорошей семьи. Получается, что она по мужу племянница сестры моей матери. Поэтому, если я все правильно понял, я сам прихожусь тебе кем-то вроде дяди, что ли. Подумать только — мы годами знали друг друга по переписке и рекомендациям, но даже и подумать не могли, что у нас могут быть общие родственники или как-то так.

Алиф состроил кислую мину:

— Но это… это же совсем не то, что кровное родство, да и вообще при чем тут кровь? Я-то размечтался и решил, что ты мне

сейчас поведаешь о том, что я, оказывается, тайный наследник трона или еще что-нибудь даже похлеще…

— Ха! Ну ты сказанул! Конечно, нет, но зато сплетни и слухи о тебе распространились настолько, что о них услышали и в моей семье, а иначе как бы я вышел на тебя? Та самая племянница была в истерике. Она беспокоилась о том, что ее муж, а твой отец, потеряет свое положение, или Государство все у них отберет, или еще что-то столь же ужасное. Но из-за связей с монархом, конечно, ничего подобного не произошло, зато все это дало мне возможность выследить тебя.

Алиф уселся на холодный песок, переваривая данную информацию.

— Какое счастливое совпадение, — пробормотал он себе под нос.

— Все это называется роком, судьбой, — подхватил тему шейх Биляль, принимая от Нового Квартала свое блюдо. Он посмотрел на угощение с благоговением и тут же, чуть прикрыв глаза от удовольствия, принялся за еду, полностью отдавшись этому делу, так, что скоро с его бороды потекла тоненькая струйка масла. Такое же нагруженное едой блюдо Новый Квартал передал Алифу. От разнообразных ароматов у юноши тут же закружилась голова. Он сунул в рот кусочек сыра, позволяя ему полностью растаять, чтобы полностью ощутить его превосходный вкус языком. Алиф чувствовал себя как-то странно, и то жуткое отчаяние, которое укрепилось в нем до первого появления товарища в камере, теперь почему-то казалось каким-то нереальным. Итак, его освободили. Он сознавал и то, что свершилось нечто весьма значительное, но правильных слов для этого он не находил. Его чувства, ожившие и пробужденные, насыщались тем, что было рядом, что он видел и слышал: ароматом и свежестью воздуха и еды и безграничностью пейзажа. Ошеломленный свободой, Алиф отставил блюдо и, прислонившись лбом к песку, принялся нечленораздельно произносить слова благодарности.

— Что это с ним? — забеспокоился Новый Квартал.

— Мне кажется, он пытается молиться, — высказал свое предположение шейх Биляль.

— Но он же не чистый. Он не совершил омовения, и не проверил направление на Мекку, и не начал с правильной позы.

— Мой милый господин, — ответил шейх, — Богу нравится застигать своих слуг неподготовленными. Этот мальчик увидел еду впервые за долгое время, и первым делом он решил поблагодарить за это Создателя. Вряд ли можно проявить свою набожность более искренне, чем таким образом.

— Или более небрежно. От него же остались только кожа да кости. Лучше бы он сначала поел, а потом уже обращался к Создателю, чистый и цивилизованный.

Алиф услышал, как сдержанно хихикнул шейх.

— У меня был большой опыт общения с не очень чистыми и совсем не цивилизованными в недавнем прошлом. Рассказать тебе, что я обнаружил? Я не то, что ощущают мои ноги. Я не грязь на моих ладонях и не гигиена моих интимных частей тела. Если бы я был этим, я был бы лишен свободы молиться в любое время после того, как меня арестовали. Но я все равно молился, потому что я вовсе не эти вещи. В конце концов, я даже не совсем я сам. Я просто набор костей, которые говорят слово «Бог».

Алиф поднял голову и сел на песке. Шейх Биляль передал ему блюдо долгим плавным жестом, как будто успел состариться за это время или испытывал сильную боль. Алиф принял у него блюдо и забеспокоился:

— Они пытали вас?

— Да.

— Вы сердитесь на меня?

— Еще как.

— Я не знаю, как просить прощения у вас.

— Можешь начать с того, что скажешь мне, где находится эта проклятущая книга. Именно за ней они так охотятся.

Алиф нервно катал виноградинку между пальцами.

— Я понятия не имею, где сейчас может быть эта книга, — признался он. — Я не помню, чтобы прикасался к ней после того, как расплавился компьютер. Слишком много всего происходило в тот момент.

— Простите меня, — вмешался Новый Квартал. — О какой книге идет речь?

Алиф и шейх Биляль переглянулись.

— Она называется «Альф Яум», — начал Алиф. — Ее написал джинн.

Новый Квартал так и прыснул.

— Ты действительно сошел с ума в этой тюрьме, — покачал головой молодой человек. — Значит, Рука тебя упрятал туда из-за книги, которую сочинил джинн? Да у тебя и в самом деле галлюцинации начались.

Алиф только покачал головой.

— Все это было на самом деле, — продолжал он. — Руке эта книга понадобилась, потому что он решил создать новый программный метод. Джинны рассматривают знания иначе, нежели мы сами, и потому их книги представляют собой некий набор закодированных метафор, и если удастся перевести эту

методику в мир компьютеров…

— Ты определенно сошел с ума, — повторил Новый Квартал, продолжая жевать лепешку с мясом. Он бросил на Алифа пренебрежительный взгляд: — Рука охотится за тобой долгие годы, так же, впрочем, как и за всеми остальными серыми шляпами, то есть за нами. Мы враги Государства. Но это не имеет отношения ни к каким книгам.

— Но почему он схватил меня именно сейчас, Новый Квартал? Почему он ждал столько времени, чтобы нанести свой удар? Это потому, что я завладел тем самым предметом, который срочно понадобился ему самому. И он не мог допустить, чтобы этот предмет пребывал в чьих-то посторонних руках, в особенности если этот предмет окажется во власти человека, который сообразит, что к чему и какую пользу и выгоду можно извлечь из него.

Новый Квартал неопределенно хмыкнул и усмехнулся.

— Что же в этом такого смешного? — удивился Алиф.

— Ты назвал меня Новым Кварталом. Никогда еще не слышал, как кто-то произносит это вслух.

— Ну, твое настоящее имя слишком длинное.

— Только для примитивного крестьянина. — Новый Квартал передал приятелю добавочную порцию мяса и сыра. — Ты ешь, не останавливайся. Давайте сегодня пировать и не думать о том, что случится потом, когда нас поймают тюремщики или мы попросту умрем от жажды.

Алиф поднялся в полный рост и посмотрел на ряды дюн. Они казались такими чистенькими, аккуратными и безобидными, свободными от какой-либо грязи, обломков и вообще зла, а это было так не похоже на пейзажи самого Города! Луна висела над самыми горизонтом, и от ее света вдали что-то мерцало, словно стекло, по которому гуляют блики. И все же Алиф вспомнил уроки географии в школе, где ему четко сказали: в этой пустыне воды нет на сотни миль во все стороны, если, конечно, не считать Города. Пустыня настолько же сурова и безжалостна, насколько она прекрасна и восхитительна, и за время своего существования унесла много жизней. Ну, во всяком случае, человеческих жизней — это точно.

— Если это начало Пустого Квартала, — заметил он, — по теории мы должны просто путешествовать по данной местности, и тогда рано или поздно нас встретит джинн…

— Опять ты про своих джиннов, — раздраженно вставил Новый Квартал.

— Джинны упоминаются в последней суре Корана, — нетерпеливо напомнил Алиф. — И не надо смотреть на меня, как

на сумасшедшего. Надеюсь, Корану-то ты веришь?

— Ну да, разумеется, но только то, что там вспоминается про джиннов, еще вовсе не означает, что с ними можно встретиться на улице. Они… они просто…

Алиф встал и пошел вперед. Он вспомнил, как отчитала его Дина, когда они впервые встретились с Викрамом, и как он сам рассердился, когда она удивлялась, почему ему так трудно поверить в то, во что он сам хочет верить. Тогда он еще сказал ей, что когда все это происходит на самом деле, то тут уже не до смеха. Когда книжные герои становятся настоящими, можно испугаться.

Было приятно размять конечности, пройти больше чем несколько шагов в любом направлении. Его желудок как-то странно отреагировал на еду, видимо, оттого, что пришлось долгое время голодать, и сейчас он не хотел ничего переваривать и просто отвергал пищу. Вот почему Алифу захотелось срочно отойти подальше от шейха Биляля и Нового Квартала, чтобы они ничего не увидели, если вдруг с ним случится что-то не совсем приятное для посторонних глаз. Он остановился перед небольшим песчаным холмиком, за которым начиналось углубление, которое сверкало оттого, что там находился, по всей видимости, более темный песок. Сначала Алифу захотелось бегом броситься туда, но его сердце отчаянно застучало, предупреждая, что тело еще не готово для таких испытаний. Он мог запросто умереть, если попытается устраивать своему ослабшему организму такие серьезные нагрузки.

— Я уже как самый настоящий старик, — пробормотал он себе под нос. Все сухожилия в его теле заныли одновременно, как будто трехмесячное ограничение в движениях состарило его на несколько десятков лет. Только мозг его продолжал работать безотказно. Он несколько раз вдохнул и выдохнул свежий воздух и повернулся, чтобы идти назад к искореженной машине Нового Квартала.

А тот уже успел устроиться рядом с изувеченным капотом, используя свой развернутый головной убор в качестве одеяла.

— Мне надо хоть немного поспать, — пробормотал он, когда Алиф подошел к нему вплотную. — Никак я не мог ожидать, что этот день закончится вот таким образом. Если ты мне веришь, то я был убежден в том, что к этому времени мы должны были бы все чудесно устроиться у меня на квартире в районе Дахаб. Вот что значит быть воспитанным с мыслью о бесконечных возможностях денег. Теперь мне ясно, что тут я потерпел полный крах.

— Зато ты очень ловко вел машину.

— Спасибо. Наверное, мне это должно быть очень приятно услышать.

Алиф устроился неподалеку от Нового Квартала и принялся ерзать в песке, пока тот не принял форму удобного ложа. Шейх Биляль прислонился к все еще теплому трупу машины и тихо посапывал. Алиф почувствовал, что уступает всеобщему спокойствию, такому тихому и огромному, что казалось, еще секунда — и оно взорвется рыком, как будто это не тишина окружает их, а неведомая музыка, сыгранная на невидимых клавишах. Он и сам не понял, как глаза его закрылись и он погрузился в сон без сновидений.

Когда Алиф проснулся, то увидел, что шейх Биляль стоит рядом и осторожно трогает его за плечо.

— Что такое? — Алиф перекатился с боку на бок, все еще не сознавая, где именно он находится.

— Смотри, — сказал шейх.

Алиф открыл глаза. Небо переливалось красками: голубой, белой и красновато-золотой. Он часто задышал, переполненный восторгом и радостью.

— Что это? — спросил он.

— Восход, — ответил ему шейх. — Это восход солнца.

Глава двенадцатая

Хотя дело происходило зимой, и поэтому в пустыне было тепло, а не жарко, солнце очень быстро набрало высоту и принялось поджаривать случайных путников. Тени тут не было, кроме той, что они могли создать своими головными уборами, да немного падало от искореженной машины Нового Квартала. Дюны, удивлявшие ночью неземной красотой, днем стали вовсе неприглядными, песок был мягкий, хотя и не слишком уступчивый под ногами и, казалось, приготовился иссушить всех неподготовленных и доверчивых.

— Кажется, где-то тут когда-то погибла целая армия персов, если не ошибаюсь, — попытался пошутить Новый Квартал, разбирая остатки их провизии. Голос его при этом прозвучал как-то неубедительно.

— Они погибли в Сахаре, — поправил приятеля Алиф, — а не здесь. — Он прищурился, оглядывая окрестности. Солнце отражалось от чаши песка, которую он приметил еще вчера, отчего создавалась иллюзия крошечного голубого озера, и оно было таким же реальным, как разбитый автомобиль «БМВ» позади него. Алиф также обратил внимание на то, что остальные двое избегали смотреть в сторону озера, видимо опасаясь, что ложная надежда выведет их из состояния равновесия.

— Мне кажется, воды нам хватит дня на два, может, и на три, — пришел к выводу Новый Квартал. — Я же не рассчитывал на такую небольшую экспедицию. Интересно, отправит ли Государство людей, чтобы выловить нас. Мы не могли уйти далеко от шоссе.

— Государство, по-моему, уже ни на что не способно, и если бы они заехали в эти дюны, то тут же и разбились бы, — заметил шейх Биляль. — Возможно, они вообще предпочтут оставаться на месте. Наверное, они будут выжидать возле дороги, когда же мы наконец появимся. А если не появимся вообще, они сделают вывод, что мы погибли в пустыне.

— Что ж, справедливое предположение, — согласился Новый Квартал, копаясь в сумке-холодильнике. Он был бледен как полотно.

— Возможно. Лично я предпочитаю верить в то, что наши жизни будут положены за правое дело и во имя великой цели, пока не доказано обратное. — Шейх наполовину развернул ткань своего головного убора и обмахивал лицо его свободной нижней частью. Алиф заметил, что к старику возвращается цвет лица, и это его обрадовало.

— Нет никакой великой цели в том, чтобы умирать медленно, а не быстро, — пробурчал Новый Квартал, укладывая сумку-холодильник в багажник автомобиля.

Подходя ближе к миражу, Алиф еще раз мысленно оценил ситуацию. Он не испытывал чувства страха перед надвигающейся смертью — оно успело здорово притупиться за месяцы пребывания в тюрьме, где юноша мог умереть в любой день. Он подумал о том, что говорил ему Викрам про Пустой Квартал. Будто бы там совсем не пустыня, а перевернутый мир, обиталище джиннов. Еще он рассказывал о том, как трудно туда попасть обыкновенному человеку. Алиф даже забеспокоился о Дине и американке, смогли ли они совершить этот сложный переход, живы ли они сейчас, здоровы ли. И вообще, где они находятся в данный момент? Та тварь в тюрьме сказала ему, что Викрам умер. Следует ли из этого также и то, что вместе с ним погибли девушки? От этой мысли ему стало не по себе, он дернулся вперед и, не удержав равновесия, съехал по песку вниз к самому иллюзорному озеру.

Мираж оказался таким совершенным, что Алифу даже почудилось, будто он слышит плеск воды на берегу и ощущает запах дымки, поднявшейся от испаряющейся воды. Он рассмеялся над собой и своей беспомощностью, разлегшись и раскинув руки и ноги на песке.

— Ты упустил ее, — сказал он вслух самому себе. — И теперь, если с ней что-то случится, виноватым будешь только ты один. А ведь она так тебе доверяла!

— Прости, не понял…

Алиф резко сел на песке. Посреди миража стоял мужчина с оголенным торсом. На его коже ясно виднелись капельки воды, как будто он только что плавал и вот теперь решил отдохнуть, вынырнув из глубины. Алиф издал несвязный звук и, пятясь как краб, поднялся на пригорок.

— Не надо, прошу тебя! Я просто подумал, что ты, может быть, обращаешься ко мне. Прости, но я не знаю ту женщину, за которую ты винишь меня, будто бы я ее бросил. Может быть, ты попросту перепутал меня с кем-то другим, а?

Алиф открыл рот, чтобы что-то ответить, но вместо этого из горла у него вырвался резкий, но при этом невнятный звук. Юноша залился краской. Мужчина вылез из воды — потому что это была именно вода или по крайней мере что-то очень на нее похожее — и встал на самом берегу озера, смотря наверх, на Алифа. Вокруг пояса у него была намотана черная ткань, как у простого рыбака.

— Вот проклятие! — нахмурился он. — Я-то принял тебя за

одного из нас. Мне вообще не надо было с тобой заговаривать. Как же так получилось, что ты меня видишь?!

— Я с… Сам не з… знаю, — запинаясь, начал Алиф. — Я спустился сюда, чтобы полюбоваться миражом, и тут мне показалось, будто я даже слышу плеск воды…

Мужчина пристально смотрел на Алифа. Что-то в его лице показалось юноше странным, будто искаженным, словно Алиф сам рассматривал его через какое-то пропыленное и не совсем прямое стекло. А когда молодой человек пытался сосредоточиться на какой-то одной черте лица незнакомца, она начинала таять и исчезать, больше напоминая тень или светлое пятнышко, как это бывает после того, как ты случайно посмотришь на солнце.

— Очень интересно, — продолжал мужчина, ни к кому конкретно не обращаясь. — Что-то в этом есть, что-то явно связанное с невидимками. — Он встряхнул головой, будто тоже стараясь сосредоточиться. — Но тебе лучше вернуться туда, откуда ты явился, человече. Здесь, на самой границе, тебе находиться небезопасно, раз уж ты способен видеть нас.

— Я не могу вернуться, — выпалил Алиф, потому что увидел, что незнакомец уже отвернулся от него, показывая, что разговор на этом закончен. — Мы разбили машину, на которой ехали… И теперь мы можем умереть в этой пустыне, если не сумеем раздобыть воды или не найдем себе убежище.

Казалось, мужчина задумался, мысленно оценивая это заявление.

— Прости, но ничем помочь тебе я не могу, — наконец объявил он и снова плюхнулся в мираж.

— Я был другом Викрама, — крикнул Алиф. — Он погиб, защищая двух известных мне женщин. Он должен был привести их с собой в Пустой Квартал.

Мужчина повернулся, на лице его читалось изумление.

— Это тот самый, который в ваших легендах называется вампиром? Я слышал о его смерти, но о людях — ни слова. Правда, Пустой Квартал — это очень большая территория.

— Здесь опасно, да? Так говорил мне Викрам. Опасно для человека. Как вы полагаете — две здоровые женщины могли пройти через границу без вреда для себя?

Мужчина пожал плечами:

— Трудно сказать. Человеки — очень хрупкие создания, это справедливо. Скорее всего тут все зависело от настроения и состояния духа того человека, о котором идет речь. Раньше вы часто ходили между нами, а мы появлялись среди вас. Но теперь времена изменились.

— Почему? — Алиф старался сделать все, чтобы разговор не прекращался. Может быть, тогда ему бы удалось убедить незнакомца в том, что он должен помочь юноше и его спутникам.

— Все дело в вере, — пояснил мужчина. — Теперь она уже не значит то, что значила когда-то, во всяком случае, для вас. Вы успели позабыть о невидимой половине мира.

— Но в мире кишат религиозные фанатики. Вера процветает, в этом даже сомнений быть не может!

— Это предрассудки и суеверия процветают. Буквоедство и сектантство процветают. А истинная вера умирает. Для большинства людей джинны — это фантазии параноика, которые мечутся вокруг и вызывают эпилепсию и душевные болезни. Найди мне человека, который искренне считает, что невидимый народ реально существует, как это описано в самых главных книгах. Тебе придется очень долго искать такого. Чудеса и благоговение давно исчезли из ваших религий. Вы готовы принять иррациональное, но не трансцендентное. Вот почему я не смогу помочь тебе.

— Я знаю такого человека, который верит именно в то, что вы мне только что описали, — просиял Алиф. — Она, возможно, до сих пор находится в Пустом Квартале. Помогите мне разыскать ее.

— Ну, если два человека действительно застряли в Пустом Квартале, могут начаться неприятности, — наконец произнес он. — И если вы обещаете покинуть это место, как только найдете их, я, наверное, смог бы помочь вам попасть туда.

— Я обещаю, — поспешно ответил Алиф. — Я клянусь своей жизнью, вернее, тем, что от нее осталось. Но со мной попасть туда должны еще двое, иначе они здесь умрут. Это пожилой шейх и молодой человек, который спас нас обоих. Пожалуйста, позвольте мне сходить за ними.

Мужчина вздохнул и оглянулся, как будто опасался, что за ним сейчас наблюдают.

— Тогда поторопись, — сказал он. — Чем больше мы стоим тут вот так, тем больше привлекаем к себе ненужного внимания.

Алиф бросился бежать к автомобилю. Новый Квартал и шейх Биляль лежали в тонкой тени от «БМВ» и обмахивали себя полами халатов.

— Нам надо спешить, — запыхавшись, сообщил им Алиф. — Я нашел кое-кого, кто сможет нам помочь.

Новый Квартал быстро поднялся на ноги.

— Хвала Господу! Тебе повезло, приятель. Так кто же это — бедуин с гашишем или кто-то из туристов, которые истоптали тут все вокруг?

— Это не важно, — отмахнулся Алиф. — Надо торопиться, он сам спешит, и у нас очень мало времени.

Новый Квартал помог шейху подняться и извлек из багажника автомобиля сумку-холодильник.

— Бедная моя машина! — пожаловался он. — Это уже вторая, которую я разбил в течение одного года. Папе это очень не понравится.

Шейх Биляль хотел что-то сказать, но тут же передумал. Опираясь на руку Нового Квартала, он засеменил вслед за Алифом, который тут же направился назад к миражу. Алиф уже думал о том, что за это время, возможно, и мужчина, и водоем исчезнут. Но когда он увидел воду у подножия дюны, то с облегчением выдохнул. Мужчина стоял на том же самом месте, где его оставил Алиф, со скрещенными на груди могучими руками.

— Вот этот будет доставлять массу неприятностей, — тут же указал незнакомец на Нового Квартала. — Я это уже могу сказать.

— А это еще что такое? — воскликнул Новый Квартал. — Послушай, мужик, а где же твой автомобиль? Я-то ожидал увидеть кое-что более впечатляющее. — Он повернулся к Алифу: — Бога ради, скажи, что ты задумал? У этого типа даже штанов нет.

— У тебя их тоже нет, — парировал мужчина.

Новый Квартал гордо задрал нос.

— Да, но при этом я одет, — заявил он. — На мне вполне приличный халат, на мне имеется нижнее белье и все такое прочее.

Шейх Биляль дотронулся до руки Алифа.

— Мальчик мой, — пробасил он, хотя и старался говорить как можно тише, — меня уже начинает волновать тот факт, какое количество… Весьма сомнительных личностей ты притягиваешь к своей особе.

— Это происходит только в последнее время, — пояснил Алиф. — И вроде бы случайно. Но получается так, что в критические моменты они здорово выручают меня.

— Ну ладно, нам пора, — объявил мужчина и сделал приглашающий жест. — По одному.

— Куда? В мираж? — Все еще сильно сомневаясь, Алиф посмотрел на мерцающий синий водоем.

— Да, и можешь это называть именно так, если тебе нравится. Первым пришли мне старика.

Алиф помог шейху Билялю спуститься по крутому склону к воде, передав его с рук на руки странному мужчине. Сияние иллюзорного озерца усилилось, и оба мужчины тут же исчезли в

нем. Через некоторое время незнакомец возник снова, но уже без шейха.

— Какого черта? — Новый Квартал округлил глаза, потом принялся быстро моргать, будто пытался сосредоточиться на образе мужчины.

— Ты следующий, — обратился к нему тот. — Потому что ты самый непредсказуемый.

— Кто бы говорил! — опасливо произнес молодой человек. — Это не вы ли случайно только что у всех на глазах растворили в воздухе целого шейха?!

— Еще чего! Он стоит вон там и машет вам рукой. Ну, пошли! — С этими словами он протянул юноше руку. Тот еще секунду колебался, потом взял предложенную ладонь и соскользнул вниз, исчезая в тот самый момент, когда приблизился к краю воды. Алиф нетерпеливо переступал с ноги на ногу на вершине холмика, ожидая появления незнакомца. Дневной свет, по которому он так скучал, сейчас буквально терзал его открытое лицо, и юноша был благодарен Новому Кварталу за головной убор, который не позволял солнцу греть его голову и в особенности затылок и шею сзади.

Быть свободным и в то же время не находиться в безопасности… Что-то в этом состоянии было незаконченным. Он с досады мыском ботинка копнул песок, встречный ветер, пахнущий разогретым стеклом, тут же подхватил его и горстью швырнул назад в юношу.

— Ну и где ты? — пробормотал Алиф, обращаясь к миражу. Через мгновение мужчина появился у воды. На этот раз он выглядел каким-то уставшим и измученным.

— Это было неоправданно сложно, — начал он. — Твоего приятеля перекричать невозможно. С ним там чуть приступ не начался.

— Простите, — тут же извинился за друга Алиф. — Последние два дня у него получились очень сложные.

— Ну, это уже не мои проблемы. Давай иди сюда.

Алиф взял мужчину за руку и рванулся в воду. В воздухе тут же сильно запахло озоном, по коже будто прошел статический ток, отчего волосики на руках встали дыбом. Когда же он открыл рот, собираясь набрать полную грудь воздуха, то понял, что кислород здесь отсутствует. Озон же так и въедался в его ноздри, в рот, во все поры кожи. Алиф почувствовал, будто сам растворяется в озоне и превращается в облако. Он весь сразу обмяк, но тут его кто-то потянул за руку, и когда он несколько раз моргнул, то увидел, что стоит на поверхности, сплошь покрытой светящейся звездной пылью.

— Что это? — спросил Алиф, стараясь поскорей отдышаться и прийти в себя. Неподалеку на холмике какого-то сверкающего вещества на коленях стоял Новый Квартал и что-то бубнил себе под нос, а над ним возвышался шейх Биляль и что-то внушал ему успокаивающим тоном. Мужчина, который перенес их сюда, стряхнул искрящуюся пыль с плеч Алифа, бесцеремонно оглядывая его с озабоченным видом.

— С тобой все в порядке? — Здесь его формы стали еще более прозрачными, уши вытянулись и приобрели заостренные кончики, потом покрылись мехом, после чего почему-то опять стали похожи на человеческие. Волосы у мужчины напоминали больше разлитые чернила, постоянно перетекающие вокруг его лица.

— Все отлично, — кивнул Алиф.

Он попробовал пошевелить ногами, будто проверяя их, и остался доволен тем, что они снова стали слушаться его. Напрягая зрение, он стал разглядывать местность. Хотя песок тут стал еще белее и мельче, все же было ясно, что они по-прежнему находятся в пустыне. Вдали виднелись ряды дюн, окруженные хрустальными облачками от легкого ветерка. Небо над головой тут было разноцветным, словно начинались сумерки, и тут одновременно светили и солнце, и луна, а также было несколько звезд. От этого странного явления создавалось такое впечатление, будто день здесь никак не может начаться, а ночь — закончиться. Это зрелище разбудило в мозгу какие-то примитивные воспоминания. Ему вдруг показалось, что он случайно забрел в незнакомые места и стал жертвой для хищников.

— Что это такое? — взвыл Новый Квартал. — Что?!

Мужчина пожал плечами, словно его изумил такой банальный вопрос.

— Граница Пустого Квартала, что рядом с дорогой на Ирем. Мы сейчас находимся там же, где вы стояли раньше, только с другой стороны.

— Ирем? Город столпов? — заинтересовался шейх Биляль и, как показалось Алифу, при этом ничуть не удивился. — Если верить старинным легендам, то этот город выстроили джинны.

— Именно это он и есть, — подтвердил мужчина. — Правда, в последнее время он уже не столь популярен, как мне кажется. Многие из нас все же предпочитают жить в местах, заброшенных человеком. Там для нас работы меньше. Детройт, например, стал модным городом.

Алиф присел на корточки рядом с Новым Кварталам и доверительно положил ему руку на плечо.

— Да брось ты переживать! — начал он. — Все в порядке.

Воспринимай все это как компьютерную игру. Ты ведь сам увлекался, например, «Миром сражений», разве не так?

— Все это, — жалобно произнес Новый Квартал, — слишком реально для «Мира сражений», и вообще, даже реальность не такая реальная, как все то, что тут происходит.

— Нам надо идти дальше, — напомнил их проводник. — По этой дороге будут проходить и другие, и не все они окажутся столь же понимающими, как я. Кстати, врагов у Викрама хватало.

— Вы не назовете нам свое имя? — попросил Алиф, помогая Новому Кварталу встать на ноги.

Мужчина издал набор музыкальных звуков, которые, как масло, пролились по ушам Алифа и сразу же исчезли из памяти.

— Нет, этого я никогда в жизни не смогу произнести, — смутился он. — У вас случайно нет другого имени? Викрам говорил, что у него есть. Вернее, было. То есть «Викрам» было его не настоящее имя.

— Мне не слишком часто приходится общаться с вашим племенем, — фыркнул мужчина, — и незачем заводить себе второе имя. Не вижу смысла. И вы не сможете, судя по всему, использовать мое имя против меня, так как не в состоянии даже повторить его. — Он направился вперед, туда, где светила луна, поднимая ногами облачка светящейся пыли. Алиф последовал за ним и потянул за собой Нового Квартала. Последним шел шейх, стараясь не отставать от остальных, хотя ему было трудно передвигаться по мягкой уступчивой почве. Мужчина провел свою маленькую группу через дюны, которые под дуновением ветра постоянно меняли свою форму, как волны на море. Алифу пришлось ускорить шаг, чтобы поспевать за проводником. Ему даже показалось, что тот идет по воде, с такой легкостью он передвигался вперед, а песок, высыпавшийся из-под его ног, напоминал брызги соленых волн из безводного океана. Эта мысль подействовала на Алифа усыпляюще. Через некоторое время он шел, как будто в трансе, убаюканный ритмом передвижения, его глаза закрывались, веки отяжелели.

— Осторожней там! — выкрикнул проводник. — Если вы заснете, я вас могу потерять. Не позволяйте себе спать, не расслабляйтесь, как бы трудно вам ни было это делать.

Алиф встряхнулся и пошире раскрыл глаза. Он услышал, как позади него шейх несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул.

— Здешний воздух ничуть не помогает, — заявил старик. — Он как-то странно воздействует на меня. Похоже на усыпляющий газ, который применяют у зубных врачей.

Алиф втянул воздух носом, чтобы проверить это замечание. Тот озоновый эффект, который чуть не сшиб его с ног возле

иллюзорного озера, еще не прошел окончательно, хотя озон уже чувствовался гораздо слабее. Или, может быть, юноша уже успел привыкнуть к такому необычному запаху.

— А что такого плохого в сне? — послышался вопрос Нового Квартала. — Сон дарует нам Господь. Я бы сейчас не отказался прикорнуть ненадолго.

— Границы весьма коварны, — предупредил проводник. — Вам хочется спать, потому что это защитная реакция мозга, который требует возвращения в ваш привычный старый мир. Но теперь вам туда так просто не попасть. Спящий разум бродит между видимым и невидимым и не может остановиться нигде. Если вы заснете здесь, то можете вообще больше не проснуться, во всяком случае, не в том привычном виде и сознании, как вы себя сознаете. Как только мы окажется в Иреме, там и выспитесь. Он находится достаточно далеко даже для нашей территории, и оттуда уже нет никаких далеких путешествий, даже во сне.

Алиф вспомнил, как встревожился Викрам, когда юноша задремал прямо на Неподвижной Аллее, и ему стало стыдно за свое тогдашнее поведение. Задумавшись, он продолжал идти вперед, послушно следуя за проводником, оставляющим глубокие отметины в мелком песке, больше напоминающем мягкую пудру. Они проходили дюну за дюной, увязая в податливом песке и уже начиная нервничать и терять терпение. Проводник же, напротив, казалось, не утопает в песке, как все остальные, а легкой пружинистой походкой перемещается дальше, будто перемещается по подстриженной лужайке. Наконец, когда они оказались на вершине очередной дюны, он указал куда-то вниз и вдаль, где в долине между холмами из пыли виднелась самая настоящая дорога.

— Нам туда, — пояснил он. — И тогда мы выйдем к городу. Как только мы окажемся в Иреме, я думаю, нужно будет передать вас под ответственность кого-нибудь другого. Там я уже не смогу отвечать за все то, что может с вами произойти.

— Отлично, — согласился Алиф с уверенностью, которой в общем-то не ощущал. Новый Квартал ходил взад-вперед по вершине дюны и отчаянно тер себе виски.

— Дорога, — усмехнулся он. — Это какая-то не такая дорога. Где вы видели белые дороги? Почему она белая?

Алиф еще раз взглянул вниз, дорога оказалась вымощена белыми хрустальными блоками, которые отражали в себе переливающиеся цвета неба. И он сразу вспомнил кое-что.

— Это же кварц! — воскликнул он. — Как стена Старого Квартала в Городе.

Мужчина кивнул:

— Камень добывали в одном карьере, на одной горе. Дело в том, что джиннам нравится кварц. Один из наших и выстроил вам стену. Это было много веков назад.

— Сиди Абдулла аль Джинан, — добавил шейх Биляль и засмеялся с присвистом. — Это и есть джинн, который принес в Город религию. Должен признаться, я всегда считал, что это самый настоящий миф, а его могила и чалма — это только хитроумный ход по выкачке денег из доверчивых туристов.

— Чалма джинна — очень серьезная вещь, — мрачно заметил проводник.

— Да-да, разумеется, — подхватил шейх. Новый Квартал посмотрел сначала на старика, потом на проводника и вдруг развеселился, закричав:

— А я больше вообще никуда не пойду, — заявил он и уселся на мягкую подушку из светящейся пыли. — Ни шагу отсюда не сделаю. Заберите меня домой. Я хочу сытный ужин и ванну с двойной порцией ароматной соли, добытой из местных природных источников. Я хочу вернуться к своей прежней жизни, ради Бога! Надеюсь, вы это понимаете?! — Он в отчаянии поднял глаза на Алифа.

— Только не пункт относительно соли, — возразил Алиф. — Что же касается прежней жизни — да, конечно же. Но ты к ней уже не вернешься, приятель. Никогда не вернешься. Даже если бы смог прямо сейчас щелкнуть пальцами и телепортироваться в свою квартиру, ты уже будешь измененным, не таким, как раньше. Потому что все происшедшее серьезно повлияло на тебя самого. Это цена, которую приходится платить за то, что ты считаешь, будто имеешь власть над событиями и можешь контролировать их, потому что ты такой умный. Если все это так, то, что ж, храни тебя Господь!

— Я прекрасно понимаю, что мой план стать героем имеет свои недостатки, — яростно начал отбиваться Новый Квартал, — но все то, что касается джиннов, — это уже твои заслуги.

— Мы еще не умерли, — вмешался в спор шейх Биляль, — поэтому я не собираюсь никого обвинять — ни героизм, ни джиннов. Пошли дальше, ребята, идемте же!

— Да, пойдемте, — подхватил проводник. — Я уже устал повторять вам, что здесь не совсем безопасно.

Алиф последовал за ним вниз по склону дюны по направлению к дороге. Новый Квартал и шейх поспешили за ним и почти не отставали. Как только они ступили на стеклянную поверхность дороги, она, как им показалось, сразу выпрямилась, а извивающаяся и уходящая вдаль равнина между дюнами превратилась в выстроенный геометрически идеальный канал.

Дорога уходила к горизонту строго перпендикулярно и уже совсем не напоминала дорогу в привычном понимании этого слова. Алиф сразу представил себе тех, кто строил ее. Видимо, они хотели произвести впечатление на потомков или планировали проводить на этом отрезке пути свои победные марши. Алиф задумался, и его меланхолия и отрешенный вид вполне соответствовали странному свечению и тишине холмов из светящейся пыли.

— Когда-то давным-давно, — заговорил проводник, не сбавляя шага, — эта дорога никогда не пустовала. То есть я не исключаю, что она и сейчас не пуста — существуют создания на небесах и на земле, которых не видим ни вы, ни мы, и они известны одному только Господу Богу. Это я говорю к тому, чтобы вы хорошо усвоили: Ирем уже совсем не тот город, каким он был когда-то.

— Почему же это произошло? — поинтересовался Новый Квартал и для эксперимента заскользил ногами по гладкой кварцевой поверхности.

— Боюсь, что в основном виной стали вы сами, — беззлобно объявил проводник. — Адаму поручили рассказать птицам и зверям, ангелам и джиннам их правильные имена, но его наследники позабывали многие из них. Вот и Ирем постепенно стирается в памяти.

— Мне показалось, что джинны любят заброшенные места, — напомнил Алиф.

— Да, места, оставленные людьми, — уточнил мужчина. — Но не историей. Видели бы вы Ирем лет пятьсот назад, когда наши народы еще признавали друг друга. Караваны, поэтические состязания, торговля всевозможными замысловатыми безделушками, которые вы, человеки, без конца продолжали изобретать. Вот это было зрелище, достойное внимания. Туалет — один только туалет не знал себе равных, хотя именно эта деталь всегда считалась чем-то особенным, а временами и запредельным, но здорово характеризующим города.

— Да, я бы сейчас не отказался от такого туалета, — понимающе кивнул Новый Квартал.

— У вас очень странные отношения с вашей окружающей средой, — продолжал рассуждать проводник. — Какие-то параноидальные, что ли. Вы как будто вознамерились доказать, что возможно существовать в крошечном пространстве, которое продолжает уменьшаться. И при этом вы неизменно добавляете туда какие-то новые приспособления, ошибочно считая, что таким образом вы получаете контроль над своими собственными жизнями. Есть в этом что-то нечестивое, что ли…

— А что такого плохого в новых приспособлениях и изобретениях? — удивился Алиф.

— Ничего, только не надо забывать, что они не имеют отношения к волшебству, — пояснил проводник. — А большинство из вас почему-то считает иначе.

После этих слов наступила тишина. Они шли молча, как показалось Алифу, слишком уж долго, а солнце и луна продолжали все так же неестественно висеть на небе, и потому было невозможно определить, сколько времени прошло. Это угнетало юношу. Его не оставляло ощущение, что здесь ему находиться вовсе не безопасно, а потому получалось, что он просто поменял одну экстремальную ситуацию на другую. Ему хотелось прожить нормальный солнечный полный день, а потом такую же полноценную ночь, но уже без солнца. Теперь он удивлялся тому, что теперь ему было отказано в самых, казалось бы, основных вещах. Затем ему показалось, что в таком расположении небесных тел таилось некое знамение для него самого, урок, который ему предстояло извлечь уже самостоятельно. Сначала он попадает в лапы к Руке и проводит время в темной камере, затем переносится в Пустой Квартал… Однако смысла этого урока он так и не смог пока что понять.

Первый тихий посторонний звук на дороге свидетельствовал о первых неприятностях. На дороге в пустыне джиннов, как и в самой банальной пустыне, было тихо, здесь отсутствовали вода и деревья, и не было тех живых существ в достаточном количестве, которые могли бы создавать некий шум. Вот почему любой звук казался здесь чем-то необычным и тревожным. Сам по себе он казался совершенно безобидным, как тявканье лисы или жалостное поскуливание примерно такого же размера зверька. Однако проводник, услышав его, сначала несколько секунд внимательно прислушивался, а потом так и застыл на кварцевой дороге.

— Вы должны вести себя исключительно спокойно и хладнокровно, — тут же начал он инструктировать своих подопечных таким же сдержанным голосом. — Не надо съеживаться и показывать свой страх или, тем более, стараться убежать. И — что самое главное — ни при каких обстоятельствах, ни за что на свете не отвечайте ни на какие вопросы.

Новый Квартал сначала открыл рот, чтобы как-то отреагировать, но потом захлопнул его и, вытаращив глаза, принялся пялиться на тварь, которая неожиданно возникла на дороге прямо перед ними.

Судя по всему, это был зверь, хотя и не очень похожий на всех остальных зверей, которых Алифу когда-либо приходилось

видеть. Перед ними стояла увесистая тварь красновато-рыжеватой масти, неясная и расплывчатая, как растекающееся кровавое пятно на камнях. Мех свисал клочьями над козлиными глазами цвета электрического разряда. На ее длинных челюстях зубов не было, вместо этого здесь присутствовало сразу несколько рядов самых настоящих ножей, уходящих глубоко в глотку. Это был персонаж из детских кошмаров, фантазия невинного дитяти, слишком юного для осознания настоящего человеческого зла, однако уже достаточно созревшего, чтобы научиться представлять себе нечто столь безобразное. Алиф услышал тоненький визг, и с ужасом понял, что этот мерзкий звук исходил от него самого.

— Человеки, — констатировала тварь. Ее голос напоминал скрежет железа. — И они направляются в Ирем.

— Они ничего серьезного собой не представляют, — успокоил странное существо проводник. — Парочка детишек и дряхлый старик.

— Это уже трое, а вовсе не «ничего серьезного», — парировал зверь.

— Я имел в виду тебя. Для тебя это уж точно — ничего серьезного. Дай нам пройти.

Зверь снова тявкнул по-лисьи, чем еще больше напугал Алифа: звук получился таким тихим и мягким, словно имел совершенно другой источник происхождения.

— Если они объявились здесь, значит, их кто-то разыскивает, — логично решило чудище. — По-моему, это единственная причина, почему трое человеков, не представляющих собой нечто серьезное — или наоборот, — оказались на дороге в Ирем в такой интересный исторический час, когда барабаны войны Искусителя — это все, что их племя помнит о невидимых.

— И что с того? Это все равно не значит, что они должны представлять интерес для тебя.

Алиф заметил в голосе проводника нотки раздражения.

— Зато они могут представлять огромный интерес для кое-кого другого, — возразил зверь, подбираясь ближе к путникам. — А этим они уже начинают меня интересовать. — Тварь остановилась перед побледневшим как полотно Новым Кварталом. — Поведай мне, мальчик, слепленный из глины, как бы тебе хотелось умереть?

— В возрасте девяноста лет, — пронзительно выкрикнул Новый Квартал, — на ложе из денег, на вилле с видом на морское побережье, и чтобы при этом как минимум три любящих жены били себя в грудь и рвали на голове волосы от горя.

Зверь расхохотался.

— Сумасшедший, — прошипел проводник, — я же предупреждал, чтобы на вопросы никто не отвечал.

— Ну, простите!

— Пусть мальчик говорит! — Тварь расплылась в улыбке, и лезвия ножей в ее пасти зазвенели. — Как тебя зовут, дружок?

К ужасу Алифа, Новый Квартал уже собирался сообщить имя, но Алиф успел схватить приятеля за руку и резко дернуть ее.

— Только не имя, — задыхаясь, зашептал он. — Бога ради, только не имя!

Зверь перевел взгляд на Алифа.

— Все ясно. Этот кое-что понимает. Или даже больше. — Тварь резко захлопнула пасть, при этом ножи, сверкнув, сомкнулись, как челюсти-дуги в капкане.

— Он вообще ничего не понимает. — Проводник бросил на Алифа взгляд, полный нескрываемой ярости.

— Я идиот, — тут же робко согласился Алиф.

— Нет-нет, в нем что-то есть, какой-то особый запах. — Сказав это, зверь принюхался к воздуху возле шеи Алифа. — Медная проволока, лантан и электричество. Он вообще не пахнет глиной. Ты как и зачем очутился здесь, химическое создание?

— Я… — Алиф пытался перебороть страх, который подсказывал ему, что ответ был бы самым легким путем выпутаться из создавшейся ситуации. Он углубился в воспоминания о тех вещах, в которых разбирался. Перед его мысленным взором возникли спирали и параболы, и он сразу вспомнил, что ошибки вывода можно избежать, если добавить новый параметр ввода.

— А кто это так интересуется? — вдруг рявкнул Алиф. Зверь быстро заморгал, и это прибавило юноше храбрости. — С какой стати я должен отвечать на твои вопросы, если ты не собираешься отвечать на мои? Почему это мой друг должен называть тебе свое имя, если ты не удосужился назвать ему свое?

Зверь раскрыл пасть и смотрел на Алифа чуть ли не обиженно.

— Мне они нравились куда больше, когда начинали забывать про нас, — пожаловалась тварь тоненьким голоском. Она как будто даже уменьшилась в размерах, съежилась и, сойдя с дороги, поплелась в пыль, постепенно исчезая из виду. Несколько секунд слышно было только тяжелое дыхание. Шейха Биляля заметно трясло, глаза его казались пустыми. Алиф быстро подбежал к нему и взял под руку, чтобы хоть немного поддержать старика.

— Это было здорово проделано, — заявил успокоившийся проводник.

— Но я ничего не сделал, — удивился Алиф.

— Ты отвечал вопросом на вопрос. А это проявление храбрости. Немногие человеки осмелились бы на такое в присутствии демона. — Он рассмеялся. — Только вспомните выражение его лица. Это как будто лиса преследует кролика, а тот вдруг останавливается и показывает ей зубки. И какие зубки!..

— Так это был демон?! — Новый Квартал в ужасе крутанулся на месте и сжал голову ладонями. — Боже! Боже!

— Да, именно так. — Проводник мелодично вздохнул и ускорил шаг. — Во времена невежества они становятся храбрее.

Новый Квартал безудержно расхохотался, чем сильно расстроил Алифа. Приятель начинал нервничать.

— Кто же знал, что демоны — такие трусы? — тоненьким голосом произнес юноша. — Алиф прогнал его одним только взглядом.

— Они действительно трусливы, — подтвердил шейх Биляль, наконец прерывая свое долгое молчание. — Так же, как труслив и самый главный Враг человечества. Мы боимся их не из-за того, что они могущественны, а поскольку сами часто заходим в тупик и обманываемся.

Они шли и шли по дороге, и Алифу казалось, что конца ей не будет. Время определить было по-прежнему невозможно, потому что солнце и луна просто вращались по кругу на небе, но не садились и не поднимались. Слабое свечение у горизонта стало первым признаком приближения к городу джиннов. Через некоторое время Алиф уже смог разглядеть первые столпы из того же минерала, что и сама дорога, возвышающиеся над дюнами. Они освещались неизвестным источником, который, казалось, находился внутри самих столпов, и отбрасывали на песок янтарные и розовые тени. Между столпами вырисовывались внушительных размеров ворота с аркой, украшенные затейливой резьбой, напоминающей по рисунку взрыв сверхновой звезды. Дорога как раз и приводила путников к этим воротам непосредственно в сам город.

Когда они подошли вплотную к воротам, Новый Квартал и шейх Биляль затихли, впадая в состояние благоговейного восхищения. Алиф снова занервничал. Вокруг них на дороге появлялись и другие фигуры, многие из которых, казалось, даже и не замечали в своей толпе людей. Некоторые из них представляли собой бледные тени, перемещающиеся вертикально, но при этом не соприкасающиеся с какой-либо поверхностью. Другие, подобно их проводнику, напоминали некую смесь разнородных компонентов людей и зверей. Одно создание так напугало Алифа, что он невольно метнулся в сторону и вскрикнул от страха: эта тварь была ростом с двухэтажное здание,

без шерсти и волос, и состояла из одних мускулов, причем верхняя часть ее была видна только до пояса, все, что находилось ниже, покрывал туман. И все это спокойно двигалось по дороге по своим делам…

— Что… Что это было?

— Это марид, — равнодушно произнес проводник. — Как в вашей истории про джинна и Аладдина. Не волнуйся, ты для него настолько ничтожное создание, что он даже не удостоит тебя своим вниманием.

Такое замечание Алифа не успокоило.

— Вот кого вам действительно надо опасаться, так это тех, которых мы называем «сила», — продолжал мужчина. — Вы никогда не обнаружите, что в вашем подвале прячется марид, а вот сила может принимать какое угодно обличье, и они любят жить в окружении людей. Причем все они женщины, видите ли. Они внешне, конечно, не такие ужасные, но при этом опасны вдвойне. Помните об этом, когда вернетесь домой.

— Можно подумать, что там мы каждый день встречаемся с духами-женщинами, — фыркнул Новый Квартал.

Проводник только пожал плечами.

— Вероятно, так оно и есть.

Когда они подошли к первому столпу, активность местных жителей вокруг них усилилась, и Алиф услышал негромкий лепет, набор слов на непонятном ему языке или нескольких языках сразу. Он сразу вспомнил какофонию голосов на Неподвижной Аллее, и в голову ему тут же пришла мысль о Сакине.

— Кажется, я знаю, как вы можете от нас отделаться, — сообщил он, поворачиваясь к проводнику. — Вы случайно не знакомы с женщиной, которая торгует информацией на Неподвижной Аллее? Ее зовут Сакина.

Мужчина удивленно уставился на него.

— А ты бывал на Аллее? Но кто тебя туда водил? Зачем?!

— Викрам. Там он пытался разузнать кое-что для нас. — Алиф замолчал, рассчитывая теперь только на то, что этот тип не обладал жуткой способностью Викрама залезать в мысли человека и отличать правду от лжи.

— Да ты, по-моему, умышленно стараешься навлечь на себя неприятности, — заявил проводник, хотя в его голосе на этот раз скользнуло что-то, напоминающее восхищение. — Я сам Сакину не знаю, но ее легко можно будет найти. Но сначала я должен вас куда-нибудь пристроить, а уже потом отправлюсь по вашим делам и постараюсь что-нибудь выведать.

Он провел их через арку на забитую народом улицу. По обе

стороны ее высились здания из кварца, с окнами, украшенными резными рамами, как в Старом Квартале Города. Но были ли это магазины или жилые дома, Алиф определить не смог: те, кто находился внутри домов, через решетчатые ставни виделись как мелькающие тени и свет, выходящий изнутри на улицу. Вокруг путников шумел Ирем, но чем занимались его жители, было непонятно: то ли они торговали, то ли общались или, может быть, работали: вся их деятельность со стороны выглядела как непонятная речь и беспорядочное движение. И все это ошеломляло и одновременно озадачивало стороннего наблюдателя. Могло даже показаться, будто Город вспомнил свое былое величие, но, не имея возможности восстановить все ушедшее в полной мере, опустился до полного безразличия ко всему происходящему.

— Вот сюда, заходите. — С этими словами проводник пригласил своих подопечных следовать за ним через двойные деревянные двери в какое-то квадратное здание. Внутри его в зале стояли длинные столы, за которыми сидели и беседовали странные посетители. Тут был один высокий и тощий черно-оранжевый тип, который больше напоминал движущееся пламя свечи, две женщины с козьими головами и еще один гость в форме огромной жабы. Этот устроился прямо на столе и отчаянно жестикулировал толстыми передними лапками. Их голоса то переходили в веселый смех, то замолкали. Столы освещало сзади голубоватое пламя очага, расположенного в дальнем углу зала. При этом каминная решетка была выполнена в виде совокупляющихся мужчины и женщины, причем в такой позе, которую Алиф сам видел впервые. Не в силах отвернуться, он наблюдал за огнем, а пламя танцевало за решеткой и словно оживляло любовную парочку. Они отчаянно двигались, отбрасывая соответствующие тени на потолок.

На полке неподалеку выстроились бутылки с какими-то жидкостями неестественных цветов. Алиф с удивлением обнаружил здесь и телевизор с плоским экраном, висевший на противоположной стене, настроенный на канал Аль Джазира. Только теперь он догадался, что это было за заведение.

— Неужели это бар?

Проводник рассмеялся:

— Можно сказать и так. Мы приходим сюда поесть, выпить и поговорить обо всем на свете. Садитесь вот сюда, в угол, вам сейчас принесут что-нибудь, чем можно набить животы. — И прежде чем Алиф успел сказать что-то против, мужчина быстро пересек зал и исчез в дверях. Шейх Биляль и Новый Квартал, смотревшиеся в странном окружении совершенно не к месту,

послушно присели на скамейку, которую указал им проводник. Алиф устроился напротив них. Он уже открыл рот, чтобы развеять свое смущение относительно неприличного камина и отпустить какую-нибудь соленую шуточку, но его перебил пронзительный писк. На столике в противоположном углу создание, похожее на жабу, ухватило типа, напоминавшего пламя свечи, за то, что должно было быть горлом, причем с такой яростью и силой, что стало страшно. При этом жаба не собиралась отпускать свою жертву, продолжая хладнокровно душить ее. Одна из женщин с козьей головой спокойно взяла с полки бутылку и, взмахнув ею в воздухе, со всей дури опустила ее на голову жабы. Та тихо квакнула, перевернулась на столе брюхом вверх и затихла.

— Похоже, тут просто какое-то пристанище пороков, — пробормотал шейх.

— Правда? — Новый Квартал нервно оглядел зал. — Точно сказать не могу. Кстати, Алиф, а кто эта женщина, на поиски которой ты отправил нашего приятеля? Да и вообще, откуда ты знаешь весь этот народец?

Алиф устало потер глаза. Его тело давно намекало на то, что ему требуется хороший обед и отдых.

— Я их и не знаю, — ответил он, — я даже не уверен в том, что такие, как мы, вообще сможем их когда-либо узнать. Но был один… мужчина, который умер, когда помогал мне и моим друзьям. Так вот он был один из них. И он мне рассказал об этом месте. Он забрал сюда двух знакомых мне девушек, чтобы спрятать их здесь от Государства. Теперь мне важно выяснить, где они и что с ними случилось.

Новый Квартал залился истеричным смехом.

— Ах вот так теперь надо скрываться от Государства, да? Значит, других мест, кроме Нетландии, уже и не осталось, где можно было бы почувствовать себя в безопасности? Наверное, я тоже спятил, Алиф, я просто спятил.

— Ну прости. — Алифу вдруг показалось, что за последние несколько месяцев ему пришлось извиняться чаще, чем за все остальные двадцать три года, прожитые им. А уж как нелепо было сознавать, что в своей попытке исправить элементарные вещи он совершил просто астрономических масштабов ошибки! Девушка, которую он любил, решила, что она его любит. Или любит, но недостаточно. Ну и как нормальные люди решают подобные проблемы? О, конечно, они не передают тайно сомнительные книги, не совершают надзор за компьютерами и не ищут убежища у джиннов. Алиф теперь силился понять, в какой именно момент вся его жизнь сошла с рельсов.

В этот момент к их столу подошла тень с большим подносом,

уставленным едой и какими-то зелеными бутылками. Не говоря ни слова, тень аккуратно расставила все это на столе. Новый Квартал, затаив от ужаса дыхание, наблюдал за этой картиной. Шейх нахмурился и осторожно дотронулся до стоящего рядом бокала.

— Это алкоголь? — поинтересовался он так спокойно, будто всю свою жизнь только и делал, что беседовал с привидениями.

«Нет, — прозвучал голос прямо в голове юноши. — Мы не изготовляем и не употребляем алкоголь. Но наш напиток пьянит, если ты хотел узнать именно это».

— Именно так, спасибо, — ответил шейх и осторожно, двумя пальцами, отодвинул бокал подальше от себя. — Можно попросить у вас простой воды?

— И для меня тоже, — подхватил Алиф.

«Как пожелаете».

С этими словами тень удалилась.

— А я, пожалуй, попробую этот пьянящий напиток, храни меня Боже, — заявил Новый Квартал и крепче ухватился за бокал. — После такого трудного дня, который выдался нам, я полагаю, что заслужил это.

Шейх мрачно посмотрел на парня и осуждающе покачал головой.

— Запрещается алкоголь, уважаемый, — напомнил Новый Квартал. — А нам только что сказали, что эта жидкость не имеет к алкоголю никакого отношения.

— Чепуха. Запрещается любая жидкость, которая туманит мозги, если она употребляется для развлечения, а не по медицинским показателям. Так вот этот напиток явно входит в список запрещенных.

— Ну, наше фиаско можно отнести и к медицинским показателям. — Новый Квартал закинул голову назад и сделал большой глоток светящейся фосфором жидкости. Алиф молчал, не в силах что-либо сказать, потому что в эту минуту лицо Нового Квартала резко побледнело, и на его лбу выступил пот.

— Ну и как на вкус? — поинтересовался он.

— Как средство для мытья стекол, — выдохнул Новый Квартал. Он закашлялся, и изо рта у него выплыла струйка дыма. — Боже мой!

Алифу вспомнился его единственный опыт с принятием алкоголя. Абдулла выменял какой-то дисковод на половину бутылки виски, и они, закрывшись в подсобке студии «Радио Шейх», выпили по стопочке. Алифу тогда пришлось собрать всю свою силу воли, чтобы его не вырвало тут же, на месте.

— Ты же не пьешь! — воскликнул он, определив источник

напускной храбрости своего приятеля.

— Не пью, — жалобно подтвердил Новый Квартал, снова закашлявшись. — Нет. Но когда передо мной ставят что-то такое, я начинаю паниковать. Вы же не представляете себе, на скольких вечеринках мне приходилось присутствовать у принцев, когда прислуга уходит. Вот тогда появляются и нанятые по этому поводу женщины и отпираются шкафчики со спиртным. Там мне водку в горло чуть ли не насильно заливали. И если я не выпивал хотя бы глоток и не делал вид, что все это мне нравится, они могли засомневаться в том, являюсь ли я настоящим мужчиной или еще нет.

Шейх Биляль рассмеялся. Это был первое истинное проявление эмоций, которое услышал от него Алиф, с тех пор как они выбрались из тюрьмы.

— Ты ошибаешься, — сказал он. — Я бы в этом случае засомневался, стали ли эти юнцы мужчинами, именно поэтому они и нападали на тебя. И если бы ты отказался выполнять их прихоти, ты выставил бы их слабаками. Ты должен гордиться тем, что воздерживался от выпивки.

В этот момент Новый Квартал рыгнул, держась рукой за живот.

— Заставить принцев выглядеть слабаками — не самая удачная мысль, — пояснил он. — Особенно если учесть, что сам ты точно такой же принц. Это напоминает что-то вроде соревнования. Очень скоро кто-нибудь из этих ублюдков обязательно выяснит, на какой стороне я на самом деле нахожусь, и тогда уже вам придется освобождать меня из тюрьмы в пустыне.

— Именно поэтому ты решил отойти от дел? — спросил Алиф.

— Да, — ответил Новый Квартал, вытирая пот со лба. — Дело в том, что, когда я выяснил, что Рука — это скорее всего тоже кто-то из аристократов, я не мог отделаться от чувства, что я его почему-то знаю. Ну, может быть, виделся с ним на званых обедах или во время праздников. Рамадан, Ид… Да он вообще мог быть одним из тех, кто так упрямо спаивал меня водкой. И я начал нервничать.

Алифа одолевали сомнения, внезапно он смутился, но потом все же заговорил.

— Я его видел, — тихо признался он, и по его позвоночнику пробежала дрожь. Он не знал, как сейчас рассказывать про Руку, ведь их встреча носила сугубо личный характер, да и слишком велико было различие между тюремщиком и заключенным. — Я знаю, как его зовут.

Новый Квартал подался вперед, положив локти на старенький

деревянный стол. Глаза его засверкали.

— Наконец-то. День выдался удачный. Ну, кто же он такой?

— Аббас аль-Шахаб.

К удивлению Алифа, Новый Квартал громко рассмеялся.

— Это невозможно, — наконец произнес он, мотая головой. — Только не Аббас. Я же его хорошо знаю, он мой то ли троюродный брат, то ли двоюродный дядя, что-то в этом роде. В любом случае он не такой. Он чокнутый парень, впрочем, как каждый из нас. Я вспоминаю его только лишь в одном виде: он стоит на вечеринке где-нибудь в уголке и тщетно пытается вести светскую беседу с другими такими же аристократами. Мне всегда казалось, если уж ты родился арабом, эти способности ты должен унаследовать с молоком матери. Его, наверное, при рождении подменили на мрачного турка с гор или еще кого-то столь же дикого. Он не женат, между прочим, хотя весьма богат. Вот так плохо обстоят у него дела. Нет, Аббас не смог бы справиться и с собачонкой, если бы даже это каким-то образом угрожало ему.

В груди Алифа боролись стыд и негодование. Ему внезапно расхотелось говорить про Руку, хотя не так давно этот человек был центральной темой в беседах с недовольными и мятежниками в Городе.

— Я знаю то, что я знаю, — упрямо повторил он и замолчал.

— Я в этом не сомневаюсь. Просто в тюрьме… наверное, ты не так расслышал его имя или просто что-то перепутал. — Новый Квартал вертел в руке кусочек хлеба, словно не знал, что с ним делать. Алиф опустил голову, чтобы не встречаться взглядом с подвыпившим приятелем.

— В любом случае, — продолжал Новый Квартал через некоторое время, нарушая затянувшуюся тишину, — давайте оставим вопрос о его настоящем имени. Я знаю, что я сам — не самый стойкий парень на этом свете. Но если бы мы с Рукой оказались в одной комнате, и получилось бы так, что он порезал мне подбородок во время бритья, я бы накатил сразу на всех. У меня есть ты. «Радио Шейх». Гурхабосс. Я бы не смог дальше жить с постоянным напоминанием о моей бесхребетности. Вот почему я вышел из игры.

Алифа тронуло это признание.

— Ты никакой не бесхребетный. Ты пришел за мной среди ночи и вытащил меня из тюрьмы. Причем на «БМВ».

— Да, я это сделал, правда же? — Новый Квартал просветлел. — Это я молодец. Но теперь я все равно нахожусь в том же дерьме, что и вы. И мне ничуть не страшно. Наверное, это зеленая жидкость работает.

Шейх Биляль отодвинул бокал подальше от юноши. В этот

момент к ним придвинулась все та же тень и выставила на стол три стакана воды.

«Ешьте, — предложила она. — Еда вам сейчас совсем не повредит. Мне не хочется иметь в своем заведении три человеческих трупа». — С этими словами тень проплыла в другой конец зала.

Алиф присмотрелся к блюду на столе. На нем лежало — или он сам так для себя твердо решил — мясное рагу, рис с шафраном и вареная зелень, возможно, шпинат. С края подноса высилась горка теплых лепешек. Разорвав одну из них пополам, он зачерпнул ею мясо с рисом и решил попробовать. Тут же на языке приятно разлился вкус кардамона, перца и еще какой-то пахучей приправы.

— Козлятина, — тут же определил он. — Ну, по крайней мере мне так кажется.

— Наверное, родственница одной из вон тех дам за столиком, — негромко прокомментировал Новый Квартал.

Шейх Биляль засучил длинные рукава халата, чтобы они не мешали ему, не дожидаясь дополнительного приглашения. Новый Квартал нагнулся и сначала долго принюхивался к пище, перед тем как проглотить первый кусочек мяса. Разжевывая его, он одобрительно кивнул. Ели молча, время от времени скромно улыбаясь друг другу и наслаждаясь своим братским отношением друг к другу, как туристы, застигнутые плохой погодой в каком-то забытом Богом поселении. А в другом конце зала тень — владелец заведения наконец сгребла жабу со стола и безразлично выкинула ее на кучу какого-то мусора за дверь. При этом собеседники жабы все так же продолжали свой разговор и не выразили по поводу случившегося ни сочувствия, ни недовольства. Алиф поймал взгляд Нового Квартала и скорчил смешную мину. Новый Квартал хихикнул и тут же, заметив строгий взгляд одной из дамочек-коз, закрыл лицо руками.

Алиф очень быстро наелся, подумав о том, уж не уменьшился ли объем его желудка за время пребывания в тюрьме. Его сразу стало клонить в сон, к тому же в животе было так комфортно тепло от специй. Он прислонился к стене и позволил себе закрыть глаза.

— Интересно, в этой корчме есть ли где поспать, — пробормотал он и тут же услышал, как кто-то рядом с ним резко щелкнул пальцами. Это Новый Квартал пытался привлечь внимание тени, после чего осведомился, может ли тот предоставить им спальные места. Алиф улыбнулся, не открывая глаз. Он надеялся на то, что вернувшаяся к Новому Кварталу властность могла означать лишь одно: парень чувствует себя

гораздо лучше. Чья-то рука потрясла его за плечо. Он потер глаза, поднялся со своего места и послушно последовал за шейхом Билялем к лестнице в конце зала. Наверху они увидели длинный коридор с дверьми, раскрашенными в те же цвета, которые можно было наблюдать на небе: темно-розовый, синий, фиолетовый. Двери были вставлены в стены из белого кварца, и от этого создавалось впечатление, что нет никакой двери и вы смотрите прямо в небо. Алифу пришлось несколько раз моргнуть, чтобы картинка изменилась в нечто ему понятное.

«Вы можете занять синюю комнату», — инструктировала тень, проводя их в дверь цвета ночи. Они очутились в небольшой комнате с масляной лампой на окне и несколькими матрасами у стены. Потолок был разрисован так, что представлял собой ночное небо и Млечный Путь, серебристые звезды то зажигались, то гасли в свете лампы.

Тень пожелала им спокойной ночи. Алиф почти не слышал слов, его мозг уже засыпал. Он стряхнул с ног сандалии и прилег на ближайший к нему матрас, стягивая головной убор, и, развернув его, накрылся им, как одеялом. Новый Квартал зевал, не прикрываясь ладонью. Алиф услышал, как молится перед сном шейх Биляль. До него даже донесся шорох его ног, когда тот вставал на колени. Знакомые слова молитвы успокоили его, и прежде чем шейх закончил ритуал, Алиф уже крепко спал.

* * *

— Алиф? Неужели это ты?

В воздухе парил аромат жасмина, а рядом витало что-то более реальное и звериноподобное. Алиф перекатился на спину и часто заморгал, пытаясь стряхнуть сон с глаз. Над ним нависла женская фигура, лицо ее было озабоченным. Он приподнялся на локтях и теперь ясно увидел перед собой Сакину. Ее темные косички петлями перемещались у нее над головой, с ушей свисали золотые украшения. Наконец она немного успокоилась и положила на пол рядом с собой свою матерчатую сумку.

— Ты выглядишь каким-то полумертвым, — заметила она. — Что случилось?

— Тюрьма, — коротко сообщил он, не зная, какими более нежными словами объяснить ей случившееся.

Ее сочувствие и тревога оказались такими искренними, что у Алифа перехватило горло. Теперь он и сам поверил в то, что, вероятно, некоторые части его организма действительно пребывали не в лучшем состоянии. Конечно, его славное спасение

никто не оспаривал, и это было замечательно, но все же месяцы тюрьмы давали о себе знать, и время, проведенное в полной темноте, не прошло даром. Из его горла вырвался тоненький испуганный крик.

— Нет, не надо так расстраиваться. Прости меня. Вот, возьми. — Она порылась в своей сумке и извлекла оттуда бутылочку с густой пурпурной жидкостью и сунула ее ему в руку. — Выпей глоток.

Алиф послушно откупорил бутылочку и вставил себе в рот тонкое горлышко. Густая жидкость по вкусу напоминала мед и какие-то фрукты, смешанные, по всей видимости, с травами. Его тут же охватило приятное чувство, наподобие ожидания праздника. Его тюремное заключение как будто сильно отдалилось от него и осталось позади, в прошлом.

— Очень приятно, — констатировал Алиф. — А что это такое?

— Эликсир против сердечной боли, — пояснила Сакина, демонстрируя ряды очень острых зубов. — Оставь себе. — Она села на пол, скрестив ноги. Алиф почувствовал, что настроение его заметно улучшается. Ему было радостно видеть Сакину, она была живым доказательством тому, что у него все равно еще оставались шансы, даже сейчас.

— Тебе известно, что Викрам погиб? — тихо произнесла она.

Казалось, ее слова так подействовали на Алифа, что эликсир на несколько секунд перестал работать.

— Да, — кивнул он. — Он знал, что умирает, когда мы расстались. Только из-за него Дина и американка не попали в тюрьму, как я. Он их спас.

Сакина грустно улыбнулась.

— Бедняга Викрам, — сказала она. — Он был абсолютно непредсказуем и весьма опасен. Ты даже и представить себе не мог, насколько опасен, — иначе ты ни за что бы не согласился путешествовать вместе с ним. Но когда он того хотел, то мог совершать благородные поступки.

Алиф вспомнил смертельную рану в боку Викрама и дотронулся до своего собственного, испытывая фантомную боль.

— Он прожил долгую жизнь. Очень долгую — такую же, как и сама Земля, наверное. Мне кажется, что, помогая тебе, он надеялся на то, что умрет на своих собственных условиях. Он знал историю той рукописи, которая попала в твои руки. Люди, которым она достается, обычно умирают рано. Во всяком случае, до глубокой старости никто из них так и не дожил.

— Я потерял ее, — сообщил Алиф, опуская голову. — Я имею в виду «Альф Яум». Я его потерял.

Сакина от изумления широко раскрыла глаза.

— Потерял? Но как? У кого книга сейчас?

— Я понятия не имею, кто бы мог ее взять. У Руки ее нет. У шейха Биляля тоже. Я укрылся в Башире, используя ее для создания кода, а потом все пошло не так…

Сакина подалась вперед и, сжав ладони под подбородком, впилась в Алифа взглядом своих солнечных глаз.

— Повтори, что ты сказал. Что ты имел в виду, говоря «использовать для создания кода»?

Алиф стал подыскивать понятные слова, чтобы все объяснить.

— Я догадался, что аль-Шахаб — мы называем его Рука — задумал сделать с книгой. Он поверил в то, что все мистики, пытавшиеся понять и разгадать книгу в течение веков, подходили к ней, в общем, не с той стороны. Он посчитал, что раз книгу можно понять только через символы, значит, она может быть использована как приложение для компьютера. Другими словами, он решил, что может использовать «Альф Яум» для создания совершенно новой системы кодирования и, таким образом, придумать некий суперкомпьютер, выстроенный на метафорах.

Сакина откинулась назад и теперь смотрела на Алифа так, что очень скоро ему стало не по себе.

— И ты все это сделал, — наконец произнесла она. — Ты все сделал, и все у тебя заработало.

— Вроде того. Но система действовала недолго, всего несколько минут, а потом сам компьютер, на котором я трудился, расплавился. Нужно было удалять слишком много параметров, чтобы программа заработала. А так получалось больше ошибок, чем правильных строк. Компь-ютеры чем-то похожи на ангелов, они построены, чтобы слушать и исполнять команды. И если давать им слишком много свободы действий и позволять толкование команд, они перестают справляться со своими задачами.

— Гм… — Сакина теребила конец одной косички когтистыми пальцами. — Ты произвел на меня впечатление своей речью. Ты во многом готов признаться. Многие люди, которые сознают, сколько власти оказывается у них в руках, исключают возможность своей ошибки и тем более провала. Меня тоже беспокоит тот факт, что книга находится где-то, где мы сами не знаем. Теперь другие люди захотят использовать ее, может быть, даже с той же самой целью. Но не все человеки обладают такой проницательностью и способностью смотреть вперед, как ты.

Алиф в волнении начал выламывать себе руки. Позади него на своих матрасах мирно посапывали шейх Биляль и Новый Квартал.

— Я обязательно выясню, где книга, — тихо произнес Алиф. — А когда я сделаю это, то уничтожу ее.

— Ну, я не вправе говорить тебе, что ты должен с ней сделать, — сказала Сакина и чуть поморщилась, — но мне не нравится сама идея уничтожать книги. Эта рукопись является вашим наследием, и не важно, добро ли она этим приносит или зло.

— В основном — зло, — печально констатировал Алиф.

— Пусть даже так. «Альф Яум» — сам по себе не зло, для джиннов он — история. Как и многие другие вещи, он становится опасным и даже безнравственным в руках у человека. Но если мы начнем уничтожать все то, что стало безнравственным из-за людей, земля в один день станет пустым местом.

— Но я не собираюсь уничтожать «Альф Яум» целиком, — заметил Алиф. — Только экземпляр, созданный человеком. У джиннов останутся все их собственные книги. Вы при этом ничего не потеряете.

Сакина отвернулась, словно обдумывая какую-то сверхъестественную грань их разговора. Хотя она уже сделала комплимент разуму Алифа, он не мог сравниться с ней даже в ее молчании. Тогда он попытался отвлечь ее от серьезной проблемы и перейти к более насущным делам.

— Викрам сказал, что он перенесет Дину и американку сюда, в Пустой Квартал. Ты не знаешь, можно ли выяснить, удалось ли ему это сделать? И если да, то где они могли бы быть сейчас?

Сакина вернулась из своих размышлений на землю.

— Мы можем их поискать, — предложила она, — но я должна сказать тебе, Алиф, что любой человек в Пустом Квартале без могущественного покровителя вряд ли долго протянет. Ты не должен был находиться здесь, и ваш разум не приспособлен для того, чтобы понимать все то, что тут происходит. Это начинает чрезмерно напрягать разум у всех, кроме, возможно, духовной элиты. Ты сам очень скоро начнешь ощущать на себе глубинное течение этого места.

— Тогда надо начинать прямо сейчас. — Алифа стал преследовать образ Дины, загубленной безумием. Он должен был немедленно найти ее. — Пошли.

— Куда мы идем? — поинтересовался Новый Квартал, садясь на матрасе. Он почесал свою взлохмаченную голову и сладко зевнул.

— Искать моих друзей, — пояснил Алиф. — Они, возможно, застряли тут после всего того, что случилось в Аль Башире.

— Боже мой, ты позвал женщину. — Новый Квартал только что заметил Сакину. Он поспешно попытался пригладить

спутанные во сне волосы ладонью.

Алиф представил ей Нового Квартала и шейха Биляля, который, запинаясь, приветствовал ее, одновременно наматывая на голову ткань головного убора и окончательно просыпаясь. Сакина дружелюбно улыбалась им, делая вид, что совсем не замечает их беглых взглядов, направленных на ее глаза, зубы и руки. Когда друзья привели себя в порядок, они последовали за ней вниз по лестнице в главный зал бара или гостиницы, или как там еще это заведение здесь называлось. Посетителей за столиками было уже гораздо меньше. Вчерашнее пламя свечи так и отключилось за столом, и в его мерцающей руке еще оставался пустой бокал выпитого. Тень, которая прислуживала им за столом — если, конечно, это была та же самая тень, — появилась снова с кувшинами, откуда исходил ароматный парок. Это оказалось горячее молоко с медом. Кроме того, тень принесла и свежие лепешки. Алиф завтракал с большим аппетитом, чем был у него накануне.

— Как мы будем расплачиваться? — спросил он Сакину, откусывая от лепешки очередной кусок. Он вспомнил, что у него нет с собой денег ни в каком их виде. К тому же он не знал, пользуются ли джинны деньгами вообще.

— Если ты не можешь расплатиться вещами, ты можешь отплатить своими способностями, умениями, — объяснила Сакина и кивнула в сторону тени.

— Подождите минуточку, — попросил Алиф, смотря то на Сакину, то на тень. — Все мои способности ограничиваются компьютерами. И я не знаю, как я смогу помочь… нашему… э-э-э…

«Ифриту, — подсказала тень, — я ифрит. И у меня есть двухлетней давности ноутбук, в котором чуть ли не с самого начала завелся вирус. Экран становится черным уже через пять минут после того, как я включаю эту проклятую штуку. Мне приходится без конца перезагружаться».

Алиф понял, что перед ним разворачивается новая перспектива из-за счастливого случая.

— Так у вас тут в Пустом Квартале есть Интернет?! — с уважением произнес он.

«Братишка, — отозвалась тень, — у нас тут еще и вай-фай имеется».

* * *

Алифу потребовалось всего каких-то пятнадцать минут,

чтобы избавить машину ифрита от вирусов. Проблема заключалась в неуклюжей шпионской программе, с которой ему приходилось встречаться и раньше и которая проскочила мимо допотопной программы антивируса. Алиф удалил ее и произвел несколько обновлений.

— Я удалил все ваши куки на всякий случай, — сообщил он тени. — Поэтому сайты, которые вы часто посещаете, могут потребовать заново установить их. Это происходит автоматически. А вы теперь просто следите за тем, чтобы антивирусные программы обновлялись. Иногда это случается каждый день, поэтому не отставайте.

«Я слышал, что куки могут быть опасными», — сообщила тень.

— Ничего подобного. Вы же не можете получить вирус, если не заведете программу, а к кукам это не относится. Но некоторые гики их любят, потому что с их помощью можно быстро завладеть вашей информацией. Кстати, на это нацелены многие фишинговые программы. Итак, обновляйте программное обеспечение, не забывайте про браузеры, и все у вас будет в полном порядке.

«Спасибо». — Тень зависла над клавиатурой и, насколько мог понять стоявший рядом Алиф, стала проверять свою электронную почту. Алиф был доволен собой. Он повернулся и ухмыльнулся Новому Кварталу и шейху, которые ждали его в дверях маленькой комнаты, куда, все еще сомневаясь, проводила их тень.

— Ух ты! Молодец, приятель! — похвалил друга Новый Квартал. — Я впечатлен. Ты вот так запросто сел за стол и все сделал. Я, наверное, и двух предложений связно бы не произнес, когда над тобой, прямо за плечами, висит кто-то, обладающий этаким телепатическим эффектом.

— Эффект все еще присутствует, — сообщил Алиф в надежде, что тень его сейчас не слушает.

— Вижу. Ну что, мы можем идти?

«Возвращайтесь побыстрей», — добавила тень с ноткой сарказма, как показалось Алифу. Он поблагодарил тень за все, может быть, слишком изысканно и витиевато, стараясь немного сгладить этим грубость и неучтивость Нового Квартала, и поспешил назад в главный зал, где их поджидала Сакина.

— Я думаю, что для начала мы должны проконсультироваться кое с кем, чья работа как раз и заключается в том, чтобы знать буквально все, что происходит в Иреме, — пояснила она. — Лично я могу только предположить, что твои друзья находятся где-то здесь, в городе. Викрам не стал бы оставлять их в пустыне. Вы сами видели, что там происходит.

— Там очень красиво, — вспомнил шейх Биляль.

— Согласна, — кивнула Сакина. — Но я не согласилась бы остаться там одна ни на минуту. Там, между дюнами, рыщут существа куда более старые и странные, чем, например, я сама. — Она перекинула ремешок сумки через плечо и вывела всю троицу на улицу. Небо над их головами приобрело ярко-розовую окраску, как рассвет в самый восхитительный момент, и раскрасило все пространство от горизонта до горизонта. Здесь же висела впечатляющая голубая луна — аккуратная и полная, чуть выше крыш окружавших путников домов. Сакина шла по дороге, известной только ей самой, ныряя в какие-то переулки, которые заканчивались крошечными площадями, заросшими жасмином или усеянные маленькими бассейнами с водой, в которой отражалась луна. Алиф мог любоваться этими волшебными местами лишь пару секунд, а потом приходилось торопиться и бежать дальше, нагоняя Сакину. Он слышал, как открыто восхищается красотой местности шейх Биляль, шествующий сразу за Алифом.

— Настоящее чудо, — говорил он. — Воистину труд Господа и повелителя миров превосходит наше мизерное восприятие его. Ты знаешь, я как-то прочитал, что человек не способен представить себе нечто такое, что не существует где-нибудь в какой-либо форме. Тогда мне это показалось простым и банальным. Я решил, что — да, наверное. Так оно и есть, потому что все, что мы когда-либо откроем или изобретем, в глазах Бога уже было открыто и изобретено, так как Бог существует вне времени. Но вот, глядя на все это, я начинаю понимать, насколько глубоко было это утверждение. Оно не только означает, что новшества человека давно известны Богу. Это еще означает то, что не существует такой вещи, как выдумка.

Алиф усмехнулся, чувствуя себя бодрым и радостным и заряжаясь эйфорией местности.

— Это еще и добавляет некий смысл к нашему разговору насчет виртуальной выдуманной свинины, — сказал он.

— Значит, ты изменил свое мнение?

— Не уверен. Мне до сих пор глубоко наплевать на компьютерные игры.

— А мне нет, — более серьезно заметил шейх. — Если такая игра значит для молодого человека больше, чем слова пророчества, это доказывает, что люди, подобные мне, потерпели довольно эффектный провал. Мы неудачники.

Алиф сбавил шаг и поравнялся с шейхом.

— Нет, вы вовсе не неудачник, уважаемый, — произнес он, но эти слова в его устах показались ему самому какими-то

неубедительными. — Просто мы не чувствуем себя в безопасности. Игру всегда можно начать заново. Можно включить режим бесконечных жизней. А реальная жизнь ужасно постоянна по сравнению с той, игровой. И многие религиозные люди делают ее еще более постоянной, один шаг в сторону, один грех — и все, и тебе уже уготована огненная печь. Берегись! И в то же самое время вы просите нас любить Бога, который повесил над нашими головами этот страшный меч. Как-то смущает все это меня.

— Понятно, — взгрустнул шейх Биляль. — В этом все дело. Что может быть более ужасающим, чем любовь? Как можно не преклоняться перед величием Создателя, который дарует жизнь и разрушает ее в равной степени с удивительной быстротой! Ты смотришь на распускающиеся бутоны шиповника в саду, и вот он уже увядает, даже не давая побегов, и тогда кажется настоящим чудом, что ты вообще живой. Есть ли что-либо такое, чего не сделает человек, чтобы признать это чудом хоть в какой-то степени?

— Достаточно, — мрачно буркнул Новый Квартал, который плелся позади всех остальных. — Все это меня чересчур возбуждает, а мне надо беречь свои мозги.

Они зашли за угол, и Сакина остановилась перед высокой стеной со встроенной в нее дверью-аркой.

— Когда мы войдем внутрь, — тихим голосом начала она, как будто боялась, что ее может услышать кто-то посторонний, — постарайтесь, пожалуйста, не орать и не визжать и не совершать других глупостей, на которые вас потянет. А принцу не мешает быть чуточку поскромней. Отвечайте на все вопросы сразу же и как можно полнее, которые только он задаст. Все ясно?

— Он? — Алиф посмотрел на Нового Квартала, который скорчил весьма недовольную гримасу. — Кого мы должны сейчас увидеть?

Вместо ответа Сакина толкнула дверь, и та гостеприимно распахнулась. За ней открывался уложенный черепицей двор с маленьким фонтаном посредине, который весело плескал воду в каменную чашу. По периметру двора были высажены финиковые пальмы, щедро предлагавшие свои фрукты, украшавшие деревья. В одном конце двора сидело — или зависло — чудище на горе подушек. Оно очень напоминало то привидение, которое Алиф уже видел по дороге в город. Громадная верхняя часть туловища заканчивалась невероятной зубастой головой. Его темная кожа поблескивала в тусклом свете, а формы ниже талии переходили в густой туман. Он услышал, как Новый Квартал тихо вскрикнул и отшатнулся назад. Сакина бросила на него недовольный взгляд через плечо и шагнула вперед, после чего встала на колени перед

чудищем и нагнула голову для поклона, сверкая драгоценностями, вплетенными в ее косички.

— Благородный господин, — начала она. — Я явилась сюда вместе с тремя ничтожными и недостойными человеками, чтобы попросить тебя о некоей информации. Я надеюсь, что ты нам не откажешь.

Из глотки чудища раздался рычащий звук, который должен был означать недовольство.

— Все зависит от того, — заговорило чудище таким голосом, от которого у Алифа загудело в голове и груди сразу, — какая информация тебе требуется.

Сакина оглянулась на Алифа. Он нервно сглотнул, потом еще раз, но вся влага, похоже, в его рту испарилась.

— Это мои друзья, — сухо прохрипел он. — Две девушки — две женщины то есть. Их должен был привести сюда один парень по имени вампир Викрам, если, конечно, привел. Мне очень важно разыскать их. Я… Я не отвечаю за те неприятности, в которые они попали, понимаете ли.

— Вампир Викрам, — сказало чудище, — мертв вот уже месяца три как или больше.

— Я знаю, — кивнул Алиф, стараясь говорить так, чтобы в его голосе не прозвучало нетерпение. — Но может быть, он оставил двух женщин где-то здесь после своей смерти? Может быть, он рассказал кому-нибудь о них или оставил их под защитой кого-нибудь?

— Если он это и сделал, это было строго конфиденциально, а секретную информацию умерших не разглашают.

Алиф в отчаянии посмотрел на Сакину.

— Благородный господин, — поспешно вступила она в разговор, — никто не может оспаривать твою мудрость. Но у этого мальчика также имеется серьезная ответственность, и он не сможет выполнить свой долг, если не найдет этих женщин, перед которыми имеет этот долг. Мы знаем, что слепленные из глины не могут долго существовать в Пустом Квартале. Не будет ли лучше для всех нас, если они воссоединятся и покинут это место?

— Ты полагаешь, что я знаю этих женщин и то место, где они скрываются. Но я не высказывал такого предположения.

Через туман, представляющий собой нижнюю часть чудища, можно было разглядеть черный прямоугольный силуэт в дальней стене. Алиф прищурился и различил дверь. В голову ему пришла безумная мысль.

— Прости меня, благородный господин, — продолжала Сакина, — я просто предположила, что марид такого уровня, как ты, знает все то, что достойно знания в Иреме.

Похоже, это замечание понравилось чудищу.

— Что ж, это предположение нельзя назвать неразумным, — великодушно отметил марид. — Тем не менее я не могу вам помочь. Возможно, ситуация более сложная, чем ты можешь себе представить.

— Что все это значит, скажите, Бога ради?! — вмешался Новый Квартал. Сакина зашипела на него, но он даже не обратил на нее внимания. — Так вы знаете, где находятся эти дамы или нет? Почему вы и весь ваш народ не можете говорить прямо?

Марид вытянулся в полный рост, возвышаясь над двором, как исполинский каменный идол. Низкий рокот донесся из его горла, отчего зашевелились листья пальм.

— Мальчик, — начал он, — ты находишься в моем доме, и, пока ты пребываешь здесь, я не потерплю никаких оскорблений, в особенности от такого съежившегося и слабого существа, каким ты являешься.

Алифу стало плохо. Сакина закрыла лицо руками и ничего не ответила. Новый Квартал выпрямился, продолжая пожирать марида глазами.

— Бог поместил человека над джинном, а меня — над многими людьми, которых ты еще и не встречал. Я полагаю, что достоин получить прямой ответ на прямой вопрос.

На скользкой поверхности смазанной маслом кожи марида начали меняться краски. Он поднял один громадный кулак над головой. Новый Квартал не двинулся с места. Безумная идея продолжала созревать в мозгу Алифа, подстегнутая безумным спокойствием Нового Квартала, в то время как кулак марида начал опускаться в сторону его головы. Готовясь к действиям, Алиф начал шумно втягивать в легкие воздух, пока его дыхание не стало оглушительным. Когда он услышал крик Сакины, он рванулся вперед через туманную часть марида — и снова резкий запах озона, и снова грозовые тучи — по направлению к таинственной двери. Позади него раздались громкие голоса. Ноги его грохотали по камням, зубы стучали. Добежав до двери, он резко дернул за кольцо, висящее на ней вместо ручки, и был вознагражден тем, что деревянная арка чуть изогнулась.

— Открывайте, открывайте! — заорал он, чувствуя, как влажная аура марида начинает обволакивать его.

Упершись ногой в нижнюю перекладину двери, он тянул за кольцо с такой силой, что у него заболели руки. Наконец дверь распахнулась, и на него вылился поток воздуха. Алиф пошатнулся, отступил на шаг назад, но уже в следующее мгновение ворвался в большую комнату с куполообразным потолком. Он захлопнул дверь прямо на неясном лице марида и,

прислонившись к ней всем своим весом, издал победный клич.

Внутри царила тишина. Комната была приятной на вид, с выкрашенными в белый цвет стенами и решетчатыми окнами, которые он и не заметил со двора. У одной стены располагались спальные места, украшенные огромными, в человеческий рост, подушками. На большом столбе в изящной серебряной клетке щебетали певчие птицы. Комната напоминала декорации для болливудского кинофильма, в котором обязательно должны были танцевать девушки в шелковых одеждах, напоминающих по цвету фантики от конфет. Тут он услышал, как кто-то позвал его по настоящему имени, и тогда Алиф понял, что находится здесь не один.

От спального места к нему приближалась Дина. Она снова позвала его по имени тихим испуганным голосом, и он сразу потрогал рукой свою щеку, осознавая, каким худым и небритым выглядит сейчас его лицо. Она была одета в черный халат и никаб, но ткань была куда более изысканная, чем та, из которой были сшиты ее обычные наряды. К тому же эту одежду, видимо, специально подгоняли по ее фигуре, потому что даже несмотря на то, что она была достаточно свободная, она тем не менее подчеркивала изящество ее плеч и рук. Алиф бросился к ней, едва сдерживая рыдания.

Глава тринадцатая

— Боже, о Боже, как же ты попал сюда? И как разыскал нас? — Она опустилась на колени рядом с ним, и слезы на ее глазах размазали краску, которой были подведены ее изумрудные глаза. — Я так боялась, что ты уже умер. — На последнем слове голос у нее будто надломился, и девушка замолчала, но через несколько мгновений она часто задышала и заговорила снова: — Ты так похудел! Пожалуйста, скажи хоть слово, не пугай меня опять!..

Алиф открыл было рот, чтобы сказать ей, что с ним все в порядке, но в тот же миг потерял дар речи. Напряжение, поддерживающее его тело в тонусе, спало, и теперь, пока он стоял на коленях, его начало покачивать из стороны в сторону. Молодой человек почувствовал, как пот заструился по всему его телу, смешиваясь с грязью, забившей его поры. Он силой воли заставил себя говорить, его пересохшие губы с трудом разлепились, и он сумел прохрипеть одно-единственное слово, и это было ее имя.

Он был тут же награжден прикосновением к виску ее теплой ладони. Девушка осторожно убрала ему с лица волосы, аккуратно пригладив их назад. Он уронил голову ей на колени и расплакался, дав волю своим чувствам. И тут в дверях началось какое-то движение. Внутрь ворвался сначала Новый Квартал вместе с шейхом Билялем, за ними вплотную явилась Сакина, и тут же земля под ними задрожала, что могло означать лишь одно — это был не кто иной, как сам марид.

— Ты совсем с ума сошла? — возмутилась Сакина. Алиф почувствовал, как напряглась ее ладонь у него на шее возле затылка, словно она приготовилась защищать своего возлюбленного.

— Все в порядке, — поспешила успокоить ее Дина. — Я знаю его, и американка тоже. Он не причинит нам вреда.

И снова земля задрожала. Алиф поднял голову и увидел марида, зависшего в воздухе у двери со скрещенными на груди руками. Его голова почти касалась высокого сводчатого потолка.

— Очень хорошо, — громовым голосом, но в то же время полным спокойствия, проговорил джинн. — Только ради тебя я не стану убивать ни его, ни его ничтожного друга. Но я не хочу, чтобы они ошивались возле нашей подопечной. В ее положении она не должна нервничать и расстраиваться ни по какому поводу.

— Что тут происходит? Кого тут собираются убить?

Этот гнусавый голос показался Алифу знакомым. В комнату

ворвалась американка, одетая в просторный бирюзовый халат. Она вошла через маленькую боковую дверь, соединенную со спальней. Алиф нахмурился. Похоже, девушка заметно поправилась, особенно в области живота. Однако уже через секунду молодой человек догадался, в чем тут дело.

— Но как же… как… ты… — Внезапно он позабыл нужное слово на английском.

Она взглянула на него. На ее лице отражались одновременно смущение и гордость.

— Беременна, — подсказала американка.

* * *

Когда марида убедили в том, что ни Алиф, ни Новый Квартал, ни тем более шейх не представляют для американки никакой опасности, он позволил всем им усесться на полу, а сам завис над ней и принялся устраивать поудобней подушки за ее спиной, вытягивая для этого одну руку во всю длину комнаты, доставая из нужного места одну подушку за другой. Дина поцеловала руку шейху Билялю через ткань своего никаба, сквозь слезы бормоча что-то о том, как она рада снова видеть его, и он в ответ благодарно улыбнулся ей и в знак благословения коснулся ладонью ее лба.

— Я бы сказал, что мы приложили все силы, чтобы разыскать вас, — начал он, — но, конечно, во всем заслуга только одного Алифа. Если учесть, что он неопытный юнец, он проявил немалую смекалку и изобретательность.

— А что с вами случилось? — заволновалась американка. — Что происходило там, в мечети, после того как мы ее покинули? Только без обид, но выглядите вы все ужасно. И где вы находились последние три месяца?

— Расскажи сперва ты, — попросил Алиф, стараясь не смотреть на ее живот.

Дина поглядела в сторону американки, но выражение на ее лице оставалось непонятным. Та разрумянилась, и Алифу даже показалось, что на ее глазах заблестели слезы.

— Я даже и не знаю, с чего начать, — смутилась она.

— А ты начни сначала и потихонечку продвигайся вперед, — посоветовала Дина, и Алиф удивился, что девушка произнесла это пусть не на совсем чистом, но на вполне приемлемом английском. — И ничего не стесняйся, рассказывай обо всем, что случилось.

Американка прищурилась, смотря куда-то вдаль, стараясь

избегать любопытного взгляда Алифа.

— Когда я появилась здесь, то почувствовала себя… Впрочем, что тебе рассказывать, тебе ведь самому приходилось тут бывать. Я даже не совсем понимала, что со мной происходит. Все казалось каким-то нереальным. И я продолжала этому сопротивляться. Даже когда Викрам перестал хранить свой человеческий облик, я все равно в голове продолжала представлять его человеком. Потом я решила, что сошла с ума от сильного стресса. Ну, ты понимаешь, о чем я говорю. Ну, не важно. Только мы поговорили в коридоре в мечети у стены, а уже через мгновение мы стояли на дюне в Пустом Квартале и взирали с вышины на этот волшебный город. Естественно, у меня началась истерика или что-то вроде того.

— Ну, с любым нормальным человеком случилось бы нечто подобное, — понимающе кивнул Новый Квартал.

— В это время, — продолжала американка, — мне уже стало понятно, что Викрам слабеет и долго не протянет.

Алифу показалось, что эту фразу она произнесла чуть жестче, поскольку ей было трудно произносить имя умершего.

— У него текла кровь, его мучила страшная боль, хотя он продолжал, как обычно, делать вид, будто ему на все наплевать. Он провел нас в город, а именно вот сюда. Потом он поговорил с нашим милым гостеприимным хозяином, и нам было разрешено переночевать здесь. Но тогда я даже не представляла себе, как плохо себя чувствовала Дина. Я имею в виду ее руку, ей тоже требовался определенный уход.

Алиф взволнованно посмотрел на Дину.

— Теперь уже с рукой все в порядке, — успокоила она юношу и согнула руку несколько раз как бы в подтверждение своих слов. — Остался только крошечный шрам.

— Поэтому Викрам послал ее куда-то, где она могла бы промыть рану, перевязать ее и подлечить заодно. Итак, мы остались с Викрамом наедине. И тогда он попросил меня выйти за него замуж. Я сразу отмахнулась от него, потому что он постоянно предлагал мне руку и сердце, но чтобы только позлить меня. И я привыкла игнорировать его слова и никак не отвечать на подобные просьбы. Но на этот раз в его голосе прозвучали какие-то новые нотки. Он взял меня за руку и посмотрел в глаза. Он действительно *смотрел* в них, как будто говорил с какой-то особенной частью меня самой. Еще он добавил, что боится оставлять меня тут с Диной одних. Без него мы уже не могли бы чувствовать себя в безопасности. Понимаете, уже было вполне очевидно, что он умирает.

Американка поморщилась и раскраснелась. Алиф и Новый

Квартал в волнении переглянулись. Они не знали, как отреагировать на слезы совершенно посторонней для них женщины. Дина проворковала что-то обнадеживающее и ласково похлопала женщину по плечу.

— Потом он сказал, что, если я соглашусь выйти за него замуж, я смогу чувствовать себя в какой-то мере защищенной, то есть, таким образом, я приобрету нечто вроде иммунитета, причем он будет действовать даже после того, как сам Викрам уйдет из жизни, — продолжала она, немного успокоившись, уже более твердым голосом. — Потом он еще много чего наговорил мне. Я услышала много ласковых слов, потом долго хохотала, наверное, потому, что я действительно в те минуты почувствовала, что реально схожу с ума. Он сказал, что обожает меня, и добавил, что это он за свою жизнь говорил лишь нескольким людям. Но я ответила, что не могу выйти за него замуж, даже если бы и хотела, потому что я не могу стать супругой неверующего. Тогда он засмеялся и сказал, что как раз-то и есть настоящий верующий, причем длится это вот уже около тысячи лет. Да-да, именно так он и сказал.

— Что? — удивился Алиф. — Викрам? Этот псих Викрам, который кусает живых людей?

— Возможно, у него и была такая привычка, — поспешно ответила американка, — но ты сам скажи мне: ты когда-нибудь слышал от него хоть одно богохульное слово?

— Нет, кажется, нет. Не могу вспомнить. — Алиф помотал головой и, окончательно смутившись, замолчал.

— Он тогда еще сказал мне, что если у кого и была проблема с верой, так это у меня, — продолжала американка. — Потому что я не поверила в него. Потому что я сама в свое время не разобралась в своей религии, а теперь взялась учить его правилам. И он, конечно, был прав. Поэтому я сказала «да». В общем, я не совсем понимала, что еще могла бы сделать. — Американка немного помолчала и продолжила свой рассказ: — Потом откуда-то явились сразу два свидетеля. Один напоминал большой меховой шар с зубами, другой выглядел еще более устрашающе, и мы подписали нечто вроде брачного контракта. Там указывалось, что мне и Дине будут дарованы некоторые привилегии на тот период, пока мы будем оставаться здесь, в этом месте. В общем, с его стороны это было довольно мудро. Получалось, что некоторые местные жители обязаны будут оказывать мне определенные услуги. Потом мы с ним опять остались одни, и он легонько коснулся моего лица…

— Ну, в деталях мы не нуждаемся, — вмешался Новый Квартал.

Американка снова зарделась.

— А я и не собиралась вдаваться в подробности. Я только хотела попробовать объяснить вам, почему я, да и любая другая женщина на моем месте, согласилась бы на предложение Викрама. Он тогда был удивительно вежлив и обходителен, и это главное. Он заставил меня чувствовать себя рядом с ним в полной безопасности. И когда в ту ночь я отправилась спать, я поняла, что серьезно влюбилась. Вот как-то так.

Алиф внимательно смотрел на эту бледную пухлую женщину, сидящую перед ним, и размышлял о том, обладала ли она такой глубиной чувств в самую первую их встречу или нет. За свою жизнь он встречал всего несколько американцев, и все они показались ему какими-то бездушными и неэмоциональными, как будто их демократия высасывала из них способность испытывать острые ощущения. Такой же виделась ему и эта женщина, будто она постоянно играла, как и ее соотечественники. Все ее фразы были отрепетированы, ответы заучены на потребу публике. И видеть ее сейчас такой откровенной было очень приятно. Она почти очаровала Алифа своей прямотой. И все же ему было трудно представить себе, что она смогла влюбиться по-настоящему, тем более в такого чудака, каким был Викрам.

— Когда я проснулась, то посмотрела на него совершенно по-новому и увидела, как он выглядит по-настоящему. Я имею в виду, я разглядела все слои его сущности, а они были такие старые и сотканы из элементов, ранее мне неведомых. В нем таилось много всего опасного, но я при этом ничуть не испугалась. То есть я не испугалась его самого, хотя мне по-прежнему было страшно сознавать то, что он может умереть вот прямо здесь, в моих объятиях. Я своими глазами видела, как жизнь, словно кровь, буквально вытекает из него, и остается всего несколько капель до того ужасного момента, который так страшил меня. И я начала плакать. Он спросил меня, почему я так сильно разревелась, ведь он подумал, что мог обидеть меня чем-то или причинить боль. Но я ответила, что плачу совсем по другой причине, а именно потому, что я люблю его, и мне очень не хочется, чтобы он умирал. Он просто погладил меня по голове и добавил, что уходит навсегда, но при этом оставляет мне кое-что другое, то, что я буду любить даже еще больше, чем его самого, и нечто такое, из-за чего ни один джинн не посмеет причинить мне боль и вообще сделать хоть что-то плохое. После этого он попросил меня пойти за маридом.

Я вскочила на ноги, быстро оделась и выбежала во двор. Наверное, в тот момент я выглядела, как сумасшедшая. Дина спала на подушках, а марид сидел в углу двора и занимался

своими делами. Они оба последовали за мной, потому что сразу поняли, как сильно я была расстроена. Мы приблизились к тому месту, где находился Викрам и готовился сделать свой последний вдох. Он велел Дине заботиться об Алифе, потом сказал что-то мариду на непонятном для меня языке, после чего подозвал меня к себе, поцеловал и произнес: «Назови ее Лайлой». Это были его последние слова. И в тот момент я поняла все.

Алиф слышал, как Новый Квартал негромко переводит все сказанное для шейха Биляля. Сам он не знал, как ему следует реагировать на слова американки: поздравлять ли ее или сначала все же выразить свое соболезнование.

— Наверное, мир теперь кажется тебе гораздо меньшим, чем раньше, — скромно сказал он, удивляясь самому себе за такие слова.

Американка тоже задумалась над его словами.

— Нет, — наконец заговорила она. — Как раз наоборот. Мне кажется, будто кто-то раздвинул для меня все горизонты, и здесь я могу найти для себя гораздо больше, чем думала раньше. И вместе с тем я перестала волноваться о многих вещах. Ну например, о том, что мне делать дальше и чем заниматься, о чем думать и как устраивать свою жизнь. Я перестала пытаться что-то делать и постоянно к чему-то стремиться. Я просто реагирую на события, которые со мной происходят, и действую соответственно обстановке. Теперь меня почти не волнует барьер, стоящий между миром видимых и невидимых. Я чувствую себя так, как будто… как будто я вошла из неверия в определенность. Не застревая на вере в промежутке между этими остановками. Впрочем, я уже не уверена в том, что раньше посвящала себе какой-либо вере. Между прочим, ты сам как-то сказал мне об этом, помнишь?

— Ну, я был не совсем прав, — отозвался Алиф, ощущая себя пристыженным за подобную реплику. — Я не имею никакого права подвергать сомнению веру другого человека.

— Как бы там ни было, ты оказался прав. — Она посмотрела вниз и аккуратно разгладила халат на коленях. И хотя он смотрелся на ней несколько странновато, было видно, что в ее положении ей очень подходит такая одежда. На губах женщины играла грустная улыбка, и выражение лица от этого казалось каким-то блаженным. Алифу почему-то даже вспомнилась одна икона в греческой православной церкви, которую он видел еще будучи школьником, когда путешествовал по Городу и очутился в крошечном христианском районе Старого Квартала. На мгновение американка стала похожа не на печальную иностранку в чужой одежде, а на эхо своей цивилизации.

Марид вдруг поднялся со своего места и плавно

переместился к дверям, где, прислонившись к стене, стояла Сакина, скрестив руки на груди.

— Он выглядит жутковато, но зато это самая требовательная нянька, каких тебе только приходилось видеть, — прошептала Дина. — Викрам попросил его ухаживать за ней, пока не родится малышка, и ты даже не представляешь, с какой серьезностью он относится теперь к своим обязанностям. Как-то раз ей очень захотелось яблок, но не просто яблок, а именно какой-то замысловатый американский сорт…

— Бреберн, — подсказала женщина.

— И он ушел куда-то на поиски, весь день отсутствовал, но потом вернулся с двумя мешками этих яблок. Они были такие тяжелые, что пришлось везти их на верблюде. Да-да, я не шучу.

Алиф бросил осторожный взгляд в сторону дверей, где маячил огромных размеров джинн.

— Не сомневаюсь, — тихо пробормотал юноша.

— Что ж, я рад видеть тебя в добром здравии, несмотря на… необычные обстоятельства, — обратился к американке шейх Биляль, по-дружески похлопывая ее по руке. — Конечно, мне не очень хотелось бы провести несколько месяцев рядом с джиннами, но все же это намного лучше того, что пришлось пережить мне и Алифу. Если бы способности человека фантазировать равнялись его способностям проявлять жестокость, тогда оба мира, видимый и невидимый, сильно бы различались между собой. Наверное, именно поэтому мне не хотелось бы больше воспоминать в подробностях о последних трех месяцах своей жизни.

У Алифа перехватило горло от боли. Дина с сочувствием смотрела на старика, над ее глазами, у верхнего края никаба, собрались суровые морщинки.

— А ты? — Алиф посмотрел на нее так, словно старался передать всю свою нежность в простых словах. — С тобой все было тут в порядке? Или ты тоже сердишься на меня, как и все остальные?

Дина отрицательно помотала головой.

— Я очень волновалась за тебя и боялась, что тебя убьют, так что мне некогда было сердиться, — пояснила она. — И когда ты пришел сюда так неожиданно, я сначала подумала, что это призрак. Ты такой худой и такой бледный, да и постарел так сильно, что я… — Она замолчала, не находя больше нужных слов.

Алиф снова положил голову ей на колени, и девушка позволила ему сделать это.

— Неужели я такой отвратительный? — расстроенно спросил он.

— Нет, конечно, нет, просто мне стало страшно.

— Я думал о тебе каждый день. То есть я потерял счет дням, но очень часто при этом вспоминал тебя. Я пел песни, которые ты напевала там, у нас на крыше…

— Так ты подслушивал? Боже, прости меня…

— Не надо так говорить. — Алиф погладил мягкую ткань ее одеяния у пальцев ног. — Это было так замечательно! Тогда еще твое пение ничего не означало для меня. Это был просто посторонний шум. Некий звуковой фон. Тогда я был самым настоящим идиотом.

— Ты был мальчишкой.

— И эгоистичным мальчишкой притом.

— Сейчас это уже не имеет никакого значения. Ты выжил, и теперь надо сделать так, чтобы ты поскорей восстановился, или я умру от горя и печали.

— Ради всего святого! — взвыл Новый Квартал. — Меня уже тошнит от ваших соплей. Пожалуйста, хватит на сегодня любовных историй. Никто больше не беременеет и не подписывает брачных контрактов после скороспелого брака на странных условиях. Я запрещаю. Да и вообще, посмотрите на меня. Я уже позеленел весь, меня сейчас вырвет!

Алиф выпрямился, чувствуя себя неуютно. Ему стало стыдно за свое поведение перед приятелем.

— Тебя никто не заставляет слушать, — тихо пробормотал он.

— Как я могу вас не слушать, когда вы находитесь так близко от меня, да еще и без конца трогаете друг друга? Меня это волнует.

— Ну хорошо. — Дина решительно поднялась и поправила халат. — Вам двоим в первую очередь надо искупаться и побриться. А третий мог бы и помочь тут немного, если, конечно, знает, каким образом это можно сделать.

— Я не буду таскать воду, как слуга, — презрительно бросил Новый Квартал.

— Этот молодой человек принадлежит монаршей семье, — объяснил шейх Биляль Дине.

— Это, конечно, замечательно, — среагировала она, — но джиннам, как мне кажется, все равно.

Алиф бросил на нее взгляд, полный восхищения. Он и не предполагал, что Дина может быть такой твердой и решительной. Он вспомнил, как ловко и невозмутимо она общалась с его друзьями-контрабандистами, как быстро поняла всю суть Викрама и его сестры, и подумал, что зря он всегда считал ее такой робкой. Видимо, он раньше принимал ее природную

застенчивость за что-то совсем иное.

В течение получаса Алиф стоял на одном месте и чувствовал себя абсолютно бесполезным членом маленького общества, а в это же время во дворе были наполнены горячей водой две большие кадки. Шейху Билялю и юноше выдали мыло и полотенца и отправили приводить себя в порядок. Во дворе ярко светило солнце, но не слепило глаза, а проникало вниз сквозь перистые листья пальм, от которых исходил приятный аромат зелени. Шейх тут же принялся благодарить Всевышнего за горячую воду, и Алиф бормотал что-то подобное себе под нос, наслаждаясь настоящей горячей ванной и укрыв лицо влажной тканью. Мыло пахло сандаловым деревом и розовым маслом одновременно, напоминая тем самым Алифу о том, какой омерзительный запах пока что исходил от его собственного тела. Когда вода начала остывать, он снял с лица полотенце и принялся тщательно скрести каждый сантиметр своей кожи, вычищая грязь из-под скользких от мыла ногтей. Вода в кадке стала мутной от грязи, когда Алиф встал во весь рост и укутался в полотенце. Пока он купался, рядом с кадкой откуда-то возникла свежая одежда: свободная льняная туника и аккуратно сложенные штаны на разогретом солнцем камне. Он оделся и вскоре увидел, как с другого конца двора к нему уже спешила Дина, неся в руке небольшое зеркальце, ножницы и бритву.

— Откуда ты все это достаешь? — удивился Алиф. — С трудом представляю себе бреющегося джинна.

— Сама не знаю, — вздохнула девушка. — Иногда в этом доме нужную вещь можно легко найти, просто открыв наугад любой из ящиков. Я стараюсь никого не спрашивать о том, откуда и почему здесь находятся такие вещи. А теперь садись на край кадки и подержи пока что вот это, а я подстригу тебя.

Алиф взял у нее из рук зеркало и поглядел на свое отражение. Поначалу оно напугало его: мужчина в зеркале казался намного старше. Черные волосы заметно поредели и потеряли свой блеск, глаза запали. Зато нижняя челюсть и подбородок, которые казались раньше Алифу недостаточно выразительными, теперь сильно выделялись, покрытые трехдневной щетиной. Брови тоже стали гуще и приобрели изгиб, напоминавший ему отца и свидетельствующий о способности сосредотачиваться.

— Ты права, я выгляжу как самый настоящий беженец, — кивнул Алиф. — Беженец средних лет.

— Ну, теперь, когда ты помылся, ты смотришься куда лучше, — ответила Дина. — Хотя, к сожалению, должна тебе сказать, что у тебя совсем недавно еще были вши, вот тут на

голове я вижу покусанные места, где образовались крошечные пролысинки.

— Тогда не трогай меня, возможно, это заразно!

— Нет, не беспокойся. И я быстро управлюсь. — Она ловко отделила прядь волос и укоротила ее на нужную длину. Алифу показалось, что она даже при этом затаила дыхание, потом еще и еще раз, и только тогда он догадался, что она тайком тихонько плачет. Он хотел повернуться и посмотреть на нее, но девушка твердой рукой держала его за макушку и не позволяла вертеться.

— Дина, — начал он, — любовь моя…

— Нет, не говори ничего про любовь. Еще не время.

Алиф сжимал и разжимал пальцы, все еще сморщенные от воды. Ему пришлось собрать в кулак всю свою силу воли, чтобы не дотронуться до девушки.

— Когда я снова увижу твое лицо? — вместо этого неожиданно поинтересовался он.

— Когда ты и твой отец придете вместе к моему отцу.

— После всего того, что с нами случилось, твой отец попросту вышвырнет меня из дома на улицу.

— Он может поступать так, как считает нужным, но ни за кого другого я замуж не выйду, поэтому в итоге у него просто не будет выбора.

Алифу было одновременно и странно и приятно слышать, как искренне она говорит об этом. Он снова хотел оглянуться, но она еще крепче ухватила его за голову и пригнула ее, может быть, даже излишне резко, после чего принялась подравнивать волосы на шее сзади. Девушка передвигалась вокруг него, а он принялся рассматривать ее ноги. Дина вышла к нему босиком, ее ступни покрывала сверкающая пыль Пустого Квартала, отчего она сама стала походить на джинна. Потом она обошла юношу, встав на цыпочки и инспектируя свою работу, а Алиф в это время наблюдал за тем, как перемещаются сухожилия у нее под кожей стоп, и все тело у него сладко заныло. Одна его рука словно случайно упала с колен и дотронулась до ее щиколотки. Дина чуть не задохнулась от неожиданности, и ножка тут же отдернулась в сторону. Но девушка не стала ругать его. Алиф задумался о том, много ли знала Дина об отношениях между мужчиной и женщиной. Он снова осознал свою ответственность перед ней и пожалел о том, что сейчас рядом с ним не оказалось Викрама с его грубыми и приземленными, но такими мудрыми советами.

— И давно ли я заслужил такую верность и преданность? — с некоторой грустью осведомился молодой человек.

— Ничего ты не заслужил, — пожала плечами девушка. — Но

так было всегда.

— Но почему? Я же столько лет вел себя по отношению к тебе, как самая настоящая скотина.

Она срезала еще пучок волос у него с головы и устало засмеялась:

— Да потому, что даже когда я сердилась на тебя — противного мальчишку, каким ты был, мне уже нравился мужчина, которым ты должен был стать в будущем. И гораздо больше, чем все те мужчины, которых предлагали мне на выбор мои родители.

Алифа тронул такой бесхитростный и понятный ответ девушки. Жаль, что у него не находилось достойных слов, чтобы так же незатейливо выложить их у ее ног.

— В течение некоторого времени это было единственное, что поддерживало во мне жизнь, — признался он. — Я знал, что твои принципы, которые иногда не только удивляли, но и раздражали меня, не позволят тебе принять никого другого. Я еще подумал о том, что, если мне не удастся вырваться на свободу и вернуться к тебе, ты скорее всего так и убедишь себя, что лучше прожить свою жизнь, как вдова, даже учитывая, что ты вообще никогда не была замужем.

— Ну, говорить о том, что мои принципы тебя раздражают, с твоей стороны было довольно легкомысленно, если учесть, что я держу в руках ножницы.

Алиф рассмеялся.

— Но ты ведь… то есть ты же не только чувствуешь какие-то обязательства по отношению ко мне, правда? Ты же сам хочешь… Я понимаю, что я не очень-то симпатичная девушка, но все же… — Тут в голосе ее действительно прозвучала самая настоящая робость, и на этот раз он повернулся, и их взгляды встретились.

— Ты просила меня не говорить о любви, — напомнил молодой человек, — ну, а в таком случае я подавлю все желания говорить о красоте и желаниях.

Она смотрела на него, широко раскрыв глаза, а ножницы так и повисли у нее в правой руке.

— Ну хорошо, — прошептала Дина.

— Хорошо означает, что мне можно говорить?

— Да, я верю тебе.

Он поцеловал ее руку прежде, чем она успела отдернуть ее. Она щелкнула языком, запоздало убрала кисть и снова обеими ладонями решительно установила его голову строго вертикально, чтобы продолжить выполнять свою задачу. Алиф смотрел в зеркало, наблюдая за тем, как с его висков и лба один за другим

спадают клоки волос, пока он не стал выглядеть довольно привлекательно. Когда все было закончено, Дина аккуратно стряхнула кусочком ткани остатки волос с его шеи и плеч.

— Вот и все, — объявила девушка. — Теперь можешь появляться в приличном обществе, не боясь опозориться. А теперь ты будешь бриться, а я тебя оставлю.

— Может, бороду не трогать? — сомневался Алиф, ощупывая свой подбородок. — Кажется, я заслужил право носить ее.

— Выглядит впечатляюще. Или будет так смотреться, если ты аккуратно подстрижешь ее.

Дина направилась через двор в дом, а Алиф принялся разглядывать себя в зеркало со всех сторон.

— Нам нужно как можно скорей решить, как мы будем действовать, чтобы выбраться отсюда, — крикнул он Дине вдогонку. — И самое главное — я должен выяснить судьбу «Альф Яум», иначе мы вернемся в тот же хаос, какой оставили после себя.

Она остановилась и удивленно посмотрела на юношу:

— Ничего выяснять тебе не придется. Книга у меня. Она все это время была со мной.

Глава четырнадцатая

Когда Алиф зашел в дом, Дина продемонстрировала ему свое богатство: она забрала с собой из мечети не только «Альф Яум», но и рюкзачок юноши, в котором лежали его нетбук и флешка, на которой была записана его программа Тин Сари.

— Как только я почувствовала запах горящей пластмассы, я бросилась в кабинет шейха, — пояснила Дина. — Ты пребывал в каком-то трансе или что-то вроде того. Я постаралась убрать все со стола, что могло бы сгореть безвозвратно при пожаре, и уже только потом бросилась звать на помощь Викрама и шейха.

— А я даже и не видел, как ты скрылась оттуда с этими сокровищами, — удивился Алиф, рассматривая флешку. Очевидно, благословение беззубого дервиша продолжало действовать.

— Я сунула ее под одежду, когда Викрам вывел нас оттуда. По твоему виду я поняла, что ты не в состоянии контролировать ход событий.

— Ты угадала. — Алиф внимательно вглядывался в огненно-зеленые глаза над никабом с нескрываемым восхищением. — Ты удивительная девушка. Ты чудесный человек. Я без тебя становлюсь каким-то жалким.

— Это рядом с ней ты становишься жалким и ничтожным, — пробубнил Новый Квартал, заходя в помещение из внутренней комнаты дома. — Ты просто безнадежен. — Он устроился на полу рядом с Алифом. — Ну и как мы будем действовать далее?

— Сожжем книгу, — не задумываясь, ответил юноша. — И таким образом прекратим всю неразбериху разом. И пусть Рука потом делает все, что захочет, — книга навсегда станет для него недосягаемой.

— Нет, — нахмурилась Дина. — Мы не сжигаем книги.

— Кто это «мы»?

— Те, у кого осталось хоть немного мозгов.

— Но ты, как мне кажется, сама ненавидишь многие книги, да еще больше, чем все мои знакомые, — удивившись, возразил Алиф. — Сколько раз ты посмеивалась надо мной и ругала меня за то, что я постоянно читаю романы в стиле фэнтези?

— Но разве при этом я предлагала тебе сжигать их? И у меня, кроме того, может иметься собственное мнение, верно? И никакой ненависти я в отношении твоей литературы не испытываю. Просто я полностью безразлична к таким произведениям. Просто мне становилось обидно, когда ты посмеивался надо мной за то, что я верила в то, про что ты

только читал. И к тому же я боялась, что ты превратишься в одного из тех типов, кто говорит, что, мол, книга может перевернуть мир, если он твердо уверен в себе, и то, что книга — это всего лишь книга, и не более того, в том случае, когда не в состоянии принять серьезный вызов. И не в самих книгах здесь дело, а в том, как бы ты не стал лицемером из-за своих книг. Ты просто так с легкостью предложил сжечь «Альф Яум», и точно так же ты был бы ошарашен, предложи я поступить так же, например, с «Сатанинскими стихами». И это все потому, что у тебя такая реакция, а не убеждения.

Алиф поежился, как будто получил пощечину. Он понимал, что она наверняка давно продумывала такой ответ в своей голове во время отсутствия Алифа рядом. А вот теперь он сам предоставил ей возможность высказаться вслух и озвучить все свои мысли по данному вопросу. Его бросало то в жар, то в холод, и Алиф никак не мог поставить рядом такую резкую критику и глубину ее верности и преданности. Как все это могло мирно сосуществовать внутри ее самой?

Новый Квартал, судя по всему, занял позицию нейтралитета и предпочел сделать вид, будто вообще ничего не слышал. Он возился с подолом своего халата, притворяясь, будто счищает с ткани невидимую грязь и стряхивает ее на пол.

— Проклятущая пыль, — пожаловался он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Зачем же тогда так рисковать ради меня, если я действительно просто безмозглый лицемер? — спросил Алиф.

Дина смягчилась. Может быть, она и сама поняла, что слова прозвучали достаточно обидно и что то, как она себе представляла это в голове, казалось куда более спокойным.

— Потому что я так не считаю. В общем, я, наверное, просто не так выразилась. Я только хотела сказать, что существуют вещи, которые ты продумываешь не до конца, и вот это как раз и есть такой случай.

Алифа продолжали одолевать сомнения. Он молча уставился на рукопись, лежавшую между ними на каменном полу. В это время в комнату вошла новопосвященная, быстро передвигаясь, несмотря на свое положение, и тут же встала на колени рядом с Диной, бросив на нее вопросительный взгляд, словно ожидая ответа.

— Мы можем оставить книгу даже здесь, — предложила Дина. — Марид мог бы спрятать ее. Я думаю, он не откажет нам, если мы попросим.

— А если сюда за ней явится сам Рука? Сакина уверена в том, что у него есть могущественные помощники и друзья. То, что

смертельно ранило Викрама в мечети, наверняка происходило не из нашего видимого мира.

Как будто услышав свое имя, в дверях, ведущих во двор, появилась Сакина. Ее лицо, чем-то напоминавшее льва с буйной гривой, было напряжено.

— Что? Что такое? — тревожно спросил Алиф, не пытаясь скрыть свое волнение.

— У нас снова неприятности, — ответила Сакина. — Неподвижная Аллея разграблена.

— Разграблена? Но как?

— Было совершено нападение. Все магазины перевернуты, включая и мой собственный, товары унесены или сожжены. И во всем этом виноват тот самый человек, от которого ты убегаешь, и, конечно, его сподвижники. Они ищут тебя, Алиф, и книгу «Альф Яум». Боюсь, что они уже близко подобрались к нам.

На лбу юноши выступила испарина. Он машинально вытер пот ладонью.

— Что же мне теперь делать? — спросил он.

— Ну, ответов тут много быть не может. Но я сильно сомневаюсь в том, что в Пустом Квартале найдется кто-то, кто согласится спрятать тебя. Все прекрасно понимают, с кем им за это придется иметь дело.

— Если я прикажу, может быть, кто-то и согласится, — вступила в дискуссию американка. Сейчас она говорила на арабском куда более сносно, чем раньше. — Многие здешние жители обязаны Викраму, а это означает, что они должны теперь и мне тоже.

— И ты станешь их просить за меня? — напрягся Алиф, испытывая к этой женщине-неофиту почти неземную благодарность.

— Ну, мы не можем допустить того, чтобы демоны захватили тут абсолютно все. Как вам всем известно, я беременна. Гормоны внутри меня сейчас как будто взбесились. И если ваша безопасность обеспечит безопасность и мне тоже, вы можете распоряжаться всем тем, что есть у меня, как своим собственным достоянием.

— А что делать с книгой? — поинтересовалась Дина, взвешивая на руке толстый том, как будто это был мешок с продуктами. Алиф лихорадочно соображал.

— А что, если мы попросим марида спрятать ее где-нибудь в доме? А я с собой возьму внешне похожий том. Мне для этого сгодилась бы любая старинная книга. Пусть они думают, что это и есть «Альф Яум», а я сделаю вид, что сбегаю вместе с ней. По крайней мере я избавлю вас всех от присутствия здесь и Руки, и

его приспешников.

— А я прямо сейчас и спрошу, возможно ли это, — согласилась американка и направилась к дверям, поддерживая в руке полу своего халата так, что стали видны щиколотки ее ног. Через пару минут она появилась снова, за ней следовал огромный джинн-нянька, который, как казалось, весь съежился и сгорбился, чтобы вместиться в комнату.

— То, о чем ты просишь, — прогремел он, — это вовсе не пустяк и не маленькая услуга. Может, тут и нечего терять, но приобрести можно многое. Это сказал кто-то из ваших поэтов. Если за этой книгой охотятся, ее нельзя спрятать навсегда.

— Но ты большой мастак прятать вещи, — напомнила американка. Похоже, эти слова понравились мариду.

— Да, это я действительно умею делать, — согласился он.

— Может быть, рукопись и не нужно прятать навсегда, — вмешался Алиф, — а лишь на то время, пока мы не разберемся с Рукой. Кто знает, не исключено, что пройдет пара сотен лет, и найдется кто-то достаточно мудрый, чтобы снова взяться за нее, прочитать и переосмыслить.

— Для тебя это слишком долгий срок, — заметил марид, — а для меня короткий. Но значит ли это, что тогда мне снова придется пережить нечто подобное, что происходит сейчас?!

— Как бы там ни было, ты согласен выполнить нашу просьбу? — И американка уставилась на джинна в ожидании ответа.

— Как пожелаешь, — раздался голос, напоминающий больше грохот камней в горах.

— Я так желаю.

— Благодарю тебя! — в отчаянии воскликнул Алиф. Новообращенная победно посмотрела на него. Алиф взял «Альф Яум» из рук Дины, не упустив из внимания и тот факт, что она позволила ему коснуться своих пальцев в знак нежности. Ему снова стало сначала жарко, потом вдруг холодно, потому что он никак не мог забыть ее строгую и краткую оценку его далеко не идеального поведения. Он чувствовал текстуру страниц между своими ладонями, он ощущал их неповторимый запах, который теперь вызывал в памяти многие события, которые сейчас снова с быстротой молнии прокрутились у юноши в голове. Вот они с Диной идут по финиковой роще в районе Бакара, вот он сидит в палатке Викрама при тусклом освещении уличного фонаря, а вот они путешествуют по запруженной разнообразным народцем Неподвижной Аллее. Перед его мысленным взором возник и компьютер шейха Биляля, погибающий на глазах от тщетной попытки создать программный шедевр.

— Мне кажется, тебе не очень-то и хочется отдавать эту книгу, — вернул его в действительность голос американки.

Алиф тряхнул головой, чтобы избавиться от видений.

— Эта вещь возмутила меня с самого первого момента, как только я стал нести за нее ответственность, — пояснил юноша. — И все же… Теперь я осознал, что с появлением рукописи моя жизнь тоже разделилась на две части. Это все то, что было до книги, и то, что случилось со мной потом.

— Моя жизнь тоже, — согласилась с ним Дина.

Алиф провел пальцем по слоящейся золотой краске обложки, поглаживая первое слово в заглавии книги, то самое, которое так напоминало ему его собственное имя. Книга согрелась от тепла его рук и стала как будто живая. Теперь она пахла непостижимыми слоями нераскрытого смысла ее историй. Этот смысл по-прежнему оставался невидимым для юноши, даже несмотря на то, что он переводил его на программный код. Все равно тут оставалось нечто невидимое, не важно, как бы он сам ни старался. Ведь даже сама земля постоянно меняется и обновляется. Ее взбивают ногами путники, и потому становится невозможным два раза повторить один и тот же путь. Алиф подумал о том, сколько же раз он путешествовал из своего дома в районе Бакара по каким-то своим будничным делам. Вот с грохотом закрываются за ним ворота, вот они снова гремят после его возвращения. Для него это один и тот же путь, обычный и скучный. Для мира в целом это процесс, полный бесконечных крохотных вариантов. И все они существуют, как пояснил шейх Биляль, одновременно, и при этом не противоречат друг другу. Он уже создал вечность этими крошечными изменениями, и никогда по этому поводу даже не задумывался.

— Алиф!

Сакина подошла ближе и теперь пристально разглядывала его. Он выпрямился и передал книгу мариду, который тут же стиснул рукопись между ладонями. Книга исчезла. Этот жест джинна со стороны казался таким естественным, что Алиф даже не сразу и сообразил, что же все-таки произошло.

— Куда делась книга? — наконец выговорил он.

— Ее тут нет, — спокойно ответил марид. — Пока что.

— Но ты можешь сделать так, чтобы она вернулась?

— Конечно.

Алиф нервно выдохнул, потом так же шумно снова набрал воздуха в легкие.

— У тебя случайно не найдется книги, которая бы была похожа на эту? — спросил Алиф, стараясь избегать взгляда марида. Ему было сложно смотреть в эти глаза цвета грозовой

тучи. — Что-то такое, что могло бы убедить постороннего человека, будто никакой подмены и не было? И то, что ты смог бы одолжить мне буквально на несколько дней?

Марид издал какой-то невнятный звук и исчез в доме. Он отсутствовал несколько минут. Алиф начал беспокоиться. Ему даже показалось, что он мог чем-то обидеть джинна, и он собирался спросить об этом новопосвященную, как в этот самый момент марид вернулся к ним в комнату. В руках он держал книгу в потертом синем переплете, и в его громадных толстых пальцах она выглядела как крохотный фантик от конфеты. Марид аккуратно положил том в протянутые руки Алифа.

— Пожалуйста, обращайся с ней осторожней, — торжественно заговорил он. — Это жемчужина моей библиотеки. В видимом мире у вас много вариантов этой книги, но ни одна из них не точна, потому что все они написаны потомками Адама. Только моя книга содержит в себе истинную и полную историю моего заточения молодым вором по имени Аладдин много веков тому назад.

Алиф чуть не задохнулся от неожиданного признания.

— «Альф Лайла»? — выпалил он. — Так это и есть экземпляр «Тысячи и одной ночи»?

— Именно так.

— Получается, — недовольно проскрипел Новый Квартал, — что мы все наврали про лампу и джинна?

— Помолчи! — Алиф бережно прижал книгу к груди и постарался смотреть прямо на марида. — Огромное спасибо, — произнес он надломленным голосом. — Я глаз с нее спускать не буду. То есть я хочу сказать, что, конечно же, полной безопасности я гарантировать не могу, если учитывать все обстоятельства…

Джинн, похоже, остался недоволен этим заявлением.

— Но я хочу сказать, что она благодаря этой книге уж точно будет в безопасности, — быстро добавил Алиф, кивая в сторону американки. — Пока Рука думает, что «Альф Яум» у меня, он всех остальных оставит в покое.

— Ну хорошо, — успокоился марид. Алиф снова вытер лоб от пота.

— Договорились. — Он повернулся к американке. — Как ты считаешь, когда мы сможем встретиться с… теми, кто обязан Викраму и тебе?

— Давай сразу же это и выясним, — предложила женщина.

* * *

Через несколько часов во дворе марида уже толпилось странное собрание всевозможных чудищ. Тут было несколько ифритов, больше похожих на перемещающиеся тени, как тот, компьютер которого Алиф очистил от вирусов. Некоторые напоминали Викрама и Сакину. Они представляли собой полузвериные и получеловеческие силуэты, смешанные с бездымным пламенем. Тут же оказались те, о присутствии которых Алиф мог только догадываться. Эти выражали себя только неясными звуками и для человеческого глаза оставались невидимыми. Американка восседала на подушке на самом краю фонтана. Она выпрямилась и, судя по всему, чувствовала себя не совсем комфортно в подобном обществе, чтобы при этом еще и руководить этим странным собранием. Алиф стоял позади нее. Он то складывал руки на груди, то опускал их, и все никак не мог прийти к заключению, какая поза могла бы сейчас показаться наиболее эффектной. Над двором, как могучий баньян, завис марид. Алиф надеялся, что его присутствие все же возымеет свой эффект, которого он сам так и не сумел добиться своей позой. Наконец американка прокашлялась, и Алиф вздрогнул от неожиданности.

— Благодарю вас всех за то, что вы сумели прийти ко мне, — начала новообращенная. — Я пригласила вас сюда, чтобы оказать услугу своему другу Алифу — вот он, стоит здесь позади меня, — и для того, чтобы обсудить следствия происшествия на Неподвижной Аллее. Это, кстати, является чем-то вроде последствия от его присутствия здесь.

— Ну спасибо тебе большое, — прошипел Алиф женщине на ухо. — Теперь они сожрут меня с потрохами.

— Вообще-то ему нужна защита, — продолжала новообращенная, проигнорировав замечание юноши, — поскольку тот человек, который охотится за ним, имеет в союзниках джиннов.

«Союзников среди шайтанов, — произнес, поправляя новообращенную, один из ифритов, и его слова неприятно и многократно отдались в голове Алифа. — Не все из нас демоны».

— Да, конечно, — согласилась американка. — Я говорила в общем и целом. Но как бы там ни было, вам было бы неприятно лицезреть здесь этих ребят, да и нам тоже.

— Решение может быть очень простым, — вступил в разговор высокий мужчина с желтыми глазами. — Мы передаем им этого человека, и они уходят прочь.

Алиф едва сдержался, чтобы тут же не броситься наутек.

— Ну, это слишком просто, — отмахнулась американка. — И тогда они победят, а вы покажетесь слабыми, немощными и ни на

что не годными. Зачем же доставлять им такое удовольствие?

— Затем, что это сэкономит нам уйму времени и избавит от ненужной головной боли, если честно.

Среди собравшихся раздались отдельные смешки. Женщина сжала губы.

— Ну хорошо, хорошо. Давайте зайдем с другой стороны. Вы все обязаны Викраму, и я, как его вдова, прошу вас оказать мне услугу. Сделайте так, как я прошу, и будем считать, что мы квиты.

— Ну, я не могу говорить за всех остальных, — заговорила скромная худая женщина с парой замечательных витых рогов на голове, — но я никогда не была обязана Викраму настолько, чтобы теперь отдавать за него свою жизнь.

«Тише, тише, — снова выступил ифрит. — Но почему сам этот человечек собирается сидеть на собственной заднице, пока мы все тут будем за него отчаянно сражаться? Мы не какая-нибудь кучка безмозглых идиотов, рабов лампы или что-то подобное, и не позволим какому-то слабаку управлять собой».

Американка посмотрела на Алифа и с досады закусила губу.

— А я и не собирался сидеть на заднице, — презрительно заявил юноша.

«Неужели? Так поведай нам о своих планах. Что ты намеревался делать? Бить руками и ногами по земле и истерично вопить?»

— Я…

Алиф замолчал, потому что в этот момент к ним во двор вбежал запыхавшийся Новый Квартал. Он явился с соседней улицы и держал в руках тоненький ноутбук «Сони», напоминавший больше здоровенный конверт.

— Алиф! — радостно воскликнул он. — Ты только посмотри, что я раздобыл. Эта штука, как принято считать, еще должна находиться в разработке. Впрочем, это сейчас не самое главное. Я только что был в этой сложной сети говорящих теней, и вот что я выяснил… Только сначала ты должен вместе со мной восхититься этой чудесной штучкой. Какой-то тип продавал ее буквально на улице, положив на одеяло вместе с миленькими беспроводными мышками. Мне начинает нравиться это местечко. — Он устроился рядом с американкой и вежливо кивнул собравшимся джиннам. — Нет, ты только посмотри, посмотри сюда!

Под холодными взглядами человекоподобных теней Алиф, запинаясь, пролепетал что-то вроде извинения и, подойдя к товарищу, послушно присел рядом.

— Это никак нельзя отложить на потом? — еле слышно пробормотал он. — Я и так выгляжу в их глазах как последний

придурок.

— Нет, нельзя. Вот, нашел. — Новый Квартал развернул ноутбук экраном к Алифу, и тот увидел на нем разбитое на пиксели размытое изображение, горизонтальные строки неведомой информации и какой-то бессвязный текст.

— И что это такое? — удивился Алиф.

— Это, мой дорогой, то, что видят сейчас в Городе, пытаясь выйти в Интернет. — Новый Квартал кликнул по стрелке. На экране возникла похожая на первую очередная неразбериха. — А это сайт университета Аль Башира. Между прочим, главная страница. — Он снова щелкнул по кнопке. — Вот тебе страничка Управления городским транспортом. — Еще щелчок. — Информация для туристов. И такой кавардак повсюду. Весь Город погряз в дерьме. В цифровом смысле. Пока мы тут развлекаемся игрой в Аладдина, наш персональный Карфаген уже давным-давно разграблен и уничтожен.

— Господи! — Алиф поближе придвинул к себе экран. — Кто? Как?

— Сначала я подумал, что виноват кто-то из наших, — начал объяснять Новый Квартал. — Ну, ты понимаешь, от сильного желания совершить революцию и отключить всем электричество или что-то в этом роде. Но все в облаке растеряны не меньше меня.

— С облаком-то хоть все в порядке?

— Разумеется, я лично об этом позаботился.

— Но если серверы находятся в Городе…

— Нет. Они находятся в подвале моего дядюшки в Катаре. — Новый Квартал довольно улыбнулся, отчего стал выглядеть еще моложе. — Видишь? Оказывается, иногда совсем не плохо иметь на своей стороне аристократическое чудо.

— О да!

— Тогда я и подумал, что это вовсе не работа хакеров, — продолжал юноша, подавшись вперед.

Алиф недовольно нахмурился:

— А чья же тогда?

— Это нечто куда более зловещее. Кто мечтает добраться до всех кодов доступа, и ноу-хау, и камней, которые можно испортить с помощью хитроумных систем, причем все сразу, и не нужно будет для этого взламывать ровным счетом ничегошеньки?

Алиф тупо смотрел на кавардак на экране:

— Неужели ты думаешь…

— Именно так. А что, если подобного не должно было случиться? Что, если это просто, так сказать, побочный эффект от гигантской охоты? Алиф, а что, если это как раз и подтверждает

тот факт, что Рука в конце концов вот так грандиозно облажался?!

На Алифа нахлынули воспоминания, а вместе с ними ощущение грязи и стыд перед собственной наготой.

— Он сказал, что у него есть специалисты, которые займутся обратным проектированием кода, который я создал из «Альф Яум». А ведь я предупреждал его. Я же говорил ему, что может произойти нечто подобное, если только он сунется туда. А он мне не поверил. Он почему-то решил, что если у него будет достаточно оперативной памяти, то результат получится потрясающий и, конечно, отличный от моего.

— Но если у него есть доступ к твоему коду, зачем он по-прежнему охотится за книгой?

— А ты посмотри, куда его привел мой код. Так что теперь он решил, что справится с этой неразберихой, если достанет самый главный материал, так сказать, первоисточник. Он одержим идеей, что я достаточно глуп и не в силах понять, какую глубокую истину на самом деле содержит «Альф Яум» и насколько эта книга важна для компьютерного мира.

— Ты полагаешь, это правда?

Алиф вспомнил таинственную тварь в темноте и содрогнулся.

— Нет. Эта книга — своеобразный лабиринт, в котором недолго и заблудиться. Вроде ты начинаешь путешествие с приятной дорожки в ухоженном саду, и, кажется, чего же проще! Ведь раньше тебе приходилось пробираться по таким запутанным тропинкам, заполненным всевозможными причинно-следственными связями, параметрами и законами. Поэтому ты идешь по этой дорожке, ни о чем не задумываясь. Но вот она становится каменистой, на ней попадаются рытвины, ямы и разные колдобины, и вот ты с ужасом осознаешь, что ты уже давно ни в каком не в саду, а где-то в пустыне, где только ветер свищет и нет ни единой живой души. И вернуться назад ты тоже не в состоянии, потому что тут выясняется, что эта дорожка существовала только в твоей собственной голове.

Голоса джиннов загудели сильней. Американка бросила на Алифа ледяной взгляд.

— Я бы не обиделась, если бы ты подошел ко мне, — напомнила она Алифу о цели их собрания.

Алиф поднялся со своего места, поправил складки халата и встал рядом с женщиной.

— Мне кажется, мы здорово влипли, — тихонько произнес он, не поворачиваясь.

Женщина с витыми рогами сложила руки на своей изящной груди и вышла вперед.

— Мы готовы объявить тебе свое решение, — подытожила она, обращаясь к новообращенной. — Ты будешь действовать самостоятельно. Слишком велик риск. Мы все готовы выполнить свой долг перед Викрамом, но не такой дорогой ценой. Если ты желаешь приобрести что-то редкое и ценное или тебе требуется эскорт в какое-то труднодоступное место, это одно дело. Но положить свои жизни ради этого мальчишки мы не намерены.

Остальные ропотом подтвердили свое согласие.

— Подождите! — вдруг заговорил Алиф. — А если я бы сделал кое-что и для вас?

«Что именно?» — поинтересовался ифрит.

Алиф быстро произвел в голове какие-то подсчеты.

— Вам прекрасно известно, что в течение многих столетий люди пытались использовать «Альф Яум», чтобы самим добиться неизмеримой власти. Но все они потерпели крах. Однако тот тип, который гоняется за мной, очень близко подошел к ответу, вернее, к тому, чтобы везде установить беспорядки. Он не остановится на том, что уже сделал с Неподвижной Аллеей. Очень скоро он объявится в Пустом Квартале. На компьютере он так же невидим для вас, как вы все невидимы для… обычных человеков. Но для меня он не может оставаться невидимым. И он уже начал совершать ошибки. А это означает, что у меня появился шанс остановить его. Если вы позаботитесь о его невидимых друзьях, я сам смогу позаботиться о нем.

— И как именно ты собрался это сделать? — прошептал позади юноши Новый Квартал, но Алиф только ловко ткнул его локтем в ребра. В этот момент рогатая женщина повернулась к своим собратьям и начала что-то говорить им на том невнятном языке, на котором общался Викрам с Азалель и на котором она сама обращалась к Алифу в его волшебном сне. Там попадались слова, которые, как казалось Алифу, он должен был бы понимать, но он не понимал, как бы ни напрягал свою память. Наконец женщина повернулась к нему лицом и смерила юношу оценивающим взглядом.

— Мы намерены выслушать твой план, — заявила она.

Алиф громко и с облегчением выдохнул.

— Ну слава Всевышнему! — обрадовался он. — Хорошо. А теперь мы поговорим о том, как мой план должен сработать.

* * *

Было уже достаточно поздно, или это только казалось. Небо из розового превратилось в пурпурное, и Алиф почувствовал, что

начинает осознавать слабые различия между ночью и днем. Только тогда многочисленные джинны наконец разошлись со двора марида. Алиф молча наблюдал за тем, как они бесшумно просачиваются в ворота, этакое сверхъестественное воинство. Теперь он искренне молился о том, чтобы ему удалось выполнить все то, что он им наобещал.

— Возьми вот это, — произнесла на выходе чернорогая женщина, протягивая Алифу тоненький серебряный свисток. — Позови нас, когда наступит время.

Алиф скептически посмотрел на свисток.

— Как работает эта штука? Это что, такая штучка, которая выдает слишком высокий звук для человеческого уха, да?

— Нет. — Женщина бросила на Алифа неодобрительный взгляд. — Она вообще не выдает никаких звуков. Ты просто дунь в нее, и мы придем.

Алиф не нашелся что сказать и как извиниться, а потому только тихонько выдохнул:

— Ах, вот оно что…

Женщина коротко кивнула и повернулась, присоединяясь к колонне невидимых. Подойдя к выходу со двора, она не забыла поклониться и эфемерному хозяину дома. Алиф глубоко вздохнул. В воздухе носился аромат цветов, распускающихся по ночам. От этого ему стало до боли грустно, и он подумал о том, а не наблюдал ли он нормальный закат солнца в тот самый роковой вечер, когда они с Диной покидали район Бакара…

— Мы можем плохо кончить, если не справимся со своей задачей, — раздался голос Нового Квартала, который будто бы прочитал невеселые мысли своего товарища.

— Это относится только ко мне. Тебе не надо туда идти, если ты не хочешь. Ты и без того сделал для меня гораздо больше, чем я мог бы ожидать.

Новый Квартал неопределенно пожал плечами:

— Я сжег все мосты в тот момент, когда вошел в Пустой Квартал. Сильно сомневаюсь, что мне удалось бы точно так же проделать путь назад и снова стать удобным для всех, спокойным и расслабленным монаршим отпрыском, даже если бы я того захотел. Скорее всего слуги Государства в данный момент уже вовсю трясут мою квартиру. Надеюсь только на то, что они не переколотят всю мою коллекцию расписанной вручную старинной персидской посуды.

— Ты отличный парень, принц Абу Талиб Аль Мухтар ибн Хамза.

— Господи, ты сумел все это запомнить!

Они прошли в дальний конец двора, где Дина уже положила

три матраса, обозначив для мужчин спальные места.

— Надеюсь, вы не станете возражать против того, чтобы отдохнуть на свежем воздухе. В доме спят только дамы, — пояснила она. — Но тут, как правило, тепло по ночам, и вы не замерзнете.

— Отлично, — согласился Алиф. Он смотрел на нее и восхищался тем, как ее босые ноги, изящные и пыльные, перемещаются по камням. На одной ноге, у края подола ее халата, блестел золотой браслет. Он хотел спросить ее об обвинении в лицемерии, которое так сильно задело его, но никак не мог начать эту тему, потому что неподалеку маячил Новый Квартал и сбивал его с толку.

— А где же шейх Биляль? — вместо этого неожиданно спросил Алиф.

— Он еще раньше ушел в мечеть, — пояснила Дина. — И сказал, что останется там на вечерний намаз. А это значит, что он может вернуться в любую минуту.

— Он ходил в мечеть для джиннов?!

— Да, это здесь, недалеко, на этой же улице. Ты не слышал призывы совершить намаз?

Алиф вспомнил, что до него действительно доносилась какая-то берущая за душу песня, и это повторялось несколько раз в день. Правда, эта мелодия никак не походила на привычные призывы муэдзинов, да он, собственно говоря, и не прислушивался к словам.

— Да, я что-то слышал, но это больше напоминало… пение, что ли. Мне кажется, там даже мотив какой-то присутствовал.

— У них тут так принято. Здесь другие традиции, но, в общем, это даже красиво, если абстрагироваться от того, что это действительно очень похоже на музыку.

Ее бодрый голосок заставил юношу улыбнуться. Он позволил себе немного расслабиться. В этот момент ворота во двор распахнулись, и в проеме появился сам шейх Биляль. Он шел прямо, расправив плечи, и лицо его светилось каким-то внутренним спокойствием и умиротворением.

— Салам алейкум, — произнес он.

Алиф машинально пробормотал ответ и тут же встревоженно поинтересовался здоровьем старика.

Шейх вздохнул и уселся на один из матрасов.

— Хвала Господу. Много времени еще пройдет, прежде чем я смогу сказать, что чувствую себя хорошо. Так много, что, наверное, я и не доживу до этого момента. Но сейчас я чувствую себя гораздо лучше, чем прежде, и этого мне вполне достаточно.

— Как вам понравилась мечеть?

— Это что-то удивительное. Мне вспомнился сон, который приснился мне очень давно, когда я еще учился в Каире в Аль Азаре. Так вот, мне снилось, как будто я отправился в заброшенную мечеть, расположенную в какой-то цветущей долине, где прежде мне бывать не доводилось. И там я увидел молящихся джиннов, причем делали они это именно так, как это происходит и здесь. Имам почти пел все тексты. Я тогда был молод и педантичен, а потому довольно грубо остановил его и сказал, что он все делает неправильно и Коран так читать наизусть нельзя. Все присутствующие повернулись ко мне и одарили меня весьма недобрыми взглядами. Вот тогда-то я и проснулся.

Мне было очень стыдно, я посчитал, что это был вещий сон и я, таким образом, обидел кого-то из своих братьев по вере из невидимого мира. Мы часто забываем, видите ли, что стремление исповедовать религию выходит за пределы границ понимания нами мира, который мы способны видеть. Мне всегда было очень жаль, что меня так и не пригласили туда еще раз. И вот теперь я снова побывал там. Вы еще очень молоды, и вам не понять, что это значит — получить второй шанс в моем возрасте, особенно после… после тех сложных времен, когда видишь свою смерть и принимаешь ее.

— Что вы имеете в виду под словами «второй шанс»? — удивился Алиф, чувствуя какое-то неприятное тайное значение в высказывании старика.

— Я хотел сказать, что они были настолько добры ко мне, что даже предложили мне у себя почетное место, где я буду учиться сам и учить других. Я думаю, что такое лест-ное предложение нужно будет принять.

Алиф и Новый Квартал удивленно переглянулись.

— Но вы же сами говорили, что не хотели бы проводить свое время в обществе джиннов, как пришлось новообращенной и Дине, — напомнил Алиф.

— Я имею полное право пользоваться прерогативой пожилого человека, а потому меняю свое решение.

— Но почему? — Алифу даже подумать было страшно о том, что придется оставить шейха здесь.

Старик посмотрел на небо и чуть заметно улыбнулся, лиловый цвет отразился в его мутных глазах.

— Потому что я вернулся бы к развалинам своей жизни, — заговорил он. — На мое место в Аль Башире они поставят какого-нибудь государственного слугу, обученного в школе для противников ислама. И если при этом меня не арестуют и не убьют, я всю оставшуюся жизнь буду вздрагивать от каждого

неожиданного звука и постоянно оглядываться. Впрочем, то же самое ждет и вас, если только, конечно, вы уже не разработали какой-то особенный план.

— Мои планы всегда внезапны и смешны, — выпалил Алиф. Внезапно он снова начал сомневаться в себе и своих способностях. — Вы только посмотрите, куда они всех нас завели. Я и сам понять не могу — ну почему я не в состоянии решать свои обычные проблемы точно так же, как это делают все нормальные люди?!

— Может быть, у тебя не совсем обычные проблемы?

— Я был простым хакером, имел проблемы со своей девчонкой. Ну что может быть в этом необычного?

Новый Квартал тихонько хихикнул.

— Значит, мы, возможно, живем не совсем в обычное время, — высказал свое предположение шейх. — Я понимаю, что старики часто жалуются на современность. Они вздыхают по поводу того, что золотое времечко уже прошло, когда дети были вежливыми, а килограмм мяса можно было купить за одну монетку. Но в нашем случае, молодые люди, я думаю, что не ошибусь, если замечу, что в мире, где мы живем, произошли какие-то фундаментальные перемены. Мы достигли этапа постоянных изобретений. Революции сместились с поля боя на домашний компьютер. Ничто больше никого не шокирует. Мы живем в выдуманную эру. Выдуманные правительства принимаются без комментариев, а сами мы можем сидеть в мечети и рассуждать о том, как выдуманный герой поедает ненастоящую свинину в видеоигре, причем говорим мы так же серьезно, как если бы обсуждали живого человека. А теперь и я, и ты, и маленький принц коротаем ночь во дворе у марида, и при этом мы так же спокойны, как если бы забронировали номера в гостинице. Все это весьма странно.

— Не думаю, что вот именно это является описанием современности, — заметил Новый Квартал. — Мне кажется, мы, напротив, возвращаемся назад, к тем временам, когда все это считалось нормой. Все это было еще тогда, когда не явились еще сюда европейские интеллектуалы в своих кальсонах и не решили провести черту между тем, что рационально, а что — нет. Полагаю, что наши предки не считали необходимым проводить такие различия.

Шейх задумался.

— Возможно, ты прав, — кивнул он. — Наверное, каждая инновация начинается с фантазии. Когда-то давным-давно те, кто изучал ислам, решили дать волю своему воображению. Например, в Средневековье были великие споры о том, в какой момент

человек входит в состояние духовной чистоты, совершая хадж. Например, вы идете пешком. Когда? А если на корабле, то когда? А если на верблюде? И тогда один умник, когда закончились все разумные доводы, задал вопрос: а что, если бы человек летал, тогда какой момент считать главным? И это считалось серьезным испытанием для приспособляемости закона. В результате у нас появились правила для воздушных путешествий во время совершения хаджа, которые были установлены за пять столетий до появления коммерческих авиалиний.

Алиф прилег на свой матрас.

— Не знаю даже, лучше мне стало от этого или хуже, — признался он. Его конечности отяжелели, он устал и хотел спать. — Но мне все равно хочется, чтобы вы вернулись вместе с нами, уважаемый.

— Я не буду здесь один. Новообращенная тоже остается, как вам известно, по крайней мере до тех пор, пока не родится ребенок.

— Интересно, как будет выглядеть малютка, — сказал Новый Квартал и состроил гримасу. Потом он снял сандалии и плюхнулся на матрас рядом с Алифом. — Возможно, он будет покрыт густым мехом. Или у него будут острые клыки. А где он будет жить? И вообще какова судьба у полулюдей-полуджиннов? Как у него все сложится?

— У нее, — поправил Алиф.

— Не понял.

— Это будет «она», а не «он». Я про ребенка.

— Как скажешь. — Новый Квартал закрыл глаза и уложил голову на руки, служившие ему чем-то вроде подушки. Алиф принял такую же позу, прислушиваясь к тому, как шейх, разуваясь, напевает что-то себе под нос.

Теплый воздух приятно тонизировал кожу, принося с собой запах финикового сахара. Алиф услышал, как весело рассмеялась Дина где-то там, внутри дома марида. Ей эхом расхохоталась новообращенная, перед этим шутливо поспорив с девушкой. Алиф подумал о Городе и о том, что означало для молодого человека возвращение в него. Потом он представил свою мать, одну со служанкой в их пустой квартире. Она уже давно, наверное, считает его погибшим. Для Алифа казалось важным еще тогда, в тюрьме, думать только о той прошлой жизни в районе Бакара и никогда не представлять себе будущее, не заглядывать вперед. Ведь даже если они с Новым Кварталом и победят, даже если джинны одолеют Руку вместе с его демонами, он сам, возможно, уже никогда не вернется к прежней жизни и проведет оставшиеся дни как в кошмарном сне.

— Алиф, — сонным и слабым от усталости голосом обратился к юноше Новый Квартал, — а наш план сработает?

— Не важно, — отозвался тот. — Если мы и напортачим, мы долго не протянем, так что нам не придется разбираться с последствиями.

— Логично, — успокоился Новый Квартал.

Какая-то птица (да-да, в Пустом Квартале обитали и птицы тоже!) прокричала откуда-то сверху свою звонкую песню, возвещавшую о наступлении ночи, этакая воробьиная имитация соловьиной трели. Алиф почувствовал, что немного успокоился, и его вскоре одолел сон. Очень скоро ему приснилось, будто он видит, как наяву, и двор марида, и спящую фигуру шейха Биляля, и Нового Квартала, и даже свою собственную, но небо над ними было насыщенного синего света, без луны, но зато усыпанное тысячами звезд и неведомых ему созвездий. Это зрелище заворожило его, и он тихо завис над собственным спящим телом, уставившись глазами вверх.

Его мечтательное состояние прервал женский плач. Встревоженный, юноша стал оглядываться в поисках источника этого странного звука и заметил промелькнувшую тень у ворот дома марида. Это был необычный золотистый силуэт, отчетливо выделяющийся на общем синем фоне. Алиф узнал Азалель. Она беззвучно прошла по двору, закрывая лицо ладонями. Ее черно-оранжевые волосы рассыпались прядями по плечам. Желтый халат, в котором Алиф видел ее в последний раз, был кое-где разорван и весь покрыт пылью, как будто женщина с тех пор так ни разу и не снимала его.

— Это ты? — как-то не очень удачно поинтересовался Алиф, удивившись звуку своего собственного голоса. Азалель взглянула на него, и он заметил ее узкие вертикальные зрачки, как щелочки, как это бывает у кошек по ночам. В них светились такие всепоглощающие горе и скорбь, что Алифу стало не по себе.

— Ты… но почему ты… — Алифу стало трудно подбирать слова, и он замолчал.

— Я пришла, чтобы посмотреть на ребенка своего брата, — негромко произнесла Азалель. — Мне нравится, как она спит в ее чреве. — Она обняла себя руками, словно замерзла. — Я не могу тебе сказать, видит ли она меня в такие минуты. Сейчас рождается слишком мало полулюдей-полуджиннов. Наполовину глина, наполовину огонь… Она поддерживает разум своей матери, Дины и старика, и это не позволяет им сойти с ума, а это уже кое-что. Поэтому мне все же приятнее думать, что она тоже видит меня.

Алиф беспомощно огляделся по сторонам.

— Я сплю или уже нет?

— Спишь. — Она двинулась к нему, по дороге вытирая слезы.

— Я тоже тоскую по Викраму, — уже более мягким голосом признался Алиф. — И еще я должен попросить у тебя прощения. Если бы не мои проблемы, он, наверное, сейчас был бы жив.

Но Азалель лишь отрицательно покачала головой:

— Нет. Он сам выбрал день и час своей смерти. И к тебе это почти не имеет никакого отношения. — Сказав это, она улеглась рядом с тем местом, где спал Алиф, и свернулась колечком. Только сейчас Алиф осознал, что у него до сих пор раскрыт рот от изумления, а со стороны это выглядело, наверное, довольно непривлекательно.

— Ты, наверное, очень сильно любила его, — робко произнес Алиф. Азалель улыбнулась и закрыла глаза, словно вспомнив что-то очень приятное.

— Временами, — призналась она. — А иногда я ненавидела его. Мы когда-то были возлюбленными. Или он был моим отцом. А может, мы были врагами, но потом помирились. Впрочем, мы знали друг друга так давно, что уже и позабыли такие подробности.

Теперь Алиф только надеялся на то, что его удивление не будет столь же заметным для нее. Выражение лица на его спящем теле лишь слегка изменилось. Азалель протянула к нему руки, умоляюще шевеля пальчиками, как ребенок, пытающийся достать конфетку. Алиф вскочил на ноги.

— Не могу. Я люблю другую, — пояснил он.

— В прошлый раз ты уже это говорил.

— Но на этот раз все серьезно.

Азалель повернулась на спину и смотрела на него устало и жалобно, и Алиф почему-то подумал в этот момент о своей матери.

— Все в порядке, — успокоила его женщина. — Я просто хочу почувствовать запах твоих волос. Этот запах не изменился с тех пор, когда ты был еще маленьким мальчиком.

Очарованный, юноша понял, что не хочет обижать ее, и поэтому снова лег на свое место. Он почувствовал, как вошел в свое спящее тело, проснувшись всего на мгновение, когда черно-оранжевая кошка, мурлыча, терлась носом о его висок.

— Дина всегда говорила мне, что ты джинн, а не кошка, — пробормотал Алиф, находясь на грани засыпания и бодрствования. — Я тогда считал, что она просто шутит.

— Так оно и было. Вы мои маленькие детки из глины, играющие на крыше…

Кошка устроилась возле юноши, прижавшись спиной к его

груди. Испытывая угрызения совести, Алиф вспомнил, как, еще будучи мальчишкой, он решил подстричь ей усы садовыми ножницами. А еще он пару раз дергал ее за хвост. Ему даже не показалось тогда странным, что она даже не попыталась ни укусить его, ни поцарапать. Он погружался в сон все глубже, слушая, как она начала петь. Это была грустная кошачья песня без слов, с грассирующей трелью, о том, что любовь исчезла, а дети выросли.

— Я очень боюсь, что мне не удастся все исправить, — признался его спящий разум.

— Не волнуйся, — раздался откуда-то издалека голос Азалель. — Я помогу тебе.

Глава пятнадцатая

— Ты уверена, что с тобой все будет в порядке?

Американка осторожно положила руку на свой выступающий живот, хотя и не слишком заметный под многочисленными складками ее широкого халата, и улыбнулась Алифу.

— Как будет угодно Богу. У меня тут остается марид, а теперь еще и шейх Биляль. Кроме того, меня не покидает такое чувство, что мы еще обязательно встретимся, так или иначе.

Алиф надеялся на то, что если это и произойдет, то только не здесь, а лучше под более ярким и привычным небом.

— Я обязательно вернусь, чтобы посмотреть на твою дочку, — пообещал он. «На дочку Викрама», — добавил он про себя, ловя себя на мысли о том, что никак не может привыкнуть к нынешнему положению дел.

— Хорошо. Мне это нравится. — Она протянула руку и по-дружески сжала его плечо. — Береги себя.

— Постараюсь. — Алиф повернулся к шейху Билялю и поцеловал его руку. — Прощайте, уважаемый. Для меня это такая большая честь — познакомиться с вами.

— Храни нас Бог, ты так говоришь, будто я собрался умирать. — Шейх весело подмигнул молодому человеку. — А вот знакомство с тобой стало для меня серьезным испытанием. Тем не менее оно привело меня в это удивительное место, о чем я и мечтать не мог, и за это я хочу отдельно поблагодарить тебя. Викрам был прав, тебе придется хорошенько напрягать мозги в будущем. Используй же их по назначению.

Новый Квартал передал Алифу рюкзак. Тот взвалил его на плечи и повернулся как раз в тот момент, когда из дома вышла Дина в нелепых кроссовках и с вместительной сумкой через плечо.

— Пошли?

— Что у тебя в сумке? — поинтересовался Новый Квартал, оглядывая новое приобретение девушки.

— Вещи, которые нам могут пригодиться.

Алиф жадно рассматривал лодыжки, виднеющиеся над полой халата, такие тонкие и хрупкие. И ему тут же вспомнился тот роковой выстрел, когда они убегали от агента службы безопасности, и Дина была ранена в руку.

— Может быть, тебе стоит остаться здесь, пока все не уляжется, — предложил он. — Там сейчас опасно.

— Я знаю. Вот поэтому я специально и надела кроссовки.

Она подошла к нему поближе, и по крошечным морщинкам у

глаз Алиф понял, что девушка улыбается. Он еле сдержался, чтобы не взять ее за руку. В ворота сада вошла Сакина, за ней грозовой тучей влетел марид со скрещенными руками на мощной груди.

— Готовы? — поинтересовалась Сакина.

Алиф ощутил приток адреналина в крови, которая тут же рванулась в его конечности, теплой волной мгновенно разогревая их.

— Готовы, — кратко ответил он.

Сакина проводила их до ворот. Алиф напоследок остановился и в последний раз оглядел всех присутствующих: американка, марид и шейх Биляль стояли посреди двора и молчали, словно изображая немую сцену в спектакле. Вместо них, казалось, говорила булькающая вода в фонтане. Алиф поднял руку, прощаясь, но это вышло у него как-то неловко.

— Да пребудет с вами мир, — произнес шейх.

— И с вами тоже, — вторил ему Алиф, и ворота за путешественниками закрылись.

Когда они очутились за пределами дома марида, Сакина быстрым шагом повела их по улице, ловко огибая многочисленных продавцов с их разнообразными товарами, заполнявшими главную артерию Пустого Квартала. С левой стороны показалась та самая мечеть, в которой успел побывать шейх Биляль. Это было воздушное изящное строение из белого камня, открытое со всех сторон, увенчанное куполом, пропускавшим внутрь розоватый свет неба. Алиф сумел различить несколько бледных силуэтов внутри, которые напевали сами себе те самые слова, которые он сам выучил еще в раннем детстве: «Скажи: „Он — Аллах Единый, Аллах Самодостаточный. Он не родил и не был рожден, и нет никого равного Ему“».

Алиф случайно запутался в ремешках одной сандалии и уже в какой раз добрым словом вспомнил свою одежду и обувь. Тот наряд, который выдал ему Новый Квартал, начинал оказывать на него дурное влияние. Молодой человек не привык носить то, во что облачается элита, и поэтому сейчас чувствовал себя весьма некомфортно. Прихрамывая, он нагнал Сакину, послушно следуя за ее косматой головой сначала за угол, потом вниз по каменной лестнице, которая привела их на какой-то подземный базар. На Алифа пахнуло свежей древесиной, потом он уловил запах молодого вина. На многочисленных прилавках стояли какие-то бутылки и коробки, клетки с удивительными существами в ярких оперениях, некоторых из них Алиф знал, но большинство видел впервые. Перед ним покачивалась голова Нового Квартала и его яркая белая одежда, настоящая ткань среди живых теней. Он

ускорил шаг.

Базар извивался змеей на несколько кварталов, а потом вдруг прекратился у большой арки, через которую Алиф увидел пустыню. Но зрелище было каким-то ускользающим. Одну секунду он видел розоватое небо и светящуюся пыль Пустого Квартала, принадлежащего джиннам, а в следующий миг перед его глазами возникал более привычный пейзаж — желтые дюны и над ними — горячее синее небо.

— Сюда, — велела Сакина, мощной рукой поднимая решетку ворот. — Ощущения будут непривычными.

Алиф оглянулся на Дину. Над черной тканью никаба он увидел ее полные смелости и решимости глаза.

— Пошли, — сказал он.

Они шагнули через ворота один за другим, исчезая в сиянии света. Алиф ощутил запах озона и металлический привкус во рту, как будто долго грыз зубами тонкую оловянную фольгу. Он глубоко вдохнул и возник на ярком песке, отчаянно барахтаясь, словно пытаясь найти что-то твердое под ногами. Где-то поблизости сильно тошнило Нового Квартала.

— Вот дерьмо, — слабым голосом произнес его товарищ. — Никогда больше не соглашусь проделать это.

Дина сидела на песке и обмахивала нижнюю часть лица свободным концом своего никаба. Только Сакина, похоже, оставалась спокойной и безучастной к происшедшему. Она стояла на песке со скрещенными на груди руками и нетерпеливо ждала, когда молодые люди придут в себя.

— Возьмите себя в руки, — посоветовала она. — До Города еще много километров.

— Не хочешь ли ты сказать, что нам придется идти туда? — в ужасе посмотрел на нее Новый Квартал.

— Вам — нет. А мне придется. А трое человеков из глины — это довольно увесистый груз, я вам скажу.

— Груз? Ты хотела сказать, что… — И прежде чем Новый Квартал сумел правильно сформулировать свой вопрос, все трое уже оказались в воздухе. Алиф еще ощущал песок одной ногой, но недолго — один легкий рывок, и юноша выровнялся в полете над землей. Он закрыл глаза, потому что от встречного ветра у него потекли слезы. Потом он услышал, как нервно и тяжело дышит Дина, и хотел взять ее за руку, но его пальцы нащупали только подол ее халата. Скорость увеличилась. Алиф почувствовал, как все у него в животе сжалось, словно кишечник и мочевой пузырь собирались опорожниться, и вынужден был собрать все силы, чтобы это не произошло. Видимо, такое сосредоточение на собственном организме отвлекло его от

полета, потому что уже в следующий миг его почти нежно опустили на бетонный тротуар.

Он глубоко дышал через нос, прижимаясь щекой к земле. Позади него раздался странный звук, как будто чьи-то когти скреблись об асфальт, словно там приземлилась какая-то гигантская хищная птица. Затем раздался испуганный и удивленный вскрик Нового Квартала. Тогда Алиф окончательно пришел в себя и, открыв глаза, увидел перед собой разбитую витрину магазина. Внутри все было перевернуто вверх дном и сожжено. Алиф сначала поднялся на колени, потом встал во весь рост, инстинктивно даже не обратив внимания на аморфный силуэт Сакины.

Насколько он понял, сейчас они находились как раз на границе между Старым и Новым Кварталами, неподалеку от района Бакара. И все же местность здесь была неузнаваема. Окна почернели от дыма, открытые кафе пустовали, ворота во дворы жилых домов закрыты и заперты на засовы. На стене одного здания огромными буквами было наскоро выведено «ХВАТИТ» на арабском и урду, и алые подтеки краски стекали на тротуар.

— Что происходит? — в страхе произнесла Дина. От ужаса ее голос стал неестественно писклявым. — Что тут случилось?

— Рука разрушил Интернет, — мрачно констатировал Алиф. — И возможно, вместе с этим заодно и всю электросеть Города.

— По-моему, людей это сильно расстроило, — по-детски заметил Новый Квартал.

Где-то поблизости раздался какой-то шум. Алиф заглянул за угол и увидел небольшую группу несущихся куда-то мальчишек-тинейджеров вместе с дорогим плазменным телевизором. Они чем-то напомнили ему тех самых хулиганов, которые приставали к Дине на берегу, когда они присели перекусить еще тогда, в предыдущей жизни. Алиф почувствовал, как у него зачесались руки, но при этом он не испытал ни страха, ни какого-то особого возбуждения.

— Новый Квартал, — обратился он к другу. — Вот это оно и есть? Это наша революция?

— Если это так, то меня это сильно пугает, — признался Новый Квартал. — Где все? Почему они все воруют? Неужели вот так и бывает с людьми, когда они не могут войти в Фейсбук? Где наш славный государственный переворот?

— Вас ждут куда более серьезные проблемы, — произнесла Сакина, приобретая человеческий облик. — Я чувствую запах серы. Темные существа вырвались на свободу, и они уже где-то рядом.

— Он собрал все свои силы, — подытожил Алиф. — Чего же он так испугался?

— Наверное, не чего, а кого. Вероятно, тебя.

— Не может быть. Он ненавидит меня, но спятить он не мог. Во всяком случае, не настолько, чтобы выпустить на Город войско своих демонов.

— Тогда их, — парировала Сакина, указывая куда-то в конец улицы. За углом раздавался сильный гул. Алиф в страхе вытаращил глаза. С соседней улицы появилась толпа протестующих. Они шествовали по бульвару нестройными рядами, неся с собой плакаты на арабском, урду, английском и малайском. Среди них были женщины — и в никабах, и совсем без головных уборов, бок о бок шагали старики с красными повязками коммунистов и бородатые мужчины в длинных одеяниях.

— Предлагаю уступить им дорогу, — негромко произнесла Сакина. Алиф поспешно ретировался в переулок, Дина и Новый Квартал тут же последовали его примеру. Толпа прошествовала мимо них, распевая: «Люди жаждут справедливости» и «Долой страх, долой госсистему безопасности», правда, не в унисон, отчего в воздухе царила полная какофония.

— Не могу поверить собственным глазам, — выдохнул Новый Квартал. — Вы тоже это видите?

— Они все объединились, — пробормотал Алиф, будто убеждая самого себя в только что увиденном. — Все эти недовольные отбросы общества. И между прочим, многих из них я знаю заочно.

— Все это сделали мы сами, приятель. Это дело рук таких же хакеров, как мы с тобой. Это же мы сказали этим бандитам, что все они имеют свой голос, но при этом они все должны были разделять одну виртуальную платформу. И вот теперь, когда виртуальный мир для них исчез…

— Они решили поделить мир реальный.

— И сделать это в реальной жизни.

— И по-настоящему.

— Вот ведь дерьмо какое!

Их рассуждения прервал звук выстрелов, потом послышалось какое-то подозрительное шипение. По асфальту по направлению к толпе покатился баллон с газом. Полицейские в бронежилетах, воинственно размахивая дубинками, появились на другом конце улицы. На таком расстоянии они больше напоминали отряд черных жуков в сомкнутом строю, так как их лица скрывали отражающие свет защитные пластиковые шлемы. Алиф вспомнил, как его схватили в мечети, и в животе, куда его при этом

неоднократно ударили, тут же возникли болезненные спазмы.

— Надо бежать отсюда, — дрожащим голосом произнесла Дина.

— Алифу нужна связь, — напомнил Новый Квартал. — Дальше по плану мы должны попасть в мою квартиру.

— Разве это еще возможно? — спросила Сакина, удивленно вскидывая брови.

Алиф с сомнением посмотрел на нее.

— А ты не могла бы… ну, еще раз… доставить нас туда?

Она только вздохнула в ответ.

— Пожалуйста, — взмолился Новый Квартал. — Это совсем рядом. Пентхаус большого белого здания сразу за площадью Победы, на бульваре 25 января. В Новом Квартале. Это так банально.

— Отлично.

Еще один рывок — и Алиф снова очутился в воздухе, при этом в животе у него снова все скрутило. Город под ним тут же растворился, превращаясь в матрицу из пыльных точек. Вскоре он понял, что ему начинает не хватать воздуха. Он несколько раз открывал и закрывал рот, собираясь попросить Сакину сбросить их хоть куда-нибудь, как вдруг она начала осторожно опускать их одного за другим на крышу большого белого жилого дома. Алиф приземлился на колени, обхватив голову руками. Рядом с ним, со стороны Нового Квартала, тут же донеслись характерные звуки: парня опять вырвало.

— Похоже, мне придется навсегда завязать именно вот с таким видом транспортировки, — с трудом проговорил молодой человек, вытирая рукавом рот. Сакина фыркнула и обиженно отвернулась от него.

— По-моему, вы сами просили меня перенести вас сюда, — напомнила она.

— Я знаю, знаю. И огромное тебе спасибо. — И Новый Квартал отсалютовал ей ослабшей рукой. Она снова отвернулась и приготовилась покинуть их, как громадная коричневая птица на старте перед взлетом.

— Куда ты?! — встревожился Алиф.

— Если эти темные твари вырвались на свободу, мне здесь находиться становится еще опасней, чем вам, — пояснила она, размахивая руками на ветру. — И без армии сюда возвращаться я тоже не рискну.

Алиф мог бы поклясться, что в эту минуту он явно различал перья на ее тонких руках. На всякий случай он больно ущипнул себя за переносицу.

— Значит, они все-таки придут сюда? — поинтересовался

он. — Я имею в виду джиннов, друзей новообращенной?

— Они так сказали.

— А чего стоит слово джинна, хотя бы теоретически?

Сакина рассмеялась. Потом она взлетела в воздух, накренилась в сторону и очень скоро скрылась в безразличном ко всему белом небе. Алиф еще некоторое время всматривался вдаль, надеясь различить ее силуэт среди галдящих чаек, но так ничего и не увидел.

— Хватит стоять здесь просто так, ради всего святого! Мы не можем вот так легко тратить драгоценное время. — И Новый Квартал повел их к лестнице на крыше, вынув из кармана связку ключей. Дина направилась вслед за ним, чуть покачиваясь, словно пьяная. Когда Алиф схватил ее за руку, чтобы она не упала, девушка лишь издала какой-то нечленораздельный жалобный звук.

— С тобой все в порядке?

— Слишком много было этих полетов. Меня тошнит, и я боюсь, как бы меня не вырвало под никабом. Когда мне было тринадцать, я чем-то сильно отравилась, и меня выворачивало прямо в школе. Я провела в туалете целый час, пока все там не выстирала и не высушила…

Алиф вспомнил Дину в тринадцатилетнем возрасте: она была такой хрупкой, молчаливой и упрямой. И постоянно находилась где-то рядом с ним.

— Надо было попросить кого-нибудь помочь тебе, — задумчиво произнес он, едва сдерживаясь, чтобы не начать ласково поглаживать ее ладонь.

Дина неопределенно пожала плечами:

— Мне не позволила гордость. Я была единственной девочкой в школе, носившей никаб, и все с нетерпением ждали момента, когда я его сниму.

— Ты или очень смелая, или просто глупая.

— Забавно. То же самое я думала о тебе.

— Пожалуйста, прошу вас, заткнитесь, — взмолился Новый Квартал, вставляя ключ в замок двери черного хода. — Сейчас не место для слащавых разговоров.

Он распахнул железную дверцу и сразу же спустился на несколько ступенек, которые вели внутрь здания. Алиф последовал за ним, ведя за собой Дину. На лестнице было темно, электрические лампочки, как и плафоны из матового стекла, кто-то уже успел переколотить. Над стенами также успели надругаться. Алиф заметил промокшую дорожку в одном месте и не усомнился в том, что протестующие, вероятно, совсем недавно устроили здесь нечто вроде туалета.

— Боже, они разгромили весь дом! — сокрушался Новый Квартал. Он нагнулся, поднял осколок стекла и в отчаянии снова бросил его на пол.

— Кто «они»? — Алиф с горечью оглядывал помещение.

— Помощники Руки и революционеры. Наверное, нам и не надо уточнять, кто именно из них, да и какая разница?

— Но ты сам был на стороне протестующих. Зачем же им понадобилось…

Новый Квартал резко повернулся к приятелю и бросил на него напряженный нетерпеливый взгляд:

— Откуда им знать, что здесь живу я, болван. А даже если бы и знали — сейчас идет революция, которую мы сами только что видели собственными глазами. Это революция, Алиф. Да, я мог бы раздавать листовки, я рисковал жизнью и предал эмира Государства, но я все равно остаюсь монаршим отпрыском, и они в любом случае придут сюда, чтобы снести мне голову.

— Но зачем им это?

Где-то далеко раздались ружейные выстрелы, за ними последовал нестройный хор каких-то выкриков.

— Потому что они не могут иначе. И это происходит у них непроизвольно, причем потоками и неудержимо. Революции, по большому счету, на девяносто процентов представляют собой социальную диарею.

— Ну, ты разговариваешь, как истинный аристократ, — пробормотала Дина.

— Откуда нам знать, что это действительно революция? — спросил Алиф, втайне надеясь, что ошибается и в Городе происходит что-то совсем другое.

— Разумеется, революция. Ты видел, сколько женщин расхаживает по улицам? Еще на прошлой неделе их было и арканом не вытащить из дома. Эмир обречен.

Они вошли в большой длинный коридор, пол которого был выстлан дорогим паркетом. Повсюду валялись всевозможные поломанные предметы интерьера разграбленных квартир, расположенных вдоль него. Алиф шел мимо инкрустированных журнальных столиков, торшеров «Тиффани», турецких ковров и всевозможных статуэток, все больше задумываясь о происходящем. Он так глубоко ушел в свои мысли, что даже вздрогнул от неожиданности, услышав тихий стон Нового Квартала.

— Все-таки они переколотили мои тарелки! — жаловался тот. — Это же расписано вручную. Каждая тарелочка обошлась мне в сотню дирхамов.

Алиф бросил взгляд внутрь квартиры с распахнутой

покореженной дверью, возле которой стоял его друг. Судя по всему, до недавнего времени это было прекрасно оборудованное гнездышко молодого холостяка. На полу лежало с дюжину разбитых бело-синих фарфоровых тарелок, напоминавших какую-то безумную мозаику, потому что Новый Квартал с досады раскидал груду осколков ногой. Сквозь разбитые окна с улицы до друзей снова донеслись ружейные выстрелы. Потом Алифу почудилось, будто он слышит чей-то отчаянный вопль.

— Мне кажется, они стреляют по демонстрантам, — тихо произнесла Дина и тут же поморщилась при очередной автоматной очереди. Алиф спрятался в оконной нише. Чей-то жалобный крик послышался со стороны площади, а вместе с ним в воздух проник запах горящей резины. Металлический голос полицейского, говорившего в мегафон, потребовал, чтобы мятежники выстроились в шеренгу перед полицией и стояли спокойно.

— Здесь нам оставаться опасно, — забеспокоился Новый Квартал, нервно расхаживая по мраморному полу своей гостиной, время от времени поднимая перевернутые стулья и прочие мелкие предметы обстановки. Внезапно он остановился у разбитых каминных часов с золотым слоном наверху, и тут его накрыла новая волна горя и растерянности. — Я-то понадеялся на то, что мы сможем остаться на некоторое время тут, пока ты будешь работать над кодами, — продолжал он чуть позже и немного успокоившись. — Но все мои компьютеры испорчены… дверь взломана, замок искорежен. В общем, мы снова очутились по уши в дерьме.

В этот момент где-то неподалеку, как бы в подтверждение его слов, раздался сильный треск и послышались чьи-то шаркающие шаги. Алиф застыл на месте, он смотрел на Дину, которая только дрожала и тоже не шевелилась. Новый Квартал прекратил свое бесполезное исследование разграбленной комнаты и, остановившись, затаил дыхание, пока его лицо не раскраснелось. Шум затих.

— Даже эта проклятая летающая женщина — и та бросила нас, — пожаловался Новый Квартал. — Теперь из Города нам не выбраться.

— Ты же сам сказал, что никогда больше не позволишь джинну переносить тебя по воздуху, — прошипела Дина. — Вот она и приняла это как оскорбление.

— Кажется, я слышу глас разума, мать твою!

— Заткнись, — нахмурился Алиф.

Шум возобновился. Со стороны могло показаться, будто там, внизу, бьется в силках какое-то некрупное животное, только звук

этот был какой-то необычный, жесткий, как будто трутся куски очень грубой материи. У Алифа внутри все сжалось, и он нервно задышал.

— Я знаю, что это такое, — прошептал молодой человек. — Боже мой! Нельзя допустить, чтобы эта тварь приблизилась к нам. Нельзя пускать ее сюда. Дина, прошу тебя… — взмолился он, не обращая внимания на то, что просит помощи у женщины. Он как будто снова очутился в темноте и был сейчас совершенно один, без поддержки. Ему даже показалось, что в комнате почему-то сразу стало темней и холодней, а шум толпы на улице затих окончательно. Стало слышно, как по лестнице поднимаются какие-то люди, шлепая по ступенькам босыми ногами.

— Что случилось с освещением? — жалобно заскулил Новый Квартал. Алиф понял: еще немного этого кошмара, и у него начнется истерика.

— Ты тоже заметил?

— Что значит «тоже»? Что тут происходит, черт побери?

Часто дыша, Дина приблизилась к разбитой двери.

— Дина! — прикрикнул на нее Алиф, уже ругая себя за то, что позволил себе проявить слабость в ее присутствии. — Осторожней! Не ходи туда!

Но она проигнорировала его предупреждение и негромко, но достаточно уверенно прочитала последние строки из Корана:

— Скажи: «Прибегаю к защите Господа рассвета, от зла того, что Он сотворил, от зла мрака, когда он наступает, от зла колдуний и от зла завистника, когда он завидует».

Шаги замерли, но затем раздались снова, на этот раз кто-то спешил наверх уже с чудовищной скоростью.

— Что это за тварь?! — пронзительно закричал Новый Квартал.

И тут они поняли, что воздух как будто стал покидать комнату. Алиф упал на колени и принялся раскачиваться взад-вперед, словно потерял рассудок.

— Скажи: «Я обращаюсь за защитой к Господу людей, — продолжала Дина. — Правителю людей, Богу людей от зла внушающего, который внушает злое в грудях людей, из джиннов и людей».

Через остатки двери послышался гул, потом кто-то злорадно произнес:

— Да, именно эти слова. Именно эти слова, да.

Алиф съежился, сжался в комочек. Где-то позади него жалобно пискнул Новый Квартал, готовый расплакаться, как ребенок, проснувшийся от ночного кошмара. Дина оставалась на своем месте черным пятном на фоне сгущавшегося мрака, ее

худая фигура сейчас служила единственной преградой к Алифу на пути страшной твари, намеревавшейся втянуться в комнату через испорченную дверь. Чудище без глаз смотрело на молодого человека. Они сразу узнали друг друга. Алиф застонал, зажав уши ладонями. Он сразу вспомнил все: и камеру, и темноту, и эти страшные шаги, которые будто проделывали круги, которые с каждым разом становились все у́же и у́же.

— Прибегаю к защите Господа, — громче проговорила Дина. — Пожалуйста, повторяй эти слова вместе со мной.

Алиф осознал, что она сейчас обращается к нему, и послушно приготовился повторять за девушкой, но из его горла не донеслось ни звука, несмотря на то что он усердно шевелил губами.

— Пожалуйста, — повторила Дина. Голос ее чуть заметно дрожал.

— Прибегаю… прибегаю к защите… — Он силой заставлял себя произносить слова, стоя на четвереньках. Когда Алиф поднял голову, он увидел, что Дина отступила к окну, стекло которого оказалось разбитым, но зато сюда проникал свет с улицы. На какой-то момент из черного пятна она превратилась в золотое, словно в складках ее одежды собрались солнечные лучи.

Чудище замерло на месте.

— Прибегаю к защите Господа от зла, — твердо проговорил Алиф. И тут страх, который владел им всего минуту назад, куда-то исчез, растворился, и его место заняло какое-то яростное и светлое чувство. Темная тварь поползла вперед и тоже оказалась на солнце вместе с Диной. Своим безразличием она словно пыталась доказать ему, что за невидимыми стояли еще более невидимые силы, если такое, конечно, вообще было возможно.

— Прибегаю к защите Господа, — повторила Дина, — от зла мрака, когда он наступает.

Тварь затряслась, собралась в комок и пружинистым прыжком рванулась на девушку, в полете разевая зубастую пасть на бесформенной морде. Новый Квартал принялся истерично визжать. Алиф бросился вперед и, вцепившись в резиновые конечности адского существа, попытался оторвать его от Дины. Она в ужасе отшатнулась, стараясь удержать равновесие, а Алиф продолжал ловко отделять тварь от ее тела, крепко впиваясь пальцами в скользкую массу. Чудище запищало и повернулось к нему, снова разверзая отверстие-пасть, которое начало увеличиваться в размерах до тех пор, пока, как показалось Алифу, не стало больше самой твари. Сейчас она явно нацелилась на горло юноши.

И Дина не выдержала. Она начала звать Алифа, выкрикивая

его настоящее имя, и в ее голосе звучало столько ужаса, что он перекрыл всю напускную храбрость юноши. Тварь повалила его на пол, и Алиф, падая, больно ударился затылком о мраморные плитки. Перед закрытыми глазами сверкнул огонь, он быстро заморгал и чуть не задохнулся от неожиданности, стараясь поскорей прийти в себя и сосредоточиться на противнике. Но тело уже не повиновалось ему. Веки почему-то сразу стали тяжелыми, а мышцы разом обмякли.

Когда он снова заморгал, то был весьма удивлен увидеть, что над ним склонился Викрам.

— Какой же тут у вас беспорядок, братишка!

Сейчас, на фоне яркого света, в голове Алифа он казался какой-то сумрачной тенью.

— А я думал, что ты умер, — пробормотал молодой человек.

— Тогда ты не полный идиот, потому что я действительно мертв, — подтвердил Викрам.

Алиф запаниковал:

— Получается, что в этом случае я тоже мертв. Боже мой…

— Какой же ты еще маленький, — покачал головой Викрам. — Ты не мертв. А даже если бы это было и так, то это еще не повод распускать нюни.

— Сейчас это уже не важно. В любом случае я снова потерпел поражение. Государство стреляет в людей прямо на улицах, Рука натравил на меня своих безглазых черных тварей, и я вдобавок ко всему совсем не уверен в том, что смогу остановить его…

— Как неожиданно! Оказывается, тебе не чужда и скромность. А я-то думал, что ты считаешь себя непревзойденным юным гением.

— Нет. И никогда не считал. Я жалок.

— Моя сестра так не считала.

— Откуда ей это знать? Всего один раз…

— Боже мой, я имел в виду совсем не это. Она рассказывала, что много ночей сидела у тебя на подоконнике и наблюдала за тем, как ты часами трудился за своим компьютером без перерыва. Не сомневаюсь, что тебе удалось придумать что-то весьма ценное.

Алиф не сразу понял, о чем он говорит.

— Тин Сари? Но как эта программа может помочь?

— А я откуда знаю? Помаши своими тоненькими пальчиками и произнеси заклинание или что там вы еще в таких случаях делаете?..

Алиф был поражен.

— Если я заставлю Тин Сари распознавать Руку, — задумчиво начал он, — то теоретически возможно будет забросать его бомбами даже отсюда, и при этом не придется отслеживать

каждый из его цифровых пальцев. Но ведь мне потребуются недели для того, чтобы собрать данные для определения его профиля.

— М-м-м… — задумался Викрам. — Но если ты прятался от этого человека так долго, может быть, ты уже сам знаешь, от чего именно ты скрывался?

Алиф в отчаянии тяжело вздохнул. Ну как можно объяснить Викраму, почему его логика тут не срабатывает? Он раскрыл было рот, чтобы достойно ответить, но тут же замер на месте. Слова умершего Викрама еще раз пронеслись у него в голове, но уже с другим смыслом, открывая Алифу нечто такое, о чем он раньше почему-то даже не подумал.

— А ведь ты прав, — словно, не веря самому себе, произнес он. — Эти данные уже есть, верней, их можно легко собрать из прошлых атак на наши системы. Мы годами записывали диагностику в облаке, причем все сразу — и Новый Квартал, и Абдулла с радио, и Гурхабосс, и все остальные. Может, это и сработает. Должно сработать.

— Совсем неплохо для такого тупицы, который при этом еще находится и без сознания. — Викрам нагнулся и взъерошил Алифу волосы когтистой лапой. Было что-то разочаровывающее в том, что, как выяснилось, эта лапа ничего не весила, и оттого юноша даже не ощутил прикосновение приятеля. Зато он понял, что снова чувствует руки и ноги. Мир начинал выправляться.

— У меня начались галлюцинации, — мрачно констатировал он.

— Что ж, готов согласиться. Пожалуй, я теперь оставлю тебя, чтобы ты самостоятельно мог поразмышлять над смыслом моих слов. — Он повернулся и приготовился прыгнуть в туманный свет. — Да, кстати, — вдруг вспомнил он, — как только очнешься, сразу же пригнись.

Алиф пригнулся. Где-то над его головой сначала что-то угрожающе просвистело, затем раздался жуткий грохот, смешавшийся с какофонией разлетающихся в разные стороны колесиков и шестеренок. Истошно заквакав, липкая тварь свалилась с туловища Алифа. Юноша посмотрел наверх и тут же увидел, что над ним стоит Новый Квартал и держит в руках то, что осталось от дорогих каминных антикварных часов.

— Значит, храбрость к тебе все-таки вернулась, — прохрипел Алиф.

— А перед этим я описался, — признался товарищ.

Алиф попытался сесть на полу, но у него это не получилось. Кто-то резко дернул его назад, и когда юноша повалился на пол, принялся тащить его куда-то в сторону за лямки рюкзака. Дина

снова закричала от страха.

— Отдай книгу нам, — прошипела тварь.

Алиф перекатился на бок, пытаясь снять с плеч лямки, чтобы освободиться от рюкзака. Существо ринулось на него, как кошка на свою жертву, разрывая нейлоновые ремни. Потом с радостным скрипучим смехом оно ухватилось за хрупкий переплет «Альф Лайла». Алиф успел вцепиться в край тома прежде, чем черные пухлые пальцы полностью завладели книгой. Существо грозно зарычало и дернуло книгу на себя. Алиф ощутил весьма чувствительную нагрузку на плечевой сустав, и если бы все это происходило в турецкой бане с участием профессиональной массажистки, он, вероятно, смог бы даже испытать удовольствие. Но, учитывая нынешние страшные обстоятельства, он только вскрикнул от боли и обиды. Затем юноша отпрыгнул назад, выпуская том из руки.

— Да пошел ты!.. — закричал он на чудище. — И Руке передай, чтобы он убирался туда же!

Жуткая тварь разинула свой необъятный рот и взвыла, а на Алифа пахнуло страшной вонью. Тварь прижала книгу к груди. Затем, в несколько каких-то неуверенных прыжков боком, она очутилась у окна и, не раздумывая, бросилась через него на площадь и исчезла.

Какое-то время Алиф мог только слышать свое безудержное неровное дыхание. Потом он попытался собраться с духом и для этого снова лег на пол. Бормоча себе под нос то ли молитвы, то ли причитания, Дина опустилась на колени рядом с ним и дрожащими пальцами провела по его волосам.

— Надо было просто отдать эту книгу им, — негромко произнесла она. — Я не понимаю, зачем тебе понадобилось так защищать ее.

— Я же обещал мариду, что не буду спускать с нее глаз, — объяснил Алиф. — К тому же ударился я не очень сильно.

— Да уж, — покачал головой Новый Квартал, недовольно рассматривая свой халат. — Я удивляюсь, как вообще у тебя череп остался цел. По-моему, я даже слышал хруст костей. Ты на несколько секунд полностью отключился.

— Я тоже решила, что эта тварь вознамерилась обязательно убить тебя, — согласилась Дина.

— А я решил, что она нацелилась на тебя, — парировал Алиф, пытаясь улыбнуться. — Ты с такой смелостью направлялась к ней, как будто это бродячая кошка случайно посетила твой сад, и тебе понадобилось непременно шугануть ее оттуда.

— Вы оба смельчаки, — подытожил Новый Квартал. Потом он посмотрел на свои руки, как будто впервые замечая, что зажал

между ладонями складки ткани своего халата и продолжает нервно теребить их. Он вздохнул и выпустил ткань, на которой в этом месте красовалось мокрое пятно.

— Как ни странно, — едва слышно заявил он, — эта часть нашего плана прошла на удивление гладко. Я надеюсь, что нам удалось выиграть немного времени.

— Ровно столько, сколько потребуется этой твари для того, чтобы добраться до Руки и продемонстрировать ему свою добычу. Ну а когда Рука увидит, как мы его провели, он вернется за нами, но только теперь он будет очень, очень зол. — Алиф начал подниматься с пола. — Мне нужно заняться делом, а для этого потребуется выход в Интернет.

— Кажется, это единственное, чем я смогу быть полезен, — заявил Новый Квартал и на негнущихся от напряжения ногах двинулся в сторону спальни. — Ты запускай свой нетбук и найди там сеть под названием «Ситистейт». А я пока что вспомню коды доступа и напишу их тебе.

Дина вручила Алифу его потрепанный рюкзак. Он тут же извлек из него свой нетбук и принялся яростно трясти головой, чтобы вернуться в нормальное состояние и прогнать пляшущие черные точки перед глазами.

— А ты уверен, что эта сеть будет работать? — осведомился он, обращаясь к хозяину квартиры. — Похоже, Рука позаботился о том, чтобы в Городе пропала всякая связь с внешним миром.

— Все продумано. — Новый Квартал возился в спальне. Через пару секунд оттуда вылетел его халат и приземлился на кучу обломков мебели в коридоре. — До этой сети ему не дотянуться. Она спутниковая.

— По-моему, он может все, и если он знает о спутнике нечто большее, например, где на земле находится связанная с ним аппаратура…

— Не знает. Этот спутник принадлежит мне.

Алиф вытаращил глаза на приятеля, а тот гордо вышел из спальни в свежем халате.

— Ты еще слишком молод, чтобы иметь такую роскошную квартиру, — заявил он, — ну, а про спутник я вообще молчу.

— Как же ты не прав! Я мог бы купить «мерседес» с отделкой из чистого золота, как этот толстый болван Сулейман, номер четырнадцать в очереди на трон. Радоваться надо — причина того, что Город прогнил насквозь, заключается в том, что остальные двадцать пять принцев имеют столько денег, что и сами не знают, куда их потратить. С другой стороны, у меня их ровно столько, что я сумел найти им применение. В наш век информации побеждает тот, у кого всегда имеется надежная связь

с Интернетом. И пропади пропадом все цензоры мира!

— Свой собственный спутник…

— Да, именно так. Мой собственный спутник. А теперь заткнись и принимайся за работу.

Алиф приготовился, привычным движением поставив пальцы на клавиатуру. Он попытался представить себе, что именно он сейчас должен будет сделать. Сначала его сильно отвлекал образ той самой башни, которую он выстраивал на компьютере шейха Биляля. Алиф думал о том, удастся ли ему еще когда-нибудь в жизни изобрести что-то такое же прекрасное и внушительное, пусть даже и с изъяном, как это получилось с башней. Теперь простое программирование показалось ему скучным и обыденным. Сейчас без «Альф Яум» он становился самым заурядным хакером, который пишет строки кодов одну за другой, сидя за ярким экраном, и никто при этом за ним не наблюдает и никто им не восхищается.

— Вопрос из чистого любопытства, — подошел к нему ближе Новый Квартал. — Что ты сейчас планируешь сделать?

Алиф извлек флешку из потрепанного рюкзака и внимательно рассмотрел ее. К счастью, она оказалась неповрежденной, — видимо, действовало благословение слепого дервиша.

— Привязать к Руке «хвост», — пояснил он. — Да такой, который ему ни за что не удастся стряхнуть.

* * *

Он работал с какой-то яростной энергией и энтузиазмом. Как и обещал Новый Квартал, облако оказалось цело. В нем содержались записи чатов, полные догадок касательно его методов и техники, диагностика и аналитические разборы, а также целые цепочки файлов, посвященные записям об атаках Руки на их цифровые брандмауэры. Алиф очистил данные и загрузил их в зомби-сеть Тин Сари, всякий раз бормоча «во имя Аллаха», когда нажимал клавишу ввода.

— У тебя нет холодного компресса или льда, который можно положить во что-нибудь сухое? — в какой-то момент спросил он у Нового Квартала. — Нетбук начинает страшно нагреваться.

— Сколько материнских плат ты сжигаешь в неделю? — со вздохом поинтересовался Новый Квартал. Он начал пробираться по комнате от двери, где охранял их с острой деревяшкой в руках.

— Не так много, как тебе может показаться, — ответил Алиф, не сводя глаз с дисплея. Он отвел руку в сторону, и Дина тотчас

коснулась ее.

— Как ты? — прошептал он.

— Мне будет лучше, когда все это закончится, — ответила она.

Ее рука все сильнее сжимала ладонь Алифа. Не желая отстраняться, он несколько минут печатал одной рукой, вводя одну за другой строчки кода, создавая блоки вредоносной программы, которая, как он надеялся, окажется примитивной и достаточно разрушительной, чтобы превратить любую операционную систему в месиво из пикселей.

— Что-то я не врубаюсь, — сказал Новый Квартал, помахивая своей палкой. — Что такого особенного в твоей программе? Рука ведь не какой-нибудь тринадцатилетний недоросток с кривыми торчащими зубами, устраивающий DDoS-атаки. У него уже есть произвольно меняющиеся IP-адреса — ты сам знаешь, как это делается. Это такой волк, что иногда нет вообще никакого исходного адреса. Его же практически ничем невозможно вычислить.

— Кроме Тин Сари, — ответил Алиф. — Чтобы скрыться от нее, ему придется стать кем-то еще.

— Не понял.

— А тут нечего понимать. Я написал это приложение и сам понятия не имею, как оно работает. Но ведь как-то работает. Вот и все.

Новый Квартал плюхнулся на мраморный пол и положил палку на плечо. В его глазах читалось восхищение.

— Вот это и называется мастерством, — произнес он.

Алиф вздохнул. Его указательный палец завис над клавишей ввода.

— Нет. Мастерство — это когда понимаешь, что ты создаешь. А я настолько глуп, что пропустил совершенно элементарную вещь, — сказал он. — Так, давайте помолимся. Я сейчас запущу эту штуку. Потом еще придется помолиться, поскольку она может вырубиться до того, как засечет профиль Руки, или после того — прежде чем она начнет взрывать бомбы.

Новый Квартал с готовностью поднес руки к лицу.

Алиф коротко кивнул.

— Можешь положить это к себе в сумку? — попросил он Дину, подавая ей нетбук. — Мой рюкзак совсем истрепался. — Он покачал на пальце донельзя изорванную нейлоновую тряпку.

— Конечно. — Она спрятала нетбук в сумку на ремне, взятую из дома марида, застегнула молнию и перекинула ее через плечо. — Пошли.

Они быстро миновали гостиную. Новый Квартал зацепился за

останки двери и рванулся вперед: та слетела с петель и с грохотом рухнула в коридор.

— Вот так, — констатировал он. — Теперь революционеры могут беспрепятственно меня грабить. Им будет чем поживиться.

Он повел их по коридору к главной лестнице, прокладывая дорогу сквозь вдребезги разбитое содержимое соседских квартир. Они прошли мимо ряда застывших лифтов, за открытыми дверями которых сияла зеркальная отделка. Алиф вдруг вскрикнул, испугавшись собственного отражения.

— Тихо ты! — прошипел Новый Квартал. — Мы же не знаем, кто еще тут может ошиваться.

— А что случилось с жильцами? — прошептала Дина. — Куда они все делись?

Новый Квартал посмотрел вокруг отсутствующим взглядом.

— Погибли или сбежали, — ответил он. — Большинство моих соседей были иностранными специалистами, работавшими на нефтяные компании. Они, наверное, укрылись в посольствах, а потом эвакуировались.

— Никогда не думал, что до этого дойдет, — пробормотал Алиф, пнув ногой электронную начинку валявшегося на полу телевизора с плоским экраном.

— Неужели? — удивился Новый Квартал. — А мне казалось, что именно этого мы и хотели.

Получив отповедь, Алиф умолк. Они вышли из коридора через стеклянную дверь и пересекли участок крыши, чем-то напоминавший внутренний дворик, по обоим краям которого стояли разбитые горшки с туберозами и гибискусами. Отсюда демонстрация на площади давала о себе знать лишь однородным приглушенным ревом: людское море во время прилива. Потом они снова вошли в здание, оказавшись в холле, обставленном огромными кожаными креслами, в конце которого находилась стойка с баром, превратившимся в пустой шкаф, поскольку все его содержимое давным-давно унесли.

— Судя по характеру разгрома, мы теперь знаем, что тут похозяйничали не исламисты, — неуверенно пошутил Алиф.

— А может, и они, — ответил Новый Квартал. — Исламисты могли забрать бутылки, чтобы потом их разбить или использовать как тару для коктейлей Молотова. Мы попали в самый разгар восстания. Это как разглядывать полурастаявший кубик льда: уже нельзя определить его первоначальную форму, еще нельзя угадать, какая получится лужица.

— У тебя везде сплошной негатив, — проворчала Дина.

— Вовсе нет, я просто студент-историк. Революции получают название лишь после того, когда станет ясно, кто победил.

Новый Квартал ускорил шаг, проведя их через огромные, обитые парчой двойные двери, которые, как показалось Алифу, словно перенеслись сюда из вестибюля фешенебельной гостиницы. За ними оказалась широкая мраморная лестница, плавными изгибами уходившая на первый этаж.

Она была покрыта каким-то жутким черным веществом. Сначала Алиф подумал, что на лестницу вылили содержимое нескольких туалетов, но чуть позже он, к своему ужасу, заметил, что на ступенях начали шевелиться некие темные существа, вытягивавшие похожие на лягушачьи лапы-щупальца и поворачивавшие безглазые лица в сторону галереи на вершине лестницы, где он стоял вместе с Диной и Новым Кварталом. Казалось, этим тварям не было числа.

— Боже милосердный, — прошептала Дина.

Алиф с трудом обуздал внезапно участившееся дыхание. Он сделал шаг вперед и обнял девушку рукой, словно пытаясь заслонить от опасности.

— Бегом, — хрипло скомандовал Новый Квартал.

— Что? Ку…

— Бегом, идиоты, бегом!

Могучий инстинкт смел остатки самоконтроля. Алиф рванулся вслед стремительно удалявшемуся белому пятну одеяния Нового Квартала, таща за собой Дину. Сзади послышался стремительно надвигавшийся жуткий чавкающий звук, как будто за ними кто-то бежал в насквозь промокшей обуви. Они ринулись назад через внутренний дворик. Алиф услышал, как Дина вдруг вскрикнула, и обернулся: она споткнулась о цветочный горшок и неуклюже растянулась среди цветков гибискуса.

— Подожди! — крикнул он Новому Кварталу.

Темные твари неслись за ними на всех своих четырех щупальцах, издавая жуткие шлепки. Алиф схватил Дину за руку и рывком поднял на ноги. Она сделала шаг вперед и вскрикнула, тотчас захромав на одну ногу.

— Обними меня за плечо, — сказал он ей.

— Я слишком тяжелая!

Так оно и оказалось. Алиф с трудом доковылял до стеклянной двери на другом конце дворика, таща на спине робко прижавшуюся к нему Дину. Внутри у него что-то оборвалось, когда он увидел искаженное лицо Нового Квартала, белое, как его одеяние.

— Живей! — проревел он, настежь распахнув дверь.

Алиф протиснулся внутрь. Дина захлопнула дверь ударом здоровой ноги. Стекло задрожало, когда десяток темных теней ударились об него, стараясь преодолеть невидимую преграду.

Они разом отступили и после недолгой паузы снова бросились на штурм. По стеклу поползла предательская трещина.

— Собачьи дети! — рявкнул Новый Квартал и на четвереньках ринулся прочь от двери. Алиф, словно оцепенев, не мигая, смотрел на трещину в стекле.

— В сумке, — потянула его за рукав Дина. — У меня в сумке.

— Что там?

— Слезоточивый газ.

Алиф кое-как расстегнул молнию на сумке. Внутри под его нетбуком лежали моток тонкой веревки, плоскогубцы, зажигалка и еще с полдесятка каких-то предметов. На дне обнаружился маленький черный баллончик, испещренный предупреждающими надписями по-английски.

— Это что, все может пригодиться? — недоуменно спросил Алиф.

— Да-да, это из дома марида. Ты не спрашивай, а скорей доставай газ.

Алиф вытащил черный баллончик. Темные твари бились о треснутое стекло с нарастающей силой, все больше и больше деформируя его. Дверь начала прогибаться внутрь. Новый Квартал кричал уже во весь голос, закрыв лицо руками. Скользкими от пота пальцами Алиф пытался снять колпачок с баллончика. Тот выскочил у него из рук и покатился по полу.

— Ну же, давай!

Дина рванулась за баллончиком и схватила его как раз в ту секунду, когда стекло разлетелось вдребезги. Алиф инстинктивно согнулся пополам, чтобы защитить лицо от осколков. Раздалось громкое шипение, коридор наполнился едким белым дымом, тотчас обжегшим носоглотку Алифа. Задыхаясь, чихая и кашляя, он сделал несколько шагов на ватных ногах. Сквозь повисшую белую пелену раздавался визжащий хор боли и бессильной ярости. Чьи-то руки схватили Алифа и потащили его вперед, в коридор с массивными дверями, где находилась квартира Нового Квартала. Из глаз Алифа ручьем лились слезы.

— Живей, не останавливайся, — услышал он сзади голос Дины.

Он повиновался, с трудом ступая не слушавшимися его ногами, пытаясь протереть глаза нижними половинками ладоней. Алиф на ощупь шагнул вправо, где послышался кашель и стон. Ухватив Нового Квартала за воротник, он молча потянул его вперед. Перед ним оказался зияющий дверной проем, ведший в квартиру его друга. Кое-как преодолев его, он проковылял в комнату, некогда представлявшую собой роскошно убранную гостиную, жадно хватая ртом воздух. Размахивая руками, Новый

Квартал вырвался и рухнул на пол. Алиф оглянулся, ища глазами Дину. Прихрамывая, она прошла сквозь дверной проем.

— Спасибо, — прохрипел Алиф. — Я немного облажался.

Дина покачала головой и откашлялась, после чего рассмеялась икающим, истерическим смехом.

— Ну что ж, — сказала она, — по крайней мере мы оказались в исходной точке, а не где-нибудь похуже.

— О, это не совсем так.

Алиф подпрыгнул на месте, лихорадочно мигая, сквозь застилавшую глаза пелену стараясь разглядеть место, откуда раздался этот голос. Знакомый голос. Столь же знакомым был запах серы, распространившийся по комнате, казавшейся слишком темной для полудня и слишком душной для зимнего времени. Его охватил ужас.

— Ну, здравствуй еще раз, Алиф, — произнес Рука. Он сидел спиной к окну, облаченный в свое белое одеяние. Алиф поднял на него слезящиеся глаза, и ему показалось, что светившее в окно солнце создавало вокруг Руки какой-то жуткий ореол. — И ты здравствуй, Абу Талиб. Кто бы мог подумать, что за такой тривиальной, ничем не примечательной внешностью скрывается опасный бунтовщик. Ты доставил мне немало непредвиденных забот и расходов. Твой матушке известно, чем ты занимаешься?

Новый Квартал лишь захныкал в ответ. Рука сидел во вращающемся кресле, которое он перетащил из угла, и был спокоен, словно проводил совещание у себя в кабинете. По обе стороны от него располагались два одинаковых бестелесных чудища, некие сколы пустоты, вытягивающие тепло из окружавшего их воздуха и двигающиеся, как люди. В извивающейся внутри их тьме Алиф заметил жуткие очертания зубов, когтей и языков, которые молчаливо свидетельствовали о такой кровожадности, какую и вообразить-то было нелегко.

— Алиф, — дрожащим голосом пролепетал Новый Квартал, — я должен перед тобой извиниться. Никогда бы не поверил…

— О, ради всего святого, будь же мужчиной, — оборвал его Рука с презрительной гримасой. — Мне в той же степени претит сама мысль о том, чтобы убивать юнцов, едва начавших бриться, что и тебе ненавистна мысль о смерти. Новый Квартал, вот те на! Я многие годы охочусь за тобой. Ты скорее всего начал хулиганить лет в четырнадцать.

— В тринадцать, — промямлил Новый Квартал.

Темные твари, преследовавшие их по всему зданию, начали заползать в комнату на тонких жабьих лапах. Дина взвизгнула, когда одна из них коснулась ее ноги.

— Что, вызывают отвращение? Вам бы увидеть их более крупных собратьев. Эти покажутся просто забавными котятами, — произнес Рука.

Он вытянул руку. Ближнее к нему чудище вытянуло свою раздутую шею и потерлось щекой о его пальцы.

Алиф беззвучно рассмеялся.

— Тебе смешно? — резким голосом спросил Рука.

— Нет, — ответил Алиф, — совсем не смешно. Просто исламисты многие годы твердили о том, что Государство опирается на некие демонические силы. Никогда не думал, что они, возможно, и правы.

Рука с отвращением фыркнул, вскочил с кресла и начал ходить взад-вперед по комнате.

— Кучка полоумных, бородатых гомосексуалистов — вот кто они все. Что они знают о демонологии? Все то, что ты видишь в комнате, вовсе не опасно, Алиф. Я скажу тебе, что представляет собой реальную опасность. Духи, таящиеся в твоей крови, отравляющие разум и разъедающие волю. Они плодятся на рынке, соблазняя тебя вещами, которые тебе не нужны, и деньгами, которых у тебя нет. Аллах был прав: именно этих демонов мудрец боится больше всего. И они в изобилии присутствовали в Городе задолго до того, как здесь появился я. Здешние места просто кишат шайтанами, и тем не менее ты презираешь меня за то, что я призвал некоторое число помощников, которых вполне можно назвать собаками.

Алиф заметил, что на лбу у Руки выступили капельки пота.

— А как же те люди? — спросил он, показывая из окна на бушующую внизу толпу. — Они не кажутся мне одержимыми злыми духами.

Рука издал короткий лающий смешок.

— Они страдают от другого недуга, того же, что и ты, — иллюзии свободы.

— Вы их уничтожите? — прошептала Дина, заявив о своем присутствии. На лице Руки появилась нервозная улыбка.

— Мне не придется этого делать. Я спущу на толпу своих маленьких друзей, и она сама себя уничтожит. Возникнут и начнут крепнуть взаимные подозрения, появятся фракции, секуляристы и исламисты вдруг обнаружат, что не смогут сотрудничать, мужчины решат, что женщины им не ровня. Кто-то сорвется и вытащит нож. И вот тогда настанет конец.

Алиф сглотнул подступивший к горлу комок и посмотрел из окна на лежавшую внизу площадь. Толпа разрослась до потрясающих размеров. Казалось, что площадь и прилегающие улицы исчезли. Широкие, сходящиеся к площади проспекты

скрыло волнующееся море людских голов. Алиф спросил себя, скольких демонстрантов он знал, скольким помогал — невидимый, скрывавший их цифровые «я» от человека, сидевшего напротив него. Он вспомнил Египет и своих анонимных друзей, которых обрек на страдания из-за страха за собственную шкуру.

— Никогда больше, — пробормотал он.

— Что-что? — Бездонные глаза Руки сузились.

Алиф заставил себя посмотреть ему прямо в зрачки.

— Отправляйся в преисподнюю.

Лицо Руки налилось кровью, и он сделал несколько шагов в сторону Алифа. Алиф задрожал, но сумел совладать с собой. Порывшись в кармане, он достал свисток, который дала ему женщина с козьими рогами, и зажал его в кулаке.

— Что такое? — переспросил Рука свирепым голосом.

— Я говорил, что доживу до того дня, когда тебя бросят на съедение псам, — ответил Алиф. — И я еще жив.

Он поднес свисток к губам и дунул в него.

Алиф ждал. Но ничего не произошло.

Рука начал смеяться. Это был ужасный, безумный хохот, исторгавшийся из его груди, словно бессмысленный вой шакала.

— Алиф, Алиф, — выдавил он из себя, — убери эту идиотскую игрушку. Твои друзья не придут.

Алиф внезапно покрылся холодным потом.

— Что значит — не придут? — спросил он, как-то сразу обмякнув.

Рука захохотал еще громче. Он снова уселся во вращающееся кресло Нового Квартала, мышцы на его пунцовом лице напряглись.

— Что я тебе сказал тогда, в той самой вонючей камере? Я победил.

Он протянул руку. Одно из бестелесных чудищ начало извиваться, как пламя на сильном ветру. Затем у него выросла испускавшая пар конечность, которая залезла внутрь чудища и извлекла оттуда пыльную рукопись в синем переплете.

— Ты лишился своей выигрышной фишки. Мои маленькие друзья раздобыли вот это буквально сегодня. — Рука взял книгу и провел пальцами по корешку.

— Посмотри внимательней, — сказал Алиф, приободрившись. — Это не то, что ты думаешь. У тебя в руках старый, но вполне обычный экземпляр «Тысячи и одной ночи».

Не говоря ни слова, Рука бросил книгу к ногам Алифа. Тот вытер ладони о брюки и, весь трепеща, нагнулся, чтобы поднять ее. Он услышал резкий запах прежде, чем успел коснуться переплета. Алиф закрыл глаза.

Перед ним лежал «Альф Яум».

Глава шестнадцатая

— Он умер? — спросил Алиф тяжелым голосом. — Этот марид. Ты убил его из-за книги?

— О нет, — ответил Рука, снова садясь в кресло. — Я просто снова загнал его в бутылку. Он может пригодиться в будущем. Замечательные создания, эти мариды, но тупые, как пробка. Это было нетрудно. Он вон там, в углу.

Алиф перевел взгляд и увидел ничем не примечательную бутылку из-под колы, стоявшую на полу рядом с одним из бесформенных стражей Руки. Внутри ее извивался тяжелый, вязкий туман свинцово-серого цвета.

— А что с американкой?

— Это с беременной-то? Я что, похож на идиота? Если бы она мне позволила, я доставил бы ее в посольство в частном лимузине. Никто не хочет возиться с несчастными американцами. Но вышло так, что я оставил ее в Пустом Квартале в обществе джиннов, а уж что там они с ней делали… Хотя, должен признаться, она была весьма раздосадована подобным поворотом событий. Именно она сказала мне, что ты ждешь гостей. Как только твоя геройская команда увидела, что я сделал с маридом, она мудро решила не ввязываться.

— Трусы, — пробормотала Дина.

— Не согласен. Среди джиннов редко попадаются трусы — просто они все такие: как правило, скорее практичные, нежели благородные.

Алиф вспомнил последние часы Викрама, истекающего кровью на руках новообращенной.

— Это неправда, — заявил он.

Рука бросил на него раздраженный взгляд.

— Правда это или нет — не имеет ни малейшего значения. Какой смысл невидимому держать свое слово? Да никакого. Мы честны лишь потому, что должны жить при свете дня.

Алиф услышал, как Дина тихо произнесла его настоящее имя. По не вполне понятным ему причинам это потрясло его, к тому же он не мог взять в толк, что побудило ее к этому именно сейчас. Он оглянулся и посмотрел на нее, скрытую за черным никабом, перехватил ее взгляд и почувствовал, как все его жизненные нити туго натянулись, открыв наконец скромный образ, который он вплел в пестрое полотно мира. Он снова повернулся к Руке.

— Ты просто бурдюк с дерьмом, — произнес он ровным голосом. Где-то сзади Новый Квартал сдавленно простонал. Алиф

не обратил на него внимания и продолжал: — Именно из-за таких, как ты, нам приходится становиться невидимыми, чтобы быть честными. Ты сделал так, что правду можно говорить лишь во тьме под вымышленными именами. Единственное, что процветает в Городе при свете дня, — это дерьмо. Твое дерьмо, дерьмо эмира. Государственное дерьмо. Но ваше время кончилось. Все те, кого ты предпочел не замечать, собрались на площади и жаждут твоей крови. И я, и Новый Квартал, и все наши друзья, и все те, за кем ты охотился, кого похищал и бросал в тюрьмы в течение многих лет, — мы сделаем все, чтобы они ее получили.

Лоб Руки покрылся крупными каплями пота. Он резким движением сорвал свой головной убор и швырнул его на пол. С непокрытой головой он как-то уменьшился в размерах, в его растрепанных волосах тут и там сквозила седина.

— Я думал, что мы говорим о джиннах, — спокойно произнес он.

— Джинн — не единственный способ стать невидимым, — сказал Алиф. — Есть и другие методы, столь же непреднамеренные.

— Ты просто дешевый философ, — презрительно усмехнулся Рука. — Может, этим и прославишься. У меня есть «Альф Яум». У меня твой марид в бутылке из-под газировки. В моем распоряжении батальон служителей, с которым не сможет тягаться ни одна армия на Земле.

Алиф понял, чего не хватало в комнате.

— А где твоя стража? — спросил он.

Рука издал еще один лающий смешок:

— Ты что, ослеп? — Он указал рукой на бестелесных чудищ, стоявших рядом, и на темных тварей, бурлящей массой двигавшихся по комнате.

— Нет, твоя охрана из людей. Агенты службы безопасности. Те, что колотили меня по ребрам у Аль Баширы и морили голодом в тюрьме.

Рука облизнул губы.

— Мне не нужны охранники-люди, — заявил он.

— Так, значит, эмир избавился от тебя? — недоверчиво спросил Новый Квартал. — Ты облажался, и он решил, что лучше скормить тебя разъяренной толпе, чем брать под свою защиту.

Снова встав, Рука поднял воротник своего одеяния, серой полосой прилипший к его мокрой шее.

— Эмир — просто старый дурак, и его глупость будет стоить ему трона. Он возомнил, что народ любит его и что если он очистит правительство от нескольких коррумпированных

чиновников, все сразу успокоятся. Он не понимает, что люди на площади и не думают расходиться по домам.

Он прислонился к подоконнику, не обращая внимания на торчавшие по всему периметру пустой рамы зазубренные осколки стекла. На его плече расплылось красное пятно. Алиф испуганно уставился на него. Он был не готов к такому повороту событий, к тому, что человек вроде Руки отшатнется от режима. Алиф знал, что такое горькая, безграничная энергия, возникающая, когда нечего терять: именно в ней и заключалась разница между мальчишкой-лентяем с компьютером, которым он был в пятнадцать лет, и угрозой, которую он стал собой представлять всего несколько лет спустя. Именно она сделала его по-своему опасным. В тусклых глазах Руки он заметил ярость, и его охватил страх.

— И что же ты собираешься делать? — спросил Алиф.

На губах Руки появилось некое подобие улыбки.

— Именно то, что и планировал, — ответил он. — Восстановить естественный порядок вещей. Я создал цифровую инфраструктуру Государства, и тут без меня не обойтись. А людей на площади нужно заставить познать яд, являющийся подоплекой всех ложных надежд. Они могут вышвырнуть эмира, если хотят, но им необходимо научиться довольствоваться мной и смириться с этим. А благодаря этому, — он показал на «Альф Яум». — Город окажется под метабрандмауэром, по сравнению с которым китайский «Золотой Щит» покажется дырявой корзиной. Алифы этого мира или расползутся по домам, или сгинут в тюремных камерах, что предназначалось и тебе тоже и обязательно с тобой произойдет в самом ближайшем будущем.

— Ты псих, — прошептал Новый Квартал. — Ты полоумный.

— А ты мертвец, щелкающий челюстями. Люди на площади жаждут видеть вздернутых за ноги принцев. Могу начать с тебя.

Безглазые твари забеспокоились, волнами пробегая по полу и стенам на своим раздутых лапах. Алиф заскрежетал зубами.

— Ты блефуешь. Ты не сможешь построить никакого брандмауэра. Книга выдаст тебя так же, как и всех остальных. Посмотри, как тебе удалось обвалить всех провайдеров в этом проклятом Городе.

Темное, безглазое лицо ударилось о его лодыжку. Алиф с силой прикусил губу, чтобы не вскрикнуть, надеясь, что Рука не заметил, как он дернулся от боли.

— Это все твои ошибки в кодировании, — надменно возразил Рука. — Теперь же, когда у меня есть «Альф Яум», я исправлю твои недочеты.

Алиф перевел взгляд на рукопись, лежавшую на полу между

ним и Рукой. Безглазые чудища как будто инстинктивно обходили ее, образовав вокруг книги такое же кольцо, каким они окружили своего хозяина. Доносившийся с площади шум усилился и теперь, казалось, исходил отовсюду, включая нижние этажи. Где-то совсем рядом со звоном разбили окно.

Алиф вдруг ощутил тот же прилив энергии, который охватил его во внутреннем дворике дома марида, когда он рванулся к двери, приведшей его к Дине, выразившийся в полной уверенности в том, что большинство проблем решалось очень просто, если ты готов пойти на соразмерные жертвы.

— Докажи это, — сказал он.

Стоявшая сзади Дина издала короткий вздох. Рука выглядел встревоженным, как будто Алиф отклонился от сценария, которому должен был следовать.

— Что значит — докажи? — осторожно спросил он.

— Подними книгу, открой ее и скажи мне, как ты станешь устранять мои недочеты, — предложил Алиф.

Его поразило спокойствие, с которым он произнес эти слова. Новый Квартал схватил его за рукав. Алиф раздраженно вырвался. Рука поднял бровь, посмотрел на книгу, потом на Алифа и облизнул губы.

— Ну хорошо, — произнес он и осторожно поднял с пола «Альф Яум», держа его двумя пальцами.

Алиф наблюдал, как Рука перелистывал древние страницы, бегло просматривая текст. Лицо его изменилось, приняв сперва напряженное, а затем почти безумное выражение.

— Ну да, — наконец сказал он. — Вот основная сюжетная линия: Фарухуаз и кормилица плюс тема замужества. Ты, конечно же, заметил, что замужество играет очень незначительную роль в последующих историях. И это естественно, поскольку оно относится не к замужеству в буквальном смысле слова, а к союзу между аналоговым миром — это Фарухуаз — и цифровым — это кормилица. К необходимому смешению рационального и иррационального, дискретных и алгебраических функций. Основная сюжетная линия является платформой, последующие истории — отдельными программами…

Он провел тыльной стороной ладони по взмокшему лбу. Обтерев руку о свое одеяние, он снова начал торопливо перелистывать страницы. Глаза его горели алчным мертвенным огнем.

— Ты дочитал книгу до конца? — спросил Рука.

— Нет, — признался Алиф. — Я выборочно просмотрел ее. И прекратил это занятие после того, как мне попалась история, которая… где говорилось о знакомом мне человеке. Дальше я

продолжать не смог.

— Это потому, что ты слабак, — с отвращением фыркнул Рука.

Два бестелесных чудища взметнулись у него за спиной, словно пара огромных крыльев. Пальцы у него дрожали. В комнате царила тишина, нарушаемая лишь громким шелестом переворачиваемых страниц и шумом толпы на площади. Алиф беспокойно оглянулся в поисках безмолвной поддержки от Нового Квартала или от Дины. Но Новый Квартал, искусавший себе губы до крови, смотрел на Алифа с немым укором в глазах. Дина же вела себя как-то странно, опустив голову и уставившись в пол. Алиф почувствовал горечь и раздражение.

Он подскочил на месте, когда тишину взорвал громкий выкрик Руки:

— Это что еще за шутки?!

Книга свисала между его пальцами, открытая на главе, название которой Алиф не разобрал.

— Шутки? — переспросил он.

Его нервы были настолько напряжены, что он смог лишь улыбнуться идиотской улыбкой. Он постарался взять себя в руки. Рука побледнел, тыча пальцем в страницу ближе к концу книги.

— «Падение Руки, или Печальный рассказ о скоропостижной отставке», — прочел он вслух. — Заключительная история. Это твоя работа, ты, пидор-говноед? Ты что, хотел так разыграть меня, чтобы я спятил?

Алиф посмотрел на книгу, потом на Руку, затем снова на фолиант.

— Моя *что*?..

— Читай! — взвизгнул Рука, швырнув книгой в Алифа. Тот неловко поймал ее, прижав помявшиеся страницы к груди. Взглянув на название последней истории, он прочел свое имя.

«Сказание об Алифе-Невидимке».

Из квартиры снизу донесся приглушенный топот ног и какие-то выкрики. Алиф снова и снова перечитывал название, пытаясь понять, что же произошло. Его охватила какая-то бесшабашная жизнерадостность, словно он напился чего-то куда более крепкого, чем вино.

— Я читаю, и здесь совсем не то, — наконец пробормотал он, не в силах найти других слов.

— Что значит — совсем не то?! Ты что, неграмотный?! — взревел Рука.

Одна из безглазых тварей с утробным рыком прыгнула ему на рукав, оторвав зубами кусочек белого полотна. Тот, казалось, не заметил этого, уставившись на Алифа таким испепеляющим

взглядом, что юноша похолодел от страха.

— Я же тебя предупреждал, — прохрипел Алиф. — Я же говорил, что это коварная книга.

— Коварная?! — Рука сплюнул на пол, вмиг потеряв весь свой лоск. — Так, значит, это коварство, да? Ну что, узнаем, чем оно закончится?

Алиф снова прочел название и понял, что не хочет ничего узнавать.

— По-моему, для этого уже слишком поздно, — ответил он, отдавая книгу Руке. — Можешь прочесть, если хочешь. Я не стану.

Рука выхватил у него рукопись и принялся лихорадочно просматривать последние страницы. Он сделался бледным как полотно.

— «Если бы он в то же мгновение вышел из комнаты, то остался бы жив, — прочел он вслух. — Однако он задержался, чтобы прочитать последнюю главу книги, полную лукавого молчания и полунамеков, за которыми скрывалась пустота».

Внутри сумки Дины зазвонил будильник. Негромко заурчал кулер в нетбуке. Через пару секунд ему начали вторить встроенные в стены здания вентиляторы. Мигнув, зажглись лампочки в свисавшей с потолка уцелевшей люстре, внезапно наполнив комнату светом.

— Включается вспомогательная система, — прошептал Новый Квартал. — Что ты такое сде…

— Тсс. — Алиф украдкой посмотрел на Руку, надеясь, что тот не слышал этих слов. Но Руку охватило безразличие. Он стоял неподвижно, пустым взглядом уставившись на зияющий дверной проем и лежавший за ним коридор. Он даже не пошевелился, когда одна из безглазых тварей до крови вцепилась ему в пальцы.

Шум вентиляторов усилился, становясь почти осязаемым. Алифу казалось, что он слышит шум информационных потоков, когда в Городе стали подключаться провайдеры: пакеты нулей и единиц, разбегавшихся в стороны от хост-серверов и сетевых накопителей, пересекавших океаны, привлекавших новых сторонников революции через тысячи социальных сетей, где за миллионами жидкокристаллических дисплеев, хотя и невидимые отсюда, сидели настоящие, живые люди. Шум вентиляторов отозвался ревом толпы на площади, где демонстранты обнаружили, что их смартфоны и планшетники снова были онлайн. Ослабла цифровая хватка, которой Рука крепко держал Город. Мир узнает о происходящем на площади через тысячи новостных постов и загруженных видео и станет свидетелем перемен. Алиф вдруг перестал бояться, наслаждаясь слившимся воедино гудением людей и машин.

— Что это за шум?! — взревел Рука. Очнувшись от транса, он закрыл уши ладонями.

Алиф улыбнулся.

— Иллюзия свободы, — ответил он.

В коридоре послышались голоса. Тени множества поднимавшихся по лестнице людей заплясали на стенах, серыми пятнами падая на белоснежную отделку за порогом квартиры Нового Квартала. В комнату ворвался «передовой отряд» мальчишек, вооруженных палками и выкрикивавших лозунги на трех языках.

— Тебе конец! — завизжал Рука. — Вам всем конец!

Он повернул к Алифу искаженное гримасой безумия лицо и сделал какой-то странный жест левой рукой. Безглазые твари разом обернулись к нему. Алиф попятился к балкону, когда они бросились на него. Краем глаза он видел Дину, пробивавшуюся к нему сквозь толпу, и рассыпавшего проклятия Нового Квартала в его белом одеянии, зажатого среди плотной, разгоряченной людской массы.

Заполнившая комнату толпа, казалось, не замечала десятков ощетинившихся клыками пастей, издавших вой, когда Алиф поскользнулся на битом стекле и врезался в металлический поручень ограждения за окном. В тридцати метрах под ним простиралась площадь, представлявшая собой ревущее море людских голов. У Алифа закружилась голова, и оно стремительно ринулось на него. Он прижался спиной к ограждению, стараясь обрести равновесие и чувствуя спиной разогретый металл. Рука вопил на каком-то ужасном языке. Он поднял левую руку с зажатыми в кулак пальцами. Безглазые твари дернулись, взвыли и прыгнули, целясь Алифу в глотку.

Алиф увернулся, как мог. Две твари по инерции вылетели в окно и с визгом исчезли в раскаленном воздухе. Остальные отпрянули, трусливо прижавшись брюхом к полу. Они не обращали внимания на людскую толпу. Каким-то образом они ускользали из-под ног манифестантов, крутясь и извиваясь, словно тени на воде. Никто их не замечал.

Издав отчаянный вопль, Рука начал пробираться к окну, на своем пути повалив толстяка, вооруженного шампуром. Алиф напрягся, изготовившись дать отпор. Он никогда не дрался по-настоящему, но все же сжал кулак, потом разжал и сжал снова, поняв, что большой палец оказался внутри. Когда Рука сделал замах, Алиф поднял руку, чтобы ударить сбоку. Но Рука замахнулся не на Алифа.

Он рванулся к Дине.

Она почти пробралась к нему сквозь толпу, что-то крича, но

он не слышал ее из-за всеобщего гама. Рука схватил ее за одеяние в районе шеи и дернул ее голову назад. Край ее никаба съехал, под ним были видны черные локоны, мокрые от пота. Глаза ее в ужасе округлились. Алиф закричал во весь голос, но его крик поглотили рев и громкое скандирование толпы. Стена из тел, ярких одеяний и самодельных лозунгов сомкнулась, и Алиф потерял ее из виду. Он толкнул стоявшую рядом женщину в бежевом в клетку хиджабе, лишь на секунду ощутив угрызения совести, когда она вскрикнула и в испуге отпрянула. Алиф ринулся в образовавшееся свободное пространство, ища глазами белое одеяние Руки или черный никаб Дины. Отвратительные безглазые твари безмолвно таращились на него из-под ног и локтей зажатых в толпе людей.

Наконец он увидел тянущиеся к нему знакомые тонкие смуглые пальцы и схватился за них. Они сжали его руку. За чьим-то плечом Алиф заметил, как Рука заскрипел зубами и завернул платок никаба Дины ей за голову, стянув тканью ее нос и рот. Ее пальцы разжались и потянулись к лицу, чтобы дать доступ воздуху. Алиф ринулся к Руке, опрокинув высокого мужчину на группку подростков. Рука вскрикнул от изумления. Отпустив Дину, он замахал руками, но безрезультатно: он неуклюже вклинился между двумя орущими прыщавыми юнцами, один из которых посмотрел на него с равнодушным отвращением, после чего резко ударил его локтем по горлу. Издав булькающий звук, Рука рухнул на пол, исчезнув в царившей вокруг толчее.

— Все в порядке? — Алиф едва слышал сам себя. Грудь Дины тяжело вздымалась под одеянием; на левом глазу, там, где лопнул сосуд, алело неровное пятнышко. Ничего не ответив, она прильнула к Алифу. Он подхватил ее на руки и двинулся мимо двух мужчин, поливавших друг друга градом взаимных обвинений: одного — с красной нарукавной повязкой коммунистического блока, другого — с густой бородой исламиста. В комнате было нечем дышать из-за висевшего в воздухе тяжелого запаха пота и крови. Алиф пробирался к разбитому окну, из которого веяло хоть и горячим, но все-таки свежим воздухом, заслоняя голову Дины от воздетых вверх кулаков и лозунгов, которыми размахивали манифестанты. Дойдя до окна, он поставил девушку на ноги и прислонился к стене, тяжело дыша.

— Как твой глаз? — спросил он. — Он сильно тебя ударил?

— Не очень, — едва слышно прохрипела она. Дина дрожащими руками поправила никаб. — Нам надо выбраться отсюда, прежде чем толпа окончательно озвереет. А где Абу Талиб?

Алиф приподнялся на цыпочки и вытянул шею, внимательно осматривая комнату. Ему показалось, что он заметил белый головной убор Нового Квартала в самой гуще толпы, но его заслонило лицо мужчины с набриолиненными волосами, от которого разило табаком. Он, словно оружие, то и дело вскидывал вверх свой смартфон.

— Появился Интернет! — гремел он. — Мобильники заработали! Электричество включилось! Все на площадь!

Голубоватый свет на мгновение сравнялся с сиянием заходящего солнца, когда люди достали из карманов и рюкзачков телефоны и планшетники. Темные твари, словно подстегнутые, разбежались по комнате, с сухим треском натыкаясь друг на друга.

— Это все ты, да? — Дина потянула Алифа за рукав рубашки. — Это из-за того, что ты сделал?

— Да, — еле слышно ответил Алиф.

Хотя сумка, где лежал его тихо урчавший нетбук, выдававший алгоритмы, затерялась где-то в людской толчее, результат его работы был налицо. Если бы он закрыл глаза, то увидел бы, как по экрану ползут его команды, и представил бы каждый этап безмолвной математической осады, когда Тин Сари одно за другим вскрывала остававшиеся у Руки цифровые логова. Алиф не чувствовал торжества, только некое облегчение. Он только тогда понял, что у него дрожат пальцы, когда Дина коснулась их.

— Ты расскажешь им, что именно ты это сделал? — Девушка прикрыла левый глаз рукой и восторженно смотрела на него здоровым глазом. — Все знают, что случилось в Аль Башире. Ты станешь героем.

Алиф согнул и разогнул дрожавшие руки. Энергия толпы перешла в другое русло: люди наперебой кричали в сотовые телефоны и набирали СМС-сообщения, созывая невидимых союзников на последний штурм. Алиф слышал, как кто-то сказал, что эмир скрылся; другой уверял, что силам безопасности дан приказ стрелять на поражение.

— Я никогда не хотел стать героем, — произнес Алиф, понимая, что это правда. — Моей целью было то, что происходит — победить.

Дина с восхищением смотрела на него. На волне всеобщего воодушевления Алифу вдруг безумно захотелось поцеловать ее, прямо здесь, в бушующем эпицентре революции, подобно герою в американских фильмах. Он бы, безусловно, поддался этому желанию, если бы не услышал полный ужаса крик, донесшийся с другого конца комнаты. Кричал какой-то мужчина. Толпа заволновалась, и несколько голосов стали требовать веревку.

— Что происходит? — спросил Алиф мужчину с набриолиненными волосами, то и дело выкрикивавшего команды. Тот повернулся к юноше и осклабился, обнажив темные от никотина зубы.

— Похоже, нам попался принц, — ответил он. — Змееныш, хозяин этой квартиры.

Алиф почувствовал, как у него кровь отлила от лица.

— Абу Талиб, — в ужасе прошептала Дина.

Алиф не ответил. Он начал расталкивать толпу, пробиваясь к центру комнаты. Не обращая внимания на сыпавшиеся в ответ удары и тычки, он упорно двигался в сторону белого головного убора, мелькавшего среди незнакомых темных голов манифестантов. Не успел он сделать нескольких шагов, как кто-то схватил его за запястье и пребольно впился в него ногтями. Алиф вскрикнул, пытаясь выдернуть руку, и вдруг почувствовал, как его тащат обратно к окну.

— Хитер же ты, гаденыш! — На лице Руки красовался синяк. Из уголка рта сочилась тонкая струйка крови. — Ты сбросил меня с резервной сети. Ясно, что ты вник в «Альф Яум» гораздо глубже, чем я думал.

— Я не пользовался «Альф Яум», — прохрипел Алиф, — я использовал свою программу. Тин Сари.

— Не ври мне. Что, этот дилетантский клавиатурный регистратор? Я же испытывал его на твоих друзьях. Тридцать два процента совпадений. Это даже хуже, чем гадание на кофейной гуще. — Рука еще сильнее сжал его запястье.

— У тебя не хватило терпения. — Алиф пытался вырваться, но это ему не удавалось, поскольку Рука обладал поразительной для субтильного человека силой. — Надо было дать ему время для сбора достаточного объема данных. На это уходят недели.

— И опять ты врешь. Никакая зомби-сеть не научится определять отдельную личность, хоть ты ей годы на это дай.

Ноги Алифа с хрустом заскользили по битому стеклу. Сквозь разбитое окно снизу доносился неровный гул толпы. С нарастающей тревогой Алиф вдруг понял, что Рука хочет столкнуть его вниз. Безглазые твари с каким-то странным любопытством подкрадывались к нему сквозь непрестанно двигавшиеся и шаркающие ноги манифестантов. Алиф отчаянно вырывался, кричал и извивался, из-под его ног вылетали осколки стекла, скользившие по заплеванному и замусоренному мозаичному полу. Рука, казалось, не замечал его яростных попыток и почти шутя сжимал руку Алифа мертвой хваткой, словно в него вселилась сила, о существовании которой он и не подозревал.

— Она не заработает, — настаивал он, — эта твоя зомби-сеть. Ни одна программа не может проникнуть в невидимое, в то, что скрыто в сердцах людей.

— Она и не работает.

Алиф собрал все силы в один рывок, и ему удалось сбросить хватку Руки. Тяжело дыша, он прислонился к металлической балке, обрамлявшей окно.

— Программа не имеет никакого отношения к невидимому. Она работает, поскольку засекает нечто явное. Используемые тобой слова, то, как ты их употребляешь, как ты их печатаешь, когда ты их отправляешь. Подобные вещи нельзя скрыть за новым именем. Невидимое остается невидимым. А очевидного не спрячешь.

Толпа всколыхнулась, прижав Руку к Алифу, а юношу к оконной раме. Дина исчезла за лесом поднятых рук со сжатыми кулаками. Само прикосновение к Руке было Алифу столь ненавистно и отвратительно, что у него затряслись руки. Хотя в окно вовсю светило солнце, на него вдруг обрушились воспоминания о тьме и о том, кто его туда бросил. Взмахнув руками, он обхватил ладонью торчавший из рамы зазубренный осколок стекла и испытал какое-то странное облегчение, когда его руку пронзила резкая боль.

— Ничтожный червяк! — Рука высвободился и схватил Алифа за горло. — Червяк, который грызет и грызет, пока все не рухнет. Кто ты? Кто ты *на самом деле*?!

Задыхаясь, Алиф выхватил из рамы осколок стекла и, описав рукой широкую дугу, полоснул Руку по шее и по плечу. Тот взвыл от боли, когда на его белом одеянии заалела широкая полоса. Его хватка ослабла, рука отпустила шею Алифа, бессильно свесившуюся набок. Рука попытался совладать с собой, поднявшись и неуклюже стараясь дать команду безглазым тварям, сжав кулак здоровой рукой. Но ничего не произошло. Твари с любопытством таращились на него своими перепончатыми мордами, но не сдвинулись с места. Они оказались скорее практичными, нежели верными, как он и говорил.

Рука отступил нетвердыми шагами и скрылся в толпе. Последнее, что Алиф прочел в его потухших глазах, были недоумение и досада.

* * *

Собрав все силы, Дина пробивалась к Алифу. Она не заметила, как ее никаб зацепился за чей-то рюкзачок и съехал

набок, на какое-то бесценное мгновение открыв нижнюю часть ее лица. Ее губы, которые Алиф так и не поцеловал, были сжаты от страха. Секунду спустя она скрылась за мужчинами, толкавшими друг друга и выкрикивавшими проклятия. Толпа в ужасе отпрянула, когда один из них ударил другого и сбил его с ног. Алифа намертво прижали к подоконнику, он отчаянно забился, ища ногами пол. Совсем близко он увидел зеленые глаза Дины в обрамлении черной ткани. Кто-то попытался схватить его за шиворот, но было уже поздно: Алиф вывалился из окна. Он взмахнул руками, пытаясь за что-нибудь уцепиться, но тщетно — вокруг был только воздух.

Глава семнадцатая

Пронзительный крик ужаса, вырвавшийся из горла Дины, больше похожий на вопль взрослой женщины, привел Алифа в чувство, и он запаниковал. Он начал, как безумный, вращать руками, словно пытаясь оградить себя от гула толпы на площади, к которой приближался с огромной скоростью. За доли секунды он успел многое переосмыслить и теперь только молился о том, чтобы конец его оказался быстрым.

Он был тут же вознагражден толчком, словно его кто-то хорошенько встряхнул. В этот же миг его лодыжки обхватили мощные когти. Теперь его дернули в противоположном направлении и понесли куда-то ввысь.

— Склонность к самоубийству? — поинтересовалась Сакина, наклонив голову так, что Алифу сейчас было хорошо видно ее лицо, наполовину человеческое, наполовину птичье.

Алиф облегченно вздохнул и позволил себе расслабиться. Он попытался разглядеть ее, хотя сейчас вся кровь у него прилила к голове, и это мешало сосредоточиться.

— Сам не знаю, — честно признался он. — Может быть.

Сакина кружила над зданием, постепенно набирая высоту. В воздухе теснилось великое множество полупрозрачных существ. Алиф узнал женщину с черными козьими рогами, которая вручила ему серебряный свисток, и еще одну тень, того самого джинна, которому он сам чинил компьютер. Здесь были сотни незнакомых лиц и тех, кого он мог встретить раз или два, но тут их было гораздо больше, чем там, во дворе марида, когда они проводили свое срочное совещание вместе с новообращенной.

— А я почему-то подумал, что вы не явитесь сюда, — проговорил Алиф.

— А мы и не собирались, — подтвердила его печальную догадку Сакина. — Но ты почему-то забыл нам сказать, что находишься под защитой джинна, которых мы называем «сила». А ведь никто из нас не осмелится обидеть силу, и не важно, чего это может нам стоить. И когда она велела нам идти сюда, мы все дружно и пошли.

— Но я не знаком ни с кем из столь могущественных джиннов, — растерялся Алиф.

— Ну, во всяком случае, она знакома с тобой. Она называет себя Азалель.

Алиф расслабился и почувствовал себя безгранично счастливым. И только сейчас он вспомнил все.

— Дина! — начал юноша и принялся барахтаться в

воздухе. — Новый Квартал…

— Если будешь так бурно извиваться, я тебя сброшу, — предупредила Сакина.

Алиф с трудом заставил себя успокоиться. Сакина полетела налево, а потом резко вниз, как пикирующий самолет, и уже через несколько секунд оставила Алифа на крыше сигаретного киоска на краю площади. Ноги его не устояли, и он растянулся на гофрированной металлической крыше, тяжело дыша через рот. Гул толпы нарастал и становился все более возбужденным. Демонстранты порядком утомились. Черная линия полицейских уменьшилась, видимо, скоро должен был наступить решающий момент в происходящих событиях.

— С тобой тут все будет в порядке? — поинтересовалась Сакина, зависнув в воздухе перед молодым человеком. За ее спиной Алифу были видны ряды демонстрантов, как будто Сакина представляла собой марлевую занавеску между ним и всем остальным реальным миром.

— Нет, — тихо ответил он. — Но ты улетай, улетай. Я как-нибудь сам справлюсь.

— Как скажешь. — И она резко взмыла вверх, туда, где в небе собрались странные отряды джиннов.

Алиф быстро соскользнул с крыши киоска и пропрыгал еще несколько футов вперед, чтобы сохранить равновесие. Очень скоро он влился в толпу и тут же отшатнулся от терпкого запаха пота. Он закрыл глаза, оглушенный ропотом протестующих. От разгоряченных тел ему сразу стало жарко, а в ушах застучала кровь, словно в ритм их марширующему строю. Алиф до сих пор не мог до конца поверить во все происходящее. Выбрать себе новое имя, сидеть за экраном и грабить нескольких избранных… Рука оказался прав: все это выглядело как игра, как выдумка. И всего этого оказалось вполне достаточно…

— Вон там, наверху! Смотрите! — Какая-то изрядно вспотевшая в теплом шарфике на голове девочка-тинейджер указывала куда-то в сторону дома, где жил Новый Квартал. На верхнем этаже сквозь разбитое окно было видно, что там происходит что-то необычное, видимо, кто-то крупно ссорился, начиналась потасовка. И тут Алиф с ужасом осознал, что это было как раз то самое окно, откуда совсем недавно вылетел он сам. Возбужденный, юноша стал пробиваться сквозь толпу, чтобы иметь возможность остановиться и получше разглядеть, что же там наверху происходит.

— Черт! Черт! Дайте мне пройти, чтоб вас всех!.. — твердил он, пихая плечами и расталкивая локтями людей. — Пошел прочь! — И он решительно отпихнул от себя какого-то здоровяка

с густыми усами. Тот резко повернулся к Алифу, гневно раздувая при этом ноздри:

— Ты думаешь, парень, мы сюда пришли ради собственного удовольствия? Если тебя наше дело не касается, сидел бы лучше дома и не высовывался!

Алиф открыл было рот, чтобы ответить, но не находил нужных слов. За несколько футов от него начали истошно кричать женщины, но было ли это от страха или чувства торжества, Алиф определить не сумел. Тогда он проследил за их взглядами и, подняв глаза, увидел, как группа обезумевших мятежников выталкивает из того самого проклятого окна какого-то человека в белом. Потом несчастный пролетел вниз на два этажа, где завис с затянувшейся на шее петлей.

— Это же принц! — радостно заорал усатый мужчина, стоявший неподалеку от Алифа. — Они начали вешать принцев! Господь велик!

— Нет, — выдохнул Алиф, каменея от ужаса. — Нет, нет, прошу тебя, только не это. — Его начало лихорадить, несмотря на то, что от многочисленных тел исходил жар и замерзнуть тут было просто невозможно. Торжественное настроение мигом куда-то улетучилось, вместо него навалилась какая-то недобрая тяжесть, которая, как показалось, начала откачивать из его конечностей человеческое тепло. В тот же миг демонстранты справа и слева от юноши превратились в диких зверей, которые не могут быть ведомы вперед какой-либо благородной причиной. Сам Алиф сейчас не смог бы оправдать подобные иррациональные жертвы никаким желанием обрести свободу.

Толпа начала радостно что-то скандировать.

— Что с тобой такое происходит? — закричал Алиф на разгулявшегося тинейджера, который, не замечая никого и ничего вокруг себя от экстаза, наступил ему на ногу. Мальчишка удивленно посмотрел на Алифа.

— А с тобой что происходит, мужик? Вон, смотри, там же принца повесили! Мы с ними со всеми рассчитаемся по очереди.

— Он был моим другом, ты, куча дерьма! Он был на вашей стороне, ты, болван! — И Алиф грубо толкнул мальчика. Тот почти машинально врезал ему кулаком по челюсти и тут же растворился в толпе. Алиф пошатнулся и прижал ладонь к горящей щеке. В этот момент толпа расступилась, и на тротуаре образовалось пустое место. Алиф проковылял туда и упал на грязную землю. Он горько расплакался, не обращая ни на кого внимания, все тело его содрогалось от рыданий. Заходящее солнце окрасило площадь в розовый цвет, а ветер, которому было наплевать на все революции в мире, принес с собой запахи смолы

и моря и накрыл ими толпу. Алиф набрал полные легкие этого воздуха. Соленый привкус напомнил ему о морской пучине, и юноше показалось, что он тонет. Новый Квартал был еще совсем мальчишкой, и все равно они повесили его, причем в окне его собственной квартиры. А ведь Алиф и сам стольким пожертвовал ради этих людей! Одна мысль о том, какой бесславный конец встретил его друг, ставший жертвой своих идеалов, была невыносима.

Алиф уставился пустыми глазами в мутное красноватое небо. Там шла совсем другая битва, как будто небеса решили повторить все то, что происходило совсем недавно на земле. Волна за волной сталкивались джинны из Пустого Квартала с чернильной ордой, выливающейся из окна квартиры Нового Квартала. Фронтовая линия между двумя армиями напоминала борьбу между утренней зарей и сумерками. Она дрожала и перемещалась, и Алиф стал внимательно следить за ней. Правда, зрелище это поражало своей яркостью и плохой отчетливостью одновременно, а потому долгое время на него смотреть было просто невозможно. Временами казалось, что там, наверху, не происходит ровным счетом ничего, просто какая-то темная рябь пробегает по облакам и соперничает с заходящим солнцем. Алифа охватила паника. Ему показалось, что все события последних двух дней явились лишь плодом его воспаленного мозга. Он испугался еще и потому, что подумал, будто спит, и сейчас проснется в своей темной камере.

Потом панорама на небе изменилась. Она расцвела формами и силуэтами невидимого народа, полупрозрачного и туманного, крылатого, козлиноголового, змеевидного и кошкоподобного. Они наполнили все пространство наверху, словно в дни создания мира. Они использовали такое оружие, названий которому Алиф не знал, и все же становилось очевидным, что там, на небе, идет самая настоящая война. Бойцы то и дело загорались бездымным пламенем и выпадали с неба, как некие метеориты, превращаясь в прах к тому времени, когда их тела достигали земли. Потом Алифу показалось, что рой черных существ понемногу начал уменьшаться и редеть. Очертания темной тучи стали какими-то рваными, затем туча стала пятиться назад в сторону окон квартиры Нового Квартала и змеиными струйками поползла по стенам здания. А там, внизу, линия полицейских тоже разорвалась, и мятежники повалили с площади, нестройными рядами вливаясь в многочисленные улицы и переулки Города.

Восставшие вскоре добрались и до того места, где находился и сам Алиф. Но он не стал присоединяться к ним, а спокойно ждал, когда они пройдут мимо него. Женщины что-то

восторженно кричали, как будто праздновали свадьбу или рождение ребенка. Алиф молча наблюдал за всем происходящим. Но никак не реагировал на настроение толпы. Вид повешенного друга на фоне белого здания убил в нем весь трепет и благоговение. Может быть, в этом и заключался смысл свободы — неужели это как раз и есть такой момент, когда возможно буквально все, и потому человек начинает удовлетворять свои самые страшные инстинкты — стремление наказывать и делить… Государство пало. То, что придет ему на смену, может быть лучше или хуже. Единственное, что не оставляло сомнений, так это то, что теперь власть будет принадлежать им.

— Вот он! Слава Богу, слава Богу!

Алиф машинально поднял голову, услышав знакомый голос. К нему через ряды революционеров, широко раскрыв глаза, пробиралась Дина в перепачканной грязью одежде. Позади нее, помятый, но тем не менее живой, семенил Новый Квартал. В руках он держал высоко над головой пустую бутылку из-под колы.

— Смотри! — ликовал он. — Я захватил марида!

Алиф выпрямился. Вытянув вперед руки, он бросился на принца и жарко обнял его.

— Я думал, что тебя уже нет в живых, — пролепетал он. — Вон там, наверху. Когда они сказали, что повесили принца, я подумал, что это был ты.

— Послушай, приятель, прекрати это немедленно! Да ты плачешь чаще, чем моя сестренка! Прекрати немедленно, слышишь?

Новый Квартал вывернулся из объятий товарища, засовывая бутылку под мышку.

— Это не я, болван ты самый настоящий, это же проклятый Аббас! Когда я рассказал им, кто он такой, они сразу поняли, что я представляю для них куда меньший интерес, и решили вместо меня линчевать именно его и не тратить свое время понапрасну.

Теперь Алиф посмотрел на повешенного другими глазами. Раньше он почему-то даже внимания не обратил на то, что с левой стороны на белой одежде трупа виднелась кровь. Тело продолжало висеть, но уже закоченело и мерно покачивалось на вечернем ветерке. Остатки слепой своры, некогда принадлежавшей Руке, сползали мимо своего хозяина вниз по стене здания, не обращая никакого внимания на былого могущественного повелителя. Алиф не испытывал сейчас никаких новых чувств. То, что труп принадлежал Руке, ничуть не уменьшило его ужаса, когда он посчитал его трупом своего товарища. Рука снова оказался прав: демоны отлично чувствовали себя внутри людей, и это были самые мерзкие демоны из всего их

множества и разнообразия.

— Итак, все закончилось, — констатировал Алиф. Голос его прозвучал уныло, и он сам понимал это.

— Да чтоб мне провалиться! Все только начинается! Ты герой, настоящий герой, приятель, дважды герой. Первый раз за то, что был арестован и теперь стал национальным символом, и второй раз потому, что уничтожил все то, что успел натворить Рука, и вернул Городу электричество. Правда, народ еще не в курсе твоего второго подвига, но как только они об этом узнают, то скорее всего изберут тебя президентом или что-то в этом роде, не меньше. Подумать только — президент Алиф. Лично я буду за тебя голосовать. Только постой-ка, у нас что будет — демократия? Я еще не совсем понял, что именно произошло.

— Они, наверное, национализируют все твои денежки, — грустно заметила Дина.

— Как же мне повезло, — весело улыбнулся Новый Квартал. — Я очень даже вовремя успел их все потратить. — Он запрыгал на месте, размахивая во все стороны бутылкой от колы.

— Осторожней! — заволновалась Дина. — Ты делаешь ему больно. И вообще — ты должен немедленно выпустить его.

— Как бы не так, у меня имеется три желания!

Алиф больше не слушал их. Его взгляд привлекла обнаженная женская голова какой-то дамы в черном. Видимо, она только что где-то потеряла свой никаб, и вокруг нее тут же собрались хохочущие и жаждущие новых приключений юнцы, с каждой секундой сжимающие свой круг. Сначала Алиф узнал эти темные шелковистые волосы, потом форму плеч. Знакомым показались и бусинки, которыми были расшиты ее манжеты и подол. Алиф бросился бежать к женщине.

— Назад! — орал он на молодых людей. — Вспомните о своих матерях, сучьи дети!

Самый высокий парень с опаской посмотрел на окровавленную одежду Алифа и неуверенно попятился. Остальные послушно последовали за своим вожаком. Алиф расталкивал толпу плечами, проделывая себе путь к несчастной женщине. Интисар смотрела на него пустыми глазами. Она смотрела на него так, будто он знал ответы на все те вопросы, которые она еще не успела задать ему. Однако первым заговорил Алиф:

— Что ты тут делаешь? с тобой все в порядке? Ты не ранена? Или… — Он бросил недовольный взгляд на компанию парней, нехотя отходящих в сторону площади. — Боже, не молчи, что-нибудь случилось?

Она отрицательно помотала головой.

— Я искала тебя, — сообщила Интисар, и он с трудом услышал ее сквозь гул толпы. — Я знала, что ты обязательно должен быть здесь.

Мимо них проходила группа женщин, которые начали толкать и пихать их, и Алиф благоразумно увлек Интисар в сторону. Она подняла голову и устремила взгляд на окна квартиры Нового Квартала.

— Аббас, — равнодушно произнесла она, глядя на висящее тело своего жениха.

Алиф нервно сглотнул.

— Ты его любила?

Ее глаза округлились, губы, которые он так обожал, раскрылись, и челюсть у нее отпала от изумления. Потом Интисар заговорила:

— Конечно, нет. Никогда. Да и как я могла бы полюбить его? Он ведь такой старый и ужасный… Нет, я же любила тебя.

— Но ты бросила меня.

Она встряхнула головой и прикрыла своими волосами цвета ночи лицо, словно бессознательно пытаясь придумать что-то вроде никаба, который потеряла во всеобщей суматохе.

— Я хотела тебя. Но при этом мне совсем не хотелось ходить в район Бакара и вечно скрываться и прятаться. И еще: как я могла бы прожить без дорогих безделушек? Я понимаю, какое мнение ты сложишь после этого обо мне, но я ничего не могу с собой поделать. Я умею жить только так, как жила раньше. — Она заправила локон волос за ухо. — Впрочем, сейчас это уже не имеет никакого значения. Моя семья потерпела полный крах. И то, кем я была раньше, теперь потеряло всякий смысл.

По ее голосу стало понятно, что она понимает, о чем говорит. Сквозь запах человеческого пота и моря Алиф явно улавливал аромат ее духов: дорогую смесь древесно-цветочного коктейля. Он вспомнил и о том, как долго держался этот аромат на его постельном белье после того, как они провели ночь вдвоем.

— Мохаммед!

Он повернулся, услышав свое имя. Дина стояла позади него на тротуаре, переводя взгляд сверкающих глаз с него на Интисар и назад. В одной руке у нее свисала бутылка из-под колы без крышечки и уже без ее грозного обитателя. Вместе с грязным халатом девушка сейчас представляла собой какое-то смехотворное нелепое зрелище. Алиф огляделся по сторонам в надежде увидеть марида, но никого не обнаружил.

— Я заставила Абу Талиба, то есть Нового Квартала, отпустить его, — пояснила Дина. — Он отправится назад в Пустой Квартал вместе с другими джиннами. Он сказал еще, что

теперь ты у него в долгу за то, что потерял его экземпляр книги «Альф Лайла».

— Я…

— А я иду домой.

Даже на таком расстоянии Алиф заметил, как взволнованно вздымается и опускается ее грудь. Он посмотрел на девушку, потом на землю у своих ног, потом перевел взгляд на Интисар. Лицо красавицы вдруг стало каким-то враждебным и отстраненным. Позади нее, видимая только через ущелье стали и стекла, стена Старого Квартала поймала лучи заходящего солнца и вспыхнула розовым пламенем.

— Мохаммед! — повторила Дина. Где-то она умудрилась потерять свои перчатки, и теперь ее красновато-коричневые пальцы нервно перехватывали бутылку из-под колы, навинчивая на нее крышечку и тут же отвинчивая снова. Сейчас, когда они покинули Пустой Квартал, она снова стала казаться такой обыкновенной, рядовой девчонкой: тихая и спокойная, в никабе, всегда чем-то недовольная дочь района Бакара. Казалось, что события последних нескольких месяцев ничуть не изменили ее. Но Алиф понимал, что на этот раз ошибается он сам. Теперь он знал, что Дина сама по себе является непостижимой тайной. Она всегда молчаливо ждала, когда же он доберется до двери понимания, которая всегда была открыта для нее.

— Погоди, — попросил он, — я пойду с тобой.

Интисар смотрела на него и не верила своим ушам.

— Может быть, тебе нужны деньги? — поинтересовался Алиф, чувствуя себя в два раза младше и во столько же — неловко. — Ты знаешь, как будешь добираться до своей тети? Тебе нельзя здесь оставаться, тут опасно.

Интисар неопределенно пожала плечами. Она снова приняла надменный вид, как своевольный ребенок, которому вдруг не дали конфетку. Алиф только теперь удивился тому, как же он раньше не замечал этой ее привычки надувать губы и вот так высокомерно вести себя по любому, даже самому незначительному поводу.

— Прошу тебя, не волнуйся за меня, — сказала она. — Иди домой.

Алиф почувствовал, как Дина нетерпеливо провела пальцами по его запястью. Он схватил ее за ладонь и уже не отпускал.

— Да пребудет с тобой мир, — обратился он к Интисар.

— И с тобой тоже. — Она повернулась и зашагала к толпе, которая заполняла собой всю площадь. Алиф посмотрел на Дину и улыбнулся. В ответ у ее глаз тут же собрались крохотные морщинки.

— Интересно, в такой неразберихе вообще-то можно поймать такси? — спросил он, оглядываясь по сторонам. Единственной машиной в зоне видимости был перевернутый и обгоревший полицейский фургон.

— Я бы не стала на это рассчитывать, — высказала свое мнение Дина. — Пошли пешком.

— Но до нашего района идти очень далеко, — предупредил Алиф.

— Ну и что? Нам надо о многом поговорить.

Они зашагали по улице, обогнув группу мальчишек, которые в знак победы поджигали баллончики с газом против насекомых. Кто-то вывесил флаг на первом этаже жилого дома, и дети тут же устроили возле него веселую игру — кто допрыгнет до его верхнего края. В Городе царил самый настоящий хаос, и это расстраивало Алифа. Обстановка напоминала ту, которая бывает после ответственного футбольного матча.

Потом в воздухе стали летать обрывки бумаги — остатки огромного портрета эмира, который до сегодняшнего дня украшал северную часть центральной площади. Алифу вдруг стало страшно, и он даже не сразу сообразил, в чем дело.

— Книга! — произнес он и застыл на месте. — Боже мой, что же стало с книгой?!

Дина только покачала головой.

— Я перестала следить за ней в тот момент, кода ты выпал из окна. Впрочем, там была такая толчея, что я не удивлюсь, если ее растоптали и превратили в месиво. Или ее могла прихватить одна из тех ужасных тварей. Или кто-нибудь из демонстрантов, которые там устроили разборки. Кто знает?..

Алиф вынул у нее из волос крошечный клочок бумаги. Он чувствовал себя виноватым.

— Мохаммед, а что было в той последней истории в книге? — Дина вопросительно посмотрела на юношу.

Алиф набрал в легкие побольше воздуха. Они оставили толпу далеко позади и теперь вышагивали по торговой улице, где сейчас все магазины были закрыты. Алиф понял, что они сейчас находятся недалеко от того самого места, где стреляли в Дину и где Викрам спас их от агента службы безопасности. Именно здесь он и начал изменять этот рассказ про самого себя.

— Ничего такого, что мы не смогли бы написать вместе с тобой, — ответил он. Возле ее глаз опять возникли эти веселые морщинки. Некоторое время молодые люди шли молча. Ночные птицы запели свои песни на ветвях безразличных к происходящему пыльных деревьев, а легкий ветерок со стороны гавани принес с собой голоса ликующей толпы, торжествующие

выкрики победителей и долгие гудки автомобилей.

notes

Примечания

1

Моноглот — человек, владеющий или говорящий только на одном языке. — *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Проект «Золотой Щит» — система фильтрации содержимого Интернета в КНР.

3

Нерд — человек, помешанный на чем-то, в данном случае на компьютерах.